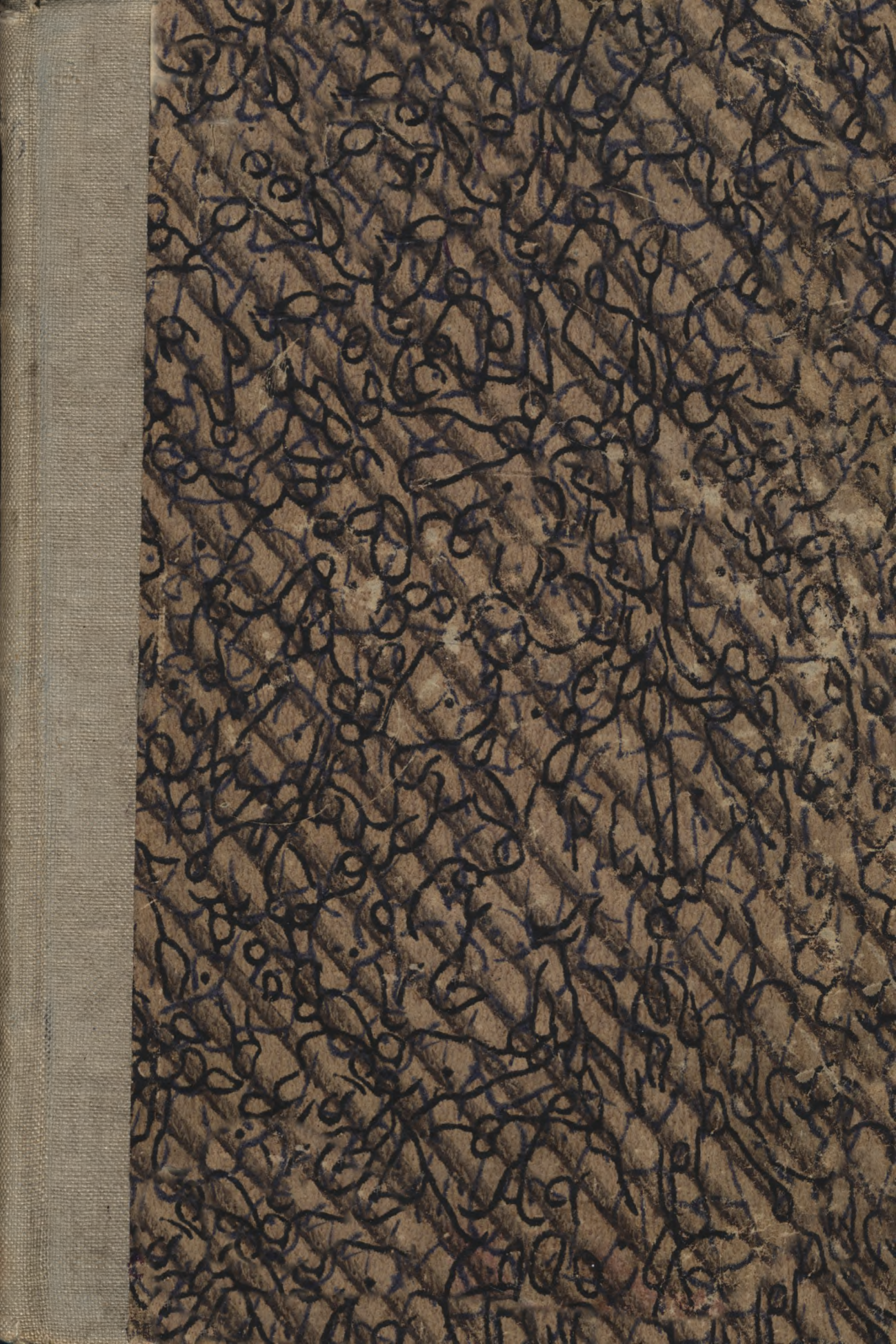

ЛЕТОПИСЬ РЕВОЛЮЦИИ

ЖУРНАЛ ПО ИСТОРИИ КП(б)У
И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
НА УКРАИНЕ

№ 3-4 (18-19)

МАЙ—АВГУСТ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ
1926

Содержание

Отдел I. РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

	Стр.
1. Денигинское подполье в Николаеве (введение)	7
2. Биншток — Николаевское подполье	10
3. Ингулов, С. — Под пятой	21
4. Ленау — Денигинское подполье в Николаеве	52
5. Доклад о деятельности Николаевского подпольного К-та	66
6. Кин — Повстанческое движение против Деникина	70
7. Миллер — Из истории Винницкой организации б-ков	97
8. Быструков — Из жизни гражданских пленных в немецких лагерях .	106
9. Рыльский — В петлюровском царстве	135

Отдел II. МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

1. Ярославский, Е. — В Екатеринославе после Стокгольмского съезда . .	141
2. Макотинский, М. — Революционные этапы (продолжение)	151
3. Меринков и др. — Брянский завод в 1905 г. (коллект. восп.) . . .	163
4. Горбовец и др. — Революц. движение и партработа в Чернигове (коллект. восп.)	178
5. Равич-Черкасский — Работа б-ков в 1914 г. в Екатеринославе . .	184
6. Пасюк — Рабочее движение на предприятиях Новороссийского об-ва (1872 — 1905 г.г.)	199

Отдел III. БИБЛИОГРАФИЯ

1. А. О. — Покровский — Денигинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918 — 1919 г.г.)	223
2. » » Семенников — Политика Романовых накануне революции (от Антанты к Германии)	23
3. » » Революция и гражданская война в описании белогвардейцев, составил Алексеев, т. т. II и III	22
4. » » Пугачевщина. Т. I. Из архива Пугачева	2

	Стр.
5. Хмельницкий, И. — «Пути Революции». Ист. рев. журнал Всеукр. Совета Об-ва б. политкат. и сс.-пос. № 1 (4) 1926 г.	228
6. Розен, С. — Библиографический указатель литературы по истории Октябрьской революции на Украине	231

Отдел IV. ХРОНИКА

Второе Всеукраинское совещание Истпартов (сокращенная стенограмма) .	269
--	-----

Приложение. Указатель имен революционных деятелей (прод.). Буквы
Е, Ж, З, И, К.

ОТДЕЛ I

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА УКРАИНЕ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

Деникинское подполье в Николаеве

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемые вниманию читателя воспоминания о деникинщине и подпольи в Николаеве, конечно, не могут дать сколько-нибудь полной исторической картины. Они на это и не претендуют. Эти очерки-воспоминания имеют целью впервые более или менее связно воссоздать обстановку подполья и партийной работы при белых в Николаеве, чтобы двинуть вперед дело восстановления всей истории этого периода.

Деникинская эпоха на Украине изучена до сих пор слабо. Кроме отдельных воспоминаний и рассказов, правда, порою интересных и содержательных, у нас ничего нет; в печати не опубликовывались и документы этой эпохи.

Между тем пора от отдельных и случайных эпизодов перейти к созданию более или менее законченных очерков и систематическому описанию деникинской эпохи.

Настоящий материал является попыткой создания такого очерка по истории деникинщины в Николаеве. Он — еще раз подчеркиваем — только начало работы по подготовке полной и исчерпывающей истории деникинского подполья.

Редакция и решила, не останавливая работы по созданию более широкого и полного исторического полотна, опубликовать то, что уже было в ее распоряжении, поскольку имеющийся материал (доклад о деятельности подпольного комитета, воспоминания одного из руководителей организации в первый период подполья, тов. Ингулова, воспоминания т. т. Бинштока и Ленау) представляет самостоятельный интерес.

Николаев один из крупнейших рабочих центров Украины. Николаев, как и весь приморский юг Украины, весьма своеобразно переживал гражданскую войну 1918 — 1919 г. г.

Николаев в историю борьбы за Советы вписал немало славных страниц.

Одна из наиболее ярких — восстание в марте 1918 года против немецких оккупантов. Это восстание, как и восстание, происходившее одновременно в Херсоне, было единственным городским рабочим вооруженным выступлением против немцев. Эпизод этот лучше всего рисует степень революционности и революционной воли николаевских рабочих. Потенциал революционности здесь слагался из двух факторов: наличия огромных закаленных и спаянных кадров пролетариата и присутствия больших матросских сил Черноморского флота. В январские дни 1918 года, когда в Николаеве победил Октябрь, рабочие и матросы выступили

единым дружным советским фронтом. В борьбе против немцев остатки матросских сил, оставшихся на суше после ухода флота от берегов Украины, также сражались бок о бок с рабочими за Соввласть. Но с этого момента как раз наступает перелом в роли матросов. Под влиянием целого ряда причин, анализировать которые здесь не место, «краса и гордость Октября», красные моряки, побывавшие в сухопутных условиях, оторвавшиеся от своей производственной базы, стали скоро разлагаться и превратились в тех «братишек клеш», какими их хорошо знала вся страна; именно те группы и отряды моряков, которые в период немецкой оккупации и после нее остались на берегу и сохранились, как организованная и вооруженная сила, к началу 1919 года на юге превратились в своеобразные организации полутеррористического, полубандитского типа. В значительной степени они питали махновские силы; в свою очередь, махновщина и махновствующий элемент, одевая шапку с ленточками, приставали для «удобства работы» к матросским отрядам.

Так, в конце концов, получилось, что матросы в Николаеве в 1919 году после восстановления Соввласти и ухода немцев стали силой не советской, а анархической и даже махновской. И, поскольку они были силой и еще вооруженной, с ними приходилось считаться; они наложили свой отпечаток на характер и ход событий. Какой отпечаток и как они его налагали, мы сейчас увидим; предварительно только остановимся еще на некоторых характерных чертах того периода.

Рабочие массы Николаева сильно поределели к 1919 году. Квалифицированная, подлинно пролетарская (при чем и более молодая) часть ушла на север во время многочисленных отступлений Соввласти. Многие погибли в боях 1917 — 1918 г. г. Осталась меньшая часть, притом более старые возрасты; остались и те, кто влился в рабочие ряды из крестьян и городских обывателей в самые последние года, когда николаевские заводы бурно росли. В николаевский пролетариат к 1919 году входили социально-иностранцы, еще не переваренные прослойки. Отсюда — сильный мелкобуржуазный налет в идеологии и политических взглядах рабочей массы. Достаточно, например, указать, что в 1919 году летом при Соввласти еще очень влиятельны на заводах были правые эсеры, а о «левых» меньшевиках и говорить не приходится. Их организация была настолько популярна, что ее пришлось в интересах единого фронта привлечь к активной советской работе.

Мелкобуржуазные настроения известной части рабочей массы находили свое проявление в таких лозунгах, как Соввласть с участием всех социалистических партий, Советы без коммунистов и чека.

Эти лозунги особенно популярны были в матросской среде, в тех отрядах, которые под именем флотского экипажа находились в Николаеве летом 1919 года и составляли там главную вооруженную силу.

Понятно, что и махновское движение и белогвардейщина во-всю пользовались описанными выше настроениями, рассчитывая с помощью этих лозунгов свалить Советскую власть.

Были сделаны прямые попытки — восстание матросов, поддержанное частью рабочих в мае 1919 года под лозунгом: Советы без коммунистов и чека. Это

восстание, продолжавшееся два дня, привело к тому, что городом овладела часть махновских банд, фронт которым открыли матросы, посланные своим начальством уже после победы восстания, чтобы отразить махновцев. Тут явно обнаружилась теснейшая идейная и организационная связь махновщины с «советскими» матросами.

Этот эпизод дает конкретное представление об обстановке и трудностях работы партии в Николаеве. К этому нужно еще добавить крестьянские волнения. В значительной мере восстановление Соввласти в начале 1919 года было достигнуто силами повстанцев-крестьян (Григорьевское движение). Заняв Николаев и Одессу, Григорьев попытался по-своему построить Советскую власть. Конечно, эта попытка зажиточной верхушечкой, части крестьянства, взять город в свои руки провалилась. Партия и пролетариат дали ей полный отпор. Тогда-то григорьевщина повернула свой фронт против советского города. Сперва это было движение за Соввласть без коммунистов и чека. Знакомая формула! Вокруг нее организовывались все антисоветские силы. Затем, когда в движении начал преобладать кулак, когда середняк под воздействием нашей земельно-продовольственной политики более решительно подался кулацкому влиянию, когда кулацко-середняцкий фронт привлек на свою сторону угрозами и обещаниями и часть бедняков, тогда повстанчество, разлившись значительно шире, приняло более откровенную окраску — против коммунистов и против Советов. И все лето 1919 года для партии в Николаеве было время сильнейшей борьбы с антисоветскими силами и выступлениями в самом городе и вокруг него. Было не до укрепления Соввласти, не до углубления работы. Немногочисленному пролетарскому авангарду, возглавляемому партийной организацией, противостоял блок отсталой, подчиненной мелкобуржуазным влиянием части рабочих, махновствующих матросов и кулаков-крестьян.

Николаев был в кольце. Связи с северными центрами фактически не существовало. Это еще более усугубляло положение, так как ни физической помощи нельзя было получить, ни должного руководства, которое так нужно было в чрезвычайно сложной и запутанной обстановке. Оттого ошибок, причинивших немало вреда, было сделано достаточно. Вся работа по существу, сводилась к одной цели — продержаться. Понятно, что борьба с белыми была фактически невозможна. И без того Советская власть висела на волоске, будучи окружена сплошным кольцом, не имея достаточных сил, опыта, руководства. Конечно, все это удалось бы в конце концов преодолеть, если бы не приближение фронта. Но бороться еще и с белыми в огне крестьянских восстаний, при полувраждебной части рабочего населения в условиях организационной слабости было не под силу.

Вот какие обстоятельства предшествовали появлению деникинцев и началу подпольной работы в Николаеве.

Бегло наброшенная нами картина поможет читателю разобраться в дальнейшем материале, понять причину и подоплеку многих явлений, особенно безусловной неподготовленности и слабости подпольной работы на первых ее шагах.

Николаевское подполье

I

«Кольцо белогвардейской и бандитской контр - революции сжимается все теснее, грозя нас совершенно задушить. Сегодня, в настоящий день и час, перед нами остался еще узкий корридор на север, но завтра, быть может, будет уже поздно».

Так заявил на заседании партийного актива Херсонской организации представитель Совета Обороны.

В эти дни, в начале августа 1919 г., положение действительно с каждым часом становилось все более и более угрожающим. Отступившие из Таврии красные войска под влиянием григорьевских и махновских «ребят», под влиянием внезапного и панического отступления, выделяли много бандитских, разлагающе действовавших на всех элементы.

На северо - востоке пал уже Харьков, с запада линии Жмеринка — Казатин и Вознесенск - Черкассы - Знаменка были под ударами махновцев и петлюровцев.

Ясно было, что нужно отступить, перестроить и освежить ряды и уже перестроенным фронтом вновь ринуться в бой.

Отступление было решено. Херсонский Губком спешно влил большую часть партийной организации в армию, в группу Федько (58 дивизия), меньшую часть оставил для подпольной работы в Херсоне и Николаеве.

В ночь на 16 августа происходила эвакуация. В первую очередь эвакуированы были больные и раненые, все ценные грузы и т. п. Последний состав отошел около трех часов ночи, когда далекий темный горизонт подернулся чуть заметно розовой лентой восходящего солнца. В городе то здесь, то там вспыхивали, взвываясь в темную высь, разноцветные ракеты — красные, синие, зеленые. Мы знали — это внутренние друзья белой контр - революции сигнализируют наступающему врагу. С другой стороны Днепра, из Алешек, белые «проводжали» нас шрапнельным огнем. В то же время начался планомерный отход на Николаев пешим порядком наших частей. В 4 часа утра в городе было безвластие, но через час взошедшее солнце было первым свидетелем «победоносного» занятия г. Херсона «славной грабармией».

А вот и Николаев — первая остановка после эвакуации Херсона. Здесь задержаться нельзя. Николаев не в меньшей мере, чем Херсон, может оказаться ловушкой. Дальше на север, на открытое поле брани, где тыл надежней и обеспеченней.

Но вдруг разносится весть, что Знаменка занята Махно, что этот путь отступления отрезан. Остается линия Николаев - Колосовка, но Гурьевский мост, ведущий через Буг на Колосовку, взорван.

Все железнодорожные пути отступления отрезаны. Остается единственный выход на тачанках — через Варваровский мост на Одессу.

19 августа происходила переправа через Бугский Варваровский мост.

Мы, грунна оставленных для подпольной работы в Николаеве коммунистов, наблюдали за переправой. Когда почти все были на том берегу Буга, мы двинулись в город навстречу наступающей белой реакции. Город опустел. Несмотря на яркий летний солнечный день, пустынные улицы были мертвы, как в глубокую зимнюю ночь. Ни одного прохожего. Ставни окон заколочены и мертвенная тишина казалась тишиной перед бурей. По Херсонской улице мчалось во весь опор отставшее артиллерийское орудие. На передке сидело два красноармейца, на взмыленной лошади — третий и держали они курс на Варваровский мост. Не успело это орудие скрыться за ближайшим поворотом, как на горизонте той же Херсонской улицы показались первые тачанки белых. С гиком и свистом, в полном смысле слова «на плечах отступающего врага» белые ворвались в город. Они производили удручающее впечатление: оборванные, запыленные, такие необычные со своими погонями с одной и двумя звездочками, но все же с «победоносным» видом...

Наступила тяжелая черная «белая реакция»; настали трудные, полные лишений дни денкинского подполья...

II

Николаев издавна слыл промышленным, заводским центром. «Город Николаев — французский завод» — такими словами начинается самая популярная песня николаевских рабочих. До войны 1914 года на двух крупнейших заводах — Наваль и Руссуд — работало до 15-ти тысяч человек. В годы войны количество рабочих выросло почти в три раза и достигло до 40 тысяч человек, что вместе с женами и детьми составляло не менее 60% населения. Правда, среди заводских рабочих много было крестьян окрестных деревень, городских обывателей, ранее ничего общего с заводом не имевших и поступивших исключительно для того, чтобы освободиться от воинской службы (заводы работали «на оборону»).

Немало славных страниц вписали рабочие Николаева в историю и нашей партии и революционного движения вообще.

Начиная с 1897 года, когда был организован Южно-Русский рабочий союз, вплоть до самой революции вширь и вглубь росла революционная работа, охватывая все большие и большие круги рабочих.

Несмотря на жестокую реакцию и военное положение, несмотря на массу чуждых основному кадру рабочих элементов, николаевские рабочие выступили в 1916 году с забастовкой, предъявив целый ряд политических и экономических требований. Завод пришлось временно закрыть. Сотнями, целыми пачками рабочих отправляли на фронт.

Начиная с этого времени количество рабочих Николаева начинает редеть. В 1917 году еще насчитывалось около 25 тысяч человек, но затем Красная гвардия, партизанские отряды и все фронты гражданской войны: военные, продовольственные, топливные впитали в себя не одну тысячу заводских рабочих Николаева. Многие пали в жестоком бою с немцами, когда почти с голыми руками николаевские рабочие восстали против вооруженного до зубов германского оккупанта и, наконец, многие способные еще носить оружие ушли вместе с отступившей в августе 1919 года из Николаева Советской властью.

К моменту занятия белыми города уже не чувствовалось в Николаеве прежней пролетарской мощи. Заводы опустели и потому что заказов не было и потому что рабочих почти не осталось. Достаточно сказать, что на самом крупном заводе «Наваль», свободно вмещающем до 15-ти тысяч человек, работала всего какая-нибудь тысяча рабочих, затерявшихся в грандиозных корпусах и цехах.

В таких условиях мы приступили к собиранию сил для создания подпольной организации. Первое собрание состоялось на Шоссейной улице, на квартире т. Атваша. До ухода наших из Николаева было условлено, что квартира т. Атваша будет одной из подпольных явок. Из николаевских работников оставлено было для подпольной работы человек около 10. Но налицо на первом организационном заседании нас было только 5 человек, в том числе Атваш (ныне покойный), Пишевский и из присланных Херсонским Губкомом — я. На этом заседании мы объявили себя подпольным комитетом и распределили роли. Всю работу мы разбили на несколько частей: работа в профсоюзах, пролетарский Красный Крест, подпольная контр-разведка, паспортное бюро, после чего начали устанавливать связь с отдельными коммунистами, случайно оставшимися или приехавшими в Николаев.

К этому времени через одну комсомолку, тов. Каменецкую, нам стало известно, что за день до отступления наших из Николаева приехал из Одессы для подпольной работы т. Сергей Ингулов.

Затем мы узнали, что в Николаеве застряла целая группа мелитопольских работников: Дагим, Зигмунд и др., фамилии коих не помню. Позже в Николаев приехали т. т. Виктория, Борисов (Купцов) и Колтун. Таким образом, актив наш рос и к концу сентября месяца мы насчитывали до 20-ти активных подпольных работников. Мы сумели обзавестись к этому времени еще несколькими подпольными явками: на Сенной улице — жестяная мастерская Боркуна, на военном рынке — помещение парикмахерской.

Каждому товарищу было поручено вербовать подпольщиков из среды местных рабочих, главным образом на Слободке. В результате такой вербовки мы примерно к октябрю месяцу в самом городе располагали не менее чем 100 членами партии, принимавшими участие в подпольной работе. Конечно, точной статистики не велось, всякие цифры в условиях подполья являются приблизительными.

Одновременно внимание подпольного комитета было обращено на село. Отношение крестьянства к коммунистам в первые месяцы деникинщины было еще отрицательное и дорогу к нему нужно было прокладывать через лево-эсеровские группировки, которые пользовались известным расположением крестьянства.

наши ребята, готовые не только предупредить нас об опасности, но и отразить ее достойным образом: у каждого было по несколько бомб - «лимончиков» и по револьверу.

Незадолго до открытия конференции к воротам дома подошли два казака и осведомились у сидевшего у ворот на часах, не продается ли этот дом. Несмотря на то, что появление «покупателей» могло навести на подозрение, мы все же конференцию открыли. Партийный комитет поручил мне на этой конференции председательствовать и сделать доклад о текущем моменте. После обсуждения международных и местных дел был избран комитет, при чем избирался он, конечно, не демократическими методами. Мы просто сообщили конференции о том, что в процессе создания подпольной организации сконструировался комитет из 5 человек, ныне работающих, и предложили состав этого комитета одобрить. Следует отметить, что из всех членов комитета только двое присутствовали на конференции, остальные должны были отсутствовать на случай провала конференции. Таким образом, был избран комитет, вернее был одобрен тот состав, который фактически без всякого избрания работал с первого дня установления белой власти до этой конференции.

Несмотря на опасения, конференция прошла спокойно и «лимончиков» не пришлось пустить в ход.

Следует ли отсюда, что в организации не было провокаторов? Конечно, не следует. Провокаторы были и о двух таких провокаторах мне хочется рассказать.

В нашей организации было несколько екатеринославских товарищей. Однажды один из них сообщил, что он случайно встретил одного бывшего коммуниста — Бутылина, работавшего в Екатеринославской губернии и ныне находящегося на службе в контр-разведке. Бутылин пытался связаться с подпольной организацией с определенными, конечно, целями. Положение было тем более опасно, что Бутылин знал многих подпольных работников и мог без особого труда выдать всю почти организацию контр-разведке. Партийный комитет решил «убрать» Бутылина. Долго мы обсуждали, каким путем это сделать: тупым или острым орудием, холодным или огнестрельным оружием, и, наконец, решено было его отравить. Привести в исполнение приговор поручено было одному из екатеринославских товарищей, который был с ним знаком раньше. Приобретено было 6 пирожных, из которых три мы начинили морфием. Товарищ, которому поручено было отравить Бутылина, должен был встретиться с ним в вечерний час в Александровском сквере и повести беседу на тему о том, каким образом связать его с подпольной организацией и, между прочим, взять себе пирожное из коробочки, в которой с одной стороны лежали отравленные пирожные, с другой стороны — неотравленные, и устроить так, чтобы угостить Бутылина отравленными. Все шло, как по маслу. Бутылин «угостился» всеми тремя отравленными пирожными, почувствовал себя плохо и был отправлен домой. Он потерял сознание, изо рта у него появилась пена и все мы полагали, что вопрос о Бутылине исчерпан.

Однако, через несколько дней Бутылин снова появился в городе. Авторитеты говорят и, что произошло это потому, что ему была дана слишком большая доза морфия. Так или иначе, мы снова стояли перед дилеммой: или выехать

большей части наших активн работников из Николаева или вторично попытаться убрать провокатора. Попытка была возобновлена и на этот раз более верными средствами: Бутылина решено было расстрелять.

На углу Инженерной и Рыбной улиц была назначена встреча. Сергей Ингулов должен был подойти к нашему парню, который в то время должен был разговаривать с Бутылиным, попросить прикурить и, прикуривая, выстрелить в упор.

Дело происходило часов в 7—8 вечера. На пустынной улице ни живой души. Вдруг, ночную тишину прорезали выстрелы. Бутылин упал, сраженный двумя пулями. Товарищ Виктория, игравшая роль случайной прохожей, бросилась к месту происшествия. Бутылин был еще жив. Одна пуля прошла через шею навылет, другая задела черепную коробку. Доставленный в больницу Бутылин пролежал там два месяца и выздоровел. Но больше его не видно было — очевидно, сбежал из Николаева, боясь дальнейшей расправы.

Другим провокатором был Фридман-Махновецкий. До отступления он работал в Херсоне и называл себя коммунистом, эвакуировался вместе со всеми в Николаев, а на третий день после занятия города белыми раз'езжал на пролетке вместе с контр-разведчиками. Свои провокаторские способности он проявил главным образом в Одессе. Благодаря ему был арестован целый ряд херсонских и николаевских работников, оставшихся в Одессе. В виду того, что большую часть времени он проводил в Одессе, мы не сумели по отношению к нему применить тех мер, которые мы применяли к другим. Правда, от карающей десницы революционного суда он не ушел: через несколько дней после ухода белых он был пойман на вокзале станции Николаев и, по приговору революционного трибунала, расстрелян.

Так, несмотря на реакцию, жестокие преследования и провокацию, компартия жила, развивалась, зовя и организуя рабочий класс для борьбы за лучшее будущее. Подпольная организация в тылу, Красная армия с фронта — оказались тем молотом и наковальней, которые в начале 1920 года размоذجили череп белой реакции навсегда.

Под пятой

(Из эпохи денкинского подполья)

НА ГАСТРОЛИ

Как это случилось, что я сделался оперным актером, собственно я и сам не помню. Только сейчас, просматривая бумажки, выданные Одесским Губнар-образом о том, что я артист оперного государственного театра, что я отправляюсь, по приглашению кооператива «Трудовая Копейка», в Николаев для сольных выступлений в театре кооператива и что мой смокинг и фрак не подлежат реквизиции, так как они являются моими орудиями производства, — только сейчас я вижу, что я не провалился уже на первых шагах подпольной работы лишь благодаря тому, что мне удалось приехать в Николаев раньше, чем город был занят денкинцами.

Еще до войны, помню, все газеты обошло известие о случае с Шаляпиным, гастролировавшим за границей. На его имя получилось письмо до востребования. Певец предъявил документ, но почтовый чиновник не поверил и потребовал, чтобы Шаляпин спел «Блоху». Шаляпин спел тут же, в почтамте, к удовольствию всей присутствовавшей публики, и получил письмо. Вряд ли я мог бы убедить контр-разведчиков так же, как Шаляпин, — и не только потому, что трудно определить, какой у меня голос, а еще и потому, что не знаю ни одной арии, ни одного романса и обладаю отвратительным слухом.

Нехорошо вышло бы и с моим фраком и смокингом, если бы меня стали обыскивать в контр-разведке, так как в моем чемодане ничего, кроме пары белья, солдатских штанов и нескольких книг, не было.

Что касается моих «антрспренеров» — трех членов правления «Трудовой Копейки», с которыми я выехал из Одессы, то вряд ли они стали бы уверять денкинских сыщиков, что я действительно ими ангажирован «для сольных выступлений». Правда, они не были предателями. Один из них был независимый с.-д. (эта группа в Николаеве только в некоторых тактических вопросах расходилась с нами), другой был «внепартийный» коммунист, третий — экс-меньшевик, бывший секретарь правительства кн. Львова и затем Керенского. Но все они были большими трусами.

И когда мы под'ехали к селу Красное, к тому самому, которое на прошлой неделе поднялось против «коммунии» и которое, по сведениям одесской прессы, уже несколько дней горит,— не то от артиллерийского огня, не то от поджога,— мой сосед по подводе — независимый эс-дек — принялся энергично креститься и шопотом произносить молитвы. По дороге он говорил, что он хорошо сделал, что не перешел в коммунистическую партию,— это облегчит ему возможность жить при Деникине более легально, но что у независимых не осталось больше никаких расхождений с коммунистами. И впоследствии, когда мы благополучно миновали кулацкое село, он, как бы извиняясь, сказал:

— Ей-богу я неверующий... Это с детства... сила воспитания... Ведь, в вопросах религии мы с вами единомысленны.

Мы ехали на двух подводах. Ехали быстро. Лошади были свежие. Только от'ехав 45 верст от Одессы, мы сделали первый привал, поспали несколько часов под возами около тихо ворчавшего залива Черного моря и проснулись от предутреннего холода.

Луна уже сделалась совсем прозрачной, когда мы вновь уселись в подводы и лошади быстро понесли нас вверх по круче, оставляя позади берег моря.

Страх, который охватил моего спутника, был понятен. В путь мы ринулись с тем же отчаянием, с каким не умеющие плавать купальщики бросаются в воду. Одесса была охвачена поясом восстаний немецких колоний, окружавших город. В борьбе с наступавшими на окраины хорошо вооруженными немецкими полупомещиками были сломлены лучшие коммунистические отряды. Лишь третьего дня состоялись торжественные похороны павшего коменданта города Мизикевича, председателя социалистической инспекции Красного и целого ряда других товарищей.

Дорога, которой мы ехали, была в руках обломков восставших шаек. Они нападали на проходивших, проезжавших, убивали нерусских и грабили всех без различия национальностей. Незадолго до нашего от'езда из Одессы внешкольный подотдел Губнарообраза получил извещение, что группа музыкантов в 16 человек, посланная в деревню для пропаганды симфонической музыки, вся вырезана в какой-то деревне, так как большинство из них не могло сказать слово «кукуруза», не картавя. Мой «независимый» сосед картавил, хотя был чистокровным орловцем. И еще потому побледнел и принялся креститься он, что, когда мы под'езжали к Красному, из села вышла толпа, вооруженная вилами, граблями и косами, и направилась к нам навстречу, при чем она рассыпалась, точно собираясь напасть полукольцом.

Подводчик рассеянно хлестал лошадей, а лошади оставались также равнодушны к кнуту хозяина, как подводчик к тому, что на нас наступают повстанцы. Я уничтожил все свои партийные и советские мандаты, партийную карточку сунул в солому.

Солнце еще не вылезло из-за желтой подушки поля, но пылавшая над нами горячая жаровня накаленного неба уже предсказывала знойный день. В фиолетовом сумраке двигавшиеся на нас люди с вилами казались вытянутыми и узкими, как вечерние тени. Наконец мы поравнялись с ними. Эс-дек перестал креститься и молча смотрел на синих людей, остановивших подводу.

— Доброе утро.

Ах, какой приветливый картавящий голос.

— Из Одессы едете?...

— Да... из Одессы.

— А что, в Одессе благополучно все?

— Благополучно.

— А здесь говорят, будто десант... что занята...

— Чепуха... вчера вечером выехали...

— Вот видишь, вдали мужики...

Странно, как можно было их принимать за бандитов. Ведь это студенты... фуражки с молоточками... В очках...

— А вы чего же с граблями?

— Мы из Одессы... мобилизованы на полевые работы. Вот здесь ра-
ботаем...

— А-а... ну, всего хорошего...

— Газеты нет у вас?

— Есть... вот...

— Большое товарищеское спасибо...

Село Красное осунулось с косогора к самой дороге. Крайние хаты были сожжены и разрушены. Мы спросили возчика:

— Когда пожар был?

— Та хіба-ж я знаю. — Потом добавил: — Німцы білізацію зробили против камуністів, а камуністи зі знаряддъ вон як попалили...

— А там ближе к вам не восставали?

— Як не восставали! Усі німці та й наші піднялись в той тиждень. Прийшли товариши, Андрея Хоменко зібрали та в Миколаїв повезли. Та німців — чоловік десять.

— А теперь успокоились?

Мужик неопределенно мотнул головой.

Мы свернули с дороги в сторону Очакова. Обе подводы возвращались с базара, и ни один из хозяев не хотел везти нас в Николаев. Мы договорились, что они нас довезут до своей деревни, а там нам помогут достать лошадей.

Прибыли в деревню в 10 час. утра. Лошадей никто из крестьян не хотел давать. Из Николаева шли тревожные слухи, будто Херсон занят белыми и будто они находятся уже на полпути к Николаеву. Надо было торопиться. Мне необходимо было приехать в Николаев во что бы то ни стало до занятия города деникинцами, чтобы успеть связаться с партийным комитетом и переменить все явки и связи. Кооператоры готовились осесть в деревне, дожидаться прихода белых и затем уже двинуться дальше. Я уверял их, что мы успеем проехать в Николаев до вечера, если энергично возьмемся искать лошадей.

Пришла баба с окраины деревни, смотрела на нас и укоризненно качала головой:

— У Миколаїв їдете?

— Да, в Николаев.

— А в Миколаїві, кажуть, добровольці вже. Я зранку на базар в Миколаїв поїхала та поверталася назад. Казали, добровольці в городі. З Анчекрака на Варваровці мужики повертались: мост знищен.

Я не верил. По моим расчетам, деникинцы должны были занять Николаев не раньше, как через два дня. Я продолжал торопить своих путников. Мужики угрюмо приглядывались к нам. Независимый эс-дек старался молчать, чтобы не выдать себя своей картавящей речью.

Крестьяне рассказывали:

— На Зеленое їхати не можна — там німці. Вчора така була пальба, що баби у нас тільки очі потирали. А в Коренихі знов повстання. Проти більшовиків. Кажуть, германські спартаківці з Миколаїва йдуть... Вчора до нас німці з Зеленого приходили на білізацію звати. Ми пішли, тільки воротились до дому...

Настроение нашей деревни было не в пользу Советской власти. Они без радости, но с явным интересом ждали «кадетов», и это больше всех моих убеждений действовало на кооператоров. Один вспомнил, что недалеко от Анчекрака, на Буге, находится деревня, в которой живут его родственники, и он предложил отправиться туда, выждать, пока выяснится обстановка, и оттуда на лодках отправиться в Николаев, — это будет тогда, когда уже станет определенно известно, в чьих руках город. Это предложение было принято большинством всех против меня. Я предлагал выехать на одесский тракт и поехать прямо в Николаев. Но подчинился большинству.

ЗАГАДОЧНЫЙ МУЖЧИНА

За большие деньги и за керосин, который обещали выдать кооператоры хозяину, удалось нанять подводу. Поехали в сторону реки. Справа глухо урчали разрывы снарядов. Это «Кагул» обстреливал Очаков из-за Кинбурнской косы. Этот систематический обстрел длился уже несколько недель и эхо его доносилось до Одессы. Он производился с такой методичностью и точностью, что мы в Одессе буквально проверяли часы по выстрелам денигинского миноносца. Нашими сторожевыми постами на берегу было установлено, что по ночам «Кагул» и французское посыльное судно «Ля-Скарп» подходили почти вплотную к берегу около немецких колоний справа и слева от Одессы, спускали лодки и в них перевозили на берег оружие.

Отъехав версты три, мы неожиданно наткнулись на верхового, вскачь несшегося к нам навстречу. «Независимый» растерялся и не знал, креститься ли ему или продолжать напевать «яблочко».

— Должно - быть, разведчик...

— Но чей?

Их испуг меня веселил.

— Он едет со стороны Анчекрака. Вероятно, в нашей деревне уже белые. Едем обратно.

— Э, да что обратно... Мы — чтож... мы кооператоры...

«Разведчик» остановился. Под ним играл горячий вороной жеребец с могучей шеей и пышной гривой. Самый всадник представлял из себя смесь ковбоя с махновцем. Обугленное солнцем лицо его было еще чернее от тени, которую бросала на него широкая актерская касторовая шляпа... Штаны на выпуск с застёжками и бахромой снизу, летняя гимнастерка без пояса, за спиной карабин. Когда он остановился и поднял край гимнастерки, чтобы вытереть пот на лбу, с голого живота глянул на нас казачий пояс с серебрянными украшениями, увешанный лимонками и ручными гранатами.

Он был совершенно равнодушен к нам и, повидимому, ни грозить, ни выведывать у нас что-либо не собирался.

— Дайте, ребята, покурить, — обратился он к нам дружески-фамильярным тоном.

Секретарь временного правительства дал ему целую коробку папирос. Всадник открыл коробку, вынул папиросу, вставил ее в зубы, а коробку невозмутимо сунул в карман ковбойских штанов.

— Куда едете? — спросил он сквозь зубы. — Спички у кого?..

Ему дали спичку. Оттого, что он обратился к нам «ребята», а не «товарищи», стало нам ясно, что он не наш. Кто же он? Повстанец, петлюровец, деникинец, зеленый?..

— А вы откуда едете? — осторожно задал ему вопрос «независимый».

— Из Анчекрака.

— Ну, как там?

— Улеглось?..

— Чего улеглось... Да мы их вчера так чесанули, — будут помнить.

Это была главная задача: установить, кто это «мы» и кого это «их»

— А много их?

— Да чорт их знает... Вон туда загнали и всю ночь продержали их в копицах.

— И сейчас там лежат?

— Должно, и сейчас... Мы ушли.

Ковбой показал рукой на копицы, как раз вдоль дороги по которой мы ехали. Это сразу изменило ориентацию моих «антрепренеров».

— Значит, лучше не ехать? Лучше на Зеленое?

— На Зеленое лучше, там наши.

— Ага, — догадались мы, — значит, повстанец. С немцами.

«Разведчик» рассказывал:

— Они вышли, стало быть, оттуда... вон, рожь некошенная. Идут цепями, цепями... а мы по-над Зеленым лавой, верхами, да по левому флангу... Ох, и жахнули же...

— Здорово...

— Угу, не выберутся... Крышка.

— Дратся не умеют...

— Куда им... сволочам... На позициях не были... Прятались, сукины сыны. Буржуи проклятые.

«Независимый» сразу осмелел. Он соскочил с подводы и подошел к кавалеристу закурить.

— Буржуи, значит?

— Кулачье все... Вот конь-то... ихний...

— Да, ведь, это с имения барона Рено. Вот тавро.

— Сначала пограбили помещиков, а теперь восстание против Советской власти делают...

— Ты, товарищ, — сказал независимый и в голосе его была нежность, — скажи, будь друг, куда ехать? Где наши?

— Да говорю, в Зеленем. Там Коммунистический полк, что на Красное ходил. А в Большой Коренихе — спартаковцы, из Николаева пришли...

Он докурил папиросу, бросил окурок, надвинул шляпу и чуть тронул коня шенкелями:

— И-е-хх, саботажник!..

Лошадь завертелась на задних ногах, вдруг рванулась вперед, сильно отбросив к задку корпус всадника, и галопом понеслась к нашей деревне, откуда мы сейчас выехали. Возница не хотел нас везти в Николаев. Кооператоры пообещали ему соль и спички и много денег. Тогда он согласился довезти нас до Варваринского моста. Мы проезжали по местности, где накануне шли бои.

Около Малой Коренихи мы встретили фаэтон, в котором сидел интеллигент типа земского врача. Мы спросили:

— Из Николаева едете?

— Да.

— Что в городе спокойно?

— Спокойно.

Однако, уговорить подводчика, чтобы он вез нас в самый город через мост не удалось. Кооператоры обещали дать ему чуть ли не новые сани. Не подействовало. У моста он нас высадил; мы остались беспомощные, растерянные, с чемоданами и корзинами.

Мимо нас из Николаева шла кавалерия. И это вселяло тревогу. Одеты солдаты были, как казаки — штаны с лампасами, но без погон. Должно быть, свои, да, ведь, мы и не видели своих отступающих частей. У вьезда на мост стоял военный и проверял документы. На фуражке у него была красная звезда. Я ему показал свое настоящее удостоверение и разрешение одесского коменданта на оружие, и он помог нам достать подводу и перебраться через мост.

Город притаился и ждал.

ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Ночью поднялся столб темного, бурого пламени и, упершись в твердый черный бетон неба, расплющился, грузно пополз над городом и дохнул дымом и копотью в глаза домов и улиц. Начались взрывы.

С ноющим шумом врывались шрапнели в огненный поток, лизали мрак короткими блестящими языками и тонули в пожаре.

Это дивизия тов. Федько взрывала бронепоезда и вагоны с военным имуществом. Их нельзя было вывезти, так как путь на Колосовку был испорчен, а мост у Гурьевки взорван во время прежнего нашего наступления на юг Украины.

Город был уже подготовлен к сдаче. Люди бегали к вокзалу, где бушевала стихия взрывов,—кто из любопытства, кто из расчета пожить в суматохе. И одновременно от вокзала вглубь города шла другая волна людей, в ужасе побросавших квартиры и искавших спасения в отдаленных районах.

Через несколько часов — кончилось. Я ночью же поехал в партийный комитет, опасаясь опоздать, но застал только дежурного товарища. Он предложил прийти утром. По его расчетам, город должен был быть сдан только через день.

Утром я попал на заседание паркома. Я сообщил о положении в Одессе и на пути из Одессы в Николаев.

Организация группировалась вокруг комитета и много членов партии уже перебралось на жительство в парком с вещами, готовые к действию или к движению. Они вооружались, экономно укладывали свой багаж и вещевые мешки, примеривали подсумки, патронташи, изучали затвор винтовки. Стол учета и распределения рвал и сжигал личные анкеты. Рассеянно бродили по комнатам херсонцы, накануне эвакуировавшие город. Увереннее всех чувствовали себя крымчане. Они уже видели эту картину в Севастополе, в Симферополе, в Джанкое, в Геническе, в Херсоне и успели несколько освоиться с обстановкой отступления. О себе шутя говорили:

— Мы, как саранча, которую изгоняют палками. Снялись с одного места, осели в другом. Нагнали — опять снялись, опять сели...

— До каких же пор?

— Пока саранча не найдет в себе достаточно сил, чтобы одолеть своих преследователей.

Мое сообщение, что Одесса в советских руках, ободрило николаевских товарищей. У них были сведения, что Одесса занята десантом, высадившимся южнее Очакова. Мне предложено было поехать к тов. Федько и ему дать информацию об Одессе.

Я отозвал в сторону секретаря паркома, тов. Цию, и сообщил ей цель моего приезда. Мой мандат был зашит в подкладке гимнастерки; отправляясь в парком, я не догадался его выпороть. Секретарь сказал:

— Нехорошо, что вы здесь. За помещением, несомненно, идет слежка. Отправляйтесь домой. Оставьте мне ваш адрес. Я вам пришлю тех товарищей, которые оставляются нами здесь для подпольной работы. Таким образом, вы с ними свяжетесь. Они вам все сообщат.

— Этого недостаточно,— возразил я.— Я хочу знать следующее: оставили ли вы типографию? обеспечили ли вы остающихся оружием? есть ли литература? как насчет паспортов и печатей, достаточно ли денег оставляете? Если мы об этом не подумаем сейчас — будет поздно.

— Все сделано. Подробности узнаете у товарища, который к вам придет. Сюда больше не приходите.

— Он придет сегодня?

— Сегодня.

Товарищ не пришел. Таким образом, я остался один, без работников, без связей, без необходимых средств.

На следующий день с утра на Водопое и затем в Слободке гудела артиллерия. А потом вдруг уже и в самом городе заахали пулеметы.

В час дня мимо моего окна проехал на лошади офицер в защитных погонах, а сзади него солдат в английском френче. Около ворот против окна офицер поговорил со стариком, сидевшим на лавке, потом обернулся к солдату и что-то ему сказал. Солдат под'ехал к старику и начал бить его нагайкой. В седой бороде старика показались две тонких красных струйки. Старик упал. Ординаред поехал догонять начальника. В город входили денкинцы.

БЕЗ ГИМНА

В течение недели я не выходил из дома. Это была неделя пьяного разгула белогвардейских и казачьих шаек. Они врываются по вечерам в дома для обысков, забирали всю мужскую одежду и заодно уже все ценности, имевшиеся в доме. Грабежи кое-где проводились «вежливо», кое-где более грубо... Офицеры объясняли при этом:

— Мы вас спасли от большевиков. Вы никак не отблагодарили добровольческой армии. Она должна восстановить Россию, а солдаты раздеты. Вы сами не даете — приходится брать силой. На войне, как на войне...

— Но, ведь, так говорят и большевики, — осмеливались иногда возражать «спасенные».

— Мы не брезгуем брать от большевиков то, что может нам помочь победить их.

Но напрасно пытались штаб и обер-громилы давать своим действиям идеологическое обоснование. В лучшем случае это был зелимхановский романтизм, в худшем — обыкновенный еврейский погром. Как-то случилось, что одновременно в различных концах города стал применяться один и тот же способ борьбы с ночными нападениями денкинцев. Установились дежурства в домах. С наступлением сумерек все ворота и под'езды запирались. При первом стуке в ворота все квартиранты выходили во двор и поднимали крик. Это было пассивное сопротивление — сопротивление отчаяния и бессилия. Иногда, впрочем, помогало. Чаще дело кончалось беспорядочной стрельбой и жестокой расправой. Не только грабили, но и убивали.

Первая неделя была также неделей бессмысленного террора. Неблагонадежных отвозили «на Качанку». Это была своего рода контр-революционная гильотина, устроенная за оградой еврейского кладбища.

Универсальная виселица. Столб от гигантских шагов, хорошо отесанный, еще свежий, белый. Вокруг круглая сосновая скамья: как круглый диван в зале художественной выставки. Человек становится на скамью и сразу чувствует, что его шею ловко охватила петля. И вслед за этим он уже болтается в воздухе, описывая ногами круги.

Надо правду сказать, «Качанка» оперировала только первую неделю. Потом она была заменена «случайными убийствами». Офицеры входили в квартиру и начинали «нечаянно» выпускать пули из револьверов и карабинов. Так были убиты сразу три сына присяжного поверенного Вонского, кстати сказать, не только не коммунисты, но даже неблагоприятно к ним относившиеся. Что касается отца их, то он был всегда активным кадетом и шел от партии народной свободы — выборщиком в государственную думу и, кажется, в учредительное собрание.

«Случайные» убийства применялись в виде загадочных нападений на улице, в виде традиционной «попытки бежать», в виде «несчастных случаев».

Во время антракта на вечере или концерте подойдут к стоящему у буфета юноше два офицера, предложат ему не поднимать шума, выведут во двор или на улицу и возвращаются без него. Потом выходящая из театра публика чуть ли не у самой лестницы наталкивается на тело молодого человека без фуражки с тонкой струйкой крови, сползающей по виску. медленно переступает через него и, оборачиваясь, назад предупредительно говорит спускающимся с лестницы.

— Осторожно... не наступите... Тут убитый...

Каждый день устраивались молебны, панихиды и банкеты. Николаев взял генерал Слащев. Через день после взятия города вышла газета бывш. эсера Якушкина, которая описывала подвиги молодого генерала, благодаря своему исключительному таланту сумевшего за время войны с капитанского чина дойти до генерал-майора. Слащев печатал в газете свои взбалмошные приказы «под Суворова». Он был жалок в своем самодурстве и большой жестокости.

Я жил в квартире родных под своей настоящей фамилией и первое время чувствовал себя как в тюрьме и потому следил за внешней жизнью совсем «тюремным» способом. Я жил сплетнями, доходившими до меня от соседок. и Якушкинским черносотенным листком. Газетка описывала «ужасы чрезвычайки», «грандиозные» крестные ходы по случаю «избавления от большевизма» и торжественные похороны «жертв красного террора».

Слащев назначил городским головой местного общественного деятеля Дмитриева. На первом заседании назначенной городской управы Дмитриев заявил, что он вне партии, приближается к эсерам, хотя, вообще говоря, вовсе не склонен верить социалистическим утопиям, что в работе своей он будет руководствоваться не политической программой, а здравым смыслом, что вовсе незачем пренебрегать тем, что есть хорошего и здорового в работе большевиков.

Через день он был отстранен от должности городского головы. То, что дозволено философствующему поручику, не дозволено зазнававшемуся штафирке...

Вместо оперировавшего опасными софизмами белогвардейского «большевизма» инженера Дмитриева был назначен городским головой какой-то запыленный адмирал в отставке Зарембо.

Слащев сначала декларировал неприкосновенность земли, находящейся в пользовании крестьян. Затем последовал закон об отдаче помещикам $\frac{1}{3}$ урожая прошлого года. И вслед за этим генерал выехал с карательными отрядами сжигать непокорные деревни.

ПЕРВЫЙ ПРОВАЛ

Я решил возможно скорее легализоваться. Прописался по старому паспорту под своей настоящей фамилией. Надо было приспособливаться к обстановке и в то же время искать связей со своими. Приспособиться было легко. Я усвоил очень несложную форму для этого: «то же, что и у нас». Предстояла мобилизация. Я должен был идти в добармию. Что бы сделал купеческий сынок в этом случае при нашей мобилизации? Он был бы «на учете» где-нибудь в Совнархозе в качестве «незаменимого», работал бы «на оборону», числился бы где-нибудь в политпросвете Губвоенкома клубным работником. Но мне идти в деникинское учреждение и быть на виду не следовало.

Я пошел на завод. Поступил на кожевенный завод Когана в качестве чернорабочего. Таскал сырые кожи, выкачивал воду из чанов, подметал, носил всякие тяжести. Костюм оказался неподходящий. Мастер заподозрил во мне «комиссара» и управляющий вскоре предложил мне «по-дружески» уйти с завода. Я послушался совета.

Я был трижды дезертир, так как не являлся ни по одной из трех мобилизаций, на меня распространявшихся. По городу ходил осторожно, боясь наскочить на облаву. У меня было несколько паспортов на собственное имя. Я становился все старше.

Связь удалось найти с Союзом Молодежи. Через него наклеивалась связь и с некоторыми партийными работниками. Молодежь оказалась тоже слабо организованной, однако, сколотить ядро ей удалось раньше, чем нам. Через «независимого» кооператора я связался с бывш. херсонским губпродкомиссаром Аносовым, скрывавшимся на квартире у одного правого эсера, но он был в отчаянном положении, сам не знал никого, без денег, без обуви и без паспорта. Я прислал ему свои сапоги и штаны, паспорт сделали ему кооператоры (настоящий, через полицию за взятку) и отправили его в деревню. Остаться в городе ему было нельзя.

От Аносова я узнал, что в Николаеве был оставлен для работы херсонец Майор-Саша (Биншток). У него деньги. Стремился связаться с ним, и это мне удалось при помощи комсомольцев. У «Майора» были связи с оставшимися работниками 58-й дивизии. Наклеивалось небольшое ядро.

Я с одним комсомольцем отправил первый доклад в Одессу в виде зашифрованного письма. Уезжая из Одессы, я забыл условиться относительно шифра, и теперь прибег к тому условному языку, которым я пользовался в сношениях с товарищами, оставшимися в Крыму. Секрет состоял в том, что в каждом слове надо было читать вторую букву.

Я целые сутки составлял письмо в духе статей, писавшихся в белых газетах. «Наконец мы вздохнули свободно. Кончились кошмары чрезвычайки»... и т. д. Комсомольцу я объяснил шифр и дал ему одесскую явку. Она написала на бумажке, «чтобы лучше запомнить», и обещал ее порвать, но не порвал.

В докладе я сообщил, что работа налаживается с чрезвычайным трудом, и требовал денег, бланков и работников.

При входе на пароход курьер был арестован. На него указал один бывший комсомолец, ныне в добровольческой форме. На мальчика набросились несколько офицеров и принялись его бить. Затем заставили его нанять извозчика и отправиться в сопровождении двух офицеров в контр-разведку.

Тут все было ужасно: и то, что у арестованного комсомольца была записана одесская явка, и то, что он был хрупкий подросток и вряд ли устоит против пытки, и то, что у него письмо-доклад. Главное — письмо...

Я ушел с квартиры.

Надо было сейчас же предупредить Одессу, чтобы там снялись с областной явки... Письмо... Письмо...

Вечером мне сообщили, что все кончилось благополучно. А ночью пришел сам мальчик, избитый, с синяками на лице. Оказалось, что... письмо спасло... Начальник контр-разведки прочитал и поверил, что это действительно частное письмо, переданное одним офицером, чтобы опустить его в ящик в Одессе. В нем было все так правдоподобно:

«Аня путается с Ржевским.

Он ныне опрятенький па-аручик, остепенился. Спорит попрежнему. Сразу отправился в часть».

Кто бы мог догадаться, что это означает: «Нужны паспорта».

ЛИСТОВКА

Работа начинала клеиться. Основное ядро составляли политработники 58-й дивизии, херсонцы и присланные из Одессы товарищи. Опирались мы в своей практической работе на «Камсу», или на «Антанту», как мы называли нашу молодежь. Из николаевцев удалось связаться только с двумя товарищами — Мишей и «Латышем» (Павлом). Это были местные рабочие-металлисты и через них удалось установить связь с другими местными коммунистами-рабочими. Из Одессы приехала Виктория (Уласевич), привезла кое-какие деньги и связи, переданные секретарем николаевского паркома, осевшим в Одессе.

В помещении Совпрофа в воскресный день при полузакрытых ставнях состоялось первое совещание ответственных работников и был избран комитет и затем президиум из трех: меня, Виктории и Яши (Янова) из Кривого Рога. Работу мы разделили таким образом: издательская деятельность — я и Зигмунд (Лотов), военная работа — Изя Дагин, Красный Крест — Миша, секретарь комитета — Виктория, работа в Совпрофе — Майор.

Не выходило ничего у нас со своей контр-разведкой. Ее задача была — получение сведений военного и военно-политического характера, разведки внутри контр-разведки в целях предупреждения провалов и прокладывания Красному Кресту путей к освобождению арестованных товарищей. Для этой работы нужен был выловленный, с «манерами» интеллигент, которого можно было бы сделать офицером и послать если не на службу в контр-разведку, то на изыскание связей с ней через знакомую актрису, через рюмку водки в ресторане, через правдоподобный, безвредный донос.

Пришлось подчинить контр-разведку непосредственно военному делу и поставить во главе ее бывшего матроса «Балтийца». За него ручался Яша.

Первый период работы... период упорных исканий пути к рабочей массе. Заводы стояли. Слободка угрюмо молчала. Как мутные пузыри на луже, вскакивали мелкие паразитические, способные жить только при полном хозяйственном развале предприятия — полуфабрички, полумастерские. Рабочая масса распылалась по этим кустарным предприятиям, значительную часть ее поглощали базар и деревня... Через Мишу и Азима мы имели довольно прочную связь со Слободкой, но это была связь с разрозненными, отдельными рабочими.

На первых порах рабочие о нашей организации почти не знали. Надо было скорее выпустить первую листовку. Ах, как это трудно было сделать! Написанную и четко, печатными буквами, переписанную листовку я носил в кармане свыше месяца.

Возня вышла из-за типографии. Станок и шрифт действительно были оставлены нам, но в таком месте, что пользоваться типографией было невозможно.

Миша, который знал, где стоит типография, категорически отказывался ее использовать.

Надо было искать «легальных» возможностей. Я связался с правлением союза печатников. Председатель союза обещал сделать что нужно и взял уже текст для набора. Союз в типографии, где печатался листок Якушкина, издавал понедельничную меньшевистскую газету «Луч». В воскресенье, когда будет набираться «Луч», будет устроена и наша листовка. Утром я виделся с председателем союза. Он сказал:

— Все улажено.

Мы условились, что в 7 час. вечера я приду в типографию проверить, как обстоит дело. Условились и о пароле при получении из типографии уже отпечатанной прокламации:

— У вас тут должен быть готов срочный заказ для кирпичного завода Грачева.

— В конторе никого нет... нельзя выдать без конторы... впрочем, подождите, сейчас узнаем...

В 7 часов я узнал, что работает не та смена наборщиков, неблагонадежная и нетрезвая. Листовка не выйдет. Надо было спешно предупредить Зигмунда, чтобы он не приезжал ночью за «заказом кирпичного завода Грачева», но я не знал его адреса. До поздней ночи не удалось мне его найти. Оказалось, что Зигмунд перепоручил получение листовки девушке из «Камсы». Как раз у нее я несколько раз в этот вечер спрашивал об адресе Зигмунда. Она приехала в типографию и там вызвала общее недоумение: что это за чудачка, которая думает, что ночью, без конторы, да еще в воскресенье ей выдадут заказ. Она поняла, что вышла какая-то чепуха, и уехала обратно.

Я продолжал искать типографию. Была в городе типография, оборудованная при Советской власти, существовавшая на «товарищеских» началах. Товарищество состояло из четырех человек: один наборщик, был в 1907 г. и после большевиком, теперь меньшевистствующий беспартийный, другой был метранпажем

той газеты, которую я когда-то редактировал, третий — печатник, считавший себя большевиком и мечтавший о приходе Советской власти, так как у него осталось много советских денег, аннулированных денкинцами. Четвертого я не знал.

Переговоры я вел с тремя. Все соглашались. Один — из стремления «притти на помощь организации». Другой — за большие деньги. Третий — в надежде, что мы ему обменяем советские деньги на донские.

Однако, дело не ладилось.

Киев был занят белыми. «Товарищество» стало прямо говорить:

— Мы бы с полной радостью. Да вот как быть с компаньоном... Он начинает догадываться... Ничего нельзя будет сделать.

Потом получилось известие, что красные захватили Киев и двигаются на Фастов. Типографы предложили мне дать им текст листовки. Но через два дня пришла телеграмма, что наступление красных отбито, Киев в руках добрармии. Текст листовки был мне возвращен.

Я приходил по утрам в типографию и совсем недипломатично объявлял:

— Наши перешли в наступление. Занят Белгород. Печатайте.

— Это — по вашим сведениям. По нашим сведениям занят Курск. Но дело не в этом... компаньон...

Тогда я спокойно заявил:

— Придется сделать налет на вашу типографию.

Бывший большевик скептически относился к этой мысли:

— Это лучше... но все таки не годится... Меня знают, как большевика... Брат мой убит во время подавления восстания немцев. Не поверят. Скажут, подстроено. Вы подвергаете нас риску.

— Это будет не бутафорский налет, а настоящий. Будете сопротивляться — пристрелим. Надоело.

Приближалась вторая годовщина Октября. Я уже написал текст другой листовки — юбилейной.

Налета не вышло. Военный отдел не организовался еще. Но бланки паспортов мы получили путем трансформации. Одели одного товарища в шинель с погонами, дали ему фуражку с кокардой. Он пришел в типографию, вынул разносную книгу, дал бланк шестимесячного удостоверения государственной стражи, велел отпечатать 500 экземпляров совершенно таких же, с тем же шрифтом и предложил расписаться в книге в приеме заказа. Через три дня заказ был получен тем же «добровольцем». Он уплатил деньги и выдал расписку в получении заказа.

Мы стучались в несколько дверей. И вдруг одна открылась. Нашелся посредник, который заявил, что он «не большевик», но что ему надо заработать.

— Деньги вперед. Завтра получите заказ.

Мы рискнули. Листовка была получена в срок.

В ночь на 7 ноября «Антанта» весело расклеивала по городу прокламацию. А утром на базаре шли разговоры о коммунистах:

— Большевики заняли Знаменку и Кривой Рог.

— Они ночью были в Варваровке.

Собственно говоря, с агитационно - пропагандистской работой дело обстояло хорошо, потому что пропаганду за нас вел генерал Слащев. И никакой коммунистический кружок на Слободке не вел бы ее так успешно. Труп рабочего на фонарном столбе был убедительнее любой прокламации на стене. Расстрел рабочего — коммуниста (разумеется, «при попытке бежать») действовал, как тревожный гудок.

Нужны были не кружки для проповеди коммунистической правды — нужны были военные отряды. И они стали создаваться сами собой. Обескровленная и обессиленная массовыми арестами Слободка искала связи с нашей организацией, и оттого, что мы, в свою очередь, ее искали, она скоро была найдена. Обстановка сама диктовала, в каком направлении должна работать мысль подпольной организации. Какая там пропаганда!

Рабочий, приходя с нами в соприкосновение, первым делом об'являл:

— У меня спрятаны две винтовки и одна ручная бомба.

И ждал указаний, кому отдать вторую винтовку, чтобы взяться за свою.

Нашему военному отделу мы отдали распоряжение «копить силы», не строить отрядов, создавать только «тройки», чаще проверять с ними связь, пробовать их боеспособность на маленьких делах: нападениях на конвой, чтобы отбить арестованного, на «индивидуальных» сношениях с типографиями, в качестве солдат добармии или посыльных или в качестве постовых стражников.

Мы не переоценивали значения этих «троек». Каждой ночью бывали аресты — выпадало одно какое-нибудь звено, связь обрывалась. Поэтому военному отделу мы дали поручение выделить из состава троек несколько человек, которых можно было бы использовать для индивидуальных актов, если таковые потребуются.

ПРОВОКАТОР

Потребовались. И очень скоро. Из Херсона прибыл товарищ и сообщил, что там работает провокатор Бутылин под кличкой «Шишов». Бутылин — бывший председатель Верхнеднепровского Исполкома и затем секретарь Криворожского парткома. Яша (Янов) бывший криворожский работник, хорошо знавший Бутылина, об'явил:

— В таком случае я тоже провокатор. Я себе тоже не доверяю...

И рассказал:

Бутылин честнейший малый, выдержанный, преданный коммунист. Когда он прибыл в Кривой Рог, он сделался популярнейшим в организации партийцем. Он настоял на немедленной перерегистрации организации и провел ее с такой последовательной жестокостью, что среди криворожских шахтеров он завоевал самые искренние симпатии и доверие.

Херсонский же товарищ уверял, что Бутылин-Шишов сам присутствовал при допросе одного екатеринославца за кладбищенской оградой около виселицы и пытал его, требуя выдачи других товарищей, спрашивая пытаемого при этом:

— Ведь, ты меня знаешь? от меня, ведь, не скроешься. — И надевал на шею допрашиваемого петлю:

— Где Аверин? Он в Херсоне?

Яков продолжал не верить. Шишов — не Бутылин. Бутылин не может быть Шишовым.

Мы послали письмо херсонской организации, предлагали ей выяснить личность Шишова, быть осторожнее и нас известить. В Николаеве работало немало екатеринославцев, которых знал Бутылин.

Вскоре пришел ко мне Зигмунд (Лотов), бывший редактор мелитопольских «Известий» и затем дивизионной газеты 58 дивизии, и сообщил, что в Николаев прибыл бывший председатель Верхнеднепровского Исполкома Бутылин и ищет связи с организацией.

— Он живет под фальшивкой «Шишов», — сказал он. — Дать ему связь?

— Не давать, — категорически запретил я. — Надо его не терять из виду.

Через час прибежал бледный Яша:

— У меня был на квартире Бутылин. Что делать, куда деться?

— Но, ведь, ты веришь ему, как самому себе.

— Он себя странно ведет. Очень неуклюже, но все же достаточно умело выпрашивал у меня, кто работает в организации. Я сделал вид, что ему очень обрадовался. Он сидел у меня свыше часа. Я ему сказал, что в Николаеве организации нет. По крайней мере, я о ней ничего не знаю. Я сижу здесь у тетки — скрываюсь. Уехать бы куда-нибудь... Он не верил. Мне нужна квартира. Я домой не возвращусь.

Вечером мы устроили заседание президиума. Был и Зигмунд. Он рассказал, что Бутылина привел к нему на квартиру «Баба» (так называли мы одного бывшего политработника 58 дивизии — не помню сейчас его фамилии — называли мы его так потому, что он был здесь с семьей, ничего не делал и только требовал от организации денег). «Баба» обрадовался Бутылину и рассказал ему, что организация «некудышная». Комитет сидит на деньгах, как собака на сене. Работники не обеспечены. Все недовольны комитетом.

— Надо, чтобы вы вошли в комитет, — сказал он Бутылину, — тогда пойдет работа.

Зигмунду пришлось поддержать «Бабу». Адрес Яши дал Бутылину тоже «Баба», с «Рыжим» свел его также «Баба».

Мы решили дать два дня на испытание Бутылину. Надо было изолировать от него «Бабу». Зигмунду и Рыжему было поручено демонстрировать недовольство комитетом, говорить об его деньгах, относясь к комитету, как к самозванному и не популярному в организации.

На следующий день мы узнали, что у Яши на квартире был обыск. Ничего не нашли и оставили шпигов дежурить. Яша, уходя из дому, захватил с собой хранившийся у него шрифт.

В тот же вечер Зигмунд окончательно убедился, что Бутылин провокатор.

Зигмунд и Рыжий уверили Бутылина, что их недовольство засевшими в комитете самозванцами так велико, что если для обновления его состава требовалось бы членов к-та отправить в контр-разведку, то они пошли бы даже на это. Вся беда в том, что у них нет связи с контр-разведкой, а самим явиться

туда рискованно. Бутылин заявил, что это пустяковое дело, что связь всегда можно найти, но вряд ли целесообразно отдавать самозванцев в руки контр-разведки вместе с деньгами.

— Надо овладеть их кассой... иначе трудно будет потом поставить работу. Зигмунд и Рыжий соглашались с ним.

— Именно это пустяки, — объяснил Рыжий. Завтра в семь часов вечера мы должны встретиться с казначеем. У него всегда деньги при себе. Он нам должен дать немного денег. Мы его можем спанать... оружие только достать надо. Самое трудное связаться с контр-разведкой...

Бутылин махнул рукой:

— Чепуха. — Он вынул бумажку из кармана и показал: «пред'явитель сего, Иван Шишов — состоит агентом-следователем херсонского контр-разведывательного отделения» и т. д.

— Ловкая фальшивка, — сказал Зигмунд. — У вас нет больше бланков таких?

— Это настоящий документ. Можно подлинные получить. Хотите?

— Как, пойти на работу в контр-разведку? — спросил раздумчиво Рыжий.

— Нет... только связь держать... Нужно же очистить организацию от прохвостов. А оружие — ерунда. Будет.

Они условились на следующий день в семь часов вечера вместе встретить члена комитета, ведающего кассой, на него напасть, отобрать деньги. Вопрос о дальнейших действиях не ставился. Первая задача была — овладеть деньгами организации.

Бутылин был бездарный, глупый, доверчивый провокатор, способный провалить всякое дело. Он рассказывал, что в Херсоне организация не работает. Там были сведения о николаевской организации, как о налаженной, и потому он приехал сюда.

По словам Бутылина, он был арестован по пути в Херсон из Харькова, откуда он шел якобы пешком, не рискуя сесть в поезд. Он вез на тачке несколько пудов динамиту и пироксилину, с которым отправил его на юг Артем для подрывной работы. Тачка была захвачена на ст. Копани, у самой цели (между Николаевым и Херсоном). Здесь был арестован и он.

— И вот, видите, не только не расстрелян, но и на свободе. И бумажка в кармане...

— Хорошая бумажка, — подтвердил Зигмунд. — Что же, много денег?

— Нет. связи. Я взял взаймы денег... Начальник контр-разведки приятель мой оказался.

И в этом заявлении было столько же мальчишеской хвастливости, сколько и в мифической тачке с пироксилином.

НИ ЯДОМ, НИ ПУЛЕЙ

От него надо было избавиться. Он знал много и стремился узнать еще больше. Повидимому, он в самом деле был арестован и отпущен, когда убедились, что он станет агентом контр-разведки. Вероятно, в Николаеве кто-нибудь

за ним следил после того, как он разгромил херсонскую организацию. Он стремился завоевать доверие у контр-разведчиков и потому вызвался взяться за николаевскую организацию.

В командировочном свидетельстве от контр-разведки у него был поставлен недельный срок: повидимому, он рассчитывал с нами быстро покончить.

Мы постановили Бутылина убрать и поручили это дело военному отделу совместно с Зигмундом. Дали двухдневный срок. Подробностями исполнения постановления президиума мы как-то не интересовались, хотя появление провокатора немало нас тревожило.

Изя на следующее утро сообщил мне, что дело он поручил прибывшему из Херсона товарищу-матросу, который вызвался мстить за предательство и убийство его личных друзей и товарищей в Херсоне. Вечером был у меня Зигмунд и сообщил, что Изя выработал довольно странный план убийства Бутылина «по Раскольникову», «без шума». Условились, что в семь часов Зигмунд и Бутылин будут ждать, в гимназическом сквере, в конце Инженерской улицы, казначейской организации. Они сядут на скамью. В это время херсонский матрос подкрадется сзади и ударит Бутылина молотком по голове, а потом с ним покончит.

Менять план было поздно. Было уже около семи часов. Зигмунду надо было идти. Я, Виктория и Яша ждали результатов на моей квартире до позднего вечера. Наконец, пришел Изя и сообщил, что «херсонец - сукин сын подвел, трусил». И заявил:

— Завтра будет сделано.

Мы предложили ему изменить способ, отказавшись от «Раскольникова». Он согласился, но заявил, что все-таки будет «без шума». Видимо, он не хотел или боялся выстрелов.

Вечером мне сообщили, что решили действовать при помощи яда. В дело впустили Рыжего.

— Не позже девяти часов вечера будет результат, — обещал Изя.

Зигмунд и Рыжий должны были в том же сквере, куда накануне не явился «денежный» член комитета, вместе с Бутылиным ждать вновь и угостить его при этом отравленными пирожными.

В девять часов «результата» не было. Я оделся и пошел в сторону сквера. На улице было пустынно. Луна лила стеклянный свет на улицы и деревья. В аллеях не было никого. Я обошел сквер вокруг, затем пересек его по всем диаметрам, искал труп провокатора. Ничего не нашел. Я отправился домой.

Около самой своей квартиры я неожиданно встретил Рыжего. Он держал под мышкой кусок белого хлеба. Обрывал от него куски и ел на ходу.

— Ну, что? — спросил я его.

— Амба — сказал он пренебрежительно. — Вы не знаете, где бы тут колбасы достать? Жрать хочется, а лавки закрыты.

— То-есть как «амба»? Покончили с ним?

— Ну да.

— Где же он? Я был в сквере, — там ничего, тихо.

— Он дома.

— На извозчике отвезли?

— Нет, под руку притащили.

— Значит, жив?

— Куда там, пеной исходит... Мы бросили его на кровать и ушли. Око-
лел, должно, уже...

Он рассказал подробности. Шесть пирожных уложили в картонку — три отравленных по одну, три остальных — по другую сторону. Пришли в сквер, гуляли, ругали денежного комитетчика и ждали. Коробочка с пирожными, изящно завязанная розовой ленточкой, болталась у Рыжего на пуговичке пальто.

— Что это у тебя? — спросил Зигмунд.

— Пирожные. Жена разрешилась — хочу ей дать.

— Разрешилась... Вот чудак — ха-ха-ха — рассмеялся Зигмунд. — Да разве можно после родов пирожные?... ха-ха-ха... Давай их сюда... для пользы службы...

Бутылин присоединился к просьбе. Рыжий отказывался.

— Наконец, купишь другие. Рано, успеем...

Подействовало.

— Свинство это! Да уж ладно...

Зигмунд и Рыжий взяли первые по одному. Остались три отравленных и одно неотравленное. Бутылин взял одно из трех с ядом.

— Станный вкус, — сказал он.

— Должно быть, на сахарине, — догадался Рыжий.

— Вероятно. — согласился провокатор.

Зигмунд сейчас же взял второе пирожное и в картонке остались оба отравленные. Рыжий отказался есть еще — он не любит сахарину — и Бутылин съел остальные два. Вскоре он начал жаловаться, что его тошнит, что у него голова кружится:

— Черти, вы меня отравили...

Зигмунд и Рыжий тоже плевались, ругались и говорили, что их «сейчас сорвет». Они взяли его под руки и, как подвыпившие, отправились на квартиру Бутылина, притащили его и взвалили на кровать. Два раза по дороге он терял сознание. Когда уходили от него, он был без чувств.

— Амба, — еще раз подтвердил Рыжий.

До четырех часов дня дежурившая у квартиры Бутылина «Антанта» — комсомольцы — ничего не замечала. Заходили в ресторан в том же дворе, заводили разговоры о хронике происшествий, в газете ничего не было подозрительного. В 4 часа Зигмунд пошел к Бутылину на квартиру и застал его уми-
вающимися.

— Только что встал. — сказал он сердито. — Со вчерашнего вечера спал не раздеваясь. Отравили вы меня, мерзавцы. Дела сколько из-за вас прозевал...

— Как, и вы тоже? — изумился Зигмунд. — Я только сейчас поднялся. Точно пьяный был. У меня и сейчас голова свинцовая.

— Паршивые пирожные... должно быть, отравленные...

Через полчаса Зигмунд сидел у меня и ругал себя олухом и болваном.

— Не подумал совсем. В каждое пирожное влил столько, что любую ломуемую лошадь убьет. А он с'ел три. Вот и вырвал. Если бы он одну штуку с'ел — крышка. Ох, и дурак же я...

Мы условились, что в семь часов он с Бутылиным будут ждать меня на Мещанской. Я буду тем денежным человеком, которого они тщетно искали в течение двух дней. Я подойду с папиросой закурить. Зигмунд должен об'яснить Бутылину, что это наш пароль. Я при этом выстрелю в Бутылина в упор в голову, вслед за этим Зигмунд выстрелит в висок...

До условленного времени оставалось еще около часу. Пришла Виктория, мы поговорили об очередных делах, назначили день заседания комитета и вышли. Было без пяти минут семь. Я немного проводил Викторию, потом повернул на Мещанскую. Виктория догадывалась, куда я иду, и, прячась в темноте, пошла вслед за мной.

По тротуару медленно шли две черных фигуры. Я держал во рту папиросу. Но, прежде чем я успел попросить огня, сухо, точно спичка зажглась, хлопнул выстрел маленького браунинга, сверкнул красноватый огонек и осветил мотнувшееся кверху желтое со светлой бородкой лицо в студенческой фуражке. Я быстро вынул свой наган и выстрелил. Человек качнулся в сторону и хлюпающим, захлебывающимся голосом закричал:

— Люди-и... Помогите... Злые лю-у-ди-и...

Он припал к стене и, скользая вдоль нее боком, все время лицом ко мне, убежал.

— Люди-и...и... Злые люди...

Я попробовал еще раз взвести курок... Было холодно... Рука была в перчатке. Второго выстрела не получилось. Я бросился бежать в сторону канавы, затем через пустырь, выскочил на Рыбную ул. Вскоре я был дома и пил чай. Убегая, я слышал крик Зигмунда:

— Там стреляют... Налетчики...

Через несколько минут явился Изя и сообщил:

— Ловко хлопнули его.

— Ты почему знаешь?

— Я был там. Я стоял в стороне. Все видел. Он добежал до Малой Морской, там упал. Зигмунд в театре сейчас. Он прибежал к Ане Шапиро, взял ее и пошел с ней в театр.

Вслед за этим пришла Виктория и рассказала, что Бутылин цеплялся за ее руку, требуя, чтобы она повела его в аптеку. Виктория пошла с толпой до Малой Морской. Здесь он упал. Когда она ушла, Бутылин продолжал лежать.

Как ей показалось, одной пулей выбит глаз, другая застряла в горле.

Утром на заводе рабочие мне рассказывали, что вчера около завода убили человека. Говорят, коммунисты стреляли. Другие говорят, офицеры стреляли, а убит коммунист. Пришел хозяин и тоже рассказал, что коммунисты убили контр-разведчика. Он видел, как его отправили в городскую больницу. Кровь хлестала через горло. Не выживет.

В газетах ничего не было об этом случае. Нельзя было проверить, жив ли Бутылин или убит. Наконец, удалось через больничного фельдшера установить,

что сотрудник контр-разведки Иван Шишов выздоравливает, вероятно, через неделю выпишется. У него выбит глаз, перебита переносица и ключица и тяжелая рана в горле. Но он выздоравливает.

ТИХА УКРАИНСКАЯ НОЧЬ...

Организацию мы разбили на три района: Слободской, Кузнечный, Городской. В Слободском работал Миша, в Кузнечном — старик Акимов, в Городском — Виктория. Явка на 3-й Военной работала хорошо. Владелец парикмахерской (Рыжий) нанял себе подмастерье и получил возможность лучше исполнять капризы своей требовательной невесты (Виктории). Сюда приходили бриться и стричься не только с Кузнечной ул., но даже с Водопоя — мужички. Мужички эти были, повидимому, за панибрата с хозяином, так как они часто до или после стрижки заходили запросто в комнаты рядом с парикмахерской и там долго вели всякие разговоры с владельцем парикмахерской и даже его невестой.

Приходили и новые клиенты, не знакомые.

— Можно у вас направить три бритвы?

— Твердой стали?

— Нет, довольно мягкой, средней.

— Зайдите туда, к мастеру, переговорите.

Это был наш пароль. На эту явку приезжали курьеры из Одессы, привозили «Коммунист», деньги, письма, литературу, сюда приезжали и работники, которых присылал иногда Областком.

Мише печатного станка достать не удалось. Листовки мы печатали в частных типографиях через посредника. Меншевики из Совпрофа дали обещание коммунистов в «Луче» не ругать, обязались даже слегка критиковать денкинскую власть и за это потребовали от нас субсидии. Мы обещали, но не дали. Позицию меньшевики в газете заняли и быстро менять ее было нельзя. Тем более, что вокруг «Луча» белые газеты подняли такую шумиху, что отступить значило бы для «Луча» окончательно себя скомпрометировать. В Николаеве они слыли за левых меньшевиков.

Впоследствии мы субсидию все-таки дали, но не за позицию «Луча», а за практическую помощь, которую нам оказывал Совпроф в нашей красно-крестной работе. Это было дешевле, чем приобрести новую явку. По нашей инициативе при Совпрофе было создано бюро юридических советов, во главе которого стали местные адвокаты-меньшевики. Секретарем этого бюро был Зигмунд, а после — него Борисов. Фактически всю работу вели они. Советы давались главным образом родным арестованных товарищей. Зигмунд и Борисов гоняли адвокатов по разным следователям и прокурорам справляться о делах заключенных коммунистов, давая им при этом задание знакомиться не только с сущностью обвинения, но и с возможностью за деньги или иным способом направить дело более благоприятно. Хотя таким путем не удалось никого освободить, но облегчить участь некоторых товарищей все-таки удалось.

Юридическое бюро было нашей явкой и не только для жен и матерей севших товарищей, но и для многих приезжих работников. Это была удобная

явка: отсюда совершенно легально мы через родных, а также эксплуатируя аппарат Совпрофа производили передачу в тюрьму. Так, в день второй годовщины Октября мы отрядили два грузовика с разными продуктами арестованным и через день получили подтверждение из тюрьмы от т. Гуфельд (Розы Печерской), что все дошло до политических заключенных и роздано им в большом изобилии. Записка Печерской дышала мрачной радостью. Она сообщала, что хорошо, сыто и бодро отпраздновала годовщину в одиночке и чувствует в себе достаточно силы, чтобы ждать смерти. Такие записки получались и из других камер — из тюрьмы шел глухой, настойчивый стон: — Спасите...

Наивно было мечтать о нападении на тюрьму. Невозможно было пойти на такую попытку с теми проблематичными силами и средствами, которые имелись в нашем распоряжении. По существу вопрос о нападении на тюрьму был вопросом о характере нашей работы вообще. На кого ориентироваться — на город или на деревню?

Украинское село бурлило. Селянство поднималось под какими угодно лозунгами — петлюровскими, махновскими, просто бандитскими. Однако самыми популярными были все-таки советские лозунги. Какова бы ни была форма организации, под какими бы знаменами она ни шла, она всегда неизбежно сбивалась на путь соввласти, а петлюровское движение — на путь «радянской влады». Правда, часто принималось добавление «без коммунистов», но это там, где во главе движения стояли зажиточные «куркули», поживившиеся на революции, округлившие свое хозяйство и не имевшие склонности отдать возвратившимся помещикам их имущество и землю.

Между тем помещики неистовствовали. Они жадно ухватились за свои поместья и, точно чуя свою недолговечность, принялись вымещать на мужицкой спине все причиненные им революцией обиды и с лихорадочной поспешностью взыскивать понесенные за период крестьянской «смуты» убытки.

Первой «государственной» попыткой возместить убытки после отобрания земли был закон о внесении одной трети минувшего урожая прежним землевладельцам. Закон этот был разработан и принят под давлением торопившейся жить помещичье-дворянской группы, во главе которой стоял бывший царский министр Кривошеин, председатель деникинского правительства. Как отзывалось на этот закон крестьянство видно по тому, что вокруг Николаева за две недели были убиты в своих усадьбах семь помещиков. Остальные бежали в город.

А из города шли карательные офицерские отряды для расправы с мятежниками. Деревня ненавидела деникинский город, который производил мобилизации, реквизиции и выставлял против нее пушки.

И совсем большевистский лозунг: «Бей генералов та панів» сделался вскоре очень популярным в деревне. Село выкатило свои «кулеметы» из амбаров и установило на крышах хат, вырыло «рушницы» и мрачно ошетило лес штыков против города.

...Тиха украинская ночь... Но упруга, напряжена ее тишина. Не выдержит — ее распорет, разорвет сейчас...

ДВЕ РЕСПУБЛИКИ

Прорвало...

Я, Изя и Миша сидели в гостях у Рыжего. Рядом подмастерье, гремя засовами, закрывал мастерскую. Он только что выпустил Викторину.

В комнате было холодно. Рыжий срывал дощечки с кушетки и пытался на плите сделать чай. Печка жестоко дымила. Приходилось снова и снова открывать окно. В комнату проникал сырой холод. От только что съеденного перезрелого арбуза стало еще холоднее. Пробовали бороться, играть в тесную бабу, чтобы согреться, — ничего не выходило. Шуметь было нельзя — стены были тонкие. Рыжий сорвал все поперечные доски с кушетки, а чай не кипел. Зато спать было не на чем. Мы закутались в свои худые весенние пальтишки. Миша поднял воротник пиджака, подложил под голову фуражку и лег на пол. Рыжий приладил углами какие-то щепки на кушетке и лег на нее.

— Только, чур, не заснуть...

Мы дежурили. Ночью должны были войти в город повстанцы.

— Во всяком случае один должен стоять на цинку, — сказал Рыжий.

Вызвался анархист-подмастерье. Он перешел в мастерскую, а потом мы долго слышали его шлепающие в мягких чувяках без подошв шаги.

Изя рассказывал, что Анатолий был недоволен тем, что мы ему поручили возглавлять ревком. Ему, еврею, в этой погромно-кулацкой стихии лучше не фигурировать.

Дело было не так. Анатолий (Каплун, екатеринославский работник) должен был не возглавлять ревком, а в момент пребывания повстанческих отрядов в городе руководить Афанасием, энергичным рабочим, молодым коммунистом. Возглавлять ревком должен был формально Афанасий. Он все время связан был с деревней, сумел расположить к себе селян и должен был вести их вместе с одним опытным партизаном из левых эсеров (борьбистов) на Николаев.

Исходными пунктами движения на Николаев и Херсон были посад Висунск и село Баштанка.

Здесь давно уже были образованы две советских республики. Они прогнали добровольческие власти, выбрали свои советы, все мужское население свели в воинские отряды, выкатили две пушки, установили пулеметы и начали обходить вокруг деревень окопы и проволоку. На территории обеих республик были объявлены действительными советские деньги. Это было следствием нашей агитации. Деревня утопала в советских бумажках, когда пришли белые. Первым актом денкинцев было аннулирование советских денег. На этой почве зрело недовольство, которое нами и было использовано.

Накануне пришел к нам из деревни Афанасий и сообщил, что он опоздал, но все же его влияние в повстанческом комитете сильно. Хорошо, что борьбисты не выдвигают специфически эсеровских лозунгов и пока группируют крестьянство под знаменем советской власти. Он прибыл в Баштанку, когда наступление на Николаев было уже принципиально решено повстанцами. Пришлось только участвовать в разработке плана наступления и определении срока. Афанасий

сумел добиться того, что день наступления был отсрочен, чтобы успеть договориться с нами.

Сообщение Афанасия застигло нас врасплох. Мы были совершенно неподготовлены к неожиданно надвинувшемуся на нас событию. Движением повстанцев руководили борьбисты. Поэтому мы сейчас с ними связались и выработали общий план действий. Борьбисты не знали, что собственно побуждает их идти на город. На все наши вопросы они отвечали:

— Нельзя сдерживать стариков... Рвутся в город...

Мы пришли к заключению, что левые эсеры сумели всколыхнуть крестьянскую стихию, но направить ее по нужному руслу у них не хватило сил.

Наша задача была дать конкретные задания партизанским отрядам, чтобы они не могли отвлечься от них различными погромными развлечениями. Совместно с эсерами мы вырабатывали такой маршрут: Николаев — не цель, а только этап; партизаны должны пройти через Николаев, на задерживаясь в нем, для того, чтобы двинуться на Вознесенск, Помощную и Елисаветград, а там соединиться с Махно. Задания — в Николаеве открыть тюрьму и освободить всех политических, разгромить контр-разведку, захватить казначейство, если удастся, на вокзале взорвать вагоны с военным имуществом и снарядами, раздать обмундирование полевого интендантства партизанам.

С этим планом Афанасий возвратился в Баштанку, и в этот вечер мы узнали, что план баштанцами принят и сообщен висунцам. Баштанцы прошлой ночью должны были выйти на Николаев, висунцы — на Херсон. Нельзя было предвидеть, какие формы примет это движение, когда оно достигнет города. В нашей листовке, которую Афанасий отвез в Баштанку и которую мы разослали через своих курьеров во все окрестные деревни, мы говорили только о необходимости напасть на тюрьму и затем заняться дезорганизацией добровольческого тыла, чтобы помочь победе Красной армии. Не исключена была возможность задержки повстанцев в городе — и тогда возник бы вопрос об «управлении». На всякий случай мы решили выделить тройку, которая, если потребуется, выйдет наружу и открыто станет во главе движения, образовав совместно с партизанами «ревком». В эту тройку мы назначили Афанасия, Анатолия и одного левого эсера — борьбиста.

Лежа на полу, Изя сообщил сведения Маккоби (нашей контр-разведке) о пришедших с фронта частях для подавления «внутренних врагов». Повстанчество приняло такие размеры, что пришлось снять с черкасского участка корпус Слащева и бросить его «для расправы с красными мятежниками в тылу». Слашев сразу почувствовал себя в своей стихии. Он направился в Николаев. По дороге остановился на два часа в Вознесенске, повесил двенадцать человек — не коммунистов и даже не рабочих — просто так себе, здорово живешь — и проехал дальше.

В Николаев он, кажется, прибыл утром. И весь день шли в сторону Водопоя грузовики с пьяными казаками, мрачно певшими:

Смело мы в бой пойдем
За Русь святую
И как один умрем,
Ничем не рискуя.

Было ясно — мы опоздали: наступление повстанцев будет раздавлено.

Днем мы отправили одного товарища, чтобы предупредить Баштанку о силах Слащева, стянутых в Николаев...

Но сможет ли он остановить порыв поднявшейся деревни? И поможет ли сейчас приостановление наступления?

Вызов сделан. Слащев не откажется от подходящего момента для устройства иллюминации по случаю своего возвращения в им «освобожденный край».

Для восставших деревень вопрос стоит так: погибнуть либо в бою со слащевскими головорезами, либо без сопротивления — от огня слащевских батарей.

Было тихо. Стрельбы не было слышно. Коптилка потухла. Рыжий ворочался на щепках, чертыхался и скептически плевался в темноту.

Когда он переставал возиться, закуривал папиросу и рассказывал анекдоты прожитого дня:

— Сегодня я на базаре с одним добровольцем-солдатом разговорился. Доволен своей жизнью. Юдофил, оказывается, евреек любит. С жаром рассказывал, как их взвод или рота в местечке Богуславе Киевской губернии всех еврейских девушек изнасиловала. И даже порядок особый установили: пока они насилюют, родители должны свечу или лампу тут же держать.

Не новый анекдот! Этих анекдотов мы знаем очень много. Мы знаем анекдот о местечке Городище в той же Киевской губернии, где пьяный казак, взбираясь по лестнице на чердак, оступился и напоролся на штык собственной винтовки, поставленной им у лестницы, и где потом так расправились с еврейским населением за «убийство» этого казака: согнали всех евреев в синагогу и открыли по ним беспорядочную стрельбу, пока всех не перебили. Мы знаем анекдот о местечке Ольшаницы, которое пережило серию погромов и германских, и петлюровских, и григорьевских, и махновских, и деникинских. Погром, устроенный деникинцами, был последний — ничего не осталось от местечка. Тогда добровольцы разрушили окончательно оставшиеся пепелища и прошлись по местечку боронами...

Мы ночь не спали. От холода вскакивали и начинали бегать по комнате. Пытались вновь топить печку, но она опять безбожно дымила. Открывали окно, чтобы выпустить дым, и становилось еще холоднее.

На рассвете стала доноситься глухая артиллерийская стрельба. Она длилась недолго.

Утром, когда мы уходили домой, в центре города на фонарном столбе легко раскачивался на ветру, точно оборванный провод полевого телефона, молодой двадцатилетний крестьянин. И на ногах его была картонка с надписью «бандит».

В сторону Баштанки двигалась артиллерия.

В ОДЕССУ

Викторин, Зигмунду и мне нельзя было оставаться в Николаеве. В Одессе вышел большой провал. Села и Аня Шапиро, посланная нами с докладом по адресу старой явки, на которой была устроена засада. У Ани был отобран блокнот, нечто

в роде дневника, в котором она много писала о Виктории и обо мне. Под пытками она могла сообщить все, что знает о Николаеве. Наши адреса ей были известны.

Кроме того, выздоравливал Бутылин.

Неудачная попытка бабтанцев и висунцев расширить территорию своей республики, сложившаяся для комитета нынешнего состава обстановка, не позволявшая оставаться всему президиуму и некоторым его членам на работе, провал Павла - Латыша, бывшего нашим казначеем, стучавшийся в двери комитета новый провокатор, Фридман - Махновецкий, пытавшийся спекулировать на аресте бывшего председателя Николаевского Исполкома Соколова — все это побудило нас созвать собрание ответственных работников, на котором был избран новый комитет. В президиум его вошли т. т. Анатолий, Борисов и Миша. Мне, Виктории и Зигмунду предложено было выехать в Одессу. Тактика была намечена прежняя: дезорганизация тыла, организация сельских восстаний, сосредоточение внимания организации на военной работе в деревне. Дело с Фридманом - Махновецким поручено было осторожно провести Анатолию.

Через день рано утром к моей квартире под'ехала подвода и возница, друг Афанасия. помог мне уложить вещи под сеном. Когда мы выехали, еще было темно, но у самого Варваровского моста сломался шворень, и мы потратили несколько часов, пока его «сваривали». Лишь часов в одиннадцать мы благополучно миновали мост и поехали шагом слепой раскисшей дорогой.

Подводчик был свой человек, и мы не стеснялись в его присутствии говорить вещи, которые не рискнули бы произносить при чужих.

Мы обо многом переговаривали в пути. Наш кучер не раз оборачивался к нам и продолжной улыбкой, резавшей его лицо надвое, показывал, что он нас одобряет. И неизвестно почему он вдруг встревожился когда мы заговорили о футуризме. Он всем корпусом повернулся к нам и решительно сказал:

— Ша...

Мы смотрели во все стороны — ничего подозрительного не было. Мы больше не возвращались к теме о футуристическом искусстве. Но спросили возницу, чего он испугался. Он также категорически потребовал:

— Об этом два слова меньше...

Я был представителем кожевенно - обувного завода «Прообгол» по заготовке сырья в районе Одессы, Очакова, Херсона и Крыма. Звали меня Ипполитом Аркадьевичем Березиным. Со мной ехал студент - практикант завода «Прообгол» — тоже для закупки сырых кож — Сигизмунд Янович Дуниновский и его родственница, отправляющаяся с ним в Одессу для лечения, Софья Антоновна Загоранская. Виктория привыкла к этому имени — она жила по этому документу в Николаеве.

В Козлове нас остановил патруль. Солдат лениво спросил документы. Я показал удостоверение от завода и он не стал смотреть паспорта. Между тем с паспортами было неблагополучно. Только перед самым отъездом я заметил, что я, собственно говоря, метерлинковская «неродившаяся» душа, которая жаждет родиться, но которой начертано судьбой появиться на свет лишь через 72 года: в паспорте значилось — «год рождения — тысяча девятьсот девяносто первый» вместо 1891 - й.

При пред'явлении паспорта денжкинскому солдату он мог бы, конечно, и не заметить этого обстоятельства — опасность будет при прописке. Но с паспортом Зигмунда могла бы выйти и неприятность: Дуниновскому по паспорту было двадцать четыре года, но самый паспорт был «и стар, и дряхл, и износился» так, как будто его владелец был по меньшей мере сам Мафусаил. Особенно ветхи были первые страницы книжки, которые подвергались уже нескольким мойкам и знали и украинские, и татарские, и русские, и латышские фамилии и самые различные возрасты и профессии. Эти страницы были подозрительно белы, в то время как остальные были желты, как старые царские рублики.

В Красном у нас не спрашивали документов. Мы заехали в первый каменный домик под черепичной крышей на окраине села и выпрягли лошадей. В окне был вырезанный из бумаги башмак; очевидно, здесь жил сапожник. Мы вошли в дом.

— Добрый день. Разрешите у вас чуточку погреться.

Сапожник повернулся на своем низком сиденьи, поднял очки на лоб, посмотрел на нас с неудовольствием и коротко произнес:

— Грейтесь...

Это был немец. Он сейчас же спустил очки опять на нос, отвернулся и принялся молотком обламывать ощеренные белые зубы вокруг обтрепанной пасти грязного ботинка. Надо было сделать его приветливее. И я заговорил о коже.

— А где вы достаете товар для работы?

— Ф Николаефе и ф Одесс...

— Почем платите эту подошву?

Он назвал цену. Мы всплеснули руками:

— Так дорого. Ай-яй-яй... На базаре. У спекулянтов. Вот что, — предложил я. — Вы обращайтесь к нам на завод — «Прообгол» — знаете, такой на Мешанской, угол Пограничной — там вам по заводским ценам будут отпускать, в пять раз дешевле... Чорт знает как дерут на базаре... Вот я записку напишу управляющему.

Хозяин улыбнулся, встал, снял очки, тряпку с колен переложил на свое сиденье и спросил:

— Хотите чай?

— Было бы недурно, — согласились мы.

А когда Зигмунд оказался доктором, выслушал лежавшую за печкой старуху и прописал ей лекарство, старичек совсем размяк и предложил:

— Мошит, картофель сфарить, с салом...

Мы поколебались и согласились. Сапожник больше не садился за верстак, пока мы у него гостили. Он с нами ел, предлагал остаться ночевать. Я говорил с ним о сырье, которого оказалось здесь очень много. Я обещал на обратном пути заехать к нему и закупить все кожи.

Немец намекнул, что мне удобнее будет иметь дело с одним человеком, нежели со всей колонией, и что он не прочь бы быть этим «одним». Вероятно, после нашего отъезда он принялся скупать в селе сырье.

Ночевали мы в Сычавке. Друг Афанасия натаскал соломы в пустую хату, протопил печь, затем навалил две кучи соломы по обе стороны печи на земляной пол. Спали до утра хорошим, освежающим сном.

В час дня мы были уже на Пересыпи (окраина Одессы). Вещи мы оставили на постоялом дворе и отправились в город. На улице Гоголя Виктория зашла в один двор к родственнице расстрелянного Самуила, чтобы узнать кое-что об организации, но сейчас же выбежала из ворот, прошла мимо нас, показав глазами, чтобы мы не подходили к ней. Мы в отдалении следовали за ней.

Через несколько кварталов она замедлила шаг — и мы подошли к ней.

— Села Роза и Фанни Залесская. Областные явки провалены. Большой провал вообще... За квартирой, где я была, следят...

Начало недурно. Роза (Лучанская) — секретарь организации. Мы решили встретиться вечером на Новосельской, угол Торговой. До этого времени Виктория постарается свидеться с Еленой (Соколовской) или с кем-нибудь из членов Областкама.

Тем временем мы наняли номер в гостинице на Нежинской и дали свои паспорта прописать: мой — нерожденного младенца и Зигмунда — ветхого Мафусаила. Вечером мы встретились с Викторией на Новосельской. Она в девять часов только свидится с Еленой. Пока она знает только одно: провал большой. Села Топоровская. На «Тираспольской» явке засада. Кажется, есть постановление Областкама на некоторое время в городе приостановить работу.

Мы условились на следующий день встретиться на том же месте, и несколько раз потом мы здесь поджидали друг друга; совершенно не подозревая, что мы ведем наши тайные свидания около дверей контр-разведки (Красносельская, 64).

Когда мы вернулись в гостиницу, нам возвратили наши паспорта. На них были явки Бульварного участка денкинской государственной стражи.

СЛАЩЕВ ГУЛЯЕТ

Утром я и Зигмунд зашли в «Прогресс» на Садовой против почты выпить чаю. Я развернул «Одесские Новости» и, прочитывая телеграммы, неожиданно наткнулся на одну из Николаева, напечатанную петитом и озаглавленную «Приказ ген. Слащева». Приказ этот гласил буквально следующее:

«Русские люди, ко мне. Кто против Единой, Великой России — берегись. За выступление против Единой Неделимой страны — расстрелять. Генерал-майор Слащев». Затем шел список расстрелянных — всего 61 человек. Среди них была Роза Печерская, Гриша Хазанов, Тася Мальт.

Должно быть, я вскрикнул, так как Зигмунд побледнел. На меня смотрели из-за других столов. Я показал Зигмунду газету и он еще больше побледнел.

Тася... Ведь, только третьего дня она утром меня выпроваживала к подводе, маленькая, дрожащая от холода, чуть заспанная. Она сестра моей жены. Ей восемнадцать лет. Комсомолка. Энергичная, беззаветно преданная революции, исполнительная. Это она была та девушка, которая ночью ездила в типографию за заказом «кирпичного завода».

Как это могло случиться так скоро?! Так чудовищно скоро! Лишь два дня назад мы их видели — и Тасю. и Гришу...

Мы вышли из кафе. На улице было опять лето. Как-то особенно много народу заполняло тротуары. И нам стало тесно в этой праздной толпе. Мы пошли в гостиницу. Но и здесь не сиделось. Мы вышли на улицу.

— Может быть, это не Тася, — спрашивал я у Зигмунда. — Понимаешь, перед отъездом она подошла ко мне и виновато сказала, чтобы я ушел из дому. Она дала свой паспорт одной девушке, приехавшей из Елисаветграда, так как ей нужно было прописаться, а у нее не было совсем документов. Девушка пошла с Тасиным документом на лево-эсеровскую явку и там была арестована. Может быть, это елисаветградская девушка, которая выдавала себя за Тамару Мальт?

— Может быть, — угрюмо отвечал Зигмунд. Дело не в одной Тасе. Что там случилось?..

Да, дело не в одной Тасе. Только через несколько дней удалось узнать, что там случилось.

В ночь накануне нашего отъезда «Антанта» решила расклеить в городе нашу листовку, обращенную к повстанцам с призывом к освобождению заключенных. Во время расклейки один неосторожный комсомолец был задержан. Появление листовки в городе вызвало естественный гнев Слащева.

— В двадцать четыре часа найти коммунистическую организацию, — отдал он приказ контр-разведке, — иначе контр-разведку разгоню.

Всякий приказ должен быть исполнен. В течение двадцати четырех часов контр-разведка работала, не смыкая глаз. Совсем сбилась с ног, формируя подпольную большевистскую организацию. Все же создала. Из тюрьмы взяла тридцать семь человек. Остальных словила на улице — в театре, в кинематографрах. Это были все дети — юноши и девушки, никогда ничего не имевшие общего с подпольной организацией, если не считать Гриши, Таси и того комсомольца, который был арестован при расклейке листовки.

Комсомольца этого пытали. Его били палками, воловиками и револьвером по голове. Ему вбивали иголки под ногти. Он терял сознание, его отливали водой и снова били... Пока он наконец назвал Гришу и Тасю. Больше он никого не знал. Его продолжали истязать. Тогда он сообщил, что на квартире у Таси есть главный — «Сергеев», имея в виду, очевидно, меня (моя кличка была Сергей). И недаром отряд, прибывший ночью (в тот самый день, когда мы выехали с Викторией и Зигмундом в Одессу) на квартиру, искал не столько Тасю, сколько квартиранта «Сергеева», и, убедившись, что меня нет, забрал Тасю, кое-какие мои вещи (пальто, сапоги и прочее) и ушел.

Одновременно у себя на квартире был взят Гриша. Его мучили более жестоко, нежели первого комсомольца. Гриша ничего не говорил, никого не выдавал. Ему отрубили кисть левой руки — он молчал. Его топтали ногами, избивали железными прутьями. А на рассвете его отвезли на площадь Коммунаров и вместе с остальными расстреляли. Когда утром он был найден среди трупов, позвонки у него торчали наружу.

Николаевцы помнят это кровавое утро 21 ноября, когда весь народ разбудил беспорядочный пулеметный и ружейный огонь.

Приведенные вначале солдаты не хотели расстреливать. Их отправили в казармы. В четыре часа утра прибыл на грузовике отряд пьяных казаков, человек двадцать. Их работа длилась около часа.

Утром рабочие, идя со слободки на завод Руссуд, должны были пробираться через груды трупов, разбросанных по площади.

ОДИН ИЗ НИХ

Спустя два года, как раз в дни, когда николаевские пролетарии праздновали траурную годовщину этого кошмара, в Советскую Россию возвратился генерал Слащев, готовый служить Советскому Правительству.

Я в это время находился в Харькове и работал в газете «Коммунист». Спустя два дня после появления в газетах первых сообщений о возвращении Слащева на мое имя в редакцию поступило письмо рабочего М. Полякова под заглавием: «Один из шестидесяти одного и как ему реагировать». Вслед за этим явился в редакцию и сам автор письма.

Он рассказал о том, как был расстрелян его семнадцатилетний сын и как спасся от расстрела он, — рассказал с добродушной улыбкой, как будто речь идет о веселом анекдоте из жизни, каких бывает много.

Вот послушайте рассказ тов. Полякова:

— Я был оставлен для работы в подпольи в Николаеве.

Раньше я был начальником Херсонского Особого Отдела.

У него одна перебитая, почти недееспособная рука. Ссохшиеся маленькие негнувшиеся розовые пальцы держат воткнутую в них папиросу. У него добродушное лицо с ласковыми глазами, которые так странно улыбаются из-под низкой круглой, как у Александра III, барашковой шапки. Шапка эта делает его похожим на старого городского, а когда он ее снимает, то на вас глядит славный русский дядя, пообтершийся в условиях городской культуры рабочий.

— Я токарь с завода Руссуд в Николаеве. Постоянный житель. Арестовали меня и сына вместе на квартире, где мы скрывались.

Дело обычное: провокация. Выдал приятель, которого считали своим. Сына взяли на улице, вместе с ним отправились на квартиру Полякова — взяли отца и отправили в контр-разведку. Потом все шло как полагается: допрос, пытки, тюрьма. Поляков-отец симулировал паралитика. Его отправили в тюремную больницу, где он и оставался все время.

— В ночь на 21-е ноября во двор въехали два грузовика, меня вызвали, заковали в цепи и вместе с другими отправили на площадь около флотского полуэкипажа. Нас всех загнали в казарму полуэкипажа. И выводили по несколько человек на площадь. Потом раздавалось сразу несколько выстрелов. Опять приходили, забирали по несколько человек и уводили — и опять треск выстрелов. Я симулировал припадок трясушки. Меня оставили под конец. Офицер сказал ведущим меня под руку казакам: «оставьте этого гада», и меня посадили около будки часового.

Мимо меня проводили сына. Он подошел ко мне и сказал: «Папочка! прощайте... поцелуемся»... но получил прикладом по спине. Все же он успел мне шепнуть: «Беги». А когда отошел — сам бросился бежать. Но пуля попала ему в бедро и он упал. Он не был убит, но двигаться не мог. Так пролежал он долго на площади завода «Руссуда». Мимо проходил бывший начальник милиции завода. Сын сказал ему: «Спаси меня, отца моего тоже расстреляли». Его слова услышал казак и доложил офицеру. Офицер подошел к сыну, посмотрел ему в лицо, вынул револьвер и выстрелил в висок. Когда покончили со всеми, взялись за меня. Офицер, который руководил расстрелом, приказал: «Берите эту сволочь», указывая на меня. Два казака взяли меня за руки и подвели к стенке «Руссуд», приставили к ней, а сами, щелкая затворами, стали отходить. Тут у меня и мелькнуло слово сына: «беги». Я сорвался — и бежать. Я бежал вдоль стены. Там камни какие-то были. Я падал, поднимался, опять бежал и опять падал. Я не чувствовал, что ранен в нескольких местах, что у меня кровь льется из ран. И, только когда я упал в последний раз и чувствовал, что больше не могу подняться, про себя решил: «конец». Ждал, что придут и покончат. Подошли. Не колят штыками. Стоят, разговаривают. Потом сняли сапоги и шапку и стали уходить. Когда отошли далеко, я опять поднялся и бросился бежать. Меня опять заметили и со стен полуэкипажа открыли пальбу из пулемета. Я получил еще несколько ран — всего семь. Но мне удалось все-таки бежать.

Затем идет рассказ о том, как он босой на снегу с примерзшими ранами стучится в чужие двери и окна, как он попадает к «честному» офицеру, который не хочет быть «предателем» и гонит отчаявшегося найти спасение исходящего кровью пришельца с того света прочь, «пока я еще не отправил тебя в контр-разведку», как изгоняет его трусливый приятель-полотер, как он с неомытыми ранами просиживает день в каком-то хлеву, в соломе, и лишь поздно ночью ему удается сообщить в союз металлистов — за ним приезжают и увозят на квартиру.

Затем начинается новый рассказ о том, как он скрывается, как вновь попадает в контр-разведку, как вновь, больной, искалеченный, переносит пытки и издевательства.

— Начальник контр-разведки велел агенту: «отведи его в тюрьму». Это было ночью. Я знал, что это значит отвести ночью в тюрьму. Я заявил: «Не пойду, здесь убейте». Тогда начальник оставил меня в помещении контр-разведки — до утра.

Потом его отправили в тюрьму и о нем забыли. Так он остался сидеть до прихода Красной армии.

О Слассеве он говорит без злобы, рассказывает с той же внутренней теплящейся улыбкой, как и том, что с травленными паспортами ничего не вышло: сразу обнаружили.

— Рука, видите, еще не зажила. Все еще лечу. Требуют, чтобы полфунта сахару и четверть фунта какао каждый день принимал. Где же я их возьму... Сейчас на спокойную работу ушел: в кооперацию в Губсоюз.

— Вот еще пальто — то, в котором меня расстреливали. Вот следы от пуль.

— А как же вы сейчас?.. Вот вы спрашиваете, как вам реагировать. А как вы сами думаете?

— Ежели по чувству сказать, так, конечно, покончить бы его. Так в первый день было. А сейчас точно усталость у меня. Точно шел далеко, утомился и присел. Меня еще не оставила мысль мстить, только как вам сказать — интереса нет. Зубы у него выломаны... Сначала, как узнал я, что в Москве он, хотел я туда поехать. Думал, там не знают правду — расскажу. А то сам с ним прикончу. Собаке — собачья смерть. А сейчас не знаю. Может быть, пусть... Хребет — то у него перебит. И у всей белогвардейщины.

Это он чувствовал твердо — не у Слащева, только а у всей белогвардейщины переломан позвоночник. И потому такая резкая реакция после двух лет напряженного стремления отомстить за сына, за товарищей, за себя.

Деникинское подполье в Николаеве в 1919 году

I

После короткого боя под Николаевым наши части, отошедшие из Херсона, стали отступать к переправе через Буг. На их плечах конная разведка Слащева ворвалась в город.

Во время перестрелки я метался по городу в поисках приличного платья. Мой протертый френч, дырявые сапоги и защитного цвета солдатская фуражка со следами от красноармейской звезды на околышке не подходили для подпольщика.

По улицам проходили товарищи - друзья. Они все были вооружены, полны уверенности в победе. На нас, остающихся для работы в подполье, они смотрели, как на обреченных.

Тяжело было расставаться с товарищами. Нельзя было к ним подойти, чтобы в последний раз попрощаться. По улицам шныряли темные личности, наблюдавшие как за отступающими, так и за стоящими на тротуарах рабочими и работницами. Многих я видел в последний раз. Десятки из них пали в боях под Киевом, многие были расстреляны в Одессе (Боря Михайлович, Ида Краснощекина и др.), многие погибли от сыпняка.

Последними отступали боевые цепи, прикрывавшие под станицей Водопой отход главных сил. Штаб боевого участка быстро сворачивался. Возле штаба на углу Спасской и Соборной улиц (штаб помещался, если я не ошибаюсь, в Лондонской гостинице) у парадного хода сидел за автоматической винтовкой китаец. Другой китаец сидел напротив за пулеметом, установленным на деревянной табуретке. Это была охрана штаба. Штабисты впопыхах забыли снять охрану и умчались за Буг.

На Соборной улице появилась слащевская конница. Китаец, сидевший на перекрестке Соборной и Спасской улиц, закричал:

— Бели! Бели едит!

Второй китаец, сидевший у штаба, приложился к автомату.

— Где бели?

— От бели! — кричал первый, — бегай, бегай!

— Нельзя бегай. Тибе не сняла с пост. Стралай!

— Я стралай.

— Стралай, стралай!

Одновременно затрещали пулемет и автомат. Это было безумием. Два человека, не двигаясь с места, отстреливались от наступавшей сотни конницы. И сама-то стрельба была бесцельная. Китаец, сидевший у пулемета, не навел его как следует, и пули ударились о камни мостовой, не причиняя никакого вреда противнику. Второй китаец, сидевший у штаба на Спасской улице, не мог даже видеть двигавшуюся по Соборной конницу и стрелял просто в воздух.

Я пробежал несколько шагов и остановился у окна шапочной мастерской. Шапочник спокойно сидел за машиной и строчил. У меня мелькнула мысль — и шапку приобрести и шкуру спасти. Я вошел к шапочнику и попросил фуражку. Оказалось, что в продаже имеются готовые фуражки только студенческой формы с голубым околышком. Я купил фуражку без всяких разговоров.

Тем временем стрельба из пулемета уже прекратилась. Я посмотрел в окно. Китаец, сидевший у автомата, возился с курком, дававшим осечки. Как вихрь, налетели два всадника с оголенными пашками, и не успел я ахнуть от напряжения, как китаец лежал у автомата с рассеченной головой. Шапочник, старый армянин, тоже наблюдавший эту сцену, успел крикнуть: «вай» и лишился чувств. Я, подмастерье и сын шапочника стали возиться со стариком.

Прошло минут пятнадцать. Улица сразу оживилась. Появились солдаты в погонах. Замелькали белые платья буржуйских дочек, которые высыпали на улицу разодетые по-праздничному и посылали воздушные поцелуй золотопогонным «освободителям города».

Но радость буржуазии была неполная. Красные части отступали с боем и через Буг посылали «гостинцы» — снаряды по «обеленному» Николаеву. К шести часам вечера 17 августа «по нашему» и 4 августа «по деникинскому» календарю все было кончено. Буржуазия ликовала. Ничто уже не напоминало «красного призрака». Лишь два трупа «красных китайцев» плавали в крови на углу Соборной и Спасской улиц. Комендант города, штабс-капитан (фамилию забыл), приказал оставить трупы необранными в течение двадцати четырех часов «в назидание большевистской сволочи».

Но большевистские нервы выдержали «ужасное зрелище». И, когда генерал Слащев со своим штабом, чествуемый кадетами, во главе с помещиком В. П. Юрицыным торжественно праздновал победу над Николаевым, большевистское подполье уже шевелилось, готовясь к длительной и упорной работе по разложению деникинского тыла.

Я нанял квартиру у старого знакомого, у которого одно время жил в 1918 году во время австро-германской оккупации. Мой квартирохозяин — владелец лавки готового платья на толкучем рынке — был славный малый. Он ненавидел большевиков за экспроприацию буржуазии, но еще больше ненавидел золотопогонников из-за тех издевательств, какие он перетерпел на царской военной службе. На вопрос о его политическом «кредо» он неизменно отвечал: «Я ненавижу большевиков за их действия, но уважаю за их идею». Так или иначе, но семья его оказала нам много ценных услуг, зная, что подвергается риску за укрывательство коммунистов.

II

Когда белые еще не прочно укрепились в Николаеве, когда над городом еще разрывались снаряды, ко мне уже стучались. Пришел тов. Гриша (Хазанов). Вместо того, чтобы поздороваться, Гриша сразу же приступил к делу:

— Какие у тебя документы?

— Никаких, кроме партийного билета и удостоверения, написанного на лоскутке полотна чернильным карандашом.

— Липа есть?

— Нет.

— Ни к чорту не годится!.. Эге, да у тебя, брат, студенческая физиономия. Студенческая фуражка тебе к лицу. Ты студент...

И Гриша вытащил из-за пазухи фальшивку — книжку студента Одесского Новороссийского университета на имя Любимова. На случай, ежели придется подвергнуться испытанию моих знаний (а на этом я бы мог сорваться, так как знаний у меня не было никаких), Гриша вручил мне вторую «липу» — билет студента Одесской консерватории (я был неплохим музыкантом, умел играть на флейте, пианино и других инструментах).

Через час у меня в комнате уже перебывало несколько человек подпольщиков: Гриша (Хазанов), Яша (Цирюльников из Елисаветграда), б. херсонский губернский военный цензор Митя (фамилии не помню), девушка-комсомолка Роза (Безродная), б. политком херсонской телефонной станции (фамилию забыл), б. комиссар херсонского техникума (фамилию забыл).

Как все они «разнюхали» мой адрес, я так-таки и не узнал. Но каково было мое удивление, когда, войдя во двор, я буквально у каждого крыльца всех семи квартир, находившихся в нашем дворе, увидел херсонских коммунаров. Целая ком'ячейка!

От безделья пошаливали нервы. Ко мне все меньше и меньше стали ходить. Часть товарищей уже попала в лапы контр-разведки. Гриша (Хазанов) сообщил мне ошеломляющую весть: среди нас оказался провокатор (о работе провокатора и о расправе с ним подробно в воспоминаниях т. т. Ингулова и Бипштока, поэтому не буду на этом останавливаться). Исчез куда-то Митя (цензор); комсомолка Роза и анархистка Этя попали в тюрьму.

Денег у меня было много, но совзнаками, и, как только совзнаки были аннулированы без замены, я остался без копейки в кармане. Меня-то кое-как подкармливали домохозяева, но положение Гриши было отчаянное. Гриша (Хазанов) руководил работой подпольной комсомольской организации. Изможденный, худой, как щепка, юноша работал, не покладая рук. Питался сухарями и соленными огурцами. Наладить связь с оставшимися в подпольи товарищами-партийцами не удавалось.

Я решил помочь Грише и нанялся тапером (пианистом) в оркестре, игравшем при буфете на Морском бульваре. Протарабанил два дня и заработал двадцать рублей, которыми и поделился с Гришей. Парень ожил. Но на третий день пришлось бросить таперство, так как я столкнулся с белым офицером, которого я

допрашивал перед отступлением из Херсона. Я бежал из оркестра, улизнув в многочисленной толпе, гулявшей по бульвару.

В это же время была объявлена мобилизация студентов. Мне, как «студенту», пришлось явиться к воинскому начальнику. Конечно, «забрали» и назначили в Симферополь. Такая перспектива мне не улыбалась и вовсе не входила ни в мои расчеты, ни в расчеты партии. Я в Симферополь не поехал. Каким образом? —

Здесь придется рассказать о весьма любопытном эпизоде, который бы мог послужить прекрасной фабулой для писателя.

Я встретился с тов. Сашей (Бинштоком). Его трудно было узнать. Молодое, юношеское лицо было окаймлено большой черной бородой. Широкополая шляпа, надвинутая на глаза, превращала его в опереточного цыгана. Мне такая «конспирация» показалась наивной, ибо нужно было быть безмозглым контр-разведчиком, чтобы не узнать в таком типе подпольщика.

Кажется, первый вопрос, который мне поставил Саша был следующий:

— Ты знаком с дочерью начальника контр-разведки? — Эге, — подумал я, — ребята знают, кто как живет и что делает. Я действительно познакомился с какой-то девицей, дочерью видной служилой птицы, но кто именно был ее папаша — я не знал. Саша сделал мне неожиданное предложение:

— Ты должен в нее влюбиться, вернее, влюбить ее в себя!

— ???

— Так нужно, это нам пригодится.

Это, кажется, и было первым партийным «поручением», которое я получил от подполья через товарища Сашу.

Я стал выполнять оригинальное «партийное задание». Это не стоило особых трудов. Девица не на шутку ко мне привязалась и, считая меня чуть ли не своим женихом, пригласила к себе, чтобы «познакомиться с папой и мамой». Я пошел. Увы, разочарование! «Ейный папаша» оказался не начальником контр-разведки, а всего лишь... приставом государственной стражи. Не угодно ли — стать зятем полицейского пристава!

Не буду долго останавливаться на этом «романе» и на всей «трагедии», которая разыгралась после моего «охлаждения» к приставской дочке. Последняя так привязалась ко мне, что окончательно порвать связи стоило больших трудов. Однако, связь эта была до некоторой степени использована. Моя «невеста» избавила меня от необходимости поехать по мобилизации в Симферополь. Все требования воинского начальника через полицию об аресте «уклонившегося» от явки к этапному коменданту студента Новороссийского университета Любимова Дмитрия Исааковича моя «невеста» извлекала из полиции и передавала мне. В конце концов ей удалось через «папашу» отправить воинскому начальнику сообщение о том, что «студент Любимов Д. И. бесследно исчез и по указанному местожительству не числится».

А я и не менял своей квартиры...

III

Саша сообщил мне, что прибыл из Одессы от областного подпольного партийного комитета т. Сергей (Ингулов). Он назначил мне свидание в семь часов вечера у междугородней телефонной станции. В условленное время я явился, но Сергея не застал. Ни я его, ни он меня в лицо не знал. Бродили какие-то личности, и я решил, что сделаю «ляпсус», если в фланирующих по тротуарам незнакомцах буду искать видного подпольного работника. На следующий день я с Сашей отправился на квартиру Сергея (кажется, на Базарной улице).

Сергей прощупал меня своими близорукими глазами (он тогда пенсне не носил) и, очевидно, решил, что я «парень подходящий». Кроме Сергея, в комнате находилась и тов. Виктория.

Свидание продолжалось недолго. Сергей лаконически предложил мне приступить к работе в любой белогвардейской газете, но держать курс на работу в деникинском «Агитпропе» — «Осваге». Как устраиваться — дело мое. Директива — устроиться, а дальше действуй, как знаешь. Проинструктировав меня в течение семи минут, Сергей нас выпроводил. Дальнейший план я уже «прорабатывал» совместно с Сашей.

Все хорошо. Но как поступить на работу в редакцию? В городе издавались две газеты: одна Якушкина¹⁾, другая меньшевистского профсовета «Луч». Предполагался выход третьей газеты видного биржевого дельца Френкеля «Трудовая копейка». Меньшевистская газета нас меньше всего интересовала... Надо было попасть в «центр политики» — в газету Якушкина, которая фактически являлась официозом штаба генерала Слащева.

Я решил действовать. Во время моей работы в «Херсонских Известиях» мне часто приходилось по телефону вести переговоры с нашим николаевским корреспондентом, местным репортером Израильским. Наше знакомство было, так сказать, «телефонное». Израильский работал в газете Якушкина. Я явился к нему в редакцию и, вызвав на улицу, сразу приступил к делу.

— Я — Ленау... Я должен поступить на работу в какую-нибудь газету... Вы должны дать мне рекомендацию. — Видя, что парень растерялся от неожиданности, я стал напирать дальше... Деникин недолговечен. Деникин уйдет, а вы останетесь, когда вернется советская власть. Понятно?... Вы должны мне дать рекомендацию.

Поддействовало. Израильский дал мне рекомендацию к редактору «Трудовой Копейки» (у Якушкина штат был переполнен, пришлось пока, как за «зацепку», примириться и на газете Френкеля).

Рекомендация Израильского имела успех. Редактор сейчас же принял меня на хроникерскую работу и дал ряд поручений (проинтервьюировать начальника гарнизона и т. д.). Но работать в «Трудовой Копейке» не пришлось: начальник

¹⁾ Вячеслав Якушкин потомок старых народовольцев Якушкиных, прибыл в Николаев из Москвы в 1917 году по поручению партии эсеров. «Эволюционировав», Якушкин в 1919 году скатился в лагерь идеологов деникинщины, став махровым черносотенцем. В 1920 году он был расстрелян по приговору николаевской губ. ч. к. — Прим. авт.

гарнизона не разрешил выхода «Трудовой Копейки». Этот факт произвел большое впечатление на николаевскую буржуазию и кадетов, ибо если для деникинцев газета спекулянта Френкеля являлась «левой», то понятен стал курс, взятый «Южно-Русским правительством».

Тогда издавать газету затеял крупный помещик, кадет В. П. Юрицын. Он был другом главнокомандующего Новороссийской области (таков, кажется, был чин), барона генерала Шиллинга, и дело с выпуском газеты быстро наладилось. Секретарем редакции был назначен старый журналист А. М. Ростиславский. Для редактирования была выделена редколлегия в составе: 1) некоего Владимирского — никчемная личность карьериста — борзописца, писавшего гнуснейшие передовые статьи; 2) адвоката Равича (Александрова), при советской власти работавшего в Ч. К. юрисконсульт, а при деникинщине писавшего большие фельетоны — пасквили под названием «Ужасы Чрезвычайки». Сего мужа мы называли «пресмыкающимся и служающим евреем», готовым всюду пролезть без сальной свечки, лишь бы доказать свою «преданность» «единой неделимой».

Газета называлась «Южное Слово». Рекомендацию в эту редакцию дал мне уже редактор «Трудовой Копейки». Мне предстояло проявить себя наилучшим репортером, дабы получать от редакции ответственные поручения, интервьюировать «высокопоставленных лиц», которые, разумеется, главным образом нас интересовали (вернее, не они сами, а их канцелярии, где можно было раздобыть тот или иной интересующий нашу подпольную организацию материал).

Я отправился за интервью к начальнику военного порта, адмиралу Римскому-Корсакову. Меня принял адъютант адмирала, молодой безусый лейтенант, которому, видно, страшно импонировали его адъютантские аксельбанты и кортик. Он доложил обо мне адмиралу. Последний принял меня весьма любезно и, узнав о цели прихода, попросил притти к нему вечером на квартиру, на Адмиралтейскую улицу.

Я не заставил себя ждать и вечером, принаряженный с иголки в черной паре, сидел в кабинете адмирала. Он говорил, а я все записывал в «блокнот». Через час адмирал, рассказав всю свою родословную, начиная от деда, перешел к изложению своего «послужного списка» и истории своих «боевых подвигов». Я все добросовестно записал. Интервью было прервано супругой адмирала, пригласившей нас в столовую ужинать. За бутылкой вина адмирал разошелся, расхрабрился и пригрозил диктатору Ленину, что он, адмирал Римский-Корсаков, через два месяца будет начальником морских сил Балтийского флота, который будет плавать под императорским штандартом. Я деликатно чихнул. А адмирал продолжал болтать и стал выбалтывать такие вещи, которые вознаградили мне потерю целого вечера.

Через два дня в газете появилось взятое мною интервью адмирала. Редакция была довольна моей работой. Еще более доволен был адмирал. Я узнал, что он страшно честолобив, и наматал это себе на ус.

С тех пор я стал вхожим в дом адмирала. Он меня величал «дорогим сыном», угощал сигарами, вином, а по военно-морскому управлению дал через адъютанта директиву, чтобы мне давали все необходимые для печати материалы и сведения.

Конечно, только одна треть полученных мною сведений попала в печать, другие сведения (об отсутствии топлива на судах, о волнениях среди матросов, о передвижении судов и т. д.) попали туда, где они были более полезны, нежели газете «Южное Слово».

IV

Если буржуазные кварталы жили в атмосфере лихорадки, спекулятивной горячки, если спекулянты, валютчики, казнокрады, взяточники, тыловые офицерские крысы, проститутки и реставрированные чиновники жили как в угаре, «ловя момент» — днем «на деле», а по вечерам в кабаках и отдельных кабинетах, то совершенно иная жизнь царила на Слободке и других рабочих районах.

Редко можно было встретить рабочую семью, из среды которой один или два члена не были бы по ту сторону фронта — в рядах рабоче-крестьянской Красной армии. Заводы почти не работали. На гиганте «Навале» еле-еле теплилась жизнь, с грехом пополам работал «Тремсуд». Большинство рабочих оторвались от заводской жизни, кустарничали на дому или торговали на базаре. На заводе оставались старики — потомственные пролетарии, которые не знают жизни вне производства.

Заводом «Тремсуд» управлял директор-поляк (фамилии его не помню). Мне удалось в редакции добиться поручения обслуживать этот завод. По удостоверению редакции, заводская полиция беспрепятственно меня пропускала непосредственно к директору завода. Разумеется, что, пока я добирался от входных ворот до директорской — а проходить надо было огромный двор расстоянием в полверсты — я по дороге, бывало, «посею» несколько прокламаций и пару-другую номеров «Коммуниста»¹⁾, который я получал от Саши. Директор меня информировал только о положении и перспективах завода. Рабочего вопроса он не касался, так как в первой же беседе он мне заявил, что рабочего вопроса сейчас не существует:

— «Рабочие хотят есть, пить, одеваться и работать, политика их не касается. Политика — дело добровольческой армии».

— «Нормальная работа завода начнется после занятия Москвы добрармией. Это вопрос двух-трех недель. Орел взят. Не сегодня-завтра будет взята Тула, а оттуда до Москвы рукой подать»...

— Ну, а до взятия Москвы?

До взятия Москвы «несуществующий рабочий вопрос» давал себя чувствовать, и администрация завода, кажись, больше тратила времени на информирование контр-разведки о положении дел на заводе, чем на администрирование.

Оставалось непонятным, зачем генералу Шиллингу, прибывшему из Одессы, понадобилось сейчас же после пышного банкета у В. П. Юрицына отправиться на завод «Тремсуд», чтобы выступить с докладом перед рабочими.

Невероятно, но факт! Деникинский «Агитпроп» устроил митинг на заводе. Докладчиком по текущему моменту выступал сам главноначальствующий Одесской и Новороссийской области, барон, генерал Шиллинг.

¹⁾ «Коммунист» издавался в Одессе в типографии, находившейся в катакомбах, под руководством Кострова, Паля и других товарищей.

В день митинга я беседовал со многими рабочими. Их разбирало любопытство, как и что будет докладывать генерал. Многих докладчиков слышали за время революции, но генералов — впервые.

Собрание было довольно многолюдное. Рабочие слушали. Генерал говорил.

Надо отдать справедливость генералу. Он проявил хорошие качества пропагандиста. От конкретного переходил к общему. Он начал с того, что цена на хлеб, мясо, сапоги и мануфактуру в Сибири при правительстве Колчака — дешевы. Он сравнивал цены советские с ценами сибирскими. Он бил в одну точку: разобьем большевиков — фунт хлеба будет стоить три копейки, сапоги шесть рублей, пачка махорки четыре копейки. Одно было слабое место оратора. Он «забыл» упомянуть о восьмичасовом рабочем дне, о профсоюзах, о свободе стачек. Он также «забыл» рассказать о том, кто будет платить долги. Правда, в поданных записках рабочие ему напомнили об этих вопросах, но в ответ солдафонский пропагандист, не моргнув глазом, отчеканил по-фельдфебельски:

— «Я не политикой здесь занимаюсь. Наше дело военное. Политикой будет заниматься правительство после победы над Лениным и Троцким. Образ правления установит Учредительное Собрание, оно и установит политику по интересующим вас вопросам. А теперь мы знаем только одно: с богом, на большевиков, за единую неделимую Русь».

Только после этого «вразумительного» ответа заговорили «молчаливые». В задних рядах раздались крики: «хлеба дайте — соловья баснями не кормят. Хлеба нет. Денег не платят...»

Генерал шаркнул ножками, брякнул шпорами, приложил руку к козырьку и пошел прочь.

После посещения завода Шиллингом администрация зашевелилась и стала изыскивать средства для хотя бы частичного удовлетворения материальных потребностей рабочих. Часть некоторых цехов перешла на производство предметов крестьянского потребления. Была снаряжена экспедиция на пароходе, пущенном по Бугу и Ингулу, для обмена заводской продукции на продукты сельского хозяйства. Но из этой затеи ничего не вышло.

Ряд сел уже горел огнем восстания. Взвился красный флаг над Баштанкой и Висунском. «Баштанская и Висунская республики» держались сравнительно долго, храбро отражая атаки белой конницы, мужественно умирая в боях с казаками. Путь от Умани до Николаева кипел в восстаниях крестьян. Тогда-то и появился знаменитый свирепый приказ Слащева, в котором он грозил «весь путь от Николаева до Умани осветить зарей во всю ночь» (стиль у генерала Слащева был весьма выразительный).

А рабочие массы голодали. Свиристствовал сыпняк. На Слободке в каждой рабочей конуре вповалку лежали сыпнотифозные. Деникин объявлял одну мобилизацию за другой. Рабочие не шли. На улицах устраивались облавы. Улицей овладели пьяные ватаги казаков. По ночам шли повальные грабежи. Население было терроризовано. Жизнь в городе превратилась в сплошной кошмар. Расстрелы мирных граждан (между прочим, казаки расстреляли трех сыновей лидера местных кадетов Вонского), убийства в квартирах, на улицах стали обычным явлением.

В городе фактически установилась диктатура контр - разведки. Слащев, после покорения Баштанки и Висунска, которые были разрушены, а дома повстанцев-крестьян преданы огню, отправился в Умань, на петлюровский фронт.

V

Но до отъезда Слащев успел оставить кошмарный кровавый след в Николаеве... Трудно без содрогания и злобы вспоминать «расстрел 61». Мои воспоминания об этом расстреле были уже опубликованы в печати (я тогда писал под свежим впечатлением) и поэтому я здесь остановлюсь на этих событиях только вкратце.

Однажды ко мне явился Саша и объявил, что остается у меня ночевать. Нужно писать воззвание к рабочим в связи с восстанием в Баштанке и Висунске. У моей соседки — девушки «поалей - сионистки» — была пишущая машинка. Сионистка уступила нам свою комнату и мы с Сашей поочередно стучали на машинке. Не помню содержания воззвания. Авторами прокламации были Саша (Биншток) и я. Когда под утро мы улеглись спать на полу, мы были под впечатлением воззвания — уж больно горячо оно было написано. Мы не предполагали тогда, какие роковые последствия эта прокламация принесет шестидесяти одной молодым жизням. На утро Саша ушел, забрав с собой воззвание.

Через три - четыре дня пришел тов. Гриша (Хазанов).

— Сегодня будет у нас работа... Будет «мазня» (расклейка прокламаций).

Гриша плохо знал город и просил совета, где и когда лучше проводить «мазню». Я объяснил.

Гриша ушел оживленный, радостный и бодрый. Мы с ним толковали два часа сряду, мы были уверены в скором разгроме Деникина и с увлечением строили планы нашей работы после прихода красных...

Утром меня разбудила квартирная хозяйка.

— Вставайте! Весь город бежит на «площадь Коммунаров». Там лежат расстрелянные все николаевские большевики.

Я вскочил и, как пуля, помчался в редакцию. Торопливо раскрыл газету. Да. Опубликован список шестидесяти одного расстрелянных в эту ночь. Полностью напечатано воззвание, которое мы писали с Сашей, затем следует короткое сообщение о раскрытии подпольной организации и резолюция Слащева: «расстрелять за то, что пошли против единой неделимой».

Быстро пробегаю список. В списке т. т. Щербина, Поляков, Сосновский, Гриша Хазанов и Тамара Малът (комсомолка), других знакомых имен я в списке не вижу.

Что за чорт? Где же «расстрел подпольной организации большевиков»?

Я помчался на «площадь Коммунаров» у завода «Тремсуд».

Пребывание в царской армии, двухлетие, походы во время империалистической войны достаточно закалили мои нервы. Я видел много крови, много трупов. Я видел усеянное трупами поле от села Иваковцы Волынской губернии до города Луцка во время знаменитого наступления Брусилова на австрийском

фронте в 1916 году. Но то, что представилось моим глазам на площади у завода «Тремсуд», могло заставить камни вопить.

Значительная часть площади была залита кровью. То тут, то там валялись покрытые пылью человеческие мозги. Отрубленные пальцы, кусок уха, глаза, обрубок ноги — все это было разбросано по полю. У подножия разрушенного белыми построенного в 1919 году памятника погибшим коммунарам (т. Скляр и другим товарищам, убитым в с. Козловке) были сложены в ряд 58 трупов (т. т. Щербине - Зоненбергу, Полякову и Асушкину, раненым во время расстрела, удалось бежать). Лица мертвецов были изуродованы. Недострелянных рубили шашками. Многие из расстрелянных были раздеты казаками до - нага.

Площадь была залита народом. Обезумевшие женщины, старики и дети с блуждающими глазами перепрыгивали через трупы, переворачивали мертвецов, вверх лицом. Они опознавали своих близких — детей, отцов, мужей, братьев. Душу раздирающие крики, истерики женщин, тоскливый плач детей оглашали воздух. Я бродил по полю, переходил от трупа к трупу. Я искал Гришу и Тамару Мальт.

Я их нашел... Они были истерзаны пьяными контр - разведчиками. Фалды моего пальто пропитались кровью. В груди клокотало. Казалось, еще миг — и вскочишь на камни памятника и крикнешь тысячной толпе: месть палачам!

Только холодный рассудок удерживает от бесцельного шага...

— О, будь ты проклята вынужденная маска!

* * *

Несколько версий существовало и существует поныне о причинах расстрела и о том, как разворачивался ход трагедии в ночь на 20 ноября 1919 года.

По данным, собранным мною (я считаю, что они ближе к действительности, чем иные версии) события происходили в таком порядке. Комсомольцы приступили к «мазне». По неосмотрительности они дали расклеить несколько прокламаций десятилетнему мальчику. Тот был пойман на месте контр - разведчиком. Ребенка стали пытать. Он рассказал, что прокламации ему дал Гриша (Хазанов) и повел контр - разведчиков на квартиру Хазанова. Гриши не было дома. Указали, что он ушел к Тамаре Мальт. На квартире последней и были арестованы Гриша и Тамара с прокламациями. Их отвели в контр - разведку. Начальник контр - разведки Шерман и его ближайший помощник, б. артист Липоман, служивший при советской власти в Николаеве, пожелали выслужиться перед Слащевым. Начальник контр - разведки поспешил с докладом к Слащеву с заранее заготовленным списком 61. Слащев кутил в «общественном собрании» на банкете, устроенном в его честь по случаю ухода на петлюровский фронт, на «зарю во всю ночь». Пьяный Слащев выслушал начальника контр - разведки, и не долго думая, наложил свою знаменитую лаконическую резолюцию.

В час или два ночи началась казнь. По списку, намеченному контр - разведкой, из тюрьмы выводили заключенных и усаживали в грузовики. Вызываемым говорили, что их отправляют на «этап». Всех их отвезли на площадь Коммунаров.

Там в каком-то помещении заседал «суд» — суд скорый и правый из контр-разведчиков и офицеров, среди них был и руководивший расстрелом поручик Липоман¹⁾.

Некоторых приговоренных к расстрелу арестовывали в квартирах и просто на улице и свозили на площадь Коммунаров.

Для расправы был вызван специальный эскадрон казаков, которых предварительно напоили спиртом.

Последними привезли Гришу и Тамару. Их зверски избивали. Тамару за волосы подвешивали к потолку, требуя выдачи подпольных работников — большевиков. Грише жгли пятку. Юноша и девушка держались стойко. Тамара сжала губы — ни звука. Гриша пел «Интернационал» и при пытках, когда его рубили пашкой, и когда добивали пулей. «Да здравствует советская власть» «Да здравствует коммуна» — был его предсмертный крик.

Обреченных выводили по восемь человек, ставили у стенки и расстреливали пачками.

Шедших утром на работу рабочих заставляли складывать трупы в одно место.

Так свершилась казнь 61.

О ходе расстрела, пытках и поведении Гриши и Тамары мне рассказывал участник расстрела, казачий офицер (в порядке интервью²⁾).

* * *

Через два часа, после посещения «площади коммунаров», я был в штабе Слащева. Начальник штаба, полковник Дубяго, от имени генерала Слащева дал мне следующее интервью:

«В Николаеве не осталось ни одной большевистской сволочи. Контр-разведка ночью выловила всю подпольную организацию и она расстреляна».

Идиот! Ни один из членов Комитета, никто из активных подпольных работников партии не пострадал. В тот-же день состоялось собрание подпольной организации. На этом собрании было больше товарищей, чем когда либо.

Расстрел никого, кроме обывателей, не устроил. Подполье работало. Тов. Дагин (зав. боевой подпольной организацией) думал: какой бы сюрприз преподнести белым за дикую расправу над 61.

VI

Расстрел 61 был началом агонии белых. Чем дальше, тем больше мы убеждались, что безрассудная расправа над рабочими и крестьянами и кровавый террор усиливались по мере развала добровольческой армии. На фронте под Тулой дрогнули денкинские колонны, советские войска переходили в решительное наступление. В тылу продолжалось разложение. Он буквально гнил.

¹⁾ Ныне арестован. Содержится до суда в Николаевском Допре. Р. ед.

²⁾ Эту историю расстрела я, по поручению Губкома, сообщил на пленуме Николаевского горсовета 20 ноября 1921 года. Выступавшие после меня с воспоминаниями т. Шляпников (водник), Щербина и другие товарищи не опровергали данной версии, а только дополняли доклад (см. «Известия Николаевск. Губкома и Губисполкома» от 22 ноября 1921 года). Вот почему я считаю эту версию наиболее правдоподобной. М. Л.

Как-то рано утром телеграфный столб на Никольской улице оказался украшенным трупом повешенного крестьянина.

На груди у него была проколота записка — «махновец».

Оказалось, что ночью горсточка партизан пыталась наступать на... город. Одного из них деникинцы поймали в плен, остальные отступили. Труп болтался на столбе в течение двадцати четырех часов. У столба собирался народ. Рабочие и крестьяне, специально приезжавшие поглядеть на то, «чи правда, що Денікін селян вішає», открыто выражали свое возмущение.

Издателю газеты, кадету В. П. Юрицыну, с которым меня познакомили лишь через два месяца после того, как я поступил в «Южное Слово», не понравилась моя физиономия, и он приказал заведующему издательством меня уволить. Тщетны были указания секретаря редакции и заведующего издательством, что я хороший работник, «имею связи». Меня уволили.

Тем лучше! С распростертыми объятиями меня принял в свою газету Якушкин. Этот бывший редактор «Известий» в 1917 году скатился сначала в лагерь кадетов, а в момент агонии деникинщины стал явным черносотенцем.

Его газета приняла антисемитский характер, в связи с чем большинство сотрудников ушло из редакции. Я стал работать у Якушкина. Здесь были лучшие связи с белогвардейскими руководящими кругами. Через пару недель газету перестали читать — и дегенеративный Якушкин занялся выборной кампанией в Городскую Думу.

На фронте произошла катастрофа. Белые войска отступали к Харькову. Чувствовалось приближение конца деникинщины. Юрицын приготовился к спасению с тонущего корабля добармии. Под предлогом отсутствия бумаги он ликвидировал «Южное Слово». Тогда к изданию газеты «Южная Речь» приступило отделение «Освага» (деникинский «агитпроп»). Заведывание делами редакции было поручено пом. начальника «Освага», поручику Ромодановскому. Редактором газеты назначен начальник «Освага», штабс-капитан Коль (не то обрусевший француз, не то офранцузившийся русский). Поручик Ромодановский первым принял на работу меня (по рекомендации адмирала Римского-Корсакова, который тогда уже являлся градоначальником). Мне поручили прием информации по телефону из Одесского «Освага». Поручик по секрету мне заявил, что на эту работу требуется особо благонадежный человек, так как информация состояла из двух частей: одна для печати, а другая только для сведения начальствующих в гарнизоне военных лиц. Это было то, чего я добивался в течение нескольких месяцев. Задание Сергея Ингулова я выполнил на все сто процентов.

И удобно же было работать, имея на руках такое удостоверение:

«ЮЖНАЯ РЕЧЬ»

Ежедневная политическая,
экономическая и общественно-
литературная газета
г. Николаев, Херс. губ.

Пред'авитель сего М. Н. Любимов состоит сотрудником газеты «Южная Речь», издаваемой Николаевск. Пунктом Одесского отделения Пропаганды.

Редакция просит всех лиц и учреждения оказывать г. Любимову всякое содействие.

Секретарь редакции (подпись)

Пример: однажды я шел ночью по улице, нагруженный целой пачкой прокламаций. Вдруг оцепили всю Соборную и стали производить обыски у всех прохожих. Военных — и тех обыскивали. А я пред'явил свое удостоверение, держа в другой руке завернутый сверток прокламаций, и меня немедленно пропустили, а подпоручик, руководивший облавой и обыском, к тому же взял руку под козырек.

Работа шла у нас совсем «чисто». Я принимал информацию в восемь часов вечера на междугородной телефонной станции. После приема информации я сейчас отправлялся к себе домой, где меня ждал Саша. Я ему отдавал не подлежащую оглашению «секретную информацию», а уже затем шел в «Осваг».

Хорошо!

* * *

Наступили черные дни для черной реакции. Харьков был взят красными войсками. Среди белых царил паника. Дисциплина в войсках резко упала до нуля. Шли грабежи. Солдаты грабили не только штатских, но и офицеров (грабили у грабителей награбленное). Началась подготовка к эвакуации. Сводки ввали безбожно. Я принимал из Одессы информацию о том, что «красные оттеснили наши части и продвинулись на 15 верст» и т. д. Поручик Ромодановский «переправлял» для печати: «наши части оттеснили красных и продвинулись вперед» и т. д.

Ромодановский стал заявлять, что он хотя и патриот, но любит «каштаны» (каштанамы он называл деньги), и действительно, он обирал «Осваг» и газету; штабс-капитан Коль (мы его прозвали «ноль») стал писать «либеральные» статьи, в которых он ратовал за равноправие, учредилку и т. д. И без того бездарные статьи, подделанные под влияние страха под «республиканский дух», были еще более отвратительны.

Белые арестовали в Одессе тов. Ф. Соколова (бывш. преда Николаевского Ревкома), привезли в Николаев, где военный суд приговорил его к смертной казни. Согласно положения, приговор мог быть приведен в исполнение лишь после утверждения начальника гарнизона. Наша организация подняла на ноги рабочие массы. Ф. Соколов пользовался большой популярностью среди рабочих. Под давлением рабочих меньшевистский Совпроф послал делегацию к нач. гарнизона, генералу Гришину-Алмазову (кажется, так он назывался), с ходатайством о помиловании. Генерал ответил: «Я подумаю».

Я помчался за «интервью» к генералу.

Генерала в штабе не оказалось. Я пошел к нему на квартиру. Я застал генерала... за стиркой белья.

«Как видите», — сказал генерал, — «самому стирать приходится. Жены нет, денщики бросили»...

Это был трюк. Генерал «демократничал». Я спросил:

— Расстреляете Соколова?

Генерал сложил намыленные руки на груди и, сделав «святое лицо», произнес:

— Я поступлю так, как подскажет мне моя совесть.

Он притворялся. «Совесть» ему «подсказывала» — под влиянием десятков писем, присланных рабочими с угрозой, что если Соколов не будет помилован, то он (генерал) будет убит.

Соколов был помилован. Казнь была заменена ему двадцатью годами каторги (революция сократила этот срок до двух недель).

Паника усиливалась. Белые потеряли голов. «Мой» адмирал Римский-Корсаков сообщил мне однажды, что он решил передать власть назначенному демократическому городскому голове и что кандидатом намечает брата Юрицына — Сергея Петровича (эсеев, бывш. редактор-издатель «Сына Отечества»).

С. П. Юрицын пользовался некоторым авторитетом среди населения и в моменты перехода от одной власти к другой являлся такой временной «переходной властью» (при Керенском он был губернским комиссаром Временного Правительства).

Юрицын взял управление из рук белых на два дня. Выпустив из тюрьмы всех видных большевиков, он испугался «бремени власти» и вместе с братом-кадетом бежал на яхте в Одессу, а оттуда в Константинополь.

Из тюрьмы были выпущены: Соколов, Насеконник, Шляпников (водник), Зеленов, Ифроним Бланк, М. Пархоменко и ряд других товарищей, фамилии коих забыл.

В караульной роте при начальнике гарнизона организовалась ком'ячейка...

Через неделю белые в панике бежали на кораблях, оставив нам на «память» ренегата и дегенерата Якушкина, который заседал в избранной 500 (!) голосами Думе и обсуждал вопрос о кандидатуре городского головы в то время, когда красные части стояли уже под ст. Водопой, в семи верстах от Николаева, а подпольный Революционный Комитет уже готовил приказ.

В десять часов вечера 31 января советские войска и повстанцы - крестьяне на плечах бегущих казаков вступили в Николаев, ставший после этого красным Николаевом навсегда.

Доклад о деятельности Николаевского подпольного комитета

(с 18 августа 1919 г. по 31 января 1920 г.¹⁾)

17 августа 1919 года, накануне отступления красных войск из Николаева, Николаевским Комитетом Партии было намечено для подпольной работы девять товарищей и оставлено 100.000 рублей денег. Из оставшихся один был арестован, а четыре ушли неизвестно куда.

Оставшиеся через две недели сорганизовали инициативную группу и приступили к подпольной работе. В последних числах августа был организован «Красный Крест», который начал оказывать помощь пленным и больным красноармейцам, главным образом выдавая (продукты) натурой.

В то же время установили связь с Одессой, куда был направлен курьер с требованием прислать ответственного работника, который и прибыл в конце сентября, привезя с собой 50.000 рублей²⁾.

До прибытия этого товарища организация, кроме работы в «Красном Кресте», занималась установлением связи с оставшимися товарищами. По прибытии тов. из Одессы был организован временный комитет из пяти товарищей, разбившихся на отделы: Организационный, Издательский, Военный, Красный Крест и по работе в профсоюзах. Организационный отдел приступил к организации районов, намечая для этого тройки. Так было организовано три района (два на окраинах, один в центре, при чем последний был организован много позже первых).

Издательский отдел принялся налаживать печатание листовок, первая из которых была выпущена 22 октября по текущему моменту; Военный Отдел организовал военную тройку, которая повела следующую работу: организацию контрразведки, установление связи с деревней и руководство работой совместно с Организационным Отделом, учет боевых сил, оружия и организация их.

Красный Крест приступил также к оказанию материальной и моральной поддержки заключенным в тюрьме. Отдел по работе в профсоюзах начал устанавливать связь с профсоюзами и организовывать там ячейки. Организуя работу через Организационный Отдел, Парком производил учет сил, регистрируя членов, вел устную агитацию, поддерживал связь с Одессой и Херсоном, подготовил и собрал 28 ноября конференцию, на которой было представлено 60 членов партии в лице 92 делегатов (от каждой пятерки по одному). На конференции был избран комитет в числе пяти товарищей.

¹⁾ Доклад этот передан в Истпарт ЦК КП(б)У Николаевским Истпартом. Он составлен уже после восстановления в Николаеве Соввласти. Печатаем его без изменений, лишь с некоторыми поправками стилистического характера. Слова, вставленные в текст редакцией — в скобках.

Доклад этот и воспоминания т. т. Ингулова, Бинштока и Менау взаимно друг друга дополняют.

²⁾ Этим работником была Виктория (Уласевич). Р е д.

Для издательской работы была оставлена легальным паркомом типография, но, кроме того, производилось печатание и в других частных типографиях. За все время подпольной работы было выпущено 13 листовок: 21 октября — по текущему моменту, 25 октября — об Октябрьской революции, 5 ноября — в связи с мобилизацией в Одесском уезде, 19 ноября — с призывом к крестьянскому восстанию, 28 ноября, 3 и 5 декабря — военные сводки и обзор, 30 декабря — о мобилизации, 5 января — приказ подпольного ревкома № 1 по вопросам эвакуации (белых), 10 января — по текущему моменту, 13 января — о меньшевиках и их органе «Луч», 24 января — об эвакуации и мобилизации. Кроме того, Издательским Отделом был сфабрикован и выдан подпольным товарищам в разное время целый ряд удостоверений личности: николаевских, херсонских, одесских, екатеринославских, юзовских, а во время мобилизации печатались увольнительные билеты. Военным Отделом была установлена связь с окрестными деревнями, где помогали организовывать повстанческие отряды, связываясь с уже существующими и действующими отрядами. Так, 15 ноября под руководством Военного Отдела один отряд в 200 человек был двинут на Николаев с целью налета на город совместно с имевшимся в городе (около 50 человек). Цель налета — паника, освобождение тюрем и террор. Налет не удался, так как белые об этом были предупреждены и рассеяли весь отряд. В перестрелке были жертвы с обеих сторон. Один из взятых в плен партизан был повешен на следующее утро на главной улице города на телеграфном столбе с надписью «махновец». И в самом городе Военным Отделом было организовано более 300 человек, отряд разбит по десяткам и сотням, было собрано около 200 винтовок и 100 револьверов, а также (много) патронов, бомб, пироксилину и проч. Кроме того, сельские повстанческие отряды снабжались оружием, взрывчатыми веществами и деньгами в небольшом количестве. Контр-разведка давала ежедневные сведения о количестве расположенных сил (белых) в городе и окрестностях, что сообщалось в Одессу и партизанским отрядам, имела связь с белой контр-разведкой — со штабом комендатуры (откуда получались неопубликованные военные сводки белых), центральным и ж. - д. телеграфом и почтой.

В последние дни пребывания белых в городе Военный Отдел развил широкую устную агитацию и мобилизацию всех членов с целью подготовки выступления. Были посланы курьеры для установления связи с фронтом. Но выступления не было из-за недостатка времени для технической подготовки, так как подготовка началась накануне вступления красных войск в город.

На основании постановления областной конференции секретарей, с 28 ноября в Николаеве был организован подпольный ревком в составе трех коммунистов, одного боротьбиста и одного борьбиста.

Красным Крестом передавались в тюрьму три раза в неделю передачи натурой и давались сведения о положении, а также была оказана материальная поддержка и семьям арестованных. Когда 7 января, во время паники среди белых, было произведено массовое освобождение арестованных из тюрем, Красным Крестом было роздано им более 50.000 рублей единовременного пособия (от 500 до 2 тысяч рублей на человека).

В профсоюзах все время велась агитация против меньшевистско-эсеровских правлений, организовывались ком'ячейки, пятерки, вокруг которых группировались сочувствующие, с помощью которых распространялась подпольная литература среди членов союза, а также вербовались рабочие в отряды. Так, было организовано при союзе металлистов три пятерки, при союзе печатников три пятерки, при (союзе) портовых рабочих две пятерки, пищевиков, табачников, торгфлота по одной пятерке. Между прочим, с помощью этих ком'ячеек была проведена 25 октября однодневная забастовка в типографии, где печаталась газета белых и меньшевиков. Они не вышли в этот день.

Общее положение за время пребывания белых в Николаеве рисуется таким образом. Первые две недели пьяные белые банды совершенно терроризовали город своими насилиями, грабежом, арестами и расстрелами. Среди рабочих был сильный упадок духа. Подпольники в этот период не могли вести никакой организационной работы. Постепенно белый террор начал вызывать возмущение среди рабочих и крестьян, которое вылилось в ряде крестьянских восстаний. Для подавления их был назначен генерал Слащев с войсками, который приехал в Николаев 12 ноября. Как раз в то время комитетом была выпущена листовка, в распространении которой принимали участие и члены комсомола. Один из членов комсомола был пойман и под страшной пыткой выдал своих трех товарищей из комсомола. В ночь на 20 ноября на площади Коммунаров лежало 65 расстрелянных и около 40 человек в разных (других) частях города. Среди расстрелянных были и эти четыре товарища из комсомола, часть, взятая из тюрьмы, часть, арестованная по домам. В белой газете была перепечатана листовка с резолюцией Слащева: «Берегись! Так будет поступлено со всеми, кто идет против единой, неделимой России». Далее, было указано, что будто бы вся большевистская организация была открыта. Это было явной ложью и клеветой, ибо кроме четырех товарищей из комсомола никто (из расстрелянных) ничего общего не имел с подпольной организацией. На площади, где валялись расстрелянные, была прибита доска с надписью: «За то, что (шли против единой, неделимой России)». Этим расстрелом вызвано сильное возмущение среди населения города; чтобы парализовать это настроение, Слащевым было выпущено двенадцать видных советских работников (меньшевики), которые, однако, спустя некоторое время были снова водворены в тюрьму.

Расправившись с крамолой в городе, Слащев пошел в деревню. После жестоких боев с многочисленными жертвами с обеих сторон, продолжавшихся около месяца, Слащеву удалось, по его словам, победить Баштанскую и Висунскую республики. Расправа была жестокая: массовый белый террор, целые селения сожжены. Однако, восстание в целом не только не было подавлено, но захватывало все больше и больше пространства. И, когда Слащев со своими главными силами ушел по направлению в Екатеринослав против Махно, во многих селениях организовались (партизанские) отряды, которые повели успешную борьбу с оставшимися карательными отрядами (белых); результатом этой борьбы было полное (уничтожение) денкинской власти по деревням. В конце декабря начали распространяться слухи о близости красных войск и сильном повстанческом движении, что вызвало полную панику среди белых. 6 января началось спешное бегство; уже организовался Рабочий Комитет для принятия власти. В комитете были представлены члены Паркома, под влиянием которых Рев. Комитет проводил ту линию и меры, которые ему были указаны Паркомом. 30 декабря была объявлена мобилизация за пять лет. Наша устная и печатная агитация, снабжение паспортами и увольнительными билетами не могли не подорвать мобилизацию — рабочие и крестьяне почти что и не являлись. В первую очередь Рабочему Комитету удалось освободить почти всех политических заключенных, даже тех, которых особенно берегла контр-разведка, намеревавшаяся взять их заложниками. Решающее значение в их освобождении сыграл приказ № 1 подпольного Ревкома, в котором приказывалось всем начтюрмам немедленно освободить заключенных под строгой ответственностью их и семейств, осталось лишь несколько человек больных. Через несколько дней паника улеглась. Власть, сидя на «транспортках», издала приказ о приостановлении эвакуации, город объявлен был на осадном положении. Но по существу эвакуации по ночам продолжались до последнего момента. Эвакуировали заводы, склады и проч. военное и гражданское имущество. Начались новые аресты, искали освобожденных, Рабочий Комитет фактически перестал существовать.

Была назначена новая управа во главе с членами Рабочего Комитета...¹⁾ 22 января была объявлена новая мобилизация за 17 лет, продолжавшаяся до последних дней ухода белых. Мобилизация также не прошла под влиянием агитации Паркома и Ревкома.

26 января началась снова паника. Образовался снова Рабочий Комитет с нашими представителями, ему была отдана власть и он начал организовывать охрану города. В эту рабочую охрану было решено влить часть наших сил, но во время общей паники и полного безвластия один из казацких отрядов внезапно напал на помещение, в котором организовалась рабочая дружина, обстрелял ее ружейным и пулеметным огнем. Пострадали несколько товарищей несерьезно.

За несколько дней до ухода белых перед Паркомом и Ревкомом стоял остро вопрос о захвате власти в городе. Но отсутствие связи с фронтом красных, повстанческими отрядами, отсутствие необходимого количества живых сил и вооружения и наличие, с другой стороны, больших сил (добрармии) в городе и вокруг него вынудило нас занять выжидательную позицию, принимая все меры к подготовке живых сил.

В ночь на 31 января внезапно для нас город был оставлен белыми. И после трехчасовой перестрелки в Николаев вступили регулярные красные части. Ночью же подпольный Ревком взял власть в свои руки, о чем немедленно известил приказом население. Утром же вышел первый номер бюллетеня «Известий Ревкома». Парком же объявил регистрацию членов партии²⁾.

¹⁾ В тексте непонятная фраза.

²⁾ Дальше идет отчет о первых мероприятиях Паркома, вышедшего из подполья. Мы его опускаем как не имеющий прямого отношения к теме. Ред.

Д. КИН

Повстанческое движение против деникинщины на Украине¹⁾

ПРИЧИНЫ И ТИПЫ ДВИЖЕНИЯ

Своей экономической, аграрной и национальной политикой деникинская диктатура очень скоро восстановила против себя мелкую буржуазию и крестьянство.

Приход Деникина был радостно встречен только кулацкими, зажиточными слоями деревни. Богатый казак и кулак увлек за собою частично и середняков, по преимуществу верхушку их, требовавшую свободу торговли и не желавшую нести жертв ради диктатуры пролетариата.

Украинский кулак ринулся в объятия белой реакции в ответ на политику расслоения деревни и организации комбедов, которую начала проводить Советская власть.

Один из организаторов повстанческого движения в районе Николаева, Павел Тур, в своих воспоминаниях рассказывает о том, что часть крестьянства говорила по поводу прихода Деникина: «вот, мол, рабочие безграмотные и неумелые взяли власть, и кроме беспорядков ничего мы от них не видали, теперь же придут люди образованные, интеллигенция и они-то уж установят порядок». Но так рассуждали, разумеется, лишь кулаки и «подкулачники». Большинство деревни, середняцкой и бедняцкой массы, отнеслось к приходу Деникина враждебно или выжидательно. И очень скоро равнодушие и пассивная враждебность сменились активной враждебностью, вылившейся в мощное повстанческое движение. Разочаровалось вскоре и крепкое крестьянство. Вся крестьянская масса убедилась, что от власти белых добра нельзя ждать. Бонапартистским иллюзиям части крестьянства насчет порядка, который - де принесут белые, суждено было потерпеть очень скоро крушение.

Деникинский «порядок» был не тот, какого ожидало крестьянство. Хотя это и была твердая власть, но не для крестьянства, а против крестьянства...

Разорив помещичьи гнезда, крестьянин полагал, что с «барином покончено», но добармия восстановила старые отношения между людьми, а вместе с тем

¹⁾ Эта статья является одной из глав работы, подготовляемой т. Кином к печати по истории деникищины. Она составлена на основании материалов, хранящихся в ист. - рев. архивах Харькова и Киева. Р е д.

восстанавливались и старые «отношения вещей». Вместе с добармией пришел помещик, и если он еще иногда медлил с требованием возвращения земли, то забранный инвентарь, плату за землю, да еще в придачу возмещение всех потерь и убытков взыскивали немедленно. Добровольческие части, государственная стража и вооруженные отряды помещичьих и крупно-кулацких сынков, чиновников и полицейских совершали карательные экспедиции, возвращали помещичье добро и — вытряхивали урожай, собранный крестьянином с помещичьей земли. Советская власть дала землю, но проводила продразверстку, добровольческая власть отымала землю и также брала разверстку. «Третий сноп» в пользу помещиков был узаконен, но помещик по большей части им не довольствовался. А тут еще нужно было выполнить принудительный военный сбор хлебов — 5 пудов с десятины. И за это добровольцы ничего не платили. Впрочем, иногда платили квитанциями, а иногда вместо уплаты за реквизированное проделывали шуточки, о которых рассказывает В. Мякотин в журнале «На чужой стороне». Вместо квитанций неграмотным крестьянам выдавались записки такого содержания: «пред'явителю сегосыпать столько-то шомполов или розг».

За сельскохозяйственные продукты крестьянин получал дешевающие с каждым днем деньги, цены на товары были недоступны. Крестьянин почувствовал над собой власть помещика — начальника уезда. Гражданская война продолжалась и требовала уплаты «налога крови». Крестьянин должен был собственными руками и ценой собственной головы восстанавливать имущественные права помещика и капиталиста.

Мобилизация, объявленная белыми, сыграла решающую роль. Быть мобилизованным во время ожесточенной гражданской войны — это значит завтра же идти в бой. Воевать — так воевать, умирать — так умирать, но не за враждебные интересы, а за свои. Крестьянский пацифизм терпел крушение. От мобилизации нельзя было отсидеться, ибо добровольческая власть, стремясь показать свою твердость, свирепо расправлялась с дезертирством по принципу круговой поруки. Пассивным, нейтральным невозможно было оставаться, даже неся все материальные жертвы, которые требовала власть. Мобилизация белых против революции превратилась в мобилизацию против белых за революцию. В лучшем случае мобилизация проваливалась. Никакой опоры и никакого серьезного аппарата власти в деревне добровольцам создать не удалось.

Целый ряд данных по разным районам говорит о том, что повстанческое движение приобрело массовый характер именно в связи с проведением белыми мобилизации. Именно в этот момент от затаенного недовольства и пассивной враждебности крестьянство перешло к активному, вооруженному движению.

Неустойчивые, колеблющиеся элементы крестьянства, способствовавшие торжеству белых, получили жесточайший политический урок и убедились, что в классовой борьбе середины быть не может, и нужно выбирать между диктатурой пролетариата и диктатурой помещика и буржуа. Восстав против белых крестьянство не сразу сделало все выводы из уроков гражданской войны, но в процессе борьбы после некоторых шатаний и колебаний оно пришло к сознанию необходимости союза с рабочим классом.

Повстанческое движение села сыграло очень важную роль в падении деникинщины. Экономической и политической дезорганизацией рабочего класса, беспощадным террором против коммунистической партии, преследованием и разгромом всех форм организованного рабочего движения пришедшая к власти буржуазия сделала невозможным вооруженную борьбу и восстание против белых. Но зато в деревне, где белым укрепиться почти не удалось, вооруженную борьбу легче было организовать и осуществить.

В результате деникинской политики вся деревня ошетинилась и запылала огнем восстаний. В тылу добармии создавался огромный внутренний фронт. Повстанческое движение захватило буквально всю территорию добармии. Оно отвлекало крупные силы с фронта и грозило порою ставке главнокомандующего в Таганроге. Повстанческое движение вносило панику и разлагало тыл добармии, чувствовавшей, что почва под ее ногами сплошь минирована! «Махновцы» и «зеленые» были для белых кошмаром, особенно с того момента, когда началось отступление добровольцев под ударами Красной армии.

Переход в наступление Красной армии осенью 1919 г. послужил сигналом для всеобщего восстания, которое приняло огромные размеры как раз в последние месяцы 1919 г. и начале 1920 года.

В основном нужно различать следующие районы восстаний: на Украине — аграрно-крестьянское с сильной примесью национального движения, на Кубани и в Черноморьи — известное под именем «зеленого», движение иногородних казаков, крестьян и на Северном Кавказе национальное повстанческое движение горских племен.

На Украине главной пружиной всекрестьянского восстания нужно считать аграрный момент, помещичью реставрацию, на Кубани и в Черноморьи чисто-аграрный момент имел второстепенное значение, ибо помещичье землевладение не играло здесь такой роли, как на Украине. Тут на восстание вызывало главным образом нежелание нести тяготы гражданской войны, приносить материальные и человеческие жертвы ради интересов генеральско-помещичьей диктатуры.

На Северном Кавказе очень важную роль сыграл национальный момент, восстание против великодержавного империализма с одной стороны и борьба с казачеством за землю, которую горцы стремились получить — с другой.

В Крыму повстанческое движение в деникинский период было еще в зачаточном состоянии и приняло серьезные размеры лишь при Врангеле.

Если в городе белая гвардия сумела, опираясь на буржуазные, чиновничьи и частью обывательские элементы населения, создать общественное управление, то в деревне правительство белых не нашло для этого никакой базы и не сумело создать послушных ему земских органов. Восстановлен был дореволюционный сельский сход, староста, который выполнял и полицейские функции. Восстановлено было старое волостное управление.

Начальник уезда, который в едином лице совмещал обязанности уездного исправника и земского начальника, обладал правом отменять приговоры сельских сходов и постановления волостных управлений. Он же председательствовал в уездном управлении, представлявшем собой еще более жалкий и убогодный

орган, в котором хозяйничали помещики и чиновники. Добровольческая власть чувствовалась лишь там и лишь постольку, где и поскольку налицо была вооруженная сила. Факт полного безвластия, царившего на селе в эпоху деникинщины, подтверждается и белой прессой.

В газете «Киевлянин» № 70 от 16 ноября 1919 года было помещено письмо к редактору, «не предназначенное для печати», о положении дел в деревне. «Полное отсутствие власти в селах. Власти не видно... спокойствие при появлении добровольческой армии, благодаря предполагавшейся силе ее и твердости, исчезает и опять нет никаких обеспечений личности и имущества... Среди белого дня убивают чинов полиции; в Вязовке убит надзиратель, при чем в течение нескольких дней лежит его непогребенное тело... в селе Насолев полицию по дороге обстреляли. Грабят сахар на заводе, начинают жечь остатки экономий (Ковалики — Поповка) и за землю или экономии идут между селами правильные бои (Терновка, Поповка). Словом, на тыл не обращается никакого внимания. Повторяется ошибка, допущенная во время войны. Все для фронта, как будто бы фронт может быть без обеспеченного тыла... Элементы более спокойные также не решаются поднять головы и только оглядываются на молодежь. Бывшие комиссары свободно разгуливают по селу». Еще более разительную картину рисовал Родзянко в своей записке: «В уездах дело обстоит еще печальнее, ибо власти там вовсе не ощущаются и командуют всем шайки и банды грабителей, поддерживавших советские учреждения чистейшего типа... Никакой попытки к организации государственно-мыслящих общественных сил сделано не было. Деревня не просвещалась об истинных целях добровольческой армии и под влиянием более умелых и энергичных агитаторов мало-по-малу настраивалась враждебно правому делу добрармии. Неудача с мобилизацией в Екатеринославской губернии как нельзя лучше подтверждает высказанное мною положение».

Борясь против власти белых на селе, крестьянство по собственной инициативе устанавливало «штабы революции», как выражается Родзянко в другом месте доклада. Разумеется, организации борьбы, которые создавало крестьянство, не были советскими учреждениями «чистейшего типа», но, несомненно, это были близкие к советам органы, посредством которых «молодежь» принуждала «элементы более спокойные» держаться настороже, «не поднимая головы», и не мешать борьбе трудовых элементов деревни против помещичьей контр-революции.

Партизанское движение носило общекрестьянский характер, в него вовлечены были зажиточные элементы. Кулачество стремилось повсюду овладеть движением (особенно резко это проявилось на Правобережной Украине, где дифференциация в среде крестьянства зашла довольно далеко).

Хотя зачастую повстанческое движение носило довольно неустойчивый характер, но все же основные тенденции и политическую физиономию входивших в него течений определить можно. Если классифицировать их по политической окраске, то можно различить следующие направления: советское, махновско-анархическое, эсеровское и петлюровско-шовинистическое и, наконец, безидейные группы уголовно-бандитского типа.

Партийные ярлычки, которые носили повстанческие вожди, мало соответствовали их тактике (это можно отнести также и к некоторым повстанцам, считавшим себя коммунистами). Своеобразный мир нередко политически малограмотных повстанческих деятелей, зачастую проникнутых авантюристическим духом, отражал крестьянскую стихию, ограниченную, раздробленную по своему существу, исключал возможность четко очерченных политических группировок.

РАЙОНЫ ДВИЖЕНИЯ И РУКОВОДСТВО ПАРТИИ

Наиболее массовый характер повстанческое движение приняло в Екатеринославской и Полтавской губерниях, в Киевской, части Подольской и южной части Черниговской губернии, в Юго-Западном районе вокруг Херсона, Николаева, Кривого Рога и т. д.

Официальные лозунги повстанчества не всегда отражали их действительное социально-политическое существо. Коммунистическая партия не всегда имела непосредственные связи с деревней, и партийным организациям приходилось порою прибегать к услугам представителей других партий и к беспартийным организаторам партизанских отрядов. До тех пор, пока стоял вопрос о борьбе против общего врага — помещика, т. е. по существу о буржуазной революции, крестьянство шло единым фронтом, но, когда явилась необходимость в положительных лозунгах, в среде повстанцев началась дифференциация.

Позже, в связи с наступлением Красной армии, это расслоение проявилось вполне отчетливо. В массе своей крестьянство пошло с Красной армией и Советской властью, меньшая часть повстанцев, которая и прежде выступала против Советов, пошла против коммунизма.

По районам движение можно различать следующим образом. На Киевщине и по левой стороне Днепра, в восточной части Полтавской губернии, прилегающей к Киевской губернии, в северной части Херсонской губернии, в Екатеринославской губернии — в уездах Александровском, Елисаветградском, Верхне-Днепровском, на Подолии и на Волини было распространено петлюровского и полупетлюровского толка движение. Помимо того, самостийническое движение отчасти наблюдалось в Екатеринославском и Полтавском уездах. Но указанные местности не представляли собой района исключительно петлюровского движения. Здесь, как и в прочих районах, встречались отряды советского типа. В западной части Екатеринославщины и в Таврии господствовала махновщина (район Лозовая, Синельниково, Павлоград, Гуляй-Поле, Токмак, Мелитополь, Бердянск). В Полтавской и в юго-западной части Черниговской губернии также нередко встречались отряды махновского и полумахновского типа. Но в рядах «махновского» движения были очень сильные струи сочувственного отношения к Советской власти.

В районе Николаева, Херсона, Кривого Рога, на Херсонщине было распространено движение советского и эсеровского типа. Советского типа движение наблюдалось в западной части Екатеринославской, в Харьковской и Донецкой губерниях (в районе Изюм, Ямполь, Славянск, Чаплино, Юзово, в Полтавской

губернии, главным образом вверх по Днепру, в Черниговской губернии — в районе Нежина, Гомеля и т. д.).

Организацией партизанской борьбы на Украине занимался Центральный Комитет Коммунистической партии большевиков Украины через Зафронтное бюро, в состав которого входили т.т. Рафаил, Дробнис, Харечко, Коссиор, и Военный отдел ЦК КПУ, работа которого сливалась с работой Зафронтбюро. Партизанские отряды создавались и армейскими органами. Местные партийные комитеты при отступлении принимали меры к организации наряду с подпольными парткомами ревкомов и штабов для партизанской деятельности.

Еще в начале июля Зафронтное бюро поставило вопрос об организации партизанства. Реввоенсовет южного фронта постановил в июле, чтобы формированием и снабжением партизанских отрядов ведал особый Военный отдел при Реввоенсовете.

Военный отдел ЦК КПУ был сконструирован в Киеве в начале июля на основе контакта коммунистической партии и украинской партии левых эсеров (боротьбистов). Свою фактическую деятельность Военный Отдел развил только с начала августа. В связи с быстрым и не совсем планомерным отступлением советских войск с Украины, подвижностью и неустойчивостью фронта Военному отделу в течение некоторого времени не удалось создать опорного пункта, чтобы развернуть работу. Его деятельность, особенно в начальный период, ограничивалась территорией Полтавской, Екатеринославской губернии, частью Донбасса, примыкающей к Екатеринославской губернии, частью Черниговской губ. — с городом Нежиным, Изюмовским уездом Харьковской губернии. В остальной части Украины действовали районные военные отделы.

Военный отдел делился, в свою очередь, на три отдела: 1) формирования, 2) снабжения, 3) контр-разведки и связи. Отдел формирования создал ряд штабов в указанных выше районах, при чем в основу организации был положен следующий принцип ¹⁾:

«Необходимо указать, говорилось в докладе Военотдела, что штабы устраивались по мере возможности в местностях «естественного» повстанчества, т. - е. Военотдел стремился к тому, чтобы не было «генералов» без армий, штабов без подведомственных им отрядов, чтобы не существовали они в пустом пространстве, а обрastaли бы по мере накопления революционной энергии революционно - настроенными массами. Военотдел прилагал все усилия к тому, чтобы с самого начала направить повстанчество по правильному пути, не дать ему выродиться в бандитско - разгульнические формы, для достижения чего все посылаемые товарищи соответствующим образом инструктировались в смысле бдительного политического контроля, сдерживания и пресечения разного рода «атаманских и батьковских» замашек и т. п.».

28 августа Военный отдел был реорганизован и затем уже работал в качестве Отдела при Зафронтбюро ЦК КПУ. Был принят план создания Военно - революционных комитетов. Во главе крупных повстанческих районов были

¹⁾ Архив Зафронтбюро. Д. № 216. Доклад о деятельности Военотдела ЦК КПУ за период от 28 июля по 28 августа.

поставлены Реввоенсоветы. Но фактически был создан лишь один Ревсовет Левобережной Украины и юго-восточной части Правобережной Украины в составе т. т. Колосова, Свеницкого, Железняка, Юрвина, Жупанова, Буховского.

Зафронтбюро при ЦК КПУ разослало за срок с 1 июля по 1 ноября 1919 г. до 35—40 ответственных и еще больше технических работников специально для повстанческой работы.

Серьезнейшее внимание было уделено Отделу связи с целью учета и объединения работы отдельных отрядов и координирования деятельности партизанских частей с деятельностью Красной армии. С этой целью были организованы первоначально агентуры в главных направлениях, но их работа оказалась не вполне успешной в виду текучести партизанских отрядов, очень частой смены руководства в отрядах и т. д.

Были созданы три агентуры: Полтавского направления, при штабе 46 дивизии, Новомосковско-Миргородского направления, при штабе 57 дивизии, и Зеньковского направления. К моменту реорганизации, в конце августа, были достигнуты кое-какие успехи в смысле налаживания связи между штабами. Доклад Военного Отдела, написанный в связи с реорганизацией его, так характеризует работу связи: «Военотделом обращено усиленное внимание на установление и закрепление внутренней связи между организационными штабами; есть сведения, что это задание выполняется довольно успешно, и, таким образом, в ближайшее время выявится стройная схема—цепь, тесно связывающая все повстанческие организации»¹⁾).

Доклад несколько переоценивает перспективы объединения деятельности штабов, но, судя по тому, что в Военном отделе ЗБ имелись довольно подробные сведения о повстанческих отрядах на Украине, относившиеся к середине ноября 1919 г., с указанием явок отрядов и связи ряда отрядов между собой, можно сказать, что кое-какие успехи в деле связи были действительно налицо. Работа Военного Отдела очень сильно страдала от недостатков в координации его работы с работой руководящих органов армии.

Повидимому, в связи с запиской т. Бубнова, требовавшей создания при Реввоенсоветах особых военн. парт. отделов 3 и 5 ноября 1919 г., состоялись заседания Зафронтбюро ЦК КПУ, на которых было постановлено: 1) расширить аппарат военного отдела с той целью, чтобы была усилена чисто-военная работа; 2) учредить при армиях представительство в лице уполномоченных для связи Зафронтбюро с реввоенсоветами армий в целях согласования военных действий партизанских отрядов с Красной армией; 3) установить более тесную связь с армейскими управлениями и штабами²⁾.

23 октября 1919 г. Зафронтбюро ЦК КП(б)У приняло положение о военно-революционных комитетах. Задачи военно-революционных комитетов положение характеризовало следующим образом: «Военно-революционные комитеты являются органами военно-технического и политического руководства революционной

¹⁾ Дело № 216. Архив ЗБ ЦК КПУ. Сведен. о повстанч. отряд. на Украине от 16/XI—19 г.

²⁾ Архив ЗБ ЦК КПУ. Прот. засед. Зафр. Бюро ЦК КПУ от 3 и 5 ноября.

повстанческой борьбы под лозунгом восстановления неограниченной власти советов рабочих и крестьян Украины в процессе победоносного рабоче-крестьянского восстания. Ревкомы временно, до выборов совдепов, становятся органами власти».

Военно-революционные комитеты создаются в губерниях и уездах по назначению партийных комитетов и являются техническими органами парткомов. Областные военно-революционные комитеты на Левобережной и Правобережной Украине по положению должны были возглавляться Военным Отделом Зафронтбюро ЦК КПУ.

«В основу действий повстанческих отрядов должны быть положены задачи лишать противника необходимых для него боевых и жизненных средств, всячески препятствовать ему в организации власти тыла и фронта, с какой целью в первую очередь необходимо подвергнуть крайнему разрушению пути и средства связи, согласуя свои действия с наступающей Красной армией и выполняя ее задания».

Вербовку в повстанческие отряды инструкция военревкомам рекомендовала производить с чрезвычайной осторожностью.

Военно-революционные комитеты создавались по типу Военного Отдела ЦК КПУ в составе 5 отделов: 1) оперативного, 2) разведки, 3) связи, 4) формирования и 5) снабжения¹⁾. Ревкомы были созданы в большинстве губернских и в целом ряде уездных центров, и положение должно было в большинстве случаев лишь оформить работу Ревкомов. Работа Уездревкомов являлась основной и они сыграли серьезную роль в восстании.

Задачи повстанческого движения в июле 1919 г., когда начала разворачиваться работа Зафронтбюро ЦК КПУ, еще не вполне определились, ибо размеры и характер отступления еще не были вполне ясны и организации партизанских отрядов придавалось временное и подсобное значение.

С самого начала внимание Зафронтбюро было направлено на Екатеринославскую, Полтавскую и Черниговскую губернии. 5 июля 1919 г. Зафронтбюро ЦК КП(б)У направило в Лозово-Синельниковский район Екатеринославщины т. Колосова в качестве командующего группой повстанческих войск района. В районе этом укрепилась махновщина, хотя в повстанческом отношении он был все же благоприятным. Тов. Колосову удалось создать ядро повстанцев в районе самарских лесов и принять меры к организации штабов и ревкомов по всему Павлоградскому, Новомосковскому и частью Бахмутскому уездам. В Новомосковском районе отряды были затем объединены в 1 повстанческую советскую бригаду во главе с т. Никитиным, присланным из Зафронтбюро²⁾. По сведениям конца августа отряд т. Никитина, оперировавший главным образом в Павлоградском уезде, насчитывал до 500 человек и действовал довольно успешно. Получив необходимые денежные средства от Зафронтбюро и Полтавского Губкома, тов. Колосов приступил к организации штабов и баз по Полтавской губернии и

¹⁾ Архив ЗБ ЦК КПУ. Д. № 171 от 23.X—19 г. «Полож. о военно-револ. комитетах».

²⁾ Там же, дело № 300, доклад команд. повст. советск. войск Левобережной Украины т. Колосова.

установил связь с имевшимися в губернии партизанскими отрядами. Колосовым назначены были штаб 2-й бригады Екатеринославского района с командиром Лантухом (членом партии) и штаб 3 бригады Полтавского района с т. Покусом во главе (ныне коммунист и военный работник). Позже т. Колосов, назначенный командующим советских повстанческих войск Левобережной и юго-восточной части Правобережной Украины, сформировал еще две бригады — в Славянском районе во главе с командующим Успенским и в Александровском районе с комбригом Зубенко. Эти штабы не всегда, разумеется, имели значение в том масштабе, как это предполагалось вначале. Еще вначале формирования отрядов тов. Колосову удалось привлечь дезертиров из Красной армии, что свидетельствовало о начавшемся быстром переломе в крестьянстве, даже наиболее отсталых слоях его, в связи с наступлением Деникина. Но крестьянская масса, завербованная в отряды, и особенно вожаки партизан оказались не вполне устойчивым элементом.

Член Ревсовета и начальник повстанческих советских войск Левобережной Украины т. Свеницкий-Железняк, прибывший в сентябре в Новомосковский район, рассказывает в своем докладе в ЦК КПУ о ряде случаев, характерных для повстанчества в этот период.

26 сентября (ст. стиля) состоялся съезд инициативно-революционной группы Новомосковского уезда. На съезде под влиянием самостоятельных-настроенных элементов была принята резолюция о создании социалистического блока всех «левых» партий, включая и петлюровцев, для борьбы с белыми. На съезде был избран Ревком в составе полупетлюровски и полумахновски настроенных элементов; один из членов Ревкома, числившийся членом партии, Дикий (Дикун), заявлял, что он большевик, но не коммунист. На настроение партизан Екатеринославщины оказало влияние то, что к этому времени Махно одержал ряд крупных успехов¹⁾.

МАХНОВЩИНА

Крестьянское движение против Деникина в Таврии и Екатеринославщине, происходившее под знаменем Махно, сыграло крупную роль в разложении деникинского тыла. Махновщина так или иначе отражала настроение собственнических крестьянских, в том числе середняцких, масс, сначала колебнувшихся в сторону от Советской власти, а затем резко повернувших против действительного и ненавистного врага — помещика и капиталиста. Идеалы анархизма фактически маскировали собственнические стремления. Очень скоро среди повстанческих масс и крестьянства, шедших за Махно, началось расслоение. Ядро махновских отрядов в начале августа 1919 г. обросло перешедшими на сторону Махно красноармейскими частями, откалывавшимися от отступавшей с Украины Красной армии. Это придало силу Махно и дало ему возможность принять подготовительные меры к борьбе против белых. Реорганизация махновских отрядов произошла в районе ст. Помошной. Революционный подъем крестьянских масс дал

¹⁾ Там же, дело № 219, доклад т. Железняка ЦК КПУ от 12 января 1920 г., Харьков.

возможность Махно одержать ряд побед над белыми и совершить удачный рейд в тыл добрармии. За короткое время партизанам удалось занять ряд местечек и городов: ст. Долинскую, Кривой Рог, Александровск, Гуляй-Поле, Бердянск, Мариуполь. Позже, в 20-х числах октября, был занят Екатеринослав.

М. Гутман, беспартийный наблюдатель махновщины в период кратковременного господства Махно в Екатеринославе, так характеризует состав махновской армии:

«Вся сорокатысячная армия Махно являлась довольно пестрой по составу. Тут были и студенты - анархисты и с.-р., было даже несколько большевиков... Был всякий сброд, примыкавший то к Махно, то к Деникину исключительно с целью пограбить. Немало было уголовных преступников, выпущенных из тюрьмы. Но главным ядром были крестьяне, среди которых Махно был необычайно популярен...»¹).

В этом наблюдении есть много верного: за Махно действительно шли и крестьяне, и некоторые элементы городского мещанства, и уголовные преступники. Что касается численности махновской армии, то здесь данные различных источников не совпадают.

Члены Екатеринославского подпольного Губкома т. Коневец и Левко в своем докладе в Зафронтбюро от 5 декабря, говоря о махновской партизанщине, называют цифру в 25 тысяч человек (около 14 тысяч пехоты, около 6 тысяч кавалерии, остальные части — отдельные конные отряды, артиллерия и т. д. — тысяч 5). (с обслуживающим аппаратом и тылами численность махновской армии должна была быть еще более значительной. Так как армия Махно была очень текуча и так же быстро возрастала, как и внезапно уменьшалась, то можно считать, что в момент занятия Екатеринослава армия партизан достигала 40 тысяч. Настроение партизан доклад Екатеринославского Губкома характеризует так: определенно махновское, анархическое настроение наблюдалось в 1 Екатеринославском полку имени батьки Махно и в отряде Гаркуши, в двадцати шести полках настроение колеблющееся, преобладает стремление к соединению с советскими войсками, в двух сильных полках настроение вполне советское и сочувственное по отношению к коммунистам. Анархическая тактика Махно, вызвавшая разложение в партизанских частях, борьба против большевиков (расстрел одного из наиболее популярных военачальников — коммуниста Полонского), экономическая политика Махно (свобода торговли, объявление о том, что все денежные знаки, и советские и деникинские, имеют хождение и т. д.), продиктованная кулацкими интересами, стали отталкивать лучшую часть середняцких и бедняцкие элементы партизан.

Отношение деревни к махновщине доклад Губпаркома изображает следующим образом:

«Отношение деревни. Бедноты и середняка хорошее постольку, поскольку это движение освободило их от гнета белых; кулацкое хорошее, так как пока экономическое их положение не только без перемен, но еще лучше, чем при

¹) «Русское Прошлое» № 5, стр. 62, М. Гутман «Под властью анархистов».

белых (отсутствие налогов, реквизиций и пр.). Вообще же деревней поддерживается движение Махно, как борьба деревни против города в смысле выкачивания материальных благ (бабдитизм в форме отправки в деревню предметов городского обихода). Все ответственные командные посты занимают по назначению исключительно кулаками из Александровского, Бердянского, Мариупольского уездов. По мере занятия территории и устройства безвластной власти растет недовольство и заявления о необходимости твердой власти».

Тяга крестьянства к организованной советской власти подтверждалась и махновской прессой.

В махновской газете «Путь к Свободе» № 18 помещен протокол собрания сельского общества Серогозской вол. Мелитопольского уезда об организации вооруженной защиты «Народной советской власти». Редакция «Путь к Победе» делает примечание к протоколу, что повстанцы должны бороться за вольный советский строй, а не за Советскую власть.

Политическое расслоение и дифференциация происходили и в среде повстанцев. Партийные большевистские организации вели борьбу за овладение повстанчеством. По отношению к махновщине партийные организации проводили следующую тактику: поддержка военных мероприятий и деятельности Махно, решительная критика экономического и гражданского строительства, нелегальная работа по организации ячеек в армии и овладению командными постами, агитация за Советскую власть, критика беспорядков и махновской «вольницы» в армии¹⁾.

Овладение командными постами в армии было затруднительно вследствие недостатка выдержанных партийных командиров. Но все же на командные посты удавалось проводить близких к партии людей. В одной дивизии, например, начальником дивизии был избран анархист-махновец Гаркуша, а начальником штаба член партии Крючковский²⁾. Во главе некоторых отрядов стояли беспартийные или боротьбисты. Члену Ревсовета повстанческих советских войск т. Железняку удалось повести на соединение с Красной армией два партизанских полка и отряды, возглавляемые Крючковским.

Некоторые повстанческие отряды на Екатеринославщине были, по выражению доклада Губкома, «настроены советски, но антикоммунистически», во всяком случае эти отряды представляли собой материал, довольно податливый для обработки.

В связи с наступлением Красной армии махновцы создали блок с революционно-шовинистическими элементами. На совещании, на котором присутствовали вместе с анархистом Волиным и адъютантом Махно, Чубенко, представители боротьбистов была, согласно сообщению Железняка, принята следующая резолюция: признать необходимым объединение отрядов для организации

¹⁾ Там же, дело № 294, доклад Екатеринославского Губкома от 5/XII — 19 г.

²⁾ Крючковский позже был начальником 60 советской дивизии, затем принимал участие в авиационном заговоре с целью организации мятежа и был расстрелян. — Д. К.

самостоятельной повстанческой армии для того, чтобы предотвратить партийную диктатуру РКП¹⁾.

За Махно и социал-шовинистами продолжала идти верхушка деревни и кулацко-бандитская часть повстанцев и после установления Соввласти.

СОВЕТСКОЕ ПОВСТАНЧЕСТВО

Партизанским движением была охвачена и вся Полтавская губерния и здесь дело дошло до захвата повстанцами Полтавы, правда, лишь на один день. По своей политической физиономии движение носило здесь весьма пестрый характер.

В Полтавской губернии отделом снабжения Военного отдела ЗБ ЦК КПУ был организован ряд конспиративных складов оружия и боевых патронов (районы Лубенский, Миргородо-Лохвицкий, Прилукско-Пирятинский), ряд имевшихся складов был взят на учет²⁾. На Полтавщину была послана ЗБ ЦК КПУ большая пачка повстанческих работников.

Крупными отрядами, связанными с партийными организациями или близкими к Ревкомам, были отряды: в Полтавском уезде — Сердюка, который, по сведениям на 3 октября, насчитывал 800 человек, имел 2 орудия и 2 бронемашины, в Лохвицком уезде — Оспова и Дикого в 200 человек, Афанасия Копца и Пучки — в 100 чел.; в Роменском уезде — Третьяка, Шевченко; в Кременчугском — отряд Клименко из 200 партизан. Крючковский, оперировавший в Кременчугском и Кобелякском уездах³⁾, заходил и в пределы Екатеринославской губернии⁴⁾. Крючковский подчинялся представителю Ревсовета Левобережной Украины, тов. Жалезняку, как об этом уже упоминалось. Был еще ряд небольших, но хорошо сколоченных советских партизанских отрядов.

Из крупных партизанских отрядов советского типа следует отметить отряд боротьбиста Огия в 250 человек (оперировал в Полтавском и позже в Кременчугском уезде), Коцур (в районе Чигирина), боротьбиста Матяша (в Полтавском уезде) и Тарана (в Кременчугском уезде).

Эти отряды были связаны с Полтавским Губревкомом.

Полтавский Губревком был составлен из трех коммунистов, одного левого эсера и одного боротьбиста. В Ревком входил и заместитель Колосова — т. Шаврин. В делах Зафронтбюро имеются приказы тов. Шаврина, из которых видно, что и непартийные повстанческие отряды действовали во всяком случае в согласии с Губревкомом. 16 декабря 1919 года тов. Шаврин издает приказ командиру повстанческой советской бригады Огию, командирам отрядов Матяшу, Клименко и Скирте двинуться на Кременчуг с целью занять его. От того же числа изданы тов. Шавриным оперативные приказы командиру 4-го Наднепровского

¹⁾ Там же, дело № 292. Доклад тов. Жалезняка.

²⁾ Архив Зафронтбюро. Д. № 216. Доклад Военотдела.

³⁾ Там же, дело № 257 от 6 декабря 1919 года.

⁴⁾ Там же, «сведения о повстанческих отрядах» от 16 ноября 19 г. и д. № 298, доклад не-легального Губкома Полтавщины от 20 января 1920 г.

полка Кюджуре, командиру повстанческого советского отряда Солощицкого района Петрову и т. д.¹⁾.

Повстанческими отрядами Огия, Третьяка, Шевченко и др. был действительно занят Кременчуг, при чем Губревкомом был издан приказ о восстановлении Соввласти²⁾. До прихода Соввласти политическая физиономия партизанских отрядов не вполне определилась. Так, например, в начале октября на один день занята была повстанцами Полтава, вернее, предместье ее. Повстанцы называли себя анархо-коммунистами и носили черные знамена. Правда, держались они очень организованно, сделали попытки провести контрибуцию на богатое население. Об этом сообщал товарищ, которого уполномоченный ЦК КПУ Н. Алексеев характеризовал как человека, заслуживающего доверия³⁾.

На Херсонщине повстанческое движение приняло серьезные размеры, особенно в районе Николаева, Херсона, Елисаветграда и Александрии. Здесь заметную роль в организации повстанчества в деревне сыграли левые эсеры - борьбисты и боротьбисты, но они поддерживали связь и сотрудничали с нашими партийными организациями, являлись зачастую лишь техническими исполнителями ее заданий.

В Херсонском уезде известно восстание, создавшее так наз. «Висунскую республику». Оно возглавлялось лев.-эсером Ефименко. В районе Николаев - Долинская создавалась под руководством Николаевской подпольной организации левых эсеров (борьбистов) так называемая «Баштанская республика»⁴⁾, но ее роль была менее значительна.

В Елисаветградском уезде оперировал отряд Василия Петренко. Несмотря на то, что это был район григорьевщины, в Верблюжке имелся большой отряд во главе с Горбенко, который обещал поддержку партийным большевистским организациям⁵⁾.

Один из организаторов движения в Николаевском районе, коммунист Горбань, рассказывает в «Страницах Борьбы» (сборн. Николаевск. Истпарта) о том, как его повстанческая группа соединилась с отрядом махновца Павловского и позже отколола часть отряда от Павловского. Это произошло в занятом повстанцами Никополе. «Я собрал на площади всех своих и часть отряда Павловского и убеждал их идти отсюда и связаться с чистыми революционерами. Все как один согласились. Я назвал свой отряд Крымским повстанческим корпусом... Наш корпус отправился к Херсону... У нас было 4 пушки, 700 сабель и 100 штыков пехоты». Горбань присоединился к висунцам, которые заняли Кривой Рог. Тов. Горбань приводит весьма интересные данные о том, какой цес- стрый характер носило партизанство и как петлюровцы пытались использовать

¹⁾ Там же, копии приказов командующего советскими повстанческими войсками Левобережной и юго-восточной части Правобережья Украины т. Колосова и его заместителя т. Шаврина. Приложения к докладу Колосова в ЗБ ЦК КП(б)У.

²⁾ Там же, дело № 295, доклад Полтавского Губкома.

³⁾ Там же, из полит. сводки ЗБ ЦК КП(б)У.

⁴⁾ Воспоминания П. М. Тура, неопубликованные материалы Николаевского Истпарта.

⁵⁾ Архив Зафронтбюро, дело № 73, доклад А. и Ф. Шакула.

движение. «Здесь (в Кривом Роге) я встретился с командиром полка Ефимовичем, петлюровцем Губием Товкачем, а также с неким учителем Максименко. Мы устроили заседание по вопросу об объединении действий. Мне предложили подписать договор следующего содержания: «Мы боремся не на Советскую власть, а за освобождение украинского народа от национального гнета и определим власть посредством референдума». Я договор подписал с поправкой о свободе слова при выступлениях на митингах. Из штаба я отправился в город, где встретился с представителем висунского правительства с. - р. Ефименко, Соболевым, Александровским, Шевченко и Тришевским. Мы обменялись мнениями и наметили план общих действий. Выяснились наши политические разногласия, но обещание скорого прихода войск с севера подняло их дух и веру в победу. Меня ввели членом в правительство республики, как наркомвоенна»¹⁾.

Под Николаевом одним из центров повстанческого движения сделалось с. Баштанка. Крестьянство этого района всегда страдало от безземелья и было настроено революционно. Революционное движение здесь имело традиции еще с 1903 — 04 г. Восстание началось в середине сентября по инициативе крестьянина П. Тура и других крестьян, коммунистов и борьбистов. За короткое время движение объединило несколько тысяч повстанцев.

Бедняцкое, полупролетарское по преимуществу движение тяготело к союзу с городским пролетариатом и к коммунистическому руководству. П. Тур рассказывает о том, что к ним присылали своих представителей для переговоров и петлюровцы и Махно, но вожди повстанцев от союза с ними отказались. Боевыми операциями повстанцев руководил партийный военно-повстанческий комитет, дававший повстанцам задания, помогавший деньгами и боевыми припасами. Повстанцы поддерживали связь с полевыми частями Красной армии.

«В связи с оживлением повстанческого движения, сообщает в своем докладе Одесский Комитет, в области, по соглашению с левыми эсерами, борьбистами и укр. эсерами - борьбистами, создан на паритетных началах военно-повстанческий областной штаб для руководства движением, при чем, как основная задача, был принят план дезорганизации тыла белых и захват власти, хотя бы частичный».

Повстанцы одно время грозили Николаеву.

Военный Отдел Николаевского Губкома пытался в связи с разраставшимся движением организовать восстание в городе. В окрестных деревнях был создан отряд в 200 человек.

В самом Николаеве Военным отделом была организована военная дружина в 300 человек, разбитая на десятки и сотни. Но налет и восстание в городе, приуроченные к 15 ноября, не удалась, ибо белые были осведомлены о налете и казаки Слащева рассеяли отряд²⁾.

К этому времени баштанскому и висунскому движению был нанесен удар также силами генерала Слащева. 12 ноября баштанская республика была разгромлена с большой жестокостью. В разгроме и расстрелах повстанцев приняла

¹⁾ «Страницы Борьбы». Никол. отд. Одесск. Бюро Истпарта, стр. 216.

²⁾ Об этом неудавшемся выступлении см. в этой же книжке восп. Ингулова и Бинштока и доклад о деятельности Николаевского подпольного комитета с 18 августа 1919 г. по 31 января 1920 г. Ред.

участие и местная кулацкая самооборона ¹⁾). Но вскоре карательные войска Слащева были направлены против Махно и революционное движение вспыхнуло снова. Началась борьба с оставшимися в районе карательными отрядами, в результате чего из деревень была фактически изгнана власть белых.

С приходом Красной армии часть повстанцев вступила в ее ряды.

Военно-Революционный повстанческий штаб Одесской области повел работу по разложению белых. Им были изданы приказы от 4 января 1920 года, призывавшие солдат и офицеров добармии оставаться в городе, обещавшие прощение всем, за исключением тех, кто запятнал себя палаческими действиями. Вместе с тем приказы призывали к переходу на сторону красных войск и к срыву сопротивления наступающим красным частям ²⁾.

В Одессе удалось в последние дни поднять восстание рабочих, в котором, однако, приняли участие и люмпенские элементы. Для дезорганизации отступления белых это восстание сыграло очень важную роль, помешав планомерной эвакуации добармии.

ПЕТЛЮРОВСКОЕ ПОВСТАНЧЕСТВО

Движение в Киевской, Подольской и Волынской губерниях приходится рассматривать несколько особо от общего крестьянского движения на Украине. Подолия, Волынь и западная часть Киевской губ. являлись территорией «Украинской Народной Республики», ведшей борьбу одновременно и против нас и против Деникина. В октябре 1919 г. в этом районе картина была такова.

Петлюровско-советский фронт проходил приблизительно по линии железной дороги Шепетовка — Бердичев. Восточной границей Украинской Республики была железнодорожная линия Казатин — Христиновка. Середина Киевщины (Сквира — Тараща) не была занята никем и здесь фактически господствовали партизанские отряды петлюровского типа. В руках войск УНР находился Липовецкий уезд. Между Христиновкой — Уманью и Днестром проходил главный украинско-деникинский фронт. Движение на Киевщине, Подолии и Волини представляло собой иногда партизанское, продолжение регулярной «Украинской армии». Что же касается настроения крестьян, то оно далеко не было петлюровским, хотя нередко имело примеси националистического порядка. Ответственный товарищ, ознакомившийся с районом, так характеризует настроение селянства:

«Крестьяне настроены оппозиционно ко всем правительствам. В районах, где Петлюра еще не бывал, где были и есть Деникин или советские войска, ждут Петлюры. Где Петлюра давно — и им также недовольны. В Пашковской волости (Проскуровского уезда) было даже небольшое восстание. Причины недовольства одни и те же при всех правительствах: берут хлеб, взамен не дают ничего. Между прочим, в бывших советских хозяйствах хлеб молотят воинские команды и он поступает в пользу государства.

¹⁾ Неопубликованные воспоминания П. Тура.

²⁾ Одесский Истпарт. Музей Революции.

Среди крестьян весьма популярна идея Советской власти, более чем какая бы то ни была другая, но прихода советских войск из России бояться, мечтают о «своих» большевиках. Популярна мысль о том, что «Петлюра соединился с большевиками»¹⁾.

Это подтверждается и наблюдениями других лиц, характеризующих настроение некоторых элементов крестьянства таким образом: «крестьяне сочувствуют Петлюре, но ничего не имеют против Советской власти»²⁾. У большинства крестьян было развито сильное недоверие к петлюровским вожакам. Так, например, в районе Переяслава крестьяне рассказывали, что штаб атамана Зеленого перешел на сторону Деникина, но партизаны отказались следовать за штабом и пошли против белых. В районе Переяслава, особенно с правой стороны Днепра, партизаны-«зеленовцы» называли себя большевиками. В районе Черкассы - Крюков часть партизан называла себя красноармейцами, отставшими от своих частей, встречались среди партизан лучшие члены советских комитетов и комбедов³⁾. Такого рода настроения крестьян и служили причиной того, что шовинистические партийные группировки склонялись к совместным действиям и блоку с большевиками. На Подолии, например, Губревком и Губком коммунистов, левые эсеры — борьбисты и боротьбисты — совместно выступали с призывом к вооруженному восстанию против белых⁴⁾. Впрочем, такие блоки, как мы видели, наблюдались и в других районах Украины.

Район Канев, Переяслав, Пирятин, Золотоноша, Корсунь - Городище, по сообщению петлюровской газеты «Украины» от 25 октября, был охвачен восстанием, шедшим под знаменем атамана Зеленого⁵⁾.

Но было бы ошибкой считать, что это движение было сплошь петлюровским. Уже выше упоминалось о том, что при занятии Золотоноши и др. районов повстанцы передавали власть подпольным организациям большевиков.

В районе Сквыры действовала довольно большая банда Несмеянова, шедшая под красным знаменем с надписью: «Группа войск, восставших против коммуны». Командующим Киевского округа был знаменитый петлюровский бандит Ангел, командующим Полтавского округа — атаман Пятенко, оперировавший и в Киевщине⁶⁾. По белогвардейским источникам видно, что в Черкасском уезде в районе волостей Шеленуховской, Байбудо - Белозерской, Мошенской и Старосельской происходило в ноябре восстание, в котором участвовало несколько тысяч крестьян. Восставшие называли себя петлюровцами. Ими была объявлена мобилизация до 45-летнего возраста. К восставшим перебежали во время боя из белых частей два офицера - украинца, которые возглавили движение и готовили наступление на Черкассы. В районе Холодного Яра оперировал атаман Чучупак, здесь никакой деникинской власти не было. Крестьяне разгромили Коваликскую и Софиевскую

¹⁾ Архив Зафронтбюро. Дело № 139. Доклад П. Попова от 21 X 1919 г. Москва.

²⁾ Там же, д. № 264, доклад А. Радченко.

³⁾ Там же, д. № 164, доклад Информбюро ЦК КПУ, сообщение т. т. от 1 XI 1919 года.

⁴⁾ Воззвания эти имеются в делах архива Зафронтбюро.

⁵⁾ Там же, по информ. сводке № 36 информотдела ЦК КПУ за 11/XI.

⁶⁾ Там же, доклад Колосова, д. № 300.

экономии графов Бобринских ¹⁾). В Чигиринском уезде действовали отряды Коцуры, численность которых достигала по сведениям на 22 октября пяти тысяч человек. Базой коцуровских отрядов являлись знаменские леса ²⁾). Коцура поддерживал связь с отрядами Василия Петренко в Елисаветградском уезде. По отношению к Соввласти сам Коцура вел себя лояльно и поддерживал советские лозунги, но в политическом отношении представлял собой величину неопределенную и неустойчивую. Он был связан с Полтавским Губревкомом.

Отряды Зеленого, Пятенко, Несмеянова, Ангела и других петлюровских атаманов носили кулацкий характер и с приходом Красной армии обратили свое оружие против нас, но, выступая против Деникина, они сумели увлечь за собой и середняцкие и бедняцкие элементы, позже отошедшие от них.

Петлюровская газета «Селянская Думка» от 4 октября приводила следующую резолюцию повстанческих войск Зеленого, характеризующую политическую физиономию петлюровских партизан:

«Выслушав доклад своих делегатов, посланных к Директории УНР, мы, старшины и казаки, представители от конной повстанческой дивизии атамана Зеленого, постановили:

1) Довести до всеобщего сведения, что в такой грозный для Украины час, когда борьба с российскими большевиками - коммунистами еще не окончена и Деникин, охвативший значительную часть Украины, продвигается, несет нашему народу черную реакцию, угрожает независимости УНР, мы признаем верховной властью украинскую Директорию с ее теперешним социалистическим правительством и будем их поддерживать до созыва парламента, созданного, согласно декларации теперешнего п-ва, на основе 5-членной формулы, который (парламент) один только является правомочным изменить законы, изданные до сего времени правительством.

2) В виду того, что до Директории доходят неверные слухи о столкновениях между нами и сечевыми стрельцами, столкновениях, которые случились в январе с.г. под Обуховым и тем усиливают отрицательное к нам отношение Директории УНР, назначить в кратчайший срок следствие и гласный суд по этому поводу, чтобы те, которые являются виновниками этого столкновения, понесли заслуженную кару.

3) Объявить, что никто из нас никогда не вступал в российскую партию большевиков - коммунистов и никто не вел с ней переговоров по вопросу о поддержке этой партии вооруженной силой. Объявить это решение в сотнях, довести до сведения УНР и опубликовать в газетах.

Председатель собрания помощник атамана дивизии подковник Бобровский, секретарь Черняковский. «Селяньска Думка» 1 окт.».

Но настроению низов зеленых отрядов, особенно в несколько более поздний период, эта резолюция, как мы уже видели, далеко не соответствовала — недаром

¹⁾ Музей ГПУ Укр. Харьков. Документы добармии. Донесение прокурора Черкасского окружного суда командиру 2-й арм. корпуса от 16 ноября 1919 г.

²⁾ Архив Зафронтобюро, «сведения о повстанческих отрядах» от 16 ноября 1919 г.

резолуция оправдывалась в том, что столкновения с сечевиками носят случайный характер и что в массах нет будто бы враждебного настроения против Петлюры.

В низах отрядов петлюровского типа была несомненная почва для советизации партизан.

Тов. Колосов в своем докладе в ЦК КПУ рассказывает о попытке расколоть петлюровское движение и оторвать здоровую часть его. Задача была трудная, но несомненно крайне важная. Следует отметить, что партийными организациями этой задаче было уделено слишком мало внимания и сил. То же можно сказать и по отношению к махновщине. Как видно из анализа повстанческого движения, почва для советизирования была крайне благоприятна. Крестьянское движение в своей бедняцко-середняцкой прослойке стихийно тянулось к советским формам, к союзу с пролетариатом и к руководству партии.

Возможности были огромные еще в подпольный период, но достижения далеко не соответствовали им. Несомненно, налицо был ряд объективных причин, препятствовавших овладению повстанческим движением, и основная — слабая связь с деревней, колоссальный недостаток в политически-воспитанных организаторах повстанческого движения. В условиях белого террора, разгрома рабочего движения подпольные организации не всегда имели силы и средства, чтобы взять на себя руководство вооруженным восстанием деревни против деникинского режима. Сделано было очень мало. Работа членов Ревсовета повстанческих соввойск в петлюровском и махновском районах была крайне слаба. Такое мнение высказывается и в докладе Киевского областного комитета в ЗБ ЦК КПУ.

В своем докладе в ЗБ ЦК КПУ Колосов описывает свои успехи по овладению силами петлюровцев. Колосов рассказывает, как он проник в петлюровский лагерь в банду Несмеянова, и, заявив Несмеянову, кем он является, предложил ему подчиниться, с чем Несмеянов согласился. После захвата Казатина Колосов потребовал от петлюровского командования передачи ему всех вооруженных сил вплоть до Жмеринки. Петлюровское командование послало контрольную комиссию для обследования вопроса, и на совещании, на котором присутствовал представитель Директории, атаманы Ангел, Пятенко, Шумский и др., Колосов был назначен, по его словам, «Главным Атаманом» всех повстанческих сил на Украине и ему были переданы вооруженные силы на участке до Винницы, бронепоезда, бронеавтомобили и т. д. В своей агитации против Петлюры Колосов, по его словам, имел успех. Заявив о своем неподчинении Петлюре, он отдал приказ о замене национальных флагов красными и о том, чтобы партизанские отряды не выступали против наступающих советских войск. Но приказ этот не был выполнен атаманами, за что штабы их были арестованы, а атаманы Ангел, Шумский и Бугай были переданы в руки Советского командования и расстреляны.

Описывая свои действия, Колосов однако ничего не говорит о том, что было предпринято им помимо дипломатии, хитрости и уловок для расслоения повстанческой массы. Ничего не сказано о попытках связаться с местными партийными организациями, ревкома. Ничего не сообщает тов. Колосов и о своих организационных мероприятиях по овладению движением. За все время своей деятельности

на Правобережьи Колосов работал в качестве одиночки и достаточно регулярной связи с остальными членами Ревсовета, с Зафронтбюро, очевидно, не поддерживал (по крайней мере, в архиве Зафронтбюро о более или менее регулярной связи с Колосовым никаких данных не имеется). Неудивительно, что результаты его работы оказались сравнительно невелики. Характерно, что даже Наднепрянская дивизия Коцуры, подчинявшаяся оперативным приказам Ревкома Полтавщины и помощника Колосова — т. Шаврина, с приходом Красной армии не влилась в ее ряды. Разумеется, во всем этом нет индивидуальной вины Колосова, приходится подчеркнуть серьезнейшие упущения со стороны партийных центров, но факт остается фактом: достижения в смысле советизирования повстанческого движения в районе Киевщины, Подолии и Волини были невелики. Об этом свидетельствует и бандитское движение в Киевщине после прихода Красной армии.

Характеризуя повстанческое движение на Украине в целом, необходимо отметить, что повстанчество, сливавшиеся зачастую из многих довольно разнородных потоков, носило все же общекрестьянский и всекрестьянский характер. Кулацко-шовинистические элементы, особенно заметные на Правобережьи, которые, даже выступая против Деникина, подчеркивали свою открытую враждебность диктатуре пролетариата, были, в общем, незначительны. Коммунистические партийные центры и организации на Украине, опираясь на революционные элементы мелкобуржуазных социалистических партий, сумели, в общем и целом, использовать повстанчество в целях свержения буржуазно-помещичьего режима белых. Стихийно выявившееся тяготение повстанческих масс к союзу с пролетариатом облегчило задачу борьбы против контр-революции, способствовало тому, что наиболее здоровая середняцко-бедняцкая часть партизанства влилась в Красную армию. Крестьянство Украины больше приблизилось к советам и компартии, поняло необходимость нести жертвы во имя революции. Средняцкие массы требовали лишь, чтобы партия выправила искривления эпохи военного коммунизма.

Повстанческое движение весьма облегчило боевую работу Красной армии. В последние месяцы пребывания Деникина на Украине Зафронтбюро ЦК КП(б)У и местные парторганизации развили большую деятельность по согласованию партизанских выступлений с наступательными действиями Красной армии.

Вот например, директивы Зафронтбюро, изданные в ноябре и декабре 1919 года:

Уездпаркомам К. П. У. и Уездревкомам

В настоящий момент основная задача Военревкомов — содействие Красной армии в борьбе с Деникиным:

1. Необходима организация в кратчайший срок массовых партизанских действий, направленных на разрушение железнодорожного пути, крушение поездов, систематический перерыв телеграфных и телефонных проводов. Надо поставить под организованный удар красных партизанов хотя бы важнейшие железнодорожные узлы, чтобы совершенно лишить возможности противника передвигать грузы и войска и сноситься по телеграфу и по телефону. Надо немедленно

бросить десятки, сотни своих агентов, испытанных коммунистов - повстанцев, по лесам и бунтарским селам, где скрываются многочисленные партизанские отряды, ждущие сигнала и руководства нашей партии. Крайне важно под лозунгами, популярными среди крестьян в переживаемый момент, организовать продовольственную блокаду городов, истребление появившихся помещиков и жандармерии, поддерживаемых кулаками, надо умело обострять и углублять классовые противоречия в деревне.

2. Необходимо проявить максимум энергии и организованности в деле разложения деникинской армии и разрушения политических, экономических и технических возможностей белогвардейского государственного строительства. В целях разложения белой армии необходимо всякое проявление недовольства в рабочих и крестьянских массах мобилизацией, понижением заработной платы, отобранием земли, реквизицией хлеба, скота, лошадей, оформить и организовать в вооруженный протест, в разрушительное революционное восстание хотя бы местного значения.

На подавление восстаний будут оттянуты силы с фронта. А опыт нам уже показал, что армия, мобилизованная из рабочих и крестьян, наиболее быстрым темпом разлагается и революционизируется на подавление рабоче - крестьянских восстаний. Этот метод уже не раз испытан в истории гражданской войны наших дней.

Надо путем революционного действия на каждом шагу разоблачать, обнажать царистско - националистическую и буржуазно - помещичью природу деникинского режима.

3. Ревкомы обязаны в кратчайший срок, с сознанием величайшей ответственности перед революцией и партией, проявить наивысшее напряжение сил в использовании всех возможностей по дезорганизации сил противника.

Находящимся в Вашем распоряжении отрядам давайте немедленно приказ к выступлениям партизанского характера, не ожидая всеобщего восстания. К всеобщему восстанию лежит путь через систематические партизанские действия малыми отрядами.

Член Зафронтбюро Цекакапеу

9/XI 19 года ¹⁾

В декабре Зафронтбюро потребовало, чтобы руководители партизанских отрядов на Левобережье направили свой удар в северо - восточном направлении, куда, как предполагалось, будут отступать на Дон главные силы белых. Повстанческим отрядам Правобережья была дана директива во что бы то ни стало удерживать железнодорожные линии в своих руках и принять меры к установлению связи с наступающими красными войсками. Эти распоряжения, в общем, проводились в жизнь ²⁾.

Крестьянское движение против Деникина сыграло выдающуюся роль в развале генеральско - помещичьего режима. Вся территория добармии была охвачена

¹⁾ Архив Зафронтбюро, д. № 169, приказ от 9/XI 1919 года, документ на полотне,

²⁾ Там же, приказ от 8/XII 1914 г. документ на полотне,

восстаниями. Восстания не только разложили тыл, но и заставили белых снимать с фронта крупные боевые силы на подавления. Этим ослаблялось общее наступление белых.

Повстанческое движение было разгромлено, ибо оно представляло собой неорганизованную раздробленную стихию. Движение разлагали анархисты, эсеры, петлюровцы. Но все же крестьянские восстания облегчали дело Красной армии.

Весьма важной чертой движения было то, что оно, несмотря на колебания, ограниченность и рыхлость, все же обнаружило в основном стремление к союзу с пролетариатом, компартией и тяготение к советской власти. Получив урок помещичьей диктатуры, убедившись, что не может быть «золотой середины», крестьянство пошло за пролетариатом.

Из истории Винницкой организации большевиков

(1917 год ¹⁾)

ВИННИЦКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

В конце июня ²⁾, после знаменитого наступления, Винницкая организация под руководством тов. Тарногородского стала крепнуть и разворачивать свою работу.

Кроме т. Тарногородского, в организации работала довольно сильная группа большевиков: т. т. Фенглер Б. В. из эскадры воздушных кораблей, рабочий - столяр, член партии с 1907 г., побывавший в двух ссылках, Гишвалинер Перец (Освальд Михаил — фамилия с гетманского подполья), рабочий - портной, вернувшийся из эмиграции, член партии с 1904 г., т. Красноленский Вл. П. студент - юрист, Левицкий Вл. из гаража эскадры, Жуков, Егоров и Яковлев из мастерских эскадры, Юдкович — рабочий, Поплавский — сапожник (его в любое время можно было встретить или в парткоме или на вокзале, окруженного группами проезжих солдат, ведшего среди них оживленную агитацию). Кроме этих руководящих товарищей, принимали участие в работе организации следующие товарищи: Брин — служащий мельницы, Ковалев — булочник, Новак — рабочий посадочной мастерской, Шлюгер — учитель, Нодель — рабочий фабрики «Ястреб» (большой любитель ораторствовать), Панасюк — солдат саперной части, анархист, приехавший после февраля из Америки, Рабинович — ныне Ракитов (студент) — солдат саперной части ³⁾, Ниренберг — водопроводчик, очень молодой парень (погиб в 1919 г. под Калиновкой) и Спектор — кожевник. В большевистской организации

¹⁾ Статья ни в коем случае не претендует на полноту картины и, возможно, содержит некоторые ошибки в датах и деталях. Объясняется это отсутствием под рукой автора каких-либо материалов для точного восстановления в памяти событий, имеющих уже почти десятилетнюю давность. Несомненно, более полное и точное представление о Винницкой организации и Октябрьском перевороте на Подолле даст сборник,готавливаемый по поручению Истпарта ЦК КП(б)У к десятой годовщине Октябрьской революции группой товарищей - подолан, в числе которых находится и автор статьи.

²⁾ Автор начинает свое изложение с того момента, когда он приехал в Винницу. Р е д.

³⁾ Кстати, перед выборами в Учредительное Собрание, когда нам надо было собрать определенное количество подписей для выставления своего самостоятельного списка, мы (Красноленский, Снегов и Миллер), как уполномоченные от нашей организации в избирательные комиссии, пришли за подписью и к тов. Рабиновичу (считавшемуся сочувствующим нам), он последний, несмотря на наши уговоры, своей подписи не дал. И. М.

принимал значительное участие, тогда еще ученик гимназии, Снегов Алексей (фамилия с гетманского подполья). Он быстро выдвигался и стал потом одним из активнейших работников Подолии.

В партийный комитет в июне - августе 1917 года входили: Тарногородский, Фенглер, Юдкевич, Красноленский, Гишвалинер, Жуков и другие.

Вся агитационная работа лежала почти целиком на т. т. Тарногородском и Красноленском, остальные товарищи меньше выступали. Сами солдаты и рабочие много помогали нам своими простыми, но для всей аудитории понятными речами, которые действовали иногда сильнее выступлений опытейших агитаторов.

Работать приходилось в обстановке чрезвычайно тяжелой — отчаянной травли со стороны руководителей тогдашнего Совета, разных мелко- и крупно-буржуазных партий и обывательщины.

Наибольшее влияние и самая тесная связь у большевиков была с рабочими фабрики «Ястреб» (кожевенная фабрика «Ястреб» дала двух активных работников — т. Мороза и т. Юрченко), посадочной мастерской, заводом «Молот» (металлисты) и булочниками. Союзы же «Иглы» и печатники находились под влиянием меньшевиков и главным образом «бундовцев».

Подольская губерния являлась районом расположения Юго-Западного фронта, VII армии Румынского фронта и 2-го Гвардейского корпуса; Винница же была центром всей работы на Подолии. В самом городе было расположено несколько частей, среди которых велась широкая агитация и с которыми была налажена самая тесная связь: 15-й запасный полк, эскадра воздушных кораблей (по своему уровню самая сознательная часть), гараж и мастерские эскадры: обмундировочная и починочная, Вятская дружина, саперная часть и др. Позже прибыла пулеметная рота и команда бомбометов, которые оказали нам большую помощь в Октябрьские дни в борьбе с юнкерами.

Расширялся состав нашей организации за счет солдатской и рабочей массы. Организация все более крепла, успех в работе и авторитет быстро возрастали.

Комитет разместился в нескольких помещениях — отчасти из-за отсутствия одного удовлетворительного помещения, отчасти умышленно, желая разбросить свою работу по всем районам. В центре города, в здании городского училища, была помещена библиотека-читальня. Там, в небольшой комнате, всегда было тесно и душно. Читали газеты и популярную литературу, но больше говорили и спорили. Почти ежедневно устраивались митинги — аудитория не могла вместить всех желающих. Сидели, сжавшись на низеньких партах, стояли вплотную, слушали через открытые двери. Атмосфера была горячая и напряженная. Между солдатскими шинелями и рабочими куртками всегда можно было видеть выцветший околышек старой студенческой фуражки т. Тарногородского, его энергичное лицо со своеобразной мимикой, слышать его уверенный, твердый голос. Нередко выделялась и европейская шляпа Гишвалинера.

Вторая база — «столик с литературой» — помещалась в «Мурах», где находился Совет Р. С. и К. Д., — там уже устраивались многояюдные митинги.

Большое и мрачное помещение во время собраний и митингов было полно солдатской массой. Здесь готовились и организовывались Октябрьские дни.

Большевистский столик в «Мурах» привлекал широкую рабоче-солдатскую массу и сыграл огромную агитационно-организационную роль. Вокруг него велись споры, вокруг него и оформлялась фактически большевистская Винницкая организация. Но вскоре необходимо было подумать и о более удобном помещении. Правящие партии почувствовали организационную и агитационную силу этого, казалось бы, незаметного столика и завели себе ряд столов с литературой (хотя их комитеты помещались в шикарных, удобных квартирах). Однако влияние их на массы и популярность от этого не увеличились. Кроме нескольких студентов и гимназистов, эти столы никого не привлекали и не интересовали.

Наши агитаторы посещали не только митинги и собрания, устраиваемые нашей организацией в казармах и городском училище, но не пропускали ни одного собрания, устраиваемого другими партиями.

Помню два таких собрания — одно в женской гимназии, устроенное народными социалистами, с докладом члена Ц. К. н-с. и второе в городском театре — доклад члена Ц. К. к.-д. На этих собраниях мы выдвинули своих товарищей, как оппонентов. На докладе члена Ц. К. кадетов от нас выступал т. Тарногородский и блестяще разбил просвещенного докладчика-профессора. Выступление Тарногородского произвело такое впечатление, что весь партер пришел в бешенство, раздались крики — «германский шпион», но зато галерка, занятая солдатами, устроила овацию и хотела даже спуститься вниз, чтобы разогнать «избранную публику». В результате собрание сорвалось, так как галерка не давала докладчику больше говорить.

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Июльские дни в Виннице начались конфискацией нашей листовки, арестом т. Гишваллнера, которому предъявили обвинение в немецком шпионаже (правда, его скоро освободили в виду внушительного и энергичного протеста рабочих), и гонениями на большевиков.

Наступление на большевиков со стороны Исполкома Совета Р. С. и К. Д., местных лидеров меньшевиков и эсеров, сыграло как раз благоприятную роль в деле укрепления нашего влияния на солдатскую и рабочую массу и вызвало колебание и самого Совета. Внутри Совета началось расслоение, росло недовольство лидерами его — меньшевиками и эс-эрами. Между пленумом Совета и Исполкомом уже не находилось общего языка. Пленум Совета разбился на секции — рабочую и солдатскую (каждая заседала отдельно). Самая сильная секция была солдатская, которая находилась целиком под нашим влиянием, да и в рабочей мы быстро укреплялись.

Наступление на б-ков вызвало сильное возбуждение среди членов Совета — они потребовали перевыборов. Наше положение в Совете окончательно упрочилось.

Заключительным аккордом июльских дней в Виннице и крупным событием в жизни нашей организации явился -приезд Евгении Богдановны Бош и ее

доклад на закрытом подпольном собрании актива о разгроме «Правды», переходе на нелегальное положение т. т. Ленина и Зиновьева и т. п. Доклад состоялся на окраине города, поздно ночью, в одном из складов пивоваренного завода.

На второй день президиум Исполкома Совета узнал о нашем собрании, пришел в бешенство и поставил на ноги всю милицию, стараясь разузнать участников, в особенности рабочего, открывшего нам склад. Старания узнать участников и порядок дня собрания ни к чему не привели, пока мы сами не опубликовали в августе в нашей газете «Борьба» сообщение о докладе т. Бош.

ПЕРВАЯ БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ГАЗЕТА НА ПОДОЛИИ

В августе 1917 г. на Николаевском просп. (ныне Ленинской ул.) в клубе «Мурах» за нашим знаменитым «большевистским столиком» было устроено на ходу первое совещание по вопросу об издании газеты, при чем первый номер ее было решено приурочить к выборной кампании в Городскую Думу. На совещании присутствовали т. т. Тарногородский, Красноленский, Гипсвайнер и я. Тут же наметили план первого номера и ответственным редактором выбрали Тарногородского, который сейчас же приступил к собиранию материала. Я же отправился в типографию Балмазия для переговоров о печатании газеты. Не без трудностей удалось мне уговорить обанкротившихся стариков-хозяев. Для того, чтобы не мешать нормальному ходу работ типографии (и подальше от лишних глаз), мы решили газету набрать в субботу — нерабочий день. Набирать и печатать надо было своими собственными силами — об оплате не могло быть и речи. Так как ее нужно было пропустить через цензуру, то мы (Тарногородский, Красноленский и Миллер) отправились к цензору, которому представили Тарногородского, как ответственного редактора, и дали план первого номера. Цензор упорно пытался кое-что вычеркнуть, особенно не понравились ему лозунги к выборной кампании в Городскую Думу.

Наконец, были собраны все материалы, получена виза цензора и Балмазия согласился на печатание газеты. В течение суток я самостоятельно набрал и сверстал весь материал. Каждая набранная статья тут же корректировалась то Красноленским, то Тарногородским, которые поочереди дежурили в типографии. К утру была напечатана сравнительно богатая по содержанию и недурно сверстанная первая большевистская газета на Подолии — «Борьба», которая оказалась лучше газеты, выпущенной тогда же социалистическим блоком и имевшей со-трудниками дюжину юристов, студентов и проч. Появление нашей газеты произвело громадное впечатление, и она скоро приобрела большую популярность среди солдат и рабочих. Выпущенное количество экземпляров оказалось далеко не достаточным.

В первом номере были помещены, кроме передовой т. Тарногородского и двух предвыборных статей, сведения о конфликте Генерального Секретариата Ц. Р. с Временным Правительством, заявление Ленина и Зиновьева из июльского подполья, заметки о присоединении Полтавского Совета к резолюции Петроградского и Московского Советов, информация о Стокгольмской конференции и т. п. Кроме того, была помещена информация местного характера о конфликте

между рабочими и хозяином в кондитерской Янковского, приведшем к забастовке¹⁾. Газета была разукрашена лозунгами к выборной кампании.

Второй номер «Борьбы» был составлен быстро и в нем было уже больше помещено местных материалов. Набирался второй номер ночью в городской типографии с помощью некоторых рабочих, так как должен был быть выпущен до прихода администрации типографии (№ 2 не был пропущен через цензуру). К пяти часам утра я уже принес Тарногородскому свежий номер. На утро было издано распоряжение Исполкома о запрещении газеты и предписано милиции задерживать всех продающих ее — исполняя это распоряжение, милиция до избияния мальчишек, продававших газету. Несмотря на это, газета была полностью разобрана солдатами и рабочими.

Мы решили выпустить и третий номер, несмотря на категорическое запрещение, но, собрав уже материал, отказались от этой мысли потому, что в это время начался корниловский мятеж и внимание организации было отвлечено в другую сторону. Но «Борьба» все же сыграла свою революционную роль на Подолии.

ВЫБОРЫ В ГОРОДСКУЮ ДУМУ

В августе, к моменту выборной горячки в Городскую Думу, мы настолько окрепли, что насчитывали в б-ской организации около 600 человек, преимущественно солдат и рабочих. Авторитет нашей организации был достаточно велик и все остальные партии были вытеснены из казарм почти целиком, а частью и из предприятий. Успех наш для всех был несомненен.

Началась предвыборная кампания. Социалистический блок и другие партии развернули широкую агитацию — печатную и устную. Мы же, вследствие скудности средств, должны были ограничиться одним листком и двумя номерами «Борьбы». Наш список, шедший под № 12, был по своему составу чисто рабоче-солдатский, за исключением двух товарищей. В нашей предвыборной работе нам особенно помогали солдаты: автомобилями, аэропланами и т. д.

Меньшевики и эсеры, которых мы совершенно затерли, растерялись и начали принимать ряд предупредительных мер, правда, не приведших ни к каким результатам. Под угрозой солдатско-большевистской опасности они решили добиться уменьшения числа наших избирателей путем срочного расформирования 15-го полка, почти целиком голосовавшего за наш список. Это вызвало сильное недовольство среди солдат, которые заявили, что, «когда мы нужны были, как пушечное мясо, нас держали, а когда речь идет об избирательном праве — нас хотят лишить его».

Был намечен и перевод эскадры воздушных кораблей (самая надежная и сознательная часть) временно в Харьков и т. п. Но соглашателям пришлось

1) Любопытно коснуться подробнее этого конфликта — для улаживания его президиум Совета Р. Д. выделил комиссию в составе чл. президиума Исполкома Казанасмаса, одного из лидеров меньшевиков, исключенного впоследствии из партии за спекуляцию, чл. президиума Исполкома Возкова (правый с. - р.) и третьего, тоже с. - р. Комиссия стала на сторону хозяина, и только благодаря вмешательству нашей организации и профсоюза удалось избежать поражения рабочих. И. М.

отказаться от этой провокационной затеи под угрозой разгрома избирательных комиссий недовольными частями. Победа наша на выборах была обеспечена — мы шли первыми и провели в Городскую Думу 12 гласных; вторым шел еврейский буржуазно-национальный блок (10 мест), затем социалистический блок (8 мест), украинские с.-д. (7 мест) и т. д.

Воинские части почти целиком голосовали за нас, за соц. блок голосовали офицеры и часть рабочих — портные и печатники. Еврейская беднота, одурманенная сионистами, голосовала за буржуазные еврейские национальные списки №№ 10, 11. Прилегающий к городу так называемый «старый город» и деревня «Луки» голосовали в своем большинстве за украинских с.-д. и с.-р.

Эта кампания и наша победа явились по существу проверкой и мобилизацией наших рядов. Результаты влили в наши ряды много бодрости. Наш авторитет в солдатских и рабочих массах еще больше возрос.

КОРНИЛОВЩИНА

В связи с контр-революционным выступлением Корнилова, Винницкая организация, как центр Юго-Западного фронта, повела самую решительную кампанию за борьбу с корниловщиной, за вооружение революционных рабочих и солдат и разоружение контр-революционных офицеров.

В дни корниловщины на одно из заседаний пленума Совета Р. С. и Б. Д. явились вооруженные солдаты с офицером во главе с корниловскими значками (черен на рукаве) и потребовали ареста тов. Тарногородского в связи с его выступлением против так наз. «займа свободы». Это требование вызвало сильное возмущение и среди некоторой части соц.-соглашателей в Совете (Кернер, Лейбельман, Цорин¹⁾) которые выступили с резким протестом против «превращения Совета в охранку».

Другая часть правых партий никак не реагировала, но, благодаря сильному сопротивлению со стороны секций Совета, банду «смерти» прогнали с заседания. Она ушла из города, но вскоре среди населения и особенно в частях началась сильная агитация чисто погромного характера. Совет срочно собрался и на ночном экстренном заседании поставил вопрос о выделении комиссаров в воинские части для успокоения солдат. Тут и выявилась как нельзя лучше слабость и трусость правящих тогда партий. Комиссарами главным образом были избраны большевики, а меньшевики и с.-р. только цеплялись за нами. Помню, в 15-й полк поехал Красноленский — к нему приставили с.-р. Вейцмана. В эскадру поехал Гишвалинер с Фенглером и им дали в помощь врача Черняка с.-р. и т. д. С этого момента влияние правых партий стало сходить на нет. Руководство Советом взяла в свои руки наша организация и власть постепенно начала переходить к Советам. Новым препятствием к укреплению власти Советов послужило появление вместо русских меньшевиков и с.-р. — украинских. На смену шушуканию и подвохов из-за угла Казаносмасых, Козловых и т. п. пришел уверенный стук по столу кулака Дудичых, Крекединых, Левитских и т. п.

¹⁾ Последние два впоследствии стали коммунистами.

Узнавши о начавшейся украинизации некоторых частей на Юго-Западном фронте, эти украинские шовинисты почувствовали под собой почву для борьбы с нами. У них образовалась довольно сильная группа в Совете и наше влияние этим разбивалось — нам снова пришлось центр тяжести перенести в казармы. С этого момента мы свою работу перебросили также на село и наше влияние распространилось и на крестьян.

В начале сентября в Винницу приехала Евгения Богдановна Бош на совещание и пробыла у нас несколько дней.

Наша организация, слабая пропагандистскими силами, всегда использовывала посещения Евгении Богдановны и на этот раз также мы таскали ее повсюду: по воинским частям, на митинги, собрания, платные лекции и т. д. В этот момент как раз остро стоял вопрос о прибывшей и расположившейся в Мурах пулеметной роте, заправилами в комитете которой были черносотенные офицеры и с. - р. Помню, с Евгенией Богдановной я поехал на собрание этой роты. На собрании присутствовали все солдаты, но председательствовал офицер и доклад делал тоже офицер. Когда офицер кончил свой доклад, Евгения Богдановна попросила слово. Председатель было отказал и только после настоятельного требования предоставил ей слово, как члену Областного Исполнительного К-та. Солдаты слушали с напряженным, неослабевающим вниманием. Председатель старался помешать Е. Б. и в конце концов, чувствуя свое бессилие, решил сорвать собрание. Мотивируя поздним временем, он перенес заседание на другой день и ушел. Солдаты взбудоражились. Евгения Богдановна посоветовала мне сесть на председательское место и продолжать вести собрание. От имени нашей организации я объявил митинг-собеседование продолжающимся. После двухчасового доклада солдаты устроили Евгении Богдановне внушительные проводы: все вышли на улицу, откуда-то появился оркестр и все проводили ее с криками: «умрем, но добьемся власти Советов».

Так Евгения Богдановна своим выступлением произвела решающее впечатление на солдат пулеметной роты. Они стали активнейшими борцами за власть Советов и геройски сражались в Виннице в Октябрьские дни во время борьбы с юнкерами.

ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

15-й запасной полк, находившийся в Виннице и поддерживавший Совет Р. С. и К. Д., получил в середине октября распоряжение о немедленном выступлении на фронт. Этот шаг Временного Правительства и его комиссара оценивался как контр-революционный и вызвал сильное возмущение среди солдат.

На второй день по получении этого распоряжения полк в полном составе во главе с поручиком Зубрилиным со знаменами предстал перед Народным Домом, где в это время заседал Совет.

Сильное впечатление на солдат произвело выступление подпоручика Зубрилина, сорвавшего во время речи свои погоны.

25 октября в Народном Доме в одной из задних комнат ночью было созвано совещание Исполкома Совета с представителями воинских частей, на котором

и был избран Ревком с преобладающим большинством большевиков в нем. Все полномочия по распоряжению воинскими частями были переданы последнему; кроме того, были приняты решения:

1) удержать отправку 15 полка на фронт, 2) утвердить Ревком на пленуме, 3) усилить караул оружейных складов и 4) следить за прибывающими войсками.

26 октября в полковой комитет 15-го полка поехал тов. Тарногородский для выработки ответа комиссару Временного Правительства на требование отправки на фронт. 27 октября прибыла на вокзал школа юнкеров с восемью броневиками. Через несколько часов приехал комиссар Временного Правительства, Костицын, с.-р. 28 октября утром было созвано заседание президиума Исполкома, на которое пришли все члены Ревкома. Первым вопросом поставили доклад Костицына, в котором он выставил следующие требования: 1) отправить на фронт 15-й полк, 2) выдавать оружие из складов для фронта, 3) арестовать члена Областного Комитета, тов. Бош. Ответ, выработанный нами, был краток: «без санкции пленума Совета требования не могут быть выполнены».

Весть о приезде комиссара Временного Правительства быстро разнеслась по всем казармам и городу.

В тот же день вечером был созван экстренный пленум Совета — зал заседаний был настолько переполнен, что солдаты, желавшие понасть на заседание, не могли пройти из-за отсутствия мест. Первым вопросом стоял доклад полковника Костицына. Доклад был выслушан в суровом молчании. Смелое же выступление т. Тарногородского и других товарищей и, наконец, сильная критика т. Бош, разбившая вдребезги доклад Костицына, вызвали бурю аплодисментов и взбудоражили всех присутствующих. Ответ был выработан быстро и лаконически: «Ни одной винтовки из оружейного склада без разрешения Совета до тех пор, пока не будут полностью вооружены винницкий гарнизон и винницкие рабочие».

Увидев настроение, комиссар собрался уходить, забыв данное им слово остаться до конца заседания. Когда же ему напомнили об этом, он стукнул кулаком об стол и крикнул: «так что-же, я у вас арестованный?»

Член президиума Исполкома (кажется, Тарногородский) огласил требование Костицына об аресте Евгении Богдановны — заявление это вызвало грозный протест со стороны всего зала. Одному из наших товарищей пришлось взять на себя ведение собрания, так как председательствовавший меньшевик не мог уже справиться.

В ту же ночь было созвано совещание Ревкома с представителями воинских частей, где обсуждалось предложение о немедленном выступлении, аресте Костицына и разоружении юнкеров. Победила сторона, настаивавшая на воздержании до прибытия поддержки от 2-го гвардейского корпуса.

29 октября было созвано заседание Совета; отдельно заседали рабочая и солдатская секция. Все эти заседания происходили в Народном Доме, сделавшемся центром Октябрьской борьбы (Е. Бош не присутствовала на этих заседаниях, так как уехала в Жмеринку).

Во время этих бурных заседаний в самый разгар работы секций к Народному Дому подъехало четыре броневика с юнкерами. В президиум собрания поступил клочек бумаги с ультиматумом — десять минут на размышление: сдаться без боя и сдать оружие. Тут же явился товарищ из эскадры воздушных кораблей с сообщением, что четыре броневика с отрядом юнкеров окружили эскадру и тоже пред'явили требование сдаться и в случае отказа обещают разнести эскадру. Этого товарища мы послали в гараж за нашими двумя броневиками. Они прибыли и остановились у Совета. Все наши спешно вооружились и стали у окон с винтовками. Юнкера, не дождавшись и десяти минут, открыли огонь по Народному Дому — среди публики поднялась большая паника. Все двинули к выходу, но выйти на площадь никто не решался, пока юнкера не обещали всем пропуск — они рассчитывали при выходе задержать «руководителей».

Помню, я с Тарногородским выскочили через какое-то оконце, оставив свои шапки и пальто в здании. Через грязный Бугский переулок пробрались мы домой к Тарногородскому, где его мать нас одела в какие-то куртки вместо оставшихся в Народном Доме пальто, и мы ушли.

Наши броневики скоро потерпели поражение — оба были подбиты и загорелись. В одном из броневиков наш товарищ так и сгорел, из второго же другой товарищ успел выскочить, но был застрелен заметившим его офицером. Однако, юнкерам не удалось никого из большевиков задержать, кроме сочувствующего нам рабочего, т. Новака, захватили еще нескольких не причастных граждан. Сильный и энергичный Новак, избив юнкера, бежал. Эскадра, запертая юнкерами в казармах, не допускала их к себе, продолжая перестрелку до вечера. Вечером же, под сильным обстрелом броневиков пришлось сдаться.

Юнкера, получив подкрепление из Киева, заняли Замостянский район, центральный же район города был в руках 15-го полка и пулеметной роты под общим командованием Зубрилина. Бой продолжался два дня. Немного пострадало здание мужской гимназии в «Мурах» — туда юнкера целились, думая, что там находится Ревком.

После занятия города юнкерами мы (Тарногородский, Гишвалинер, Миллер и Журавлев) встретились по дороге в Браилов, куда принуждены были бежать. Переночевав в единственном, кажется, заезжем доме, мы на утро отправились пешком в Жмеринку.

Вокруг Жмеринки был в это время расположен 2-й гвардейский корпус, но в самой Жмеринке господствовали меньшевики и с.-р., имевшие некоторое влияние среди железнодорожников. Тут мы встретили Евгения Богдановну, успевшую за эти дни устроить в Совете внутренний переворот, разбив вдрызг меньшевиков и с.-р. с их «комитетом спасения революции». Таким образом, было уничтожено последнее меньшевистско-эсеровское гнездо на Подолии.

Узнавши о положении дел в Виннице, Евгения Богдановна отправилась в ту же ночь разыскивать распыленные части 2-го гвардейского корпуса и напала на след одного из полковых комитетов в одном селе в 18 верстах от ст. Жмеринки. Оттуда Евгения Богдановна и развернула работу во 2-м гвардейском корпусе и стала фактически его политическим руководителем. Солдаты

кроме Бош никого не признавали; тогда же и была дана ей кличка «генерала в юбке». Всего этого она добилась в течение нескольких дней.

В Жмеринке на вокзале мы встретились с новым комиссаром Юго - Западного фронта, назначенным уже, кажется, Совнаркомом. Комиссар предложил нам раньше самим попробовать переговорить с юнкерами, чтобы они сдали оружие без боя.

Ночью, в специальном вагоне с паровозом, поехали мы в Винницу. На рассвете стало известно, что юнкера, узнав о продвижении 2-го гвардейского корпуса на Винницу, спешно бежали из города.

Таким образом, власть перешла к Советам без боя.

В Народном Доме опять закипела жизнь и работа.

БОРЬБА С ЦЕНТРАЛЬНОЙ РАДОЙ

Вскоре тов. Тарногородский поехал делегатом от нас на первый всеукраинский съезд Советов. 7 — 8 декабря мы получили весьма туманные сведения о происшедших там событиях, об обострении борьбы с Центральной Радой. Скоро эти сведения подтвердились сообщением Тарногородского о переезде съезда в Харьков. Украинские с.-д. и с.-р. повели бешеную кампанию и травлю против нас. В Виннице и по всей губернии началась украинизация некоторых частей и наши «украинцы» стали вербовать сторонников Центральной Рады, но все же на нашей стороне в губернии остались крупные воинские революционные части — 2-й гвардейский корпус.

Украинские шовинистские партии опубликовывали все материалы Центральной Рады и широко распространили ответ Ц. Р. и Генерального Секретариата за подписью Винниченко и Петлюры на телеграмму Совнаркома от 5 декабря 1917 г., не публикуя, однако, самой телеграммы. Мы со своей стороны повели контр-агитацию. Опубликовали, с большим, правда, трудом, полученные через Тарногородского материалы — текст телеграммы Совнаркома Центральной Раде, манифест Центрального Исполкома Советов Украины и сообщение об образовании Народного Секретариата и его составе. Широко распространялись «Известия» ЦИКУ и другие издания, получаемые из Харькова.

Сторонники Центральной Рады, сосредоточив все свои силы в городе — восемь броневигов, захватили Исполком. Власть была в их руках. Мы перешли на нелегальное положение. Партийный Комитет и фракции Совета выделили Военно - Революционный штаб. Штаб руководил всей борьбой в городе. Четыре члена штаба (Гишвалинер, Снегов, Миллер и Журавлев) отправились ночью во 2-ой гвардейский корпус в Жмеринку, в Виннице в штабе остался Фенглер, Юрченко, Мороз и др.

В Жмеринке мы встретили веселого, жизнерадостного, пламенного агитатора Евгения Эдельштейна. У него мы застали Андрея Иванова, Яна Гамарника и Логинова, которые были посланы от Киевского Областного Комитета для работы во 2-м гвардейском корпусе. Там же мы познакомились и с комиссаром корпуса тов. Зенкевичем. Посовещавшись, решили поднять восстание изнутри города. Получив для вооружения винницких рабочих две подводы винтовок и патронов, мы, накрыв их мешками, отправились в Винницу. К четырем часам ночи мы

Группа активных работников Винницкой организации (17 — 18 г.)

1. Краснопольский 2. Мороз 3. Шивалин 4. Миллер 5. Дерманер

Группа активных работников Винницкой организации (17—18 г.)

1. Е. Бот 2. Снегов 3. Фейнгер 4. Тарногородский

приехали в Винницу и, пробравшись мимо караульных через город, под'ехали к тюрьме, где работал наш товарищ — Чупра. Предупрежденный о нашем приезде, он нас ожидал. В одном из сараев тюрьмы мы сложили винтовки и патроны, но ими не пришлось воспользоваться, так как в Винницу уже выступил из Жмеринки Волинский полк. Украинцы, узнав о движении на Винницу частей 2-го Гвардейского корпуса и чувствуя свою слабость, решились на хитрость. Они явились к нам для переговоров и предложили пустить полк без боя в город. И действительно, они любезно встретили полк и даже разыскивали усердно квартиры и помогали расквартировать солдат. Полк расположился в Замостянском районе. Ночью, в три часа, украинские части обошли квартиры, где расположились солдаты Волинского полка, и сонных разоружили. К утру все было готово. Помню, как одна группа волянцев, к которым я пробрался нелегально, говорила мне, что они собираются напасть на «украинцев» даже безоружные, настолько было сильно бешенство против этой провокации.

На второй день в Жмеринке узнали о проделке «украинцев», и трудно было удержать солдат от стремления двинуться на помощь товарищам. А в это время вооруженные «украинцы» со всеми восемью броневиками стояли в боевой готовности на вокзале.

Первым в Винницу пришел из Жмеринки Кексгольмский полк. Остановившись за версту от станции по линии ж. д., он послал делегацию к «украинцам», предлагая сдаться без боя, — делегация была арестована. Не получив ответа, кексгольмцы выгрузили группу солдат из вагонов и с бомбами в руках направили к станции. «Украинцы», решив, что идет вторая делегация, пустили ее на станцию. Кексгольмцы под крики «ура» бросились на броневики в атаку — офицеры растерялись, выскочили из броневиков и пустились бежать без оглядки, оставив броневики в руках кексгольмцев.

После непродолжительной перестрелки со стороны старого города (то было 9—10 января) Винница была занята 2-м Гвардейским корпусом почти без жертв. Части Гвардейского корпуса расположились в частных квартирах, а нашей основной заботой стало найти продовольствие для солдат. Начальником гарнизона был назначен т. Кузьмин (из корпуса), временным комендантом — Зубрилин.

Однажды поздно вечером, когда город превратился в сплошной военный лагерь, мы (Фенглер, Снегов и я) пришли к комиссару расположившегося в городе полка, у которого, к нашему великому удивлению, застали председателя городской думы Слуцкого, городского голову Левитского и еще третьего, не помню кого. Комиссар полка объяснил нам, что эта «делегация» пришла от «населения города» просить не открывать боя в городе и не разгонять Думу... Объяснили, что боя открывать не собираемся, незачем, а насчет Думы посоветовали обратиться в Ревком.

11—12 января в Винницу приехали Е. Эдельштейн, Андрей Иванов, Ян Гамарник и Логинов. Вечером был созван экстренный пленум Совета с представителями воинских частей и рабочих организаций в Белом Зале, под председательством Эдельштейна. Зал был переполнен... Настроение у всех бодрое и уверенное. Вступительное слово Эдельштейна, затем приветствия, оглашение манифеста ЦИКУ, и, наконец, под гром аплодисментов, был поставлен

вопрос о передаче власти полностью Советам. После горячей речи Эдельштейна приветствия тов. Зенькевича, представителей солдат, рабочих и других выступлений целого ряда товарищей, под аплодисменты и крики «ура», единогласно было принято — вся власть Советам. Воздержались двое (против голосовали 4 — 6 меньшевиков и бундовцев), один из них, считавший себя большевиком, т. Рубинштейн (студент), ныне коммунист, видный московский юрист. Затем начались выборы в Исполком. От имени нашей организации я огласил список кандидатов-большевиков под аплодисменты присутствующих. И только одна бундовка сделала отвод Снегову, указывая на его молодость (надо сказать, что т. Снегов действительно был очень молод, но вел ответственную работу а во время немецкой оккупации стал одним из руководителей подпольной губернской организации на Подолии). Отвод, конечно, не был принят, и на этом закончилось историческое заседание Винницкого Совета.

На второй день Исполком приступил к работе, разместившись в здании бывшего Окружного Суда. Городская Дума все еще продолжала собираться. Я получил задание от Исполкома отправиться в Городскую Думу и сделать там заявление от имени Совета о ее роспуске. По дороге я зашел к Гишвалинеру, новому члену Управы, и мы пошли вместе на заседание Думы.

Явившись туда, мы взяли слово для заявления — нас выслушали довольно спокойно. Председатель Думы Слуцкий (лидер винницких меньшевиков) пожал недоумевающе плечами, городской голова, истеричный Левитский — укр. с.-р., по своему обыкновению пустил слезу, а бундовец Оршанский — ныне коммунист, лишь ехидно улыбнулся, лидер к.-д. Ренекампф выслушал заявление совершенно безучастно. Официального ответа на наше заявление мы от них не получили, хотя некоторые из них заявили, что их можно разогнать только силой. На второй день Городская Дума опять устроила заседание. Мы созвали собрание нашей организации совместно с фракцией Совета, на котором и решили арестовать всех гласных Думы. Выбрали пять т.т.: Эдельштейна, Гишвалинера, Снегова, Юрченко и Миллера, взяли с собою отряд солдат 2-го Гвардейского корпуса и отправились в Думу. Там мы сообщили о переходе власти в Виннице к Совету Р. С. и Кр. деп. и о роспуске Городской Думы. Члены Думы заявили о неподчинении, подолжая вести заседание. Тогда тов. Эдельштейн сказал: «на ваше контр-революционное заявление мы даем революционный ответ». Часть гласных была арестована, а остальным предложили разойтись. Арестованных отвели в тюрьму, а через несколько дней состоялся над ними общественный суд.

К этому времени мы начали налаживать и вести более регулярную партийно-организационную работу. Было приступлено к упорядочению хозяйственно-финансовой жизни города¹⁾, организации красной гвардии, началась подготовка к созыву губернского съезда Советов и партконференции.

¹⁾ Т.-е.: организация отделов Исполкома, обеспечение продовольствием города, вскрытие комиссиями Исполкома сейфов и учет ценностей в них, назначение комиссаров в банки, судо-сберегательные товарищества и казначейство, национализация фабрик и заводов. Помню, мне пришлось провести национализацию частного кожевенного завода по Литинской дороге за городом, на котором потом, в период польской нелегалщины, я должен был скрываться несколько дней и где я встретился с бывшим хозяином. Эта встреча чуть не кончилась для меня печально. И. М.

Но недолго пришлось нам заниматься строительством: вскоре стало известно, что германские войска перебрасываются на Украину, согласно договора в Бресте с Центральной Радой. И тут контр-революция начала давать о себе знать. Бесперывно, целые сутки мы дежурили в здании Исполкома с винтовками и с пулеметами. Некоторые работники начали нервничать, успокаивала жизнерадостность и спокойствие Е. Эдельштейна. 2-го Гвардейского корпуса уже на Подолии не было.

В связи с приближением австро-германских оккупационных войск пришлось оставить Винницу.

По пути, на одной из маленьких станций нам сообщили, что за нами гонится какой-то поезд. Мы решили, что это поляки, разгрузились, рассыпались в цепь и залпом остановили поезд в двух верстах от станции, продолжая обстреливать его. И каково было наше удивление, когда из поезда вышел всего только наш товарищ Фенглер, который не успел сесть на наш поезд и теперь догонял нас. От Фенглера мы узнали, что Винница еще ни кем не занята, что там организована самооборона из обывателей.

Добрались до Полтавы — нас осталось 40 — 50 т. т. и, сформировавшись здесь в отряд, отправились на фронт — 40 вооруженных и один пулеметчик — т. Блавацкий, секретарь винницкого Совета. Первая боевая стычка была у нас под Бахмачем... На фронте мы действовали, как боевой отряд винницких партработников. Так мы прошли по Полтавской и Харьковской губерниям все время в боях.

В 1918 г. наша группа (Тарногородский, Эдельштейн, Гишвалинер, Снегов и Миллер) снова встретилась в Москве, откуда отправилась опять на подпольную работу на Украину.

Снова борьба... подполье... тюрьма... победа... неудача, опять победа... поражения и, наконец, победа навсегда.

Эта краткая страница из истории борьбы за власть Советов в Винницкой организации должна войти в общую историю героической эпохи 17 — 18 годов на Украине.

ПАМЯТИ ПОГИБШИХ

И теперь, когда мы от поражений, неудач, временных побед, подполья, героической борьбы перешли к окончательной победе и пишем свои краткие отрывочные воспоминания, перед нами встают образы товарищей, погибших на Подолии в борьбе за Советы.

Вот неполный список погибших товарищей:

1) Евгений Эдельштейн (Филиппов) — погиб от предательской пули под Винницей в бою с повстанческой бандой Шепеля в 1919 году (подробно см. в «Памятнике борцам революции»).

2) Максимович М. — комиссар Госконтроля, председатель Следственной Комиссии при Губ. Ревтрибунале и член Губ. Ч. К. на Подолии.

В бою под Калиновкой 15 — 16 августа 1919 г. захвачен петлюровцами. В Виннице его судил петлюровский суд. Осужденный к смертной казни, он

отказался от помилования. Смертный приговор заменили вечным заключением. При приходе денкинцев после Петлюры его увезли в Жмеринку и там расстреляли в октябре — ноябре 1919 г.

3) Виллер Самуил Ефремович — окончил школу права в Париже. До февральской революции сидел в тюрьме.

В Проскурове он провел крупную работу по борьбе с меньшевистско-эсеровским Комитетом VII армии, вел усиленную пропаганду в частях и среди рабочих. Был одним из организаторов Октябрьского переворота в Проскурове. Расстрелян бандой Григорьева в 1919 г.

4) Гойхер — секретарь Винницкого горкома, член Губкома. Один из активнейших и неутомимых работников в Виннице в 1919 г. Пользовался авторитетом и любовью в парт. организации. Захваченный на разведке под Калиновкой в 1919 г. — расстрелян петлюровцами.

5) Бидер — участник гетманского подполья в 1918 г. в Виннице. Погиб под Калиновкой в 1919 г. в борьбе с Петлюрой.

6) Меджибовский — наборщик, принимал участие в подпольной работе в 1918 г. в Виннице. Погиб под Калиновкой в 1919 г. в борьбе с Петлюрой.

7) Ниренберг — молодой рабочий — водопроводчик. Посещал наши собрания и Комитет в 1917 г. Погиб под Калиновкой в 1919 г.

8) Лайнер — молодой, еще почти мальчик (л.с. - р.). Погиб под Калиновкой в 1919 г.

9) Коган Миша — студент (л.с. - р.). Погиб под Калиновкой в 1919 г. политически еще не окрепший и не оформившийся, но преданный товарищ.

10) Мушлин Яша — наборщик. Участник восстания в Летичевском уезде. Сидел в тюрьме в группе Снегова и Освальда. Выпущенный из тюрьмы, он организовал крестьянский отряд в Проскуровском и Летичевском районах. Пропал без вести.

11) Сандлер — старый революционер. Погиб в Литинском районе.

12) Гвидзис — погиб в Литинском районе.

13) Сухов (точно фамилии не помню) — солдат гаража эскадры воздушных кораблей. Сгорел в нашем броневике в октябрьские дни в борьбе с юнкерами.

Этот список на исчерпывающую полноту претендовать ни в коем случае не может, это лишь те товарищи, которые мне лично известны и фамилии которых я запомнил.

К великому сожалению, не могу вспомнить фамилии товарища, выскочившего из горевшего броневика и застреленного офицером в октябрьские дни во время боев с юнкерами.

К СТАТЬЕ ТОВ. МИЛЛЕРА

Статья тов. Миллера, ценная по своему содержанию, все же страдает некоторой неполнотой изложения, объясняемой тем, что у автора не было соответствующих материалов и документов. Как пример, можно указать на отсутствие в его воспоминаниях всякого указания о выборах на 2-й Всероссийский съезд Советов, вокруг которых разгоралась борьба с меньшевиками, саботировавших

2-й с'езд. и на который удалось от Винницы провести делегатом большевика Яковлева (солдата эскадры). Не освещена также работа организации по выборам в Учредительное Собрание и в период перехода Комитета (осенью 1917 года) в «Народный Дом», который стал к тому времени центром внимания рабоче-солдатских масс (там был Совет Р. и С. депутатов, переведенный из «Мурав», и наш Комитет, примостившийся где-то, чуть не под крышей Народного Дома). Интересно бы также отметить попытки Винницкого Комитета установить связь с уездами Подольской губернии. Единственная большая и сильная организация на Подолин была Винницкая; существовала еще в Проскурове небольшая группа большевиков, в других же местах организаций, как более или менее оформленных единиц, не существовало. Нами предпринимались меры по сколачиванию организаций по губерниям (Жмеринка и Могилев), устанавливалась связь с селом, были выезды членов Комитета в уездные города для проведения митингов и собраний.

Следовало бы также указать на широкое распространение большевистской литературы в Виннице (выписывали: «Голос Социал-Демократа», из Киева, «Соц. - Дем.», из Москвы, «Правду», «Спартак», польскую газету «Трибуна» и закупали почти все выходившие в то время большевистские брошюры).

Не выпячена также работа организации по вооружению рабочих и солдатских отрядов или, вернее, попытка к вооружению, послужившая основной причиной присылки в Винницу карательного отряда юнкеров под командой Костицына. Не освещены переговоры как с Костицыным, так и с перепуганными на смерть меньшевистскими «спасителями города», а также самые бои с юнкерами (боевые действия 15-го полка).

Конечно, пробелы в работе тов. Миллера нельзя поставить ему в вину, так как работа по истории Винницкой Организации не может быть вполне исчерпана одним товарищем без помощи других участников и использования соответствующих документов. Желательно, чтобы винницкие работники приняли живейшее участие в дополнении статьи тов. Миллера. Последнее особенно необходимо, имея в виду приближающееся празднование десятилетия семнадцатого года, к каковому времени Подольское Бюро при Истпарте ЦК КП(б)У рассчитывает подготовить сборник по истории Октября и компартии на Подолин.

А. СНЕГОВ, В. КРАСНОЛЕНСКИЙ

В. БЫСТРУКОВ

Из жизни гражданских пленных в немецких концлагерях

Это было в 1918 году. На Украине свирепствовала гетманская реакция, разгонявшая даже правые «демократические» организации земства и думы, закрывавшая газеты, расстреливавшая без суда и следствия «зачинщиков анархии» и всех тех, кто свободно «дерзал» мыслить, не говоря уже о тех, которые пытались действовать. Это было при власти, представлявшей собою ширму для немецкого империализма, при власти, издавшей 15 мая 1918 г. памятные крестьянству Украины «Временные правила», которые формально вводили помещиков в их имения и принуждали украинское трудовое крестьянство возвращать панам с процентами все те убытки, которые были причинены им в период революции и гражданской войны на Украине.

Это было тогда, когда «Союз Хлеборобов» находился в полном расцвете, и его отряды совместно с немцами взыскивали в административном порядке контрибуцию с крестьян.

АРЕСТ

Вдоль длинной аллеи из старых развесистых верб продвигался небольшой отряд гайдамаков человек в пятнадцать. Несколько впереди на бричке сидела согнувшаяся флегматичная фигура в рыжем пальто и студенческой фуражке и рассеянно смотрела по сторонам. Ехавшие по бокам брички два гайдамака с пашками наголо утомились наконец держать оружие и решили вложить его в ножны, так как по их мнению «чрезвычайно важный государственный преступник», студент Костя Дорофеев, не выказывал абсолютно никакого намерения бежать. Его широкое лицо, заросшее светлорусыми баками, беспрестанно вздрагивало, он что-то жевал, но так медленно, что трудно было сказать с уверенностью — жует ли он или это лицевые судороги. А узник, действительно, жевал, но не что-либо с'едобное, а список адресов, фамилий и явочных квартир тех, кого немецко-гетманская власть беспощадно преследовала, организовывая целые облавы и при удобных случаях «расправляясь» в дороге.

Во время одной из таких облав был захвачен и человек, сидевший в бричке и медленно хоронивший в своем желудке бумажку, которая могла выдать в руки гетманских палачей лучших борцов с гайдамацко-немецкой диктатурой.

С разрешения, данного — правда, весьма неохотно — командиром этого отряда, я верхом, шагах в десяти следовал за бричкой. Целью моей поездки было помешать гайдамакам расстрелять моего товарища.

Разрешение сопровождать товарища я получил благодаря случайным обстоятельствам. Я был лично знаком с начальником гайдамацкого отряда, бывшим сослуживцем по одному из гражданских учреждений, и сказал ему, что за убийство Кости ему придется иметь много неприятностей.

Отряд приближался к уездному городу Городне. Скверный, захудалый городишко, полный служилого мещанства и экзекуторов немецко-гайдамацкой диктатуры. Повитовым старостой в нем был эсэр Поволоцкий, которому я однажды имел неосторожность сказать, что его варта целиком состоит из бывшей полицейской сволочи. Это он мне потом припомнил.

Отряд, сопровождавший арестованного Костю, въехал на вартовый двор. К бричке подскочили несколько черберов с фельдфебельскими усами и увлекли моего приятеля в узилище. У меня была большая надежда освободить Костю, тем более, что во время обыска и ареста у него ничего не было обнаружено предосудительного.

Я и не предполагал, что повитовая варта и староста имели вполне достаточный материал и о нем и обо мне, чтобы применить к нам самые сильные репрессии, вплоть до высылки в Германию или еще хуже. Впоследствии я узнал, что живший в Добрянке (на Черниговщине) начальник милиции, а затем и варты, Марченко (я его знал еще с 1905 г., когда он был становым приставом и разгромил в Черниговском уезде одну из активнейших эсэровских организаций, в которой я работал), вел за моей квартирой усиленную слежку. Слежка эта помогла ему напасть на след двух подпольных организаций. Он по старой ко мне «симпатии» вел особое наблюдение и за всеми теми, кто бывал у меня в поздние часы.

Необходимо отметить, что в Добрянке имелась довольно сплоченная большевистская организация, лидером которой был Костя, а у меня на квартире находились боротьбистский штаб и явка. Неоднократно случалось, что в поздние часы ко мне заходила и большевистская активка, что не укрылось от внимания довольно опытного шпиика Марченко.

Бывало, что Добрянская организация совершала налеты на варту и освобождала того или иного товарища, попавшегося в руки гетманских палачей. А руководитель ее и инициатор налета благодушно беседовал и ужинал в это время у меня на квартире, в компании нескольких официальных особ. Потом, когда налетали карательные отряды, эти особы с чистой совестью свидетельствовали, что Костя в такие-то и такие-то часы находился там-то и там-то, совершенно не подозревая, что вечеринка была специально организована для отвода глаз, и что всего в нескольких шагах от нашей пирושки, происходившей в саду, вооружался отряд, готовящийся к нападению на варту.

Все это опытный шпион Марченко расшифровал и совместно с посадскими черносотенцами успел до самых мельчайших подробностей сообщить повитовому старосте и немецкому коменданту.

Вот почему моя первая попытка обратиться к повитовому старосте с просьбой отпустить Костю на поруки не увенчалась успехом. Поволоцкий отказался даже меня принять. Тогда я, при помощи урядника Щуковского, попытался было проникнуть на свидание с Костей. Но и эта попытка мне не удалась: я дошел уже было до самых дверей камеры, когда чья-то сильная рука схватила меня и оттащила от дверей, потребовав пропуск, которого я не имел.

Тогда я повторил попытку пройти к повитовому старосте. Помню, его секретарь, некто Пиджукевич, убедительно меня уговаривал не сердить старосту, так как он и так на меня зубы точит. Я выругался и решил поехать к знакомым, чтобы через них повлиять на Поволоцкого.

По дороге меня встретил председатель с'езда мировых судей Короткевич, который, узнав о цели моего приезда, назвал мое намерение вызволить Костю безумием. Я вспылил и любезно ответил, что очень скоро таких разумных, как он, будут расстреливать из пулеметов.

Через полчаса после этого я был арестован и отведен в повитовую варту. Оттуда навстречу мне уже направлялся начальник варты, полковник Михайловский, вместе со своей личной охраной — целым хвостом гайдамаков.

Встретил он меня, помню, весьма «любезно». Первые его слова были: «Ты интеллигент, а связался с бандитами, продался большевикам. Мы покажем тебе кузькину мать. Не будешь больше похвастаться расстреливанием из пулеметов».

Я понял, что Короткевич успел уже сообщить о моей, брошенной в запальчивости угрозе.

Будучи горячим от природы, я выпалил полковнику, что он негодяй и палач, для которого скоро придет час расправы. Полковник стал багровым, схватился за наган и, сцепя зубы, выговорил: «И вам приказываю замолчать, иначе застрелю, как собаку».

И замолчал. Благоразумие все же взяло верх. Окруженный плотной стеной гайдамаков, я был направлен в арестное помещение при варте. Когда меня подвели туда, из окна камеры выглядывали лица многочисленных арестованных.

Загремел тяжелый засов, и меня ударом кулаком в спину втокнули в камеру.

Очутившись в грязной и смрадной камере, я встретил двенадцать пар глаз арестованных, пытливо измерявших меня с головы до ног. В камере были все крестьяне и один матрос, черызвычайно крепкий детина. В течение какого-нибудь получаса я познакомился со всей камерой и чрезвычайно был доволен своими товарищами по несчастью, так как мы, хотя и не были лично знакомы, но друг о друге слышали, ибо все были активными работниками подполья. Здесь были из Новых и Старых Борович братья Лебедьки и другие, из Радуля — вышеупомянутый матрос Доманов и много еще боевых ребят из разных волостей.

Из дальнейших разговоров с ними я узнал, что в этой камере больше недели не держат и направляют прямо в тюрьму, что за последнее время было масса арестов, преимущественно за большевизм, и что вся тюрьма набита битком...

Приблизительно в полдень во дворе показался фаэтон, окруженный кавалеристами с шашками наголо. Мы все бросились к окну и с лихорадочным

напряжением следили, что будет дальше. Кавалеристы, окружавшие фаэтон, начали осматривать свои карабинки, щелкая затворами. Это наводило на грустные размышления.

Прошло минут двадцать напряженного внимания... Вот во дворе показалась фигура Кости, которого вывели из камеры, находящейся на другом конце арестного помещения. За ним шло несколько человек гайдамаков с наганами в руках... Еще минута — и флегматичная фигура Кости в рыжем пальто скрылась в закрытом фаэтоне, который, окруженный весьма солидной охраной, быстро выехал со двора...

Прошло несколько минут, а мы все продолжали смотреть на широко раскрытые ворота варты, где исчез фаэтон... Молчание было прервано песней Шурки Доманова «Враги, палачи...», быстро затем сменившейся: «Гоп, кума, не журись...», что всех нас рассмешило и отвлекло от невеселых дум о том, что ждет нас дальше...

В этот день не случилось больше ничего особенного. Часа в три загревели засов, и нам принесли в грязном засаленном ведре синий кандер, почти без картошки. К этому кандеру никто и не прикоснулся, так как почти у всех был или хлеб, или сало, или мясо, доставленные из дому. Накормили и меня. Вечером была поверка.

Наступила ночь... Томительная ночь, в которую я вовсе не сомкнул глаз.

На следующее утро в нашу камеру доставили одного «новичка», старого деда, лет шестидесяти пяти, который нам очень картинно рассказал, что посажен за то, что отказался дать немцам сала и кабана... «Оттак я за сало й більшовиком став!» — закончил дед свой рассказ. Мы, насколько можно было, успокоили деда. Однако бедняга был сослан потом в Германию, как заядлый большевик.

В этот день было снято несколько допросов с моих товарищей, а меня к вечеру перевели в тюрьму, но только с меньшим почетом, чем Костю: пешком и лишь при пяти конвоирах.

Упитанный, в старой замусоленной шинели тюремного ведомства, начальник тюрьмы Товстолес сидел за низким столом тюремной конторы, куда меня привели. Сквозь низко надвинутое пенсне внимательно рассматривал он какие-то бумаги, переводя взгляд на группу стоявших крестьян, приведенных сюда по распоряжению начальника варты за дележку земли и участие в земельных комитетах.

Двадцать лет уже так принимал и оглядывал он арестованных, спокойно переводя свой взгляд с мертвых бумаг на живых людей, составляя таким образом мнение о том или ином преступнике и соответственно с этим назначая тот или иной режим.

Вдруг взгляд его остановился на мне. Он знал меня и, когда я был секретарем мирового съезда, он часто заходил за разными справками по делам своих «опекаемых»...

«Как, и вы?..» Потом, быстро приняв препроводительную и бегло ее просмотрев, сказал тюремному надзирателю: «одиночка № 8, осторожно».

Через минуту я уже был в корпусе, который был битком набит крестьянами и разными политическими.

В ГОРОДНЯНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Здание тюрьмы представляло из себя длинный трехэтажный корпус с красной крышей и зияющими в нем почти квадратными окнами. Как это обычно бывает, оно было видно издалека, с какой бы стороны ни под'езжать к городу.

В камере № 8, куда меня поместили, оказалось еще два крестьянина. Но через день их увезли, и я остался один.

Скоро я сориентировался и узнал, что против меня, также в одиночке, сидит Костя, с которым мы сквозь «волчки» тюремной двери начали вести переговоры. С особого разрешения начальника Товстолеса мне удалось пробраться в одиночку Кости и даже вместе с ним пообедать. Обед был прислан с воли, а особая милость Товстолеса объяснялась тем, что с воли на него «нажимали» и товарищи Кости и мои.

За обедом мы с Костей делились впечатлениями и старались разгадать нашу дальнейшую судьбу.

Арест наш произошел накануне августовского выступления, в котором Городнянский уезд должен был принимать участие. Мы ожидали 5 августа восстание на Черниговщине и верили в близкую свободу.

Эта не во время высказанная мною уверенность и явилась причиной нашей немедленной высылки в Гомель.

Однажды я вел сквозь «волчки» переговоры с Костей. Настроение у меня было приподнятое. 5 августа приближалось. Костя, как и всегда, был молчалив и флегматичен. Желая его подбодрить, я крикнул вполголоса: «Костя, не журишь, скоро застрекочут пулеметы», совершенно не подозревая, что за дверьми подслушивал шпик. Это был последний день, который мы провели в Городнянской тюрьме.

Перед вечером в тюрьме стали распространяться слухи, что в ближайшие дни предполагается отправка на Гомель тех заключенных, к которым будет применен расстрел или высылка в Германию.

Эти слухи волновали заключенных, так как многие боялись, что до Гомеля их живыми не довезут. Были также слухи, что немцы уже наметили целый ряд лиц к расстрелу.

Среди такой обстановки и настроений наступила последняя ночь, проведенная мною и Костей в Городнянской тюрьме.

Проходили часы за часами.

Тюрьма, казалось, спала. Тишина... Лишь изредка нарушалась она смелой часовых, голосом разводящего.

Но в действительности тюрьма не спала... Все ожидали чего-то, и, лишь когда перевалило за глубокую полночь, физическое утомление начало сковывать усталые члены...

Я тоже растянулся на голом полу своей одиночки, подстав френч. Пытался заснуть... Но нервы были так развинчены, что это не удавалось... Только на рассвете я задремал.

Спать пришлось недолго. Сквозь сон я услышал чьи-то твердые шаги в коридоре, лязг оружия и говор. Не успел я еще придти в себя, как загремел

засов и дверь отворилась. На пороге стояло четыре низкорослых немца в касках, с винтовками со штыками, а сзади них «Вельзевул» — надзиратель, которого мы так прозвали за чрезвычайно большое сходство со старшим дьяволом.

Сцена была очень короткая. С двух-трех слов я понял, что пришла моя очередь. Мигом собрался и под караулом немцев спустился в тюремный двор. Уже начало светать. На востоке занималась заря.

Во дворе я увидел Костю под таким же почетным караулом из немцев. Он смотрел как-то странно. Так смотрят только люди, которым нечего ждать впереди.

«Костя,— говорю,— вот и конец. И так скоро...» «Не все-ли равно бесчувственному телу...» ответил Костя с обычным спокойствием.

Я посмотрел на корпус. Со второго этажа из квадратных окон тюрьмы выглядывали заключенные. Сквозь разбитое стекло просунулась чья-то рука и махала платочком. Очевидно, кто-то посылал нам последнее прости... Но винтовка часового отогнала от окон наших друзей.

Загремел засов, и мы, окруженные охраной, прошли ворота...

Караул за всю дорогу не обмолвился с нами ни единым словом. Минут через сорок мы были на вокзале, где уже стоял товарный состав. Несколько вагонов непосредственно за паровозом охранялись немецким конвоем. Через полчаса, после выполнения некоторых формальностей, мы были посажены в один из вагонов, где уже сидело человек двадцать арестованных. Наскоро ознакомились с ними, мы узнали, что находящиеся в вагоне почти все арестованы за большевизм.

С первого же взгляда обратил на себя внимание мое и Кости один дегтина. Высокая могучая фигура со смуглым мускулистым лицом, в тужурке, в шляпе, выделялась из общей массы. Своим настроением он подбадривал других. С ним был другой товарищ, какой-то фабричный. Оба из Клинцов. Они откровенно заявили, что удерут если не до Гомеля, то за Гомелем, когда их повезут дальше в Германию...

Раздался звонок, и поезд тронулся. Мне как-то не верилось, что я пленный, еду неизвестно куда, не зная, что будет завтра.

Положение было незавидное. Нас ждал или расстрел «за организацию боевых единиц с целью свержения существующего строя» (так говорилось в обвинении, нам даже не предъявленном, о котором мы узнали косвенно) или ссылка в Германию в концлагерь.

Сторожевые будки мелькали одна за другой. С полей крестьяне убирали ярину и возили сено. Все знакомые места... Хотелось обратно к ним... Так бы и полетел! Но полдюжины серых мундиров охраняли двери полуоткрытого вагона, держа крест-накрест острые штыки.

В вагоне было тихо. Только колеса ритмически выстукивали свое «пить хочу, пить хочу, пить хочу».

Каждый думал свою думу. Неоконченная работа, разгром организации...

Было очевидно, что назначенное выступление будет сорвано. Только те, кто был арестован «за компанию», питали надежду, что их невинность выяснится и их с миром отпустят... Но таких было мало.

Скоро раздался свисток паровоза, и показался гомельский мост. На замедленном ходу немцы, повернувшись к нам, взяли винтовки на изготовку из опасения, чтобы кто-нибудь не выпрыгнул.

Мост проехали благополучно. Показался город, а потом гомельский вокзал.

На широкой панели толкалась масса публики, преимущественно военной, в серых мундирах, с штыками на боку. В ожидании поезда стоял большой караул немецких солдат.

Нас выгрузилось человек около ста. Ожидавший караул окружил нас плотной стеной. Но прежде чем мы двинулись в путь, Волков из Клинцов, о котором я упоминал выше, заложив руки в карманы и насунув кепку на бекрень, растолкал руками немецких солдат и спокойно вышел из нашего эшелона, смешавшись с толпой, которая была от нас шагах в пяти. Такое хладнокровие вызвало общее одобрение и насмешки над немцами, которые и не заметили ухода Волкова, а спохватились только тогда, когда капрал передавал эшелон начальнику охраны. Но было уже поздно: Волков скрылся.

ГОМЕЛЬСКИЙ ПЕРЕСЫЛЬНЫЙ ПУНКТ

Нас направили в арестное помещение на Румянцевской улице. Помню, было грязно, и многие из ребят набрали полные ботинки воды и грязи. Такое зрелище, какое мы представляли из себя, в Гомеле было нередким, и на наш эшелон, окруженный плотной стеною штыков, никто не обращал внимания.

Арестантское помещение, в которое нас привели, состояло из трех комнат, грязных и переполненных арестованными. Приспособленное максимум человек на семьдесят, оно вмещало до 150, отчего люди были сбиты в кучу, как стадо, лежали на нарах и под нарами, тесно прижавшись друг к другу, или сидели где кто мог — на подоконниках, на краю нар, на поломанных, скрипящих и шатающихся во все стороны лавках; остальные стояли или ходили, ожидая, когда освободится место, чтобы присесть и дать возможность отдохнуть уставшим членам.

Я с некоторыми из товарищей, кажется, из Ново-Боровичской волости, протиснулся в угол к окну и устроился между двумя койками, примостившись на нескольких досках. Постепенно я начал осваиваться и присматриваться к окружающей меня публике. Оказалось, что на 50% эта живая могила была набита «блатной» публикой, изловленной немцами на облавах в Гомеле; остальные были крестьяне из разных партизанских отрядов или вообще «неблагонадежный» элемент. Было также человек пятнадцать интеллигенции, сидящей, преимущественно за принадлежность к большевикам и левым эсэрам.

В воздухе стояла непрерывная ругань самого циничного свойства, переходившая иногда в кулачный бой с вышибанием зубов и кровопусканием из носу... Причиной столкновений в большинстве случаев являлась азартная игра самого разнообразного характера, включительно до бегов вшей. Публика следила с большим напряжением, чей «скакун» придет раньше... В этот момент и разгорались потасовки между игроками.

Охрана находилась не только извне, но и внутри. По несколько раз в день являлся капрал и проверял арестованных, несмотря на то что выбраться не было абсолютно никакой возможности, так как и во дворе и на улице безостановочно ходили часовые навстречу друг другу.

Вскоре мне пришлось ближе познакомиться с немцами и убедиться воочию, насколько легко было подкупить любого из солдат. За марку или две можно было передать на волю помимо комендатуры и цензуры любое письмо с какими угодно секретам и получить с воли ответ через специальных комиссионеров, вертевшихся возле немецких патрулей.

С наступлением вечера среди арестованных началось волнение. Часто употреблялся термин «хапун». Я сначала не знал в чем дело, но потом мне рассказали, что из этой комнаты каждую ночь немцы «хапают» по несколько человек на расстрел, и кто попал в эту комнату, того ждет расстрел или высылка в Германию. Между заключенными происходили целые дебаты — что лучше: расстрел, рудники в Германии или голодная смерть.

Действительно, в первом часу ночи, когда наша тюрьма была погружена в сон, тихонько открылись двери, и в камеру вошел капрал в сопровождении пяти немцев, которые, присвечивая электрическим фонарем, увели намеченные жертвы с собою.

На следующее утро в камере были известны мельчайшие подробности расстрела. и здесь же немцы за несколько марок давали сведения для родственников расстрелянных об их могилах.

И странно — слово «хапун» стало каким-то привычным. в нем как бы не чувствовалось той жутки, которую оно в себе таило.

Все казалось, примирились со своей судьбой, так как были уверены, что из немецких когтей нет возврата; лучше скорей, навстречу «хапуну», чем медленная мучительная голодная смерть в германском лагере. Таково было общее настроение заключенных.

Первые пять дней, которые мне пришлось провести в этой камере, были сплошным кошмаром. Расстрелы повторялись каждую ночь, а на освобожденные места появлялись новые люди с воли, которые рассказывали о страшных экзекуциях немецко-гайдамацких банд и массовых расстрелах. Эти дни ознаменовались нападением одного из партизанских отрядов на границе Городнянского и Гомельского уездов на воинский эшелон немцев, который был взорван широксилином. После этого немцами была наложена громадная контрибуция на ближайшие села и усилены репрессии не только к политическим, но и вообще ко всем арестованным, находящимся в гомельских тюрьмах.

В течение нескольких дней была сделана солидная «разгрузка». Почти никто из арестованных не надеялся уже увидеть белый свет...

Многих арестованных начали усиленно водить на допрос, и по всему было видно, что немцы спешат разгрузить гомельские тюрьмы. Определенно стали ходить слухи об отсылке крупных партий арестованных в Германию и в Польшу.

До отправки мне довелось увидеться с женой в весьма удручающей обстановке. Еще с самого рассвета наша тюрьма была окружена целой ротой

немецких солдат. Капрал объявил, что все мы отправляемся в Германию на рудники. На сборы был дан один час. Мы начали писать письма для передачи домой, и час прошел незаметно. Снова появился капрал, и нас стали вызывать по спискам и строить в ряды.

На улице, куда мы вышли, нас уже ожидали заключенные из других мест — человек пятьсот. Их окружили плотной стеной немецкие солдаты. Толкавшиеся кругом родные и друзья арестованных все время стремились прорвать цепь солдат, чтобы проститься со своими, может быть, в последний раз.

Мы с Костей случайно попали в задние ряды, чем воспользовались моя жена, Костина сестра и еще одна учительница. Наш общий друг, приблизившись к нам вплотную. В течение каких-нибудь десяти минут мы успели попрощаться и получить на дорогу пару сотен рублей и кой-какие продукты... Вдруг тяжелый приклад немецкой карабинки опустился на спину учительницы Мышиной. и она, вскрикнув, отскочила от нас. Мы набросились на немцев с руганью... Самым грубейшим образом нас разлучили и загнали при помощи прикладов в массу арестованных.

Все же оказалось, что несколько арестованных убежали даже из такого плотного кольца немецких штыков...

Через несколько минут мы были на вокзале, около которого стояли громадные толпы народа, ожидавшие прибытия арестованных. Для порядка здесь раз'езжали кавалеристы. беспеременно наседавшие лошадьми на людей и оттеснявшие их подальше от этапа. За эшелоном вслед торопились родственники арестованных. преимущественно женщины. Плач и душу раздирающие крики оглашали воздух. Некоторые из женщин, теряя сознание, падали на мостовую. Публика подхватывала их и несла бесчувственных вслед за эшелонном...

Немцы пытались было загородить выход на перрон вокзала, но масса наперла на патруль и прорвалась к стоявшему уже на парах поезду. Здесь также успел бежать один из арестованных. Немцы, заметив это, пустили в ход приклады и оттеснили наседавшую публику.

Зрелище было тяжелое... Сила штыка и приклада была здесь решающим фактором.

Нас быстро усадили в вагоны и минут через десять повезли. Сперва, очевидно для отвода глаз, по направлению к Кневу, а потом, со второй версты, поезд вернулся обратно и пошел по направлению на Речицу, Калинковичи и Варшаву.

В том вагоне, где я с Костей находились, было не более двадцати человек. Нас охраняло два низкорослых немца. Наши ребята завели разговор с ними и узнали, что нас везут в концлагерь в Бялу, под Варшаву. Один из них оказался очень словоохотливым и откровенным и рассказал подробно об условиях жизни и быта наших ссыльных в этих лагерях.

После его рассказа мы почти поголовно решили бежать. Разойдясь по углам вагона, мы начали было сговариваться, как вдруг двое ребят на всем ходу поезда прыгнули через головы караульных прямо в песок. Немцы моментально взяли на прицел — прямо в нас, очевидно, полагая, что будут еще попытки к

побегу. Это был роковой момент. Немцы держали нас в течение двух-трех минут на мушке, и всякое неосторожное движение с нашей стороны могло вызвать залп. Эти две-три минуты и арестованные и конвоиры были похожи на безжизненные изваяния. С расширенными зрачками, с затаенным дыханием следили мы друг за другом, пока немецкие карабинки не были отведены от нас.

Дальше за нами уж зорко следили и до самого Пинска не подпускали к дверям, даже лишили хлеба.

В тот же день мы приехали в Пинск, где должны были пройти карантин. Эту ночь мы ночевали в вагонах под усиленным караулом, так что о побеге нечего было и думать.

На следующее утро появился сильный отряд немецких солдат, который повел нас в город.

Пинск представлял из себя совершенно разрушенный город. Ни одной улицы, где бы сохранились целые дома. Бросалось также в глаза почти полное отсутствие гражданского населения.

Наш эшелон провели через весь город на самую окраину, где находился врачебный пересыльный пункт, через который мы должны были пройти.

Здесь мы околичивались до полудня, пока наконец начался прием. Осмотр был самый тщательный. Больных оказалось мало. Всех здоровых решено было сегодня же отправить дальше на Бялу, пропустив предварительно через баню.

Через час мы были готовы, и нас отправили обратно на вокзал. Здесь нам опять была устроена проверка, в результате которой обнаружилась недостача еще одного арестованного. Долго немцы возились, выясняя кого именно нет, так как на фамилию отсутствующего каждый раз кто-нибудь отзывался. Немцы рассви-репели и пустили в ход палки. Караул из нашего вагона был арестован за побег вышеупомянутых двух арестованных.

Тут же на вокзале произошел весьма курьезный инцидент. В то время, когда капрал ломал голову над выяснением фамилии бежавшего, шагах в двадцати от нас остановился старик-крестьянин с сумкой через плечо, в лаптях и коротком зипунишке. В руках у него была длинная палка и маленький боченок. Очевидно, это был пастух, который пришел на станцию набрать воды. Старик сочувственно смотрел в нашу сторону, выражая антипатию немцам кивками головы направо и налево. Когда палка капрала начинала гулять по спинам арестованных.

Вдруг взгляд капрала упал на старика. «Цурик» (назад) — раздался окрик. Старик не понимал. «Цурик», повторился окрик. Вслед за этим капрал налетел на крестьянина, схватил его за шиворот и втащил в наши ряды, заменив им таким образом нехватящего по счету человека. Раздался общий взрыв смеха, а затем последовала команда к посадке в вагоны.

Никакие мольбы деда и наши протесты не помогли: дед поехал вместе с нами как «цивильгефангенер» (гражданский пленный). За все попытки доказать, что он совсем не то лицо, за кого его принимали, дед получал палки... Четыре месяца он парился в концлагерях пока ему удалось доказать, что он не «верблюд».

Вскоре наш поезд тронулся. Нас охранял уже новый караул из шести немецких солдат, которые переписали нас по фамилиям и почти всю дорогу не вступали ни в какие разговоры.

Простояв в Бресте несколько часов и получив продукты, хлеб и консервы, наш эшелон направился дальше. Мы провели еще одну ночь в дороге и приехали в Бялы на рассвете. Помню, было хмуро и моросил мелкий дождик.

Когда наш эшелон высадился и нас подсчитали, то оказалось, что нас было свыше 500 человек. Мы были моментально окружены тесным кольцом немецких солдат, построены в ряды и направлены в Бялы.

КОНЦЛАГЕРЬ БЯЛЫ

Бялы представлял из себя захудалый польский городишко, оккупированный в империалистическую войну немцами. Улицы в нем узкие, с торцовым шоссе. Дома старые, в большинстве деревянные. Кой-где виднелись каменные здания с узкими окнами и обвалившейся штукатуркой. Население, как видно, бежало, и город не показывал признаков жизни... Мы скоро прошли весь город и вышли на Варшавское шоссе. Приблизительно в двух верстах от нас виднелся знаменитый концлагерь Бялы.

Вправо от шоссе занимал громадное пространство лагерь-тюрьма, где томились десятки тысяч русских военных и гражданских пленных.

Несколько десятков деревянных бараков, окруженных колючей проволокой, представляли из себя целый городок. Еще издалека виднелись фигуры немецких солдат, охранявших лагерь с наружной стороны и зорко следивших за тем, чтобы сквозь колючую проволоку не проскочил пленный. И горе было такому смельчаку, который бы решился на это. Меткая пуля немецкой карабинки быстро настигала его.

Вот, наконец, мы в лагере. Немцы нас стали наново проверять, и когда не хватило одной фамилии, а люди по счету выходили все, опять досталось злополучному пастуху и всем протестовавшим. Градом посыпались удары палок...

Такого скотского обращения с людьми я себе не мог представить. От злобы меня стала трусить лихорадка.

Я посмотрел на стоявшего рядом со мной Костю. Он реагировал так же. Лицо его было красно, как кумач, он был как в лихорадке и что-то бормотал сквозь крепко стиснутые зубы...

После соответствующего распоряжения коменданта нас стали разводить по баракам.

Мы с Костей попали в барак № 2. Это был один из крайних бараков, окруженный двумя рядами колючей проволоки. Помещение было приспособлено максимум для 400 человек, фактически же там находилось до 800 человек. Барак был разделен на два отделения, и в каждом из них стояли в два ряда двухэтажные нары, на которых плотно лежали люди или, вернее сказать, человеческие тени. Измученные, исхудалые, оборванные, они производили чрезвычайно тяжелое впечатление. У дверей стояла параша, содержимое которой переливалось

через верх и распространяло зловоние. Нечем было дышать. Свежего человека буквально оглушал специфический запах, в голове мутилось... Проклятая могила... В ней люди стогали не по дням, а по часам... Если добавить ко всему этому, что стружки на нарах по несколько месяцев сряду не менялись, и что в них развелись мирнады блох, которые впивались в тело, то можно представить себе условия, в которых находились пленные. С самого утра и до вечера происходила охота на насекомых. Полуголые скелеты, сидя на нарах, производили облаву на своих жестоких врагов, но не успевали они немного очиститься и прилечь, как снова тысячи паразитов покрывали их. Белье было в крови... Разнервничались все ужасно. По всяким мелочам беспрестанно разгорались конфликты, особенно среди «блатной» публики. Случалось, что карточная игра кончалась поножевщиной, и один из противников падал от удара ножа. Ночью нельзя было сомкнуть глаз, так как все кашляли, зловоние параша терзало легкие...

Мы устроились на первом этаже и, как новички, не подозревали, что здесь нужна осторожность. В первую же ночь нас обокрали. Осмотревшись, мы убедились, что попали в «блатной квартал». От земляков, прибывших сюда раньше нас, мы узнали, что это самый худший барак, в котором смешаны и уголовные и политические, и что здесь имеется масса шпионов, которые выуживают политическую активку, чтобы затем рассортировать по другим лагерям, еще худшим, как, например, Пружаны.

Среди земляков мы нашли здесь председателя Городнянской земской управы, тов. Жука, недавно вернувшегося из долголетней ссылки. Кроме того, тут был целый ряд рабочих и крестьян из Сновска, села Макишина и других сел и уездов Черниговской губернии. Позже мы повстречались с тов. Слемзиным, учителем из Городни, который находился в одном из отделений барака, приспособленном для военных арестованных. Все товарищи говорили нам, что возвратиться когда-нибудь на волю нет никакой надежды, так как такого ужасного режима и голодовки больше трех-четырёх месяцев выдержать нельзя. Вскоре мы убедились на опыте в обоснованности этого утверждения.

Каждый день ровно в шесть часов утра раздавалась немецкая команда «вставать», и люди, как от электрического тока, вскакивали и быстро строились в ряды. Горе было тому, кто не успевал встать вовремя и стать в шеренгу, так как вслед за командой появлялся немецкий солдат с палкой из высушенных бычачьих жил и наносил всякому, кто не успевал вовремя встать, по несколько ударов. Люди безропотно покорялись, как скотина, так как всякий протест оканчивался избиванием до полусмерти. Затем все вылетали во двор и строились в ряды для того, чтобы пойти на кухню за «кавой». Умыться было некогда да и негде, так как во всем лагере не было ни одного умывальника для пленных, и если кто успевал на две-три минуты выскочить из рядов к недалеко стоявшему колодцу с риском опоздать и получить палки, — был счастливцем.

От барака начиналось шествие на кухню за «кавой». Население нашего барака тянулось длинной лентой через весь двор, насчитывая до 800 человек. Пестрота была страшная: почти голые люди, манжеты, манишки и блузы рабочих,

на ногах — колодки. Каждый нес в руках миску для «кавы». У кухни строились рядом. Здесь получали $\frac{3}{4}$ фунта хлеба и миску «кавы» весьма сомнительного свойства, по вкусу похожей на чай из березовых веников.

После этого так же «чинно», под надзором ландшафтурмистов, эшелон направлялся обратно в барак, где приспособлялись на нарах и пили «каву». Тут начиналась борьба с собою, чтобы не с'есть всего хлеба (а хлеб был ужасного качества), а лишь третью часть, сохранив остальное к обеду и вечерней «каве»...

Я видел, а потом переживал и сам, как целыми часами происходила борьба с собою: с'есть или не с'есть оставленную к обеду порцию хлеба. Устоять было трудно, и эта порция с'едалась, а когда приходил обед, то снова возникал вопрос — обедать ли с хлебом или без хлеба? Пообедай с хлебом — нечего есть вечером. А обедать без хлеба нельзя было, так как получаемая на обед брюква или суп издавали такое зловоние и были приготовлены так невкусно, что вызывали тошноту. Брюква и суп чередовались между собою беспрестанно. Суп был хотя и сытней, но противней брюквы. Изготавливался он или из ячменной крупы с примесью муки из лошадиного мяса и костей (при чем иногда это мясо и кости брались от уже разлагающихся трупов), или из каштановой муки (диких каштанов) с той же заправкой — мясной мукой. Это было бессменное меню. Часто можно было наблюдать как после такого вкусного обеда люди долгими часами мучились рвотой и потом по несколько дней не могли переносить даже запаха этих супов. Запах, впрочем, немцы перебивали красным перцем.

Так проходили дни за днями. Люди таяли, болели, умирали... Околодок в лагере был забит больными. Для характеристики быта гражданских пленных приведу несколько цитат из письма одного пленного к жене, которое случайно попало мне в руки и сохранилось до настоящего времени в моем личном архиве:

... «Пишу тебе это письмо и не знаю, дойдет ли оно до тебя или нет и когда ты его получишь. Пишу его из города Бялы, из лагеря, где я сижу... Если бы ты знала, что значит сидеть здесь... доживу ли я до свидания с тобой, моя милая... Опишу тебе хотя кратко, что значит сидеть здесь. Сижу я в лагере, который находится в поле. Каждый барак особо окружен проволочными заграждениями. В бараке сидит свыше 600 человек. Харчи следующие: в 6 часов утра проверка и выдают хлеба $\frac{3}{4}$ фунта — кусочек маленький на целый день, а также кружку кофе. В 7 часов гонят на работу под конвоем... и холод, и дождь, и слякоть... Работаем или в лесу, верст за 10, или пилим дрова. Одежда треплется, новой не дают и давать не будут. Если нет сапог, то дают деревянные колодки. В 12 часов дают обед: гнилая капуста, вареная на воде, и нечищенный картофель с грязью, такая вонючая пища, что голодный, как собака, и то не могу скушать ложки. Таким образом я, проработав 2 недели, истощал сильно и заболел. Сейчас я в околодке, вот уже неделя, отдыхаю, а скоро опять на работу, опять каторга. Обращение тут ужасное, бьют палками на каждом шагу, а за проступки прикладами и даже штыками»...

Этот товарищ очень правдиво описал свое, а вместе с тем и общее положение. Но письмо его писано из Бял, откуда на работу гоняли не так уж часто, — в Пружанах, Бресте и Кобрине было еще хуже.

Наш барак № 2 выходил окнами на Варшавское шоссе. Впереди поле, болота, на горизонте лес... Шум его доносился до нас и манил к себе. Он казался так близко-близко. Там можно было укрыться от палачей... Лишь бы только перебежать поле, а там приют и защита...

С такими думами почти ежедневно у окна барака собирались пленные и подолгу безмолвно смотрели туда, на этот лес. Того, кто готовился к побегу, можно было легко узнать. Горящие глаза, беспокойство, иногда даже совершенно лишнее, преждевременные сборы разного барахла выдавали беглеца, за которым следили шпионы. Трудно было вырваться из нашей могилы. Выбраться из барака, вырезав окно, еще можно было, но за баракom ходили часовые. Нужно было выбрать момент, когда они будут чем-нибудь отвлечены, чтобы перебежать шагов тридцать до проволочного ограждения. А там или перерезать проволоку или подкопаться. Те, кто пытался перелезть через проволоку, большей частью зацеплялись и становились верной мишенью для пули караульного. Часто с проволоки обрывался и падал бездыханный труп смельчака, пытавшегося вырваться на волю.

Серые фигуры подбирали неудачника и доставляли в околодок. Так обыкновенно кончались побеги...

После побегов немцы применяли к нам разные репрессии, вплоть до прекращения выдачи пищи, воспреещения продажи в лагере продуктов и запрещения газет. Среди уголовных немцы успешно вербовали шпионов, а затем неожиданно выхватывали целый ряд товарищей, успевших организовать, и высылали в другие лагеря или в центральную Германию.

Одна из групп политических объединила вокруг себя в нашем бараке всех сознательных рабочих и крестьян и коллективно потребовала от администрации отдельный барак. Совместное пребывание с уголовными, сосланными сюда со всей Украины, лишало всякой возможности действовать организованно из-за опасения каждую минуту быть преданными; невыносимы также стали постоянные ножевые расправы, картежная игра и прочие гадости.

О нашем намерении выделиться от уголовников немцы как-то заранее пронюхали и решили расстроить этот план. Однажды они явились в барак с готовыми списками интеллигенции, которая была в группе, и предложили нам, в частности мне, Косте, Жуку и другим товарищам, перейти в соседний офицерский барак, в котором находились интеллигенция и офицерство, и где режим и питание были лучше. От такого заманчивого предложения мы решительно отказались.

Мы послали письменный протест через подкупленных солдат в Берлин, в соответствующее министерство. Вскоре после посылки этого протеста явилась комиссия, которая занялась отбором политических. При этом кое-кто из активки нашего барака был все же переселен в лагерь «Пружаны», где кормили еще хуже, чем в Бялах — лебедой, вареной в соленой воде.

Незадолго до перевода нас в другие бараки я заболел гриппом, который осложнился еще чем-то. Температура была у меня так высока, что появился бред. Однажды утром я не мог встать с нар по команде. На меня наскочил

немецкий солдат и начал избивать. Кости у меня ныли и сухие бычачьи жилы, которыми меня избивал немецкий солдат, были для меня очень чувствительны. Бессилье, боль и обида — все смешалось вместе. Приподнявшись, я хотел броситься на палача, но силы оставили, я снова упал на стружки и потерял сознание.

Мне потом рассказали, что Костя, как зверь, набросился на солдата, истязавшего меня, и начал его душить... За это его беспощадно избили.

Меня же на носилках отправили в околоскок, где я пролежал около двух недель. В течение первых трех дней я лежал без всякой помощи и лишь к вечеру третьего дня получил лекарства.

Пища была сравнительно удовлетворительная. Температура у меня все время стояла высокая, появился кашель, кровохарканье и приступ аппендицита, но питание было для меня лучшим лекарством. Через недельку я стал чувствовать себя бодрей.

Здесь, в больнице, я встретился с одним из своих земляков, левым эсером Чаусом, который, благодаря знакомству с каким-то врачом, окалячивался в больнице уже третий месяц. От этого врача Чаус получал книги и временами снабжал ими и меня.

За время моего пребывания в больнице был организован больными побег, на котором я немного остановлюсь.

ПОПЫТКИ БЕГСТВА

Наша больница представляла из себя довольно обширное помещение с длинными палатами и тусклым освещением. В коридоре находилась комнатка, в которой было разное больничное имущество, не представлявшее ценности, почему она и не запиралась. Ею больные и решили воспользоваться для побега, сделав из нее подкоп за проволочное ограждение, откуда можно легко перебраться к лесу. В течение трех недель велась эта кропотливая работа. Люди таскали в рубашках и брюках землю на чердак больницы, чтобы скрыть следы подкопа. Работа подвигалась медленно. Воздуха не хватало, почва была сырая, близко вода. Но жажда воли преодолела все. Расстояние для выхода было точно высчитано. Оставалось сделать выход. Это был самый тревожный момент. В группе, которая собиралась бежать, было 90 человек. «Инженерная часть» полезла вперед, за ней остальные... Была темная, осенняя ночь... Накрапывал дождь.

У колючего ограждения возле больницы сменялся караул. Солдаты, завернувшись в свои плащи, сошлись вместе и вели беседу, совершенно не подозревая, что в этот момент готовится побег.

Вдруг промчавшийся с болота порыв ветра принес отдаленный человеческий говор. Один из солдат вскинул свою карабинку и направился в ту сторону, откуда слышались голоса. Однако все было тихо... Но вот послышался какой-то шопот. Часовой сделал еще несколько шагов вперед и обомлел. У самых его ног в том месте, где он несколько минут тому назад проходил, образовалась яма, откуда и слышались человеческие голоса...

В ночной тишине раздался выстрел, а вслед за ним — залп... Из ямы послышался человеческий крик... Это был крик беглецов, которые весьма неудачно сделали выход как-раз на дорожке, по которой ходил караул. Последний момент так волновал каждого из беглецов, каждый из них был уверен, что вот-вот через несколько минут он будет на воле... Но немногим удалось в эту ночь бежать. Лишь некоторые успели с риском для жизни, почти у ног караула, пользуясь темнотой ночи, выскочить из ямы и скрыться в болотах...

Этот побег взволновал администрацию лагеря. Был усилен надзор и ухудшен режим.

На тринадцатый день я вышел из больницы и отправился в барак № 2, где уже не застал товарищей, которые были частью высланы в другие лагеря, частью переселены в другие бараки.

На следующий день и я был переведен в барак № 5 (римский) где встретил целый ряд черниговских ребят. Между ними были и большевики — Валериан Имшенецкий, Николай Короткий и др. Было там также много эсеров, как Александр Соколовский, Ткач, Чаус и др., а также Лева Стерлин (ЕКП). Это был барак для политических.

Барак № 5 представлял из себя летнее помещение, обращенное окнами к южной стороне. Нары стояли в два-три ряда. Посредине находилась плита, которая почти целый день топилась, так что в помещении было тепло. Стружки здесь от времени до времени менялись, и блох было гораздо меньше, чем меня сразу же обрадовали товарищи из барака № 2, которые перешли сюда несколько раньше меня.

В этом бараке, в отдельной комнате, на привилегированном положении находились некоторые из министров Центральной Рады.

Газеты здесь можно было достать гораздо легче. Их приносили немецкие офицера-независимцы.

Одно сознание, что среди наших палачей имеются все же люди, которые сочувствуют нам и помогают поддерживать связь с внешним миром, поднимало настроение.

Почти ежедневно вечерами, лишь только зажигали свет, к нам поступали от «неведомых» лиц газеты.

В нашем бараке были специальные чтецы, знавшие польский и немецкий языки, которые вечерами залезали на «второй этаж» нар, неподалеку от света, и читали «Форвертс», «Берлинер-Тагеблат» или другие газеты.

В бараке воцарялась гробовая тишина, и все с затаенным дыханием ловили каждое слово, которое могло бы дать хотя малейший намек на поражение Германии, что могло бы внести какое-либо изменение в наше положение.

Помню, стоял сентябрь. Под Верденом происходили сильные бои. В печати изредка стали появляться сведения о поражениях немцев и кое-что намекавшее на мир. Иногда появлялись довольно резкие заметки про кайзера, про намечавшиеся в некоторых местах беспорядки.

В один из вечеров, когда нами читалась газета, в барак потихоньку зашел надзиратель. Никто его даже не приметил. Мы как-раз закончили читку и обменивались мнениями. Студент Шрейдер (немец) из Мариуполя, кажется,

предсказывал поражение Германии и свержение кайзера. В это время из-за дверей показался смеющийся немец, наш надзиратель, и вступил в беседу. Оглянувшись несколько раз на двери, он попросил через переводчиков держать в секрете все, что он скажет. Он сообщил нам, что Германия накануне революции, что трон колеблется, что настроение в армии против войны и кайзера, что среди матросов происходит брожение.

Это был один из лучших вечеров за всю нашу ссылку. Настроение у нас приподнялось. Всем верилось, что свобода близка. Я помню, что в эти дни распространились слухи, что большевики на фронте одерживают победы. Все, без различия партий, сочувствовали тогда большевикам и радовались их победам. Самые заядлые эсэры и те, как манны небесной, ждали большевистских побед. Даже казак - петлюровец кричал: «слава більшовикам».

Через несколько дней наш надзиратель был снят и арестован. Среди нас оказались шики, которые донесли коменданту о том, что он информировал нас о действительном положении вещей в Германии. На его место был назначен здоровый детина, который вел себя как самый заправский жандарм. Он чрезвычайно часто нас посещал и следил за каждым шагом. Режим был установлен самый строгий. В восемь часов барак должен был спать. Никаких бесед, никаких группировок. С газетами стало также трудней. Жить стало хуже. Многие из наших ребят, которые сначала верили в германскую революцию, изверились и находили единственный выход в побеге. Да и как было не извериться? В лагере немцы устанавливали новую динамо-машину и усиливали свет. Закалывали в бараках щели, заготавливали дрова, картофель, капусту и т. п. По всему было видно, что немцы решили здесь зимовать. Сведения эти подтверждались также польскими беженцами, которые возвращались из Украины в Польшу и выдерживали карантин рядом с нашим лагерем.

В середине сентября из нашего барака было несколько одиночных побегов. Вслед за этими побегами снова усилились репрессии, и нам сутки ничего не давали есть. Однако тут с пищей мы устроились гораздо лучше, чем в бараке № 2. Благодаря дружному и организованному нажиму на коменданта, продукты выдавались натурой по весу. На барак было дано несколько ведер, в которых мы варили себе пищу, объединяясь в «потребительские коллективы». С жирами у немцев было туговато. Вместо сала мы получали кокосовое масло. Все же пища выходила недурная, хоть и состояла из одного супа с ячменной крупой.

Людей было в этом бараке немного, человек около ста. Каждое утро во дворе возле насоса мыли себе белье. Баня бывала редко, паразитов много. Лишь изредка удавалось освободиться от них при помощи дезинфекционной камеры.

Так тянулся день за днем. Среди заключенных снова назрела идея побега. Было организовано бюро из трех товарищей, которому поручено было разработать план побега. На закупку ножниц для перерезки проволоки и подкуп часовых было собрано больше ста марок. Но выработанному плану нужно было в удобный момент перерезать проволоку и бежать всей массой.

К концу сентября нам удалось приобрести от немцев ножницы для резки проволоки и подкупить караул. Но этого было мало, так как возле барака часто

бродили немцы и их нужно было чем-нибудь отвлечь в момент побега. Мы знали, что немцы любили украинские песни, и решили отвлечь их пением. После нескольких репетиций мы хорошо спелись. Решено было во дворе барака устроить концерт, во время которого и совершить побег.

Однажды под вечер нас человек сорок расположилось недалеко от проволочного заграждения. Мы начали петь хором. Когда пропели одну из лучших украинских песен «закувала та сива зозуля...», из-за проволоки послышались аплодисменты немецких солдат и офицеров, а немного погодя к воротам нашего барака стали подходить немцы. Мы повторили на «бис» и пропели еще несколько украинских песен. Немцы внимательно слушали, среди них были и наши часовые.

А в этот момент в узком проходе между бараками и изгородью перерезали проволоку и бежали пленные... Мы пели с большим подъемом. К нашей группе подходило все больше и больше пленных, которые пополняли ряды беглецов из нашей группы. Напряжение было чрезвычайное. Вдруг тот, кто совершенно и не собирался бежать, опрометью бросался в дыру проволочного заграждения. Или наоборот: тот или иной товарищ, давно задумавший бежать, у самой дыры останавливался и отходил, как будто-бы получив удар по голове.

Когда уже человек сорок убежало, к нам подошел переводчик и сообщил, что немцы знают о побеге и выставили заставу. Мы сразу оборвали пение и ушли в барак, так как безразсудно было бежать, зная, что впереди ждет верная гибель.

Когда я лежал на нарах, ко мне подошел Костя и предложил бежать вместе с ним. Я ему сообщил о только что полученных сведениях, но он им не поверил.

Я с ним разругался, и через минуту он исчез из барака. Я направился было за ним, но когда вышел во двор, то увидел его уже в дыре, зацепившимся о колючую проволоку. Он нервничал, освобождаясь от пут. Проволока звенела. Произведенный шум привлек внимание разошедшихся было немцев, которые заметили, как рыжее пальто скрывалось за валом, где рос картофель.

Часовые не могли сойти со своих постов и подняли стрельбу. Через несколько минут немцы на лошадях, с собаками уже преследовали беглецов, а в нашем бараке появился комендант с несколькими солдатами и приступил к проверке. Помню, в нашем бараке оказались свободными 59 мест. Комендант, произнося «гут», «гут», бережно стягивал с нар одеяла и передавал солдатам.

На следующее утро в нашем бараке произошел повальный обыск. Все буквально до ниточки было перерыто. Искали ножниц. Но ничего не нашли. Был арестован один постовой, но и того, кажется, вскоре выпустили. Немцы нашли, что побег был прекрасно организован. Но от этого нам было не легче, так как на следующий же день нам перестали выдавать продукты натурой и стали кормить вонючим супом и брюквой из общего котла. Мы попытались было протестовать, но из этого ничего не вышло, так как немцы нас решили переселить в другой лагерь, на зимние квартиры, уверив в том, что отсылают обратно в Гомель.

Через несколько дней после этого побега весь лагерь был свидетелем самого гнусного издевательства, какое только можно себе представить, над одним из пойманных беглецов.

Больной и хрупкий, он был вытаскен немцами во двор лагеря, и на глазах всех пленных началось избивание палками. Несколько немецких солдат били его, как скотину. Пленный несколько раз поднимался, но его осыпали ударами, и он снова падал на землю, опять пытался подняться, и снова на него сыпались удары палки... Он уже не кричал, а лишь, беспомощно защищаясь, вскидывал вверх руки, которые безжизненно опускались, как плети. Потом он совсем перестал сопротивляться. Палачи же продолжали его избивать и уже почти без признаков жизни поволокли в карцер.

Во время этой экзекуции из тысячи грудей пленных несло: «позор палачам». В экзекуторов летели палки, камни и даже посуда. Все рвались расправиться с палачами. Наш караул, видя сильное возбуждение, вызвал подкрепление и припугнул нас карабинками. Мы вынуждены были спрятаться в бараке, но и здесь наше негодование не утихло. Все были единодушны: лучше расстрел, петля, чем позорные телесные наказания. Здесь в бараке созрело решение немедленно избрать комиссию по выработке протеста против телесных наказаний и варварского режима, которой поручить обратиться к администрации лагерей и сообщить в Берлин, в немецкую прессу.

Комиссия, в которую входил я, студент Шрейдер и еще один товарищ, решила на следующее же утро обратиться к администрации с протестом. Но через несколько часов мы узнали, что немцам уже известно о настроении в бараках, что комендант лагеря ожидает появления нашей комиссии и даже приготовил для членов комиссии карцер. Настроение было у нас взвинченное, и карцер нас не пугал, но многие из пленных стали настаивать на том, чтобы протест отложить на несколько дней, так как начали ходить слухи о роспуске лагерей и возвращении пленных на родину. И правда, на следующий день утром нам объявили о том, чтобы мы собирались через два дня в дорогу, что нас предполагают отправить обратно на родину, после карантина в Бресте или Кобрине.

В течение двух дней мы терялись в догадках о том, что немцы предполагают с нами делать.

Наконец утром к нашему барaku подошел усиленный конвой немецких солдат, и нам предложили собираться в дорогу. Через полчаса мы были уже за пределами лагеря, где нас ожидало еще человек сорок пленных. Построившись в колонны, мы, окруженные плотным кольцом охраны, двинулись в неизвестный нам путь. Всякие версии о том, что нас везут обратно на Украину, конечно, отпали, так как усиленная охрана человек в триста немцев говорила о чем-то ином.

Прибыли на ст. Бялы. Здесь стоял уже приготовленный поезд. Поспешная посадка — и поезд отошел. Характерно отметить, что немецкие солдаты всю дорогу нас заверяли, что мы едем в Гомель. Надо сказать, что кой-кого им удалось убедить, особенно после того, когда в некоторых вагонах они оставили арестованных без всякого надзора по прибытии поезда на одну из ближайших станций...

На этой станции в вагон вошли солдаты в сопровождении офицера, который хорошо говорил по-русски. Они принесли с собою водку и сало и начали нас угощать. Офицер отрекомендовался социал-демократом и заверял нас, что мы накануне освобождения, что в Германии назревает революция. Мы дружно выпили за германскую революцию, побратались с немцами и успокоились, не подозревая, что нас «щупают». Потом об этом часе мы часто сожалели. Так же спокойно мы проехали Брест, совершенно не подозревая, что немцам было хорошо известно о нас, как об активной части пленных, организовывавших в Бялах побег.

Около Бреста мы заметили, что нас сопровождает немецкий «Таубе» (герм. конструкции аэроплан). Из окон и дверей мы видели, как он кружился над нами до самых сумерек.

В КОБРИНСКОМ ЛАГЕРЕ

Поезд быстро мчался. Мелькали станции и полустанки. Мы приближались к Кобрину. Как только мы прибыли и стали высаживаться, нас окружили плотным кольцом до пятисот немецких солдат. Началась проверка. Потом раздалась команда, и мы двинулись в путь.

Был одиннадцатый час вечера, и вокруг стояла такая темнота, что, если бы не факелы и не плотная стена охраны вокруг нас, нам было бы очень легко бежать...

Нас погнали по широкому и длинному шоссе. Сотни ног, обутых в деревянные колодки, выстукивали барабанную дробь. Немецкие карабинки с широкими ножевыми штыками были похожи на лес копий, а высоко приподнятые факелы освещали багровым светом нашу длинную колонну. Картина напоминала что-то средневековое.

Когда мы были уже недалеко от Кобринского лагеря, в задних рядах кто-то сбил часового с ног и выскочил за цепь, но несколько штыков сразу же пригвоздили беглеца к земле. Раздался раздирающий душу крик... Задние ряды хотели было остановиться, но приклады опустились на спины оставших товарищей. Колонна двинулась дальше. Ехавший сзади обоз подобрал раненого...

Через полчаса мы были у ворот лагеря, где нас ожидали немцы с факелами и со списками. Здесь нам снова сделали проверку и рассортировали по баракам.

Я попал в барак № 11. В нем не было ни нар, ни стружек. На стенах выступала сырость. Цементовый пол был совершенно мокрый. Пленные начали располагаться, подстилая под себя, кто что мог. Но так как теплой одежды почти ни у кого не было, а из Бял одеял немцы не дали, то пришлось снимать верхнюю одежду и подстилать вместо матраца. Многие решили совершенно не ложиться, опасаясь окончательно простудиться на мокром холодном цементе.

В двенадцать часов ночи нам дали ужин. К нему никто не прикоснулся, так как он состоял из брюквы, сваренной на воде без всяких жиров, от которой тошнило. Выдали также по $\frac{3}{4}$ фунта хлеба.

После ужина было приказано лечь спать. Часть пленных в эту же ночь решила бежать. Выбрали одно окно, у которого реже всего появлялся

часовой, вырезали стекло и пропилили проволоку. Но бежать удалось только пяти товарищам, так как немцы заметили и открыли стрельбу...

Потянулись однообразные скучные дни. Наш барак тщательно охраняли. Каждое утро во время поверки немцы делали обыск, проверяли, нет ли приготовлений к побегу. Потом мы шли на кухню за «кавой», в двенадцать часов за вонючей брюквой, в пять — снова за «кавой». Так проходили дни...

Барак находились на Пинских болотах. Кругом была трясины и невозможная сырость. Невдалеке от наших четырех барakov виднелся целый ряд других и среди них специальный барак для железнодорожников, к которым немцы были особенно немилостивы. Этот барак стоял ближе всего к нам, и с ним мы установили связь путем сигнализации при помощи флага и азбуки Морзе.

Жизнь наша была чрезвычайно скучна, голодна и однообразна. Околодка в этом лагере не было. Врач появлялся чрезвычайно редко. Больных немцы брали в околодок, расположенный далеко от лагеря, весьма неохотно и редко. Больные валялись подолгу без всякой помощи, заражая других. Забирали только тех, которым оставалось несколько часов до смерти. Свиристствовал грипп. Мы стали сожалеть о Бялах...

Приблизительно через недельку, нам удалось связаться с внешним миром и добыть газету. Часть пленных начали посылать на принудительные работы по разработке леса, что также способствовало нашей связи с внешним миром. Каждый вечер, как и в Бялах, мы собирались группой и читали газеты, радуясь каждому поражению немцев. Больше всего нас, конечно, интересовало положение на Украине. Снова ходили слухи о неустойчивости гетманской власти и готовящемся наступлении большевиков на Украину. Этому последнему мы больше всего верили...

Наступили холода. Баракы не отапливались. Дров не было. Ночами было страшно холодно, и люди или прижимались друг к другу или ходили целые ночи по бараку, пользуясь поочередно одеялом или теплой одеждой. Иногда удавалось какому-либо счастливцу стащить на кухне два-три полена дров и разложить в канаве возле барака маленький костер. К такому огоньку сбегалось несколько товарищей с жестянками — варить суп из отходов овощей, вытасканных из сорных ям. Этим супом, зеленым и вонючим, тушили голод.

Счастливым, которым удавалось продать обувь и купить картошку, завидовали, их называли чуть ли не буржуями.

В октябре почти ни у кого не осталось денег. Все было потрачено на еду. Под влиянием голода одиночные побеги участились.

К нам дошли слухи о восстании гарнизона Брест-Литовской крепости. Мы слышали, что немецкие солдаты закололи штыками около двадцати офицеров, и что в Брест посланы на усмирение какие-то специальные немецкие части.

Эти новости так взвинтили наше настроение, что мы решили устроить на следующий день организованный побег сразу из всех четырех барakov. Наскоро были добыты ножницы для заграждений и напильники для оконной проволоки. Было намечено общее место прорыва проволочных заграждений и назначен общий час для побега.

Это было в конце октября. В одиннадцать часов ночи во всех четырех бараках начали резать проволоку, которой были забиты окна. Но когда стали лезть в окна, в бараках поднялся такой шум, что многие из товарищей потеряли хладнокровие и, вместо того, чтобы продвигаться к условленному месту ползком или канавой, стали прямо перебегать двор. Немцы открыли стрельбу. Побег опять не удался.

Как только рассвело, начался обыск. Немцы упорно искали ножиц, которые тщательно были спрятаны. В этот день нас лишили обеда и хлеба, а многим пришлось отведать палок.

В ответ мы объявили голодовку. Немцы, приготовившие на 3500 человек пищу, вынуждены были ее вылить.

Приехал главный комендант лагеря Гауптман и начал вести с нами переговоры. Очевидно наша голодовка портила его карьеру, так как он всячески нас уговаривал прекратить ее, а когда это не подействовало, начал угрожать и пальцем указал на заставы и пулеметы, стоявшие по всем четырем углам нашего двора. Один из наших уполномоченных, хорошо владевший немецким языком, в решительной форме потребовал от коменданта удовлетворения наших законных требований, заявив, что пленные, в крайнем случае, будут добиваться отмены телесных наказаний и улучшения пищи путем массового выступления, включительно до нападения на караул. Не успел наш товарищ закончить последней фразы, как сильный удар стеклом заставил его схватиться за голову и закрыть глаза. Пленные с бранью двинулись на коменданта, все, что попало под руку, полетело в него... Комендант моментально повернул лошадь и выскочил из лагеря... Были закрыты на запор ворота, появился усиленный караул...

Возбуждение среди пленных было страшное. Солдатам плевали в физиономию и кричали: «капут Вильгельму!» Озлобленные немцы отгоняли нас штыками от проволоки, у которой мы столпились стеной. Комендант мчался во весь опор из лагеря по направлению к станции.

Ожидали усиления репрессий.

Мы голодали уже два дня. Многие из товарищей еле волочили ноги и под влиянием мук голода стали настаивать на прекращении голодовки. Мы поторопились созвать собрание, на котором поставили вопрос о голодовке. Помню, выступили сначала ораторы за снятие голодовки. Я тогда на практике убедился, как иногда бывает легко играть на голодных желудках и приобрести дешевую популярность в массах. Шум на этом собрании был невероятный. Наконец наступила наша очередь. Мы выпустили целый ряд ораторов. Удалось добиться перелома настроения в сторону продления голодовки. В итоге жарких прений была вынесена резолюция, чтобы голодовку продлить еще на три дня, но с тем, чтобы у всех отобрать предварительно имеющийся запас хлеба и сразу с'есть.

Нашли фунтов пятнадцать хлеба, который и был с'еден. Голодовка продолжалась. Немцы варили пищу, и каждый день она пропадала. Как были мучительны эти четыре дня голодовки для людей, которые и до того систематически голодали в течение целого ряда месяцев!

На третий и четвертый день наш барак почти весь лежал. Приблизительно, то же было, по рассказам, и в других бараках.

Голодовка произвела на немцев сильное впечатление. В городе ходили самые разнообразные слухи. Население волновалось, и бывали неоднократные случаи, когда почти к самому проволочному заграждению обыватели приносили картофель, от которого мы упорно отказывались.

Наконец на четвертый день вечером нам стало известно, что администрацией лагеря отдано распоряжение отменить палки и улучшить пищу.

На следующий день с утра нам об этом объявили, и голодовка была прекращена. Мы пошли на кухню за «кавой» и получили увеличенную порцию хлеба, плюс хлеб за все дни голодовки. С палками немцы больше не показывались. Правда, потом появились хлыстики, против которых мы также решили бороться, но это оказалось лишним, так как события, развернувшиеся на фронте и в Германии, помогли нам.

Я помню, что эта победа подняла среди пленных авторитет барака № 11.

Когда к нам поступили сведения, что престол Вильгельма начал колебаться, настроение наше изменилось. Не хватало терпения ожидать пока начнется революция и нас освободят официальным порядком. Опять появилась мысль о побеге. Но этот побег мы решили организовать так, чтобы он наконец удался.

Узким кругом нашей активки была выделена комиссия, в которую вошло около пяти человек. План побега был таков: у двери, которая была вблизи водосточной канавы, ведущей под проволочные заграждения, выпилить филенку, а потом группами по десять человек вылезать и ползти в водосточную канаву, по которой и добраться до ближайшего озера, откуда ночью рассыпаться в разные стороны.

Все ночи напролет шла кропотливая работа. Перочинным ножиком была вырезана нижняя доска из рамы двери так искусно, что не было даже заметно что она вынимается.

Второго или третьего ноября почти все было готово к побегу. О дне и часе побега никому не говорили, из опасения нового предательства. Только в девять часов вечера, за три-четыре часа до побега, пленным предложили готовиться. Сразу же в бараке стало заметно, что все пленные охвачены возбуждением. Люди были похожи на сумасшедших. С горящими глазами они бродили, собрав под мышку все свои пожитки, и толпились у дверей, из которых должен был начаться побег.

С затаенным дыханием сотни глаз следили за часовыми, и каждую минуту тот или иной товарищ сообщал, что делают немцы.

Наконец наступила полночь. Наша активка собралась в коридоре, где была подпилена дверь. Один из товарищей вынул доску и, высунув голову, наблюдал за часовыми. Так прошло с полчаса. Наконец был выбран удобный момент, когда часовой задержался у другого угла барака. Было решено начать побег. Вот вылез первый и — прямо в канаву. Минут через пять за ним вслед полезли организаторы побега и прочая активка. Я стоял у подкюпа и следил за очередью и за тем, чтобы после каждых десяти человек выдержать маленький интервал и сохранить приблизительный порядок. Но тут опять началась сутолока... Нервы не выдержали. Вся масса, находившаяся в бараке, охваченная

страстным желанием воли, стала наводнять коридор, из которого выпускались группы. От суеты и беготни по барaku поднялся ужасный шум. Дверь затрещала...

Вдруг раздался треск пулемета и ружейные выстрелы. Но безумевшую массу уже нельзя было остановить. Она лезла, как стадо, во двор барака, потеряв способность мыслить. Я был вытолкнут на крыльцо как раз в тот момент, когда начался обстрел. Пули свистали... Беглецы напирали на дверь, а со дна канавы раздавались сильные крики людей, придавленных сверху кучей новых беглецов.

Увидев, что дело плохо, я бросился обратно в барак. Но пробраться назад в дверь не было возможности, навстречу продолжали лезть люди, не поддававшиеся никаким уговорам. С большим усилием я просунул в дыру руку, схватил кого-то за бороду и начал ее беспощадно рвать. Боль заставила обладателя бороды втащить меня в дыру, очевидно с намерением расправиться со мной. Так я очутился внутри барака и стал кричать, чтобы не выскакивали во двор, где расстреливают из пулемета... Вслед за мной ребята полезли обратно в барак.

Долго еще после этого продолжалась стрельба.

Опасаясь немедленной экзекуции, мы улеглись по местам, а ножницы забросили на чердак. Каждую минуту ожидали, что вот-вот откроются двери и появятся немцы.

Около семи часов утра наш барак был наводнен немцами в полном боевом вооружении. Нам предложили сбросить верхнюю одежду и в одном белье выйти на лагерьный двор. Было 3 ноября и на дворе стоял мороз не менее 8—10 градусов.

Нас построили шпалерами в четыре ряда, а с флангов и сзади поставили стрелков. Впереди нас ходили немецкие офицеры, капралы и жандармы — все с палками.

Мы страшно озябли. От времени до времени раздавалась немецкая команда стоять смирно, но выполнить это было невозможно, так как некоторые были выгнаны босыми и все время «танцевали».

Восемьсот человек дрожали и стучали зубами. Холод был невыносимый. Некоторые из пленных начали падать, но немецкие солдаты поднимали их штыками. А когда один из пленных оскорбил немецкого солдата, его пырнули штыком и отправили в карцер. Было ясно, что это пытка, и что всякий, кто посмеет возражать, тут же будет заколот штыками. Немцы ожидали коменданта...

Время шло, люди падали, не боясь уже никаких штыков. Немецкие солдаты начали возмущаться истязаниями, которым нас подвергли.

Капралы и офицеры стали угрожать им палками. Часть солдат была снята и куда-то уведена.

Я выбыл из строя часа через три. Свалившись на кучу товарищей, я почти потерял сознание. Вот-вот, казалось, сердце остановится. Грудь распирало... Язык распух и не ворочался. Состояние было мучительнейшее.

Вдруг я почувствовал, что меня кто-то толкает, и открыл глаза. Возле меня стоял немец и, тыкая меня палкой в бок, повторял: «комитет, комитет»...

В первом часу дня показался комендант, который, не сказав ни слова, уехал назад.

После этого бараки были отперты, и нас пустили в них обратно.

На следующий день в нашем бараке заболело до двухсот человек; они не могли в течение целой недели стать на ноги. Приходилось с особого разрешения немцев доставлять им обед в барак. Доктора мы не видели. Слабых больных приходилось водить в дальний околородок под руки.

Это были самые тяжелые дни из всей нашей ссылки. Таких физических и нравственных мук мы еще не испытывали...

Многие пленные, в том числе и я, были готовы к самоубийству.

После этого побега мы были лишены газет и внешний мир перестал существовать для нас. Я помню, как сейчас, что 8 ноября, накануне германской революции, мы были погружены в тяжелые безнадежные думы, считая себя заживо погребенными.

9 НОЯБРЯ

«Ура!...» «Ура!...» Товарищи, революция!... Братцы!... Спасены!... Революция!...»

Возгласы эти я услышал около пяти часов вечера 9 ноября и, как сумасшедший, выскочил в большой барак, где масса качала при криках «ура» кое-кого из нашей активки. Не успел я расспросить в чем дело, как тоже очутился в воздухе. Мне удалось скоро освободиться от этого выражения радости, а мое место занял другой, третий... Качали тех, кто хотя чем-нибудь себя проявил в дни жестоких репрессий, и, наконец, всех, кто попадался под руку.

Под лампой показалась низкая коренастая фигура студента Когана из Полтавы, который сделал информацию о событиях в Германии. Эта информация была подхвачена громким «ура», которое разнеслось по всему двору нашего барака. Когда часовой открыл двери, мы выскочили на крыльцо и так крикнули «ура, революция», что крик этот, казалось, исходил не из слабых туберкулезных грудей, а из горла сотен великанов. Это «ура» долетело до соседних бараков, и, когда караул загнал нас обратно, мы слышали, как могучее «ура» гремело и в других бараках.

Как только нас выпустили через несколько минут за кавай, мы первым делом грянули боевой марш: «Смело, товарищи, в ногу...» Могучая мелодия, как раскат грома, прокатилась по всему лагерю. Пленные обнимались, плакали, поздравляли друг друга, и, кажется, если бы кто-нибудь сказал, что революции нет, его бы вмиг задушили.

После вечернего кофе в нашем бараке было снова собрание, на котором выделили эвакуационный комитет, в который вошли Шрейдер, Алексеев, Коган, я и целый ряд других товарищей. Этому комитету было поручено немедленно приступить к переговорам с немцами о нашем возвращении на родину.

Эту ночь мы провели почти без сна. Все ждали с нетерпением утра, чтобы собственными глазами увидеть газету с сообщениями о революции. Мы были похожи на воскресших мертвецов. Всем хотелось снова жить. Снова воскресли надежды. Хотелось видеть близких и мстить врагам. Давались клятвы и торжественные обещания по возвращении домой немедленно же взяться за винтовку, организовать отряды, разрушить и разогнать все, что было причиной наших

страданий. О, если бы в этот миг, при этом революционном экстазе, у нас были винтовки!

Когда наступило утро, лагеря были наводнены солдатами, удвоены караулы, и о революции — ни гу-гу. Так прошел день.

И только вечером от немецких солдат была добыта газета.

В узком кругу мы прочитали сначала о том, что происходило в Германии, а потом, выйдя в большой барак, рассказали, потрясая газетой, что революция — факт совершившийся.

Барак огласился снова революционным гимном, и долго потом «сами набьем мы патроны, к ружьям привинтим штыки» — несло из барака № 11 на лагерный двор.

Дальше немцам трудно было уже скрывать положение в Германии. До нас дошли слухи, что в Бялах пленные прорвали заграждения и бегут из лагеря, что из самой Германии тоже массами движутся пленные. Но наши переговоры с немцами не давали никаких положительных результатов.

На четвертый день нам из барака железнодорожников сигнализировали, что у них находятся представители Совета Солдатских Депутатов. Мы ответили им дружным «ура». Мы ждали, что эти представители придут также и к нам.

Числа 13-го (ноября), идя за обедом, мы увидели группу людей в серых шинелях с красными повязками на правой руке. Это были представители Совета Солдатских Депутатов. Мы встретили их дружным «ура». Они нам рассказали о свержении Вильгельма и о переходе власти в руки республиканского правительства, и сказали, что имеется директива освободить всех пленных. Но назвать срок освобождения они категорически отказались, так как это зависело от целого ряда технических условий. Пока же они обещали улучшить пищу и ослабить режим.

Со следующего дня нам начали давать чуть ли не удвоенную порцию пищи, при чем суп был с мясом и в достаточном количестве.

Режим также был ослаблен и нас стали пускать в другие бараки в гости к землякам. Двери барака не запирались целый день так же, как и ворота нашего и соседнего дворов. Кроме того, под наблюдением одного лишь часового стали сразу человек по десять пускать в город, где наши ребята покупали газеты и узнавали разные новости про пленных других лагерей.

15 числа в лагерь приехал комендант, которому мы пред'явили настойчивое требование о немедленном освобождении, угрожая в противном случае беспорядками. С его разрешения нами в тот же день была послана в Берлин телеграмма с требованиями немедленной эвакуации. Скоро был получен положительный ответ. Но комендант все же упирался, ссылаясь на то, что у него не хватает работников в канцелярии для того, чтобы написать всем пленным соответствующие удостоверения, без которых на Украине нас будут считать беглецами и снова будут арестовывать.

Тогда мы предложили организовать свою канцелярию для составления необходимых документов, а коменданту рекомендовали напечатать бланки удостоверений в типографии.

На этом и порешили. Комендант был сговорчив и неузнаваем.

В тот же день мы приступили к пополнению эвакуационного комитета представителями из других бараков, а на следующий день канцелярия наша работала уже во всю. В ней сидело около двадцати писарей, строчивших энергично пропуска. От немцев были получены списки, в которых точно значилось, кто откуда приехал.

Так как в удостоверениях нужно было указать станцию назначения, а многие пленные опасались сразу возвращаться в свое село, мы опрашивали, кто до какой станции предполагает ехать.

Принцип отправки был выработан следующий: представители всех бараков тянут жребий на очередность отправки, сначала по губерниям, а потом по уездам. Отправке подлежали группы в 100 — 150 человек. Таких отправок в день должно было быть несколько.

НА СВОБОДУ

16 ноября масса людей высыпала из барака и заполнила двор. На трибуне показался эвакуационный комитет и представители губерний. Начали тянуть жребий. Первую очередь получила Черниговская губерния, из которой как раз и было больше всего ссыльных.

Перед отправкой появился комендант и сказал отъезжавшим «прочувствованное» слово. Гробовое молчание было ему ответом. Почувствовав себя неловко, он распорядился выдать на двое суток паек и уехал из лагеря.

Каждый проведенный в лагере день казался теперь месяцем, и все хотели ехать разом, однако принятый порядок выдерживали.

Помню, с какой радостью и подъемом мы высылали каждое утро на жеребьевку, и как рады были те, кто вытягивал свой жребий.

Для поддержания дисциплины, я, как член эвакуационного комитета, отказался ехать в первую очередь вместе с Черниговской губернией, а поехал лишь в пятую очередь.

Эшелон, с которым я уезжал, составлялся 19 ноября. В восемь часов вечера нас (около двухсот человек) снабдили пайком на дорогу, и мы стали строиться в ряды. Через несколько минут под надзором всего лишь двух часовых мы вышли за расположение лагеря, не веря сами себе. Многим это казалось сном...

Чувство радости, которое мы испытывали, не поддается описанию. Я помню, возле меня шел один старый каторжанин, пробывший в Сибири более десяти лет, который говорил, что месяц немецкой ссылки стоит года русской каторги. Не берусь судить так ли это или нет, но несомненно, что в лагере мы оставили все свои силы и здоровье, которое уже трудно было потом восстановить. Там, в этих проклятых бараках, было перенесено столько унижений и нечеловеческих страданий, что теперь все, действительно, кажется каким-то кошмарным сном, о котором не хочется и вспоминать.

Когда мы проходили последний барак и проволочные заграждения, из передних рядов нашего эшелона раздалось: «Стой! Простимся с товарищами».

Наш эшелон опустился на колени и запел: «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»

На этом кладбище, в десяти шагах от нас, лежали сотни лучших наших товарищей, которые здесь, на Пинских болотах, после тяжелых мучений и издевательств, нашли себе покой... Казалось, что они из сырых могил слышат нас и завещают нам мстить за них и готовиться к решительному бою.

В это время нас догонял грузовик с направленными на нас пулеметами. Немцы были осторожны. Всю дорогу, до самого вокзала он провожал нас шагах в пятидесяти.

На станции стоял уже поезд... После посадки он сейчас же тронулся.

Нас должны были доставить в Пинск, где была граница с Украиной.

До Пинска мы ехали всю ночь и прибыли на место лишь на рассвете...

Поезд постоял с минуту и сразу же дал задний ход, так что мы не успели даже попрощаться с немцами.

Мы остались совершенно одни и только теперь поверили, что действительно свободны.

Построившись в ряды, мы отправились на вокзал, который представлял собою маленькую деревянную будку.

Земля была уже покрыта снегом. Тысячи военнопленных в течение нескольких дней валялись у полотна железной дороги прямо на снегу и тщетно ожидали подачи вагонов. Здесь были и тифозные, и больные испанкой, и мертвецы. «Защитники отечества» были брошены, как обглоданная кость, «отечество», за которое они умирали, не беспокоилось о них. Офицерские отряды и гайдамаки охраняли границу на соседней станции и препятствовали возвращению пленных на родину.

Возмущенные этим зрелищем, мы овладели станцией и телеграфом. Среди нас было немало железнодорожников и телеграфистов. Мы потребовали по прямому проводу с соседней станции (кажется Парамоновка), а затем из Лунинца подачи вагонов для военнопленных. Когда нам отказали, мы стали угрожать, что десятитысячной массой двинемся пешим порядком и расправимся со всеми саботажниками. Такая решительность ободрила военнопленных и внесла в их среду некоторую организованность. Все они бежали из лагерей после 9 ноября и никак не могли добиться вагонов.

Через час пришло вагонов сорок. В первую очередь мы в них поместили военнопленных и дали им часть своих руководителей и проводящих с соответствующими директивами на случай каких-либо препятствий.

В ожидании следующих эшелонов я с некоторыми товарищами пошел осматривать Пинск. Разрушенный, без признаков жизни, он напоминал скорее кладбище, чем город.

В-нолдень я уехал со следующей партией на Гомель. В Лунинце бывший начальник станции, только что возвратившийся из Бял, предупредил нас, что в Гомеле гайдамаки приготовили заставу и ловят всех политических ссыльных, возвращающихся на родину. Мы приняли к сведению это сообщение.

Всю дорогу мы встречали немецкие поезда и на стоянках стремились всячески разлагать немецких солдат; срывали с них шутя погоны, против чего они не возражали и смеялись, а затем и сами «разжаловали» нескольких офицеров.

Где встречали гайдамаков — демонстративно пели революционные песни, в глаза называли их «гадами». Характерно, что гайдамаки в пререкания с нами не вступали.

Наконец издали показался Гомель. Поезд замедлил ход. Пленные стали поодиночке соскакивать, опасаясь облавы. На товарной станции, в нескольких верстах от Гомеля, поезд остановился. Здесь мы у железнодорожников узнали, что гетман доживает последние дни, что Петлюрой заняты Белая Церковь и Фастов и что на севере шевелятся большевики.

Революция снова надвигалась на Украину. И сыны ее спешили занять свое место в рядах красных бойцов за рабоче-крестьянскую власть.

В петлюровском царстве

В августе 1919 г. небольшая группа уманских работников (Партигул, Мукле и я) были направлены Киевским Губкомом на подпольную работу в Бердичев. Предварительно нас подробно проинструктировали и заставили даже пройти «подрывные курсы».

В момент нашего приезда в Бердичеве царило эвакуационное настроение. Происходило непрерывное движение телег, извозчиков и машин к вокзалу; по улицам валялись бумаги из архивов учреждений. Через день с утра над городом прокатилась легкая перестрелка, и в Бердичев вступили петлюровцы с отрядом галичан.

Зная антисемитизм петлюровцев и их «подвиги» в ряде еврейских местечек, население Бердичева, состоящее преимущественно из евреев, со страхом наблюдало за вступлением войск. С приходом петлюровцев начались аресты заподозренных в сотрудничестве с большевиками и евреев - рабочих вообще, ибо для петлюровского начальства понятия «жид» и «большевик» сливались в одно целое. Каждый день в разных районах города происходили избиения и издевательства над евреями. «Подвиги» эти вдохновлялись местными петлюровцами при широком участии черносотенцев. Войска же галичан не были погромно настроены и вели себя относительно прилично. Но все же население, особенно еврейское, ощущало над собой Дамоклов меч и старалось поменьше показываться на улицах.

При таких условиях был создан подпольный комитет. В состав его, кроме меня, как секретаря, входили: т. Марк, весьма энергичный, с горячим темпераментом и хорошо знавший условия работы среди еврейской трудящейся массы, тов. Голда из Екатеринослава, умная, дельная работница, хороший конспиратор, тов. Григорий, прибывший позже в качестве председателя комитета, тип партийца - интеллигента, и, наконец, еще один товарищ (фамилии которого не помню) — прекрасный парень, рабочий, поляк по национальности, мало говоривший, но много делавший, бесстрашно бравшийся за самые рискованные дела. Кроме этих товарищей, активное участие в подпольной работе принимали: т. т. Еля — жена Марка, Арон — рабочий - кожевник и тов. Макс, рабочий - печатник.

Основная наша работа велась среди галичан и рабочих Бердичева. Центр тяжести мы перенесли на создание в профсоюзах подпольных пятерок, которые мы собирали и инструктировали. Большую помощь в организации этих пятерок

оказал тов. Арон, хорошо знавший бердичевских рабочих и вербовавший вполне надежных ребят. Благодаря этому наша подпольная организация за все время деятельности ни разу не была обнаружена петлюровцами, если не считать одного провала нашей явки. Произошло это таким образом: однажды по улицам Бердичева конвой петлюровцев вел человек 20 арестованных «большевиков». Среди последних мы узнали тов. Алека — анархиста, вместе с нами направленного в подполье. Товарищ Еля ему мигнула глазом и затем, угощая грушами конвойных, обменялась с ним парой фраз на еврейском языке. В тот же вечер Алек бежал из дома, где пленные находились под стражей, и нашел нашу явку. Мы его продержали несколько дней, а затем помогли выбраться из Бердичева. Но по его следам на явку наскочила петлюровская охранка. Нам пришлось явку переменить, и охранка не сумела обнаружить дальнейших нитей.

Вообще нужно сказать, что петлюровская охранка по своей квалификации очевидно уступала деникинской или польской. Следует отметить еще продажность петлюровского «начальства»: за деньги мы снабжали всех подпольщиков паспортами, за солидную сумму денег можно было устроить «побег» арестованному и т. д. Специалистом по таким делам был тот же тов. Арон.

Наряду с подпольными пятерками, собиравшимися в отдельных закоулках города, мы использовали и полулегальные возможности куцой петлюровской «демократии». Петлюровцы на словах разыгрывали из себя «щирых демократов» (они за народную республику, за всякие «свободы» «четиреххвостку» и т. д.). На деле же, понятно, получалось совершенно обратное: господство военщины, гонения на инакомыслящих и т. д. Правда, к меньшевикам, как к «почти своим людям», у петлюровцев было несколько снисходительное отношение. Они допустили существование в городе меньшевистского клуба имени «Карла Маркса» и, надо отдать «справедливость» меньшевикам — они не обманули «доверия» петлюровцев. Шатающиеся, трусливые меньшевики не были способны на борьбу и на использование клуба в революционных целях. Единственное благое дело с их стороны заключалось в том что они фактически предоставили свой клуб в распоряжение нашей подпольной организации. Проведение большевистской работы под ширмой меньшевистского клуба было для нас весьма выгодно, ибо петлюровская охранка никак не могла догадаться об этом. В этом клубе мы часто устраивали собрания, конечно, под охраной своих ребят.

На должной высоте стояла у нас печатная агитация. Мы имели подпольную кустарную типографию и выпустили ряд листовок к рабочим и галичанам. Литература переносилась обычно в базарных корзинах, под фруктами и всякими прочими вещами. По ночам революционной молодежью листовки расклеивались по заборам и раскидывались вблизи лагеря галичан. Часть листовок раздавалась рабочим. Листовки освещали задачи коммунистической партии и советской власти, разоблачали петлюровщину, как мелкобуржуазное и шовинистическое течение, призывали галичан не воевать против Красной армии. Читались они рабочими и галичанами с большим интересом.

Власти Бердичева, возмущаясь «наглостью большевиков», издали приказ, угрожавший смертной казнью за распространение большевистской литературы.

Издававшаяся в Бердичеве петлюровская газетка также метала гром и молнии по поводу наших листовок. Но все эти «угрозы» не приостановили выпуска их, а, наоборот, усилили к ним интерес трудящихся. Характерно отметить один курьезный случай: комендант Бердичева обратился в союз печатников с требованием создать комиссию по выявлению характера шрифта подпольных листовок, являются ли они бердичевского производства или привозными (на листовках была подпись: «Коммунистическая партия большевиков» без указания «Бердичевский Комитет»). В созданную комиссию вошел как раз товарищ Макс, который набирал и печатал листовки. Комиссия, конечно, признала что листовки привозные, что такого шрифта в Бердичеве нет и т. д. Это обстоятельство, повидимому, ослабило розыск подпольной типографии со стороны петлюровского «начальства».

Работу среди галичан мы проводили путем печатной агитации. Устной агитации развернуть среди них в должной мере, а также заложить прочные организационные связи путем создания нашего ядра нам не удалось. Основная причина такого положения заключалась в том, что петлюровцы, учитывая опасность «большевистской заразы», чуть ли не каждую неделю производили смену и переброску галицийских отрядов. Едва только мы успевали установить связь с отдельными галичанам, как их части перебрасывались в другие места. Все же нам удалось выяснить, что среди галичан, исключая их командной верхушки, имелось большое недовольство: петлюровское начальство им очень многое наобещало и уверило, что «освобожденная Украина» встретит их с распростертыми объятиями и т. д. На деле же оказалось совершенно иное: тяжелые жертвы и лишения, хмурые лица рабочих, проклинавших петлюровцев. Вот почему они так охотно читали большевистские листовки; последние раскрыли галичанам истинную политику петлюровцев.

Петлюровцы пробыли в Бердичеве несколько месяцев, но положение их все время было шаткое. Дело в том, что южная группа Красной армии, отступив на север, укрепилась у Коростеня и захватила Житомир, так что линия фронта проходила недалеко, между Бердичевом и Житомиром. Мы держали связь с уполномоченным Зафронтбюро, находившимся в Житомире. Когда положение на фронте резко изменилось в нашу пользу и петлюровцы стали спешно эвакуироваться из города, наш Комитет выделил для немедленного захвата власти после ухода петлюровцев Ревком с участием Саши Чемеринского, Владимира и Наумова. Они прибыли из Одессы на подкрепление в Бердичев, как в крупный еврейский пролетарский центр. Для связи с Житомиром Комитет выделил меня и члена Комитета (поляка). За станцией Рея я наткнулся на советский броневик, на котором и доехал до Житомира. Там я сделал информацию о положении в Бердичеве на заседании Совета Оборона.

Когда петлюровцы ушли из Бердичева, Городская Дума до появления власти взяла на себя охрану порядка от всяких «темных элементов». Ревком вышел из подполья и объявил себя властью, хотя реальной силы он за собой еще не имел.

На другой день в город вступили советские войска, но положение оставалось еще некоторое время напряженным. Город переходил из рук в руки, но в конце концов был закреплен за красными.

Борьба за господство на Украине между петлюровцами и деникинцами приняла самые ожесточенные формы. Местная петлюровская газетка метала гром и молнии по адресу деникинцев, когда последние довольно бесцеремонным образом «выставили» желтоблаkitников из Киева. «Деникин за единую неделимую Россию, за царя, помещиков и капиталистов» — кричали они, «а мы за народную республику, за самостоятельность Украины и будем вести с ним борьбу до конца».

Но когда Красная армия стала бить и Петлюру и Деникина, то получилось трогательное объединение «неделимого» царского Деникина с самостоятельным «народно-демократическим» Петлюрой против общего их врага — большевиков.

Ко времени занятия красными Бердичева Деникин захватил Винницу и заключил соглашение с Петлюрой о совместном наступлении на Бердичев. Ввиду напряженности обстановки, наш подпольный комитет не выходил на легальное положение. Были слухи, что белые находятся в местечке Белополье, в 22 верстах от Бердичева. Командир советского отряда, получая от своих разведчиков самую противоречивую информацию о положении противника, просил Комитет выслать в Белополье товарища для разведки. На это дело я отправился в базарный день с мешком сахару на плечах. Не доходя, примерно, 4 верст до Белополья, я услышал окрик солдат с белыми кокардами, мчавшихся на санях. Они обступили меня с намерением обыскать и раздеть. Но меня подозвал сидевший на санях офицер с двумя звездочками и стал допрашивать: кто в городе, на какой улице штаб большевиков, что слышно там насчет объединения петлюровцев с деникинцами и т. д. Я ему наврал о положении в городе, а о себе заявил, что являюсь учителем, голодаю и поэтому иду менять сахар на хлеб. Мой петлюровский паспорт, православная фамилия, русская физиономия (хотя я по национальности еврей) и заявление, что я окончил гимназию, рассеяли у него всякие подозрения в «большевизме». Он даже разоткровенничался и сообщил мне, что сам является студентом, что Деникин объединился с Петлюрой, и что большевики будут скоро разгромлены. Затем велел меня отпустить.

В Белополье действительно были белые. У прибывших на ярмарку крестьян я осторожно разведал о расположении белых частей и вернулся в Бердичев. Предсказанию офицера не суждено было сбыться: Бердичев остался под советским флагом, а вскоре и вся Украина была очищена от петлюровских и деникинских банд.

ОТДЕЛ II

МЕЖДУ ДВУМЯ РЕВОЛЮЦИЯМИ

СТАТЬИ И ВОСПОМИНАНИЯ

После Стокгольмского съезда в Екатери- нославе¹⁾

Сейчас же после Стокгольмского съезда я получил от большевистской части Ц. К. поручение поехать с докладами о Стокгольмском съезде по южным городам России — в Николаев, Одессу и Екатеринослав.

В Одессе я застал очень мало из тех товарищей, которые работали со мной летом 1905 года. Не помню сейчас точно, где состоялся мой доклад, но помню, что на нем присутствовало человек сто... Доклад был закончен, и уже начали высказываться в прениях, когда кто-то вбежал и тревожно сообщил, что идет полиция. В таких случаях у нас, революционеров, развивалась удивительная прыть в ногах. С быстротой молнии, по кратчайшей линии, перескочил я через подоконник, опрокинув графин с водою и какой-то цветочный горшок, и довольно быстро добежал до ворот. Двор был застроен домиками и, видимо, очень многолюдно заселен. Я заметил, что люди свободно выходили в калитку, и высунул осторожно голову на улицу. Оказалось, что наряд полицейских шел по направлению к соседнему дому. Значит, не сюда. Подождал еще несколько секунд, спокойно вышел на улицу и ушел в противоположную сторону. Мне передавали потом, что часть публики, боясь, что полиция сторожит у ворот, бросалась в соседние дворы и таким образом попала в руки полиции.

Так как одесская полиция меня знала (в 1905 году я просидел 4 месяца в одесской тюрьме), то мне оставаться в Одессе долго было не безопасно, и я вскоре уехал в Николаев.

В Николаеве в то время жила целая группа читинцев: покойный каторжанин Гюберник, Х. Бронштейн и др. Здесь я провел несколько дней и сделал несколько докладов о съезде, выясняя нашу большевистскую тактику. Содокладчиком неизменно выступал на этих собраниях меньшевик по кличке «Талмудист». Он был действительно талмудист и готовился, кажется, в свое время

¹⁾ По просьбе старых товарищей большевиков, с которыми я работал летом 1906 г. в Екатеринославе, посылаю эти краткие воспоминания, которые я пишу по памяти, без документов, необходимых для освещения событий того времени. Я прошу товарищей исправить неточности, которые неизбежно бывают в таких воспоминаниях, и снабдить их своими примечаниями. Е. Я.

Прим. ред. Воспоминания тов. Ярославского были нам пересланы Днепропетровским (Екатеринославским) Истпартом, который сделал к ним некоторые примечания.

стать раввином. Сделавшись социал - демократом, он сохранил кое - какие навыки талмудистов и кличку.

Помню отчетливо, что рабочие французского завода и других предприятий весьма непочтительно относились к Талмудисту и вообще к меньшевикам, несмотря на то, что в Николаеве у них были довольно крупные силы и язык у Талмудиста был приведен довольно удачно.

Из Николаева я направился в Екатеринослав и приехал тотчас после провала, вырвавшего из рядов организации целый ряд крупных работников (Н. Н. Авдеев, Лемперт и др.). На явке я встретил секретаря организации, большевичку «Женю». Это была Ольга Александровна Дилевская, трагически погибшая при Колчаке в Барнауле ¹⁾.

Ольга Дилевская была замечательным работником, хорошим товарищем, была предана революции целиком и осталась верной революции до конца, несмотря на некоторые колебания по вопросам тактики в начале гражданской войны. Несмотря на молодые свои годы, она умело несла на своих плечах сложное и большое дело организации в таком важном промышленном центре, каким был Екатеринослав.

Дня через два по приезде, благодаря Ольге, я был уже знаком с тремя четвертями екатеринославских работников. Поселился я у содержателя мельницы, в одной квартире со своей старой знакомой, бундовкой «маленькой Лизой» ²⁾.

Я жил нелегально, по паспорту Бориса Васильевича Высокоостровского, псковского мещанина ³⁾. Помню, что первый из екатеринославских большевиков, с которым я познакомился, был Илья Тейтельбаум или, как его звали, «тов. Илья из Каменки». Илья к этому времени считался уже «замазанным» и активного участия в организации не принимал; он стоял в стороне и служил как бы связью с целым рядом рабочих - большевиков, оставшихся после недавнего провала. В этот же вечер познакомился я где-то на явке у зубного врача с тов. Могилевским (в 1925 г. трагически погиб в Закавказье вместе с т. т. Мясниковым и Атарбековым во время аварии самолета). Могилевский был тогда довольно хорошим агитатором - пропагандистом. Из агитаторов - пропагандистов работал еще в то время в Екатеринославе Андрей (фамилии не

¹⁾ Она была тогда, так же как и ее муж Н. Н. Авдеев, интернационалисткой. Однако колчаковцы не очень - то церемонились и с теми, кто называл себя интернационалистами. Оба были схвачены карательным отрядом и приговорены к расстрелу. Их вывели ночью и расстреляли обоих. Н. Н. Авдеев ранен был не на смерть, у него была раздроблена рука и поврежден позвоночник. Он лежал в куче трупов, чувствуя, как рядом с ним умирает Ольга... Потом выбрался из кучи трупов и побрел в город. С большими трудностями ему удалось скрыться. Но потом, раненого, его опять арестовали, однако, благодаря тому, что на колчаковцев надвинулись грозные события, Н. Н. Авдеев уцелел и продолжает работать до настоящего дня. Е. Я.

²⁾ Лиза Шверсон, работавшая одно время в нашей питерской организации партии, впоследствии стала меньшевичкой. Е. Я.

³⁾ Паспорт этот был точной копией с действительно существовавшего паспорта, обладатель которого жил в Пскове самой обывательской жизнью. И когда меня после арестовали по этому паспорту, то настоящий Борис Васильевич Высокоостровский, вызванный петербургскими жандармами для допроса, был чрезвычайно напуган. Е. Я.

помню), которого некоторые звали «доктором». Кажется это был врач, довольно хорошо образованный, хороший марксист и хороший пропагандист, но немножко вялый, не умевший зажечь массу. А у меньшевиков как раз были ораторы с довольно горячим темпераментом, умевшие произносить речи, например, «Полтавский Бебель» Н. Сандомирский или, как его звали, «тов. Нил», Николай Беленький, Сергей (Сергей Гурвич), бывший в 1905 году председателем первого Совета Рабочих Депутатов в Ростове на Дону, и ряд других крупных работников.

Главная наша работа проходила на Чечелевке. Чечелевка называлась тогда республикой. И действительно, это была рабочая республика, которая жила своей обособленной жизнью, отвоевав себе героической борьбой некоторые права на ограниченную, правда, свободу собраний и даже некоторую свободу печати. Свободы эти были куплены ценою многочисленных столкновений и боев рабочих, живших на этой окраине, с жандармами, полицией и казаками. Казаки, полиция и жандармы с некоторой опаской входили и въезжали на улицы Чечелевки, где еще недавно их угощали бомбами. Вечерами в этом районе собирались довольно большие митинги, по полтораста, двести и даже пятьсот человек. Полиция боялась разгонять эти митинги и тем более боялась появляться около больших рабочих собраний, которые происходили каждый день и утром и вечером (в особенности вечерами) против заводов Гвоздильного, Брянского, Трубногo, Шадуара, у так называемых «посадоk». Мне приходилось выступать там по два, по три раза в день, а иногда и больше. Мы одно время организовывали почти ежедневные митинги около заводов и железнодорожной насыпи при каждой смене рабочих, так как работа на заводах заканчивалась не в одно время ¹⁾. Покуда были закрыты заводские ворота и подходили рабочие следующей смены, митинг происходил среди рабочих, идущих на работу. Речи были короткие — на 5 — 10 минут, с кратким изложением важнейших событий дня, важнейших политических вопросов, с краткими лозунгами. Иногда, вслед за большевиками высказывались анархисты или эсеры, но в тот период, когда мне пришлось выступать, главную работу по агитации в массах, по выяснению им смысла происшедших политических событий, по выяснению задач дальнейшей борьбы — прodelывали мы, большевики...

Раскрывались заводские ворота, и оттуда высыпала ночная смена. Правда, некоторые рабочие, устав от работы, быстро расходились по домам, но другие задерживались на 10 — 15 минут, и для них снова повторялась та же речь, заранее подготовленная, обдуманная, сжатая, дававшая направление политической мысли рабочего класса. Затем я быстро переходил на соседний завод и, если там не было никого из наших ораторов, я выступал и там. Иногда таким образом проводил 3 — 4 собрания за одно утро. В течение дня происходили организационные совещания с более узким кругом профессионалов - революционеров.

¹⁾ Это было устроено администрацией завода для того, чтобы большие массы рабочих не скоплялись в одно и то же время около заводов, стоявших близко друг от друга. На одном заводе смена выходила в 6 час. утра, а на другом в 6 час. 20 м. Когда, скажем, рабочие Гвоздильного завода уже успели разойтись, тогда выходила смена с Трубногo, а через 20 — 25 минут — с Брянского. Е. Я.

из которых хорошо помню тов. Шевченко, Женю - железнодорожника, Матвея с Днепровского завода и Островского.

Организация у нас была объединенная с меньшевиками, но, в ней шла острая ежедневная борьба за влияние на рабочий класс. Мы, большевики, собирались иногда отдельно для того, чтобы наметить план нашей работы, так же как отдельно собирались и меньшевики. Конечно, это делалось не официально — внешне сохранялось организационное единство. Чечелевка была, несомненно, нашей, большевистской, и там в многочисленных дискуссиях — по вопросу об аграрной программе, о вооруженном восстании, об организации боевых дружин и по другим вопросам тактики — меньшевики, несмотря на ораторские таланты, которыми они блистали, оставались в меньшинстве.

Вечерами мы собирались у знаменитых «посадок» большими кружками, по 50 — 60 человек. В двух-трех местах располагались наши, а рядом тут же по соседству шли собрания эсеров, максималистов, анархистов. Закончив наше собрание, мы нередко переходили к соседним группам и, если там было не закрытое собрание (если собрание было закрытое, достаточно было сказать: «товарищ, проходи, собрание закрытое» — и товарищ уже не останавливался), присоединялись к ним и устраивали дискуссии с эсерами, анархистами, максималистами. Шпики не смели показываться здесь, в этой «республике рабочих». В этих наших собраниях принимали активное участие екатеринославские рабочие, проходившие здесь настоящую политическую школу. Все вопросы программы и тактики, все организационные вопросы подверглись страстному и всестороннему обсуждению. Затягивались эти собрания иногда до 11 — 12 часов ночи. Потом шли через весь город, продолжая вести оживленные споры. На окраине заходили в пекарню. Иногда в час-два ночи, когда на востоке уже занималась заря, мы заходили в бубличную, запивая горячим молоком свежие бублики. Здесь, конечно, споры наши шли в более мирном и шутиливом тоне — близок был город, и надо было соблюдать большую осторожность.

Однажды во время такого ночного путешествия меня остановил ночной обход полицейских. Однако документы у меня были в порядке, так же как и у секретаря нашей организации. На вопрос, почему мы на улице в 2 часа ночи, я выразил совершенно искреннее смущение и объяснил приставу, что дело молодое, что гулял с девушкой. Иногда я отправлялся с этих собраний ночевать к рабочим в Кайдаки — соседнее селение, где жило много рабочих с Брянского, Трубного, Гвоздильного и Шадуаровского заводов. Но нередко я просто-напросто оставался тут же на Чечелевке или у Жени - железнодорожника, где вел горячие споры с его братом анархистом и другими анархистами, которые приходили в эту квартиру, или попросту ночевал в поле, тут же за боянями. Хлеб был сжат, но еще не убран с поля, и в пшеничных копнах короткая летняя ночь проходила быстро и незаметно.

Спать приходилось в то время не больше 4 — 5 часов в сутки, а жилось хорошо, весело, радостно, несмотря на то, что материально испытывал кое-какие лишения. Средств у организации было мало, время целиком приходилось отдавать революционной работе, а заработок искать было почти невозможно.

Работа в нашей организации, как я уже упоминал, велась одновременно и большевиками и меньшевиками. Почти по всем вопросам мы выступали с отдельными предложениями, с отдельными платформами. Когда дело доходило до голосования, страсти иногда очень разгорались. Помню, например, что по вопросу об организации боевых дружин голосование происходило таким образом: голосовавшие за большевиков отходили влево, а за меньшевиков — вправо. И когда меньшевики увидели на левой стороне подавляющее большинство рабочих нашей организации, они были совершенно деморализованы.

Конечно, и нам, большевикам, приходилось бороться против некоторых авантюристических настроений среди части екатеринославских рабочих. Помню случай с рабочим (меньшевиком) Помогайбушкиным. Это был еще очень молодой парень, обладавший боевым темпераментом, но по личным своим симпатиям и взглядам он по целому ряду вопросов примыкал к меньшевикам. Так как у нас было очень мало материальных средств для вооружения боевых дружин, Помогайбушкин предложил организовать экспроприацию казенной винной лавки. Мы решительно воспротивились. Тогда Помогайбушкин, не говоря никому ни слова, поехал не то в Мелитополь, не то в другой какой-то южный город и там экспроприировал выручку казенной винной лавки. Через несколько минут после экспроприации его захватили на улице, и он был расстрелян.

Наши боевые дружины упражнялись в стрельбе. Занимались очень много... Как-то приехал из Ростова на Дону товарищ, который предложил нам приобрести бомбы. Бомбы были изготовлены в виде книги, которую можно было безопасно нести на улице под мышкой; в корешке книги помещался замаскированный механизм (предохранитель, боек, запальник); разрушительная сила бомбы была довольно значительна. Мы испытывали эти бомбы в оврагах за бойнями¹⁾.

Однажды в воскресное утро мы отправились в составе всех дружинников в овраги, чтобы испытать снаряды. Когда мы подходили уже к оврагам, то увидели, что нас предупредил довольно значительный отряд казаков. Нужно было быстро повернуть и успеть дойти до железнодорожной слободки²⁾ или до Чечелевки. Казаки подвигались вслед за нами с большой осторожностью...

Мы разработали с дружинниками план нападения на динамитный склад на Днепре. Я собирался лично принимать участие в этом нападении и вел разведку, но выполнить этот план нам не удалось.

От восстания 1905 года рабочие сохранили во многих местах довольно большое количество оружия. Вспоминаю разговор не то с тов. Островским, не то с другим товарищем о том, что в Новомосковской³⁾ где-то на кирпичном заводе было замуровано рабочими несколько сот винтовок. Во всяком случае, рабочий класс жил боевыми настроениями, готовился к новой борьбе, а мы

¹⁾ Овраги эти находятся между Шляховкой и с. Крипичками (примеч. Днепропетровского Истпарта).

²⁾ Повидимому, не железнодорожная слободка, а поселок Шляховка (примеч. Днепропетровского Истпарта).

³⁾ Повидимому, в Новомосковском уезде. Прим. Днепр. Истпарта.

использовывали всякий случай для выступлений. Однажды на Брянском заводе происходил какой-то праздник, на котором присутствовал губернатор и другие власти, служили молебен, произносились речи о благожелательности правительства к рабочим, о попечительстве и прочих и прочих вещах, которым рабочие не верили ни на грош. И вот, как только окончились все эти речи, я выступил с революционным словом. Несмотря на шум, который пытались поднять черносотенцы, несмотря на присутствие властей, через две-три минуты в мастерской воцарилась необычайная тишина, в которой революционные мысли и фразы падали, как горячие искры, как удары молота на раскаленную массу. Потом, окруженный рабочими-большевиками и нашими боевиками, я невредимо выбрался на улицу и скрылся.

Мне обычно приходилось прибегать к небольшим переодеваниям. Для этого у меня была мягкая шляпа, которую можно было очень быстро свернуть и положить в боковой карман, а оттуда вынуть кепку. По городу я обыкновенно шел в шляпе, с растегнутым пиджаком, из которого выглядывала рубашка с галстуком. Дойдя до рабочей слободки, я заворачивал за угол быстро надевал вместо шляпы кепку, застегивал наглухо пиджак и снимал пенсне. Это делалось не для маскировки перед рабочими, а на случай, если сзади шел на расстоянии сыщик. Я раза три замечал, что сыщик сбивался с толку, когда, завернув за угол, не замечал уже шедшей перед ним фигуры в шляпе, и либо сворачивал в другую сторону в поисках, либо оставался здесь же поджидать выхода исчезнувшего «сицилиста».

Мы ежедневно сталкивались с другими организациями. В то время в Екатериносливе партийные организации жили очень напряженно, работа была оживленная.

Бундовцы, которые вели работу главным образом среди еврейских ремесленников и интеллигентных профессий, имели биржу на Проспекте. Там в известные часы можно было встретить почти всех бундовских агитаторов, организаторов, пропагандистов; там велась агитация, там передавались организационные поручения, литература. Такие же биржи были и у эсеров, правда, в меньших размерах, и у максималистов. Мы менее рисковали, нам незачем было устраивать в городе биржу, так как главная наша работа была не среди этих помещанских элементов, а среди рабочих крупных предприятий. Держали себя все остальные организации по отношению к нам довольно почтительно, потому что мы были единственной крупной и серьезной рабочей организацией в Екатеринославе. Из эсеров помню некоего Владимира, который время от времени выступал перед екатеринославскими рабочими с очень туманными речами.

Серьезной организации среди рабочих у эсеров не было, у них была главным образом интеллигентская аудитория. Больше связей с рабочими имели максималисты. Несомненно, массовую работу вели анархисты. Для анархистских настроений почва была достаточно богата: массовая безработица толкала в ряды анархистов малоустойчивые рабочие элементы. Анархисты вели пропаганду экономического террора, и убийство директора завода Шадуара было совершено, повидимому, анархистами, так как анархисты всячески на всех собраниях рас-

хваливали этот акт, как свое «дело», и доказывали, что этим путем, путем убийств директоров и хозяев фабрик и заводов, можно осуществить победу анархии. Другим средством, которое они проповедывали, была экспроприация отдельных предприятий. По этой части у них изощрялся Саша Черный, который выступал ежедневно на рабочих собраниях с демагогическими до крайности речами. Этот Саша Черный не обладал ни знаниями, ни обширным политическим кругозором, он был демагогом чистейшей воды, беспринципным, подлаживающимся к настроениям масс.

Против анархистов нам пришлось вести тогда серьезную борьбу. Несомненно, они вносили большое разложение в ряды рабочих. После убийства директора завода Шадуара, завод был на некоторое время закрыт, произведена чистка и уволены как раз лучшие наши рабочие-революционеры. Организация была в значительной степени разрушена, рабочие потом пошли работать на худших условиях.

Несмотря на то, что основной темой разглагольствований Саши Черного и других анархистов было то, что социал-демократы хотят установить буржуазный правопорядок, а они, анархисты, стремятся к неограниченной свободе, они проявляли величайшую нетерпимость. Начать с того, что почти всегда на их собраниях председатель действовал почти диктаторски. Помню, однажды, когда я выступил после самого Саши и стал разоблачать его путанные анархистские теории, ко мне подскочил подросток лет 16 с браунингом и потребовал, чтобы я немедленно замолчал, иначе он меня уложит на месте. Я всегда ходил вооруженный и тотчас же выхватил из кобуры свой браунинг. Еще минута — и могла бы разыгаться кровавая история, но кто-то успел оттащить азартного мальчика. Я прервал свою речь и обратился к окружавшим нас 200 — 300 рабочим с предложением пойти устроить отдельное собрание, так как анархистская свобода слова была здесь только что продемонстрирована требованием с оружием в руках прекратить речь, негодную анархистам. Анархисты были очень смущены, тем более, что через 5 минут мы собрались в сотне шагов от них, и к нам перешла подавляющая часть рабочих митинга. Пришедшему Саше мы дали слово, и он должен был извиниться за только что происшедшее и заверить нас, что они отнимут оружие у товарища, который позволил себе такую выходку. И действительно, на другой день, когда я был у «Жени-железнодорожника», паренек пришел ко мне очень смущенный, весь его петушиный задор слетел, и он сказал, что за его выходку анархисты отобрали у него оружие.

Мы вели работу в войсках. Ответственным организатором там был Абрам (Фишгендлер). Он сам был на военной службе, и хотя кое в чем у него были меньшевистские настроения, но в вопросе о постановке работы в войсках, о подготовке вооруженного восстания он с большевиками не расходился. Вместе с ним мы редактировали небольшой солдатский орган (не помню названия). На основе поступавшего материала я посылал корреспонденции в московскую газету «Свечеч» и полтавскую газету «Колокол». Однажды и я отправился в казармы, кажется, Ингульского полка. Тов. Абрам принес мне пропуск, добытый через знакомых солдат, солдатскую фуражку, гимнастерку с погонами и отпуск одной

из воинских частей, стоявших в Екатеринославе. Так как я несколько близорук, то, идя без пенсне, напоролся на какого-то прапора и не успел ему отдать чести. Он остановил меня. Я стал перед ним, держа руку под козырек, как заправский солдат, а он разносил меня в присутствии собравшейся вокруг небольшой толпы, спросил, какого я полка, потребовал отпусковой билет, записал в записную книжку мою фамилию и затем сказал мне: «Иди и скажи дежурному, чтоб он посадил тебя на гаупвахту». — «Слушаюсь, Ваше благородие», — отвечал я ему, — «простите, больше не буду».

Конечно, ни к какому дежурному я не пошел. Потом часто вспоминал, как я стоял навтыжку перед офицером и извинялся перед ним, боясь в то же время, как бы не выдали меня насмешливые искорки в глазах, так как меня душил смех.

Екатеринославская организация нашей партии вела в то время организационную работу и среди крестьянства. Летом 1906 года была созвана конференция по работе среди крестьян. Не помню сейчас имен участников этой конференции, хотя отдельные лица вспоминаются. Конференция происходила за Днепром, в роще, в сторожке лесника. Лесник был партийный человек. Мы осторожно перебирались на лодках на другую сторону Днепра. Эти прогулки мне вспоминаются особенно ярко. На пути были расставлены пикеты с условными паролями, которые пропускали шедших на конференцию. В конференции принимали участие человек двенадцать, на ней делались доклады о работе на селе в разных местах Екатеринославщины, вырабатывались тактические лозунги. Из докладов было видно, что работа идет успешно, но что необходимо больше объединить. К концу конференции полиция, кажется, обратила внимание на наши частые прогулки за Днепр. Но мы успели всех предупредить и разойтись во время, так что никаких следов конференции, кроме арбузных корок и шкурок от колбасы, полиция найти не могла.

Однажды мы сами устроили маленькие аграрные беспорядки в окрестностях Екатеринослава. Сейчас же за Чечелевкой начинались поля мелкого помещика-немца¹⁾. несколько десятков десятин пшеницы. Чечелевских рабочих озлобляло то, что некуда было выгнать скотину; кое у кого были коровы, и им пришлось на веревке водить их по узкой полоске около «посадок». Несмотря на то, что хлеб был сжат, помещик не разрешал гонять скотину по полю. И вот однажды, когда мы уже заканчивали беседу в группе рабочих, мы увидели, как этот немец-помещик, выехавший на линейке обозреть свои поля, застиг мальчонку с коровой на своем поле и стал стегать его хлыстом. Несколько человек рабочих бросились к линейке, схватили лошадь за повод... Один уселся сзади и схватил помещика, а двое бежали по сторонам и подстегивали хлыстом... Потом отпустили его, и он ускакал... Мы продолжали беседу, оживленно обсуждая только что происшедшее... Но не прошло и 20 минут, как появилась группа батраков, вооруженных вилами и кольями, во главе с самим помещиком. Кое у

¹⁾ Это участок земли арендовал кулак, известный всем рабочим под именем «Горячий Марко». Прим. Днепр. Истпарта.

кого из нас были револьверы. Ребята заняли боевые позиции, некоторые запаслись кирпичами, и через 10 минут загорелся бой. Сначала рабочие пускали в ход только кирпичи и камни, а, когда враждебная армия приблизилась, раздался залп из револьверов, и защитники помещичьих интересов бросились наутек вместе с помещиком. Рабочие были так взбудоражены этим столкновением, что им не хотелось уходить — решили выждать, что дальше будет. А дальше было вот что: через два часа появился отряд казаков, довольно многочисленный. Рабочие увидели, что превосходство сил теперь на стороне противника и потому отступили в рабочую слободку¹⁾. Правда, этот случай крайне незначителен, но этот пример наглядно показал взаимоотношения между рабочим классом и крестьянством с одной стороны и помещиками — с другой, а также подчеркивал роль царской армии, как защитницы помещичьих интересов. Впрочем, в этом последнем екатеринославских рабочих особенно не нужно было убеждать — они имели уже достаточный опыт на своей собственной шкуре...

Перед самым роспуском первой Государственной Думы мы затеяли довольно невыгодное предприятие. В Екатеринославе издавалась кадетская газета «Южная Русь». Она была убыточна, подписчиков было мало и кадеты охотно готовы были ее продать. Кажется, через тов. Могилевского был устроен переход газеты в руки нашей организации. Меня назначили редактором. Мы выпустили несколько номеров (в ней должны быть и мои статьи, по крайней мере, помню, что статью о роспуске Государственной Думы писал я ночью в редакции).

Однако поставить эту газету нам не удалось. Мы потеряли около 1000 руб. убытка (а такие деньги были для нас в то время большим капиталом) и должны были прекратить выпуск газеты через несколько дней после роспуска первой Государственной Думы.

Роспуск Государственной Думы не вызвал никаких серьезных выступлений рабочих Екатеринослава. Рабочие массы не возлагали надежд на эту Думу, у них не было конституционных иллюзий, с которыми нужно было бы серьезно бороться.

Я проработал в Екатеринославе приблизительно май, июнь и июль месяцы. Однажды хозяин квартиры, где я жил, сообщил мне, что за квартирой установлено наблюдение, дворник предупреждал (дворник состоял, кажется, в организации), что полиция ходит справляться обо мне и что наблюдение установлено именно за мною. Надо было сниматься с места, и на другой день я уже на эту квартиру не пришел — скрывался 2 — 3 дня у тов. Цецилии Лемперт, где жила в то время Ольга Дилевская, секретарь организации, а потом уехал в Москву. Это было в августе месяце.

Этот екатеринославский период работы дал мне лично очень много, особенно в деле ознакомления с меньшевиками и анархистами в их практической работе. Трудно сейчас сказать, с кем в то время приходилось больше вести борьбу — с меньшевиками или анархистами. И те и другие были вредны и опасны для рабочего движения: анархисты тем, что сбивали рабочих с толку пустословием насчет

¹⁾ Очевидно, в Шляховку. Прим. Днепр. Испарта.

рабочих ассоциаций с одной стороны и призывами к авантюрам — с другой; меньшевики тем, что пытались заменить выдержанную революционную классовую линию пролетарцата жалкой ролью рабочей оппозиции в буржуазной революции. Организация была, по крайней мере, на $\frac{3}{4}$ большевистской. Можно сказать, что рабочий класс Екатеринослава, рабочие крупнейших предприятий — Днепропетровского завода, Завода Бельгийского общества, Брянского, Трубногo, Гвоздильного, Шадуара и других предприятий — воспитывались большевиками в духе непримиримой классовой борьбы, которая дала нам возможность впоследствии победить не только на военном фронте, но выдержать натиск деникинщины, петлюровщины, махновщины и скоропадчины, выдержать голод и преодолеть величайшие трудности, стоявшие на нашем пути в первые годы пролетарской революции, когда рабочий класс был распылен, когда потухли горны, не дымили заводские трубы.

Сейчас снова оживает Екатеринослав, наполняется шумом, грохотом и лязгом машин, он снова становится крупнейшим металлургическим центром и будет крепнуть с каждым днем. Пусть рабочие Екатеринослава не забывают дней 1905 — 1906 г. г., когда они получили первую революционную закалку, первую серьезную подготовку к будущим пролетарским боям.

„Революционные этапы“

(Продолжение ¹⁾)

В КИЕВЕ В 1907 г.

Изрядно потрепанная в течение 1906 года Киевская с.-д. организация все же была в 1907 году еще достаточно сильна и развивала интенсивную деятельность. Подполье жило: работала техника, действовали многочисленные нелегальные пропагандистские кружки, собирались летом 1907 года и массовки, правда, не столь многочисленные, как раньше, и более сложно и конспиративно обставленные, но редкий праздничный или воскресный день проходил неиспользованным для загородного собрания.

Уже поваяло ликвидаторскими настроениями в среде интеллигенции, временно приставшей к революции в момент ее подъема; уже стали ощущаться в среде «социалистической» и «революционной» — до поры до времени — учащейся молодежи упадочные, «огарочные» веяния. Но партийная пролетарская масса, но действенная, не случайная в революции часть партийной интеллигенции, которой осталось в партии во второй половине 1907 года не много, — эта основная часть партии, не говоря уже о профессионалах-революционерах, не останавливалась перед возросшими опасностями и трудностями в работе. Успешно пользовались всякой возможностью проведения собрания то в укромных местах Демиевки или Соломенки, то в роще за кадетским корпусом на Турхановом острове или в крайнем случае просто в лодках на речном гулянии — на Днепре.

Еще существовали дышавшие уже на ладан профессиональные союзы, подвергавшиеся систематическим репрессиям: то разгонит полиция общее собрание, то правление арестует; то охранка обыск произведет с выемкой книг и переписки или опечатает помещение союза.

Профорганизации доживали летом 1907 г. последние месяцы своего существования.

Как уже упоминалось выше, с.-д. организации, фактически ведшие за собой профсоюзы, всячески пользовались легальными возможностями в целях расширения и углубления революционной работы. Несмотря на репрессии, которым подвергались профорганизации, последние все же были единственными

¹⁾ См. «Летопись Революции» № 2 (17).

легальными оазисами в поле борьбы с.-д. организации. В Киеве в это время (1907 г.) большинство профсоюзов помещалось в Народном Доме на Большой Васильковской ул. Они-то, главным образом, и служили легальной «биржей» организации, местом городских явок, встреч, конспиративных свиданий, передачи литературы и т. д.

Заведую одно время городской нелегальной явкой в помещении профсоюза, я, очевидно, затащил за собой одного из шпиков, которые всегда вертелись у Народного дома. В результате — обыск у меня на квартире, на Набережно-Лыбедской. Этот обыск сопровождался такими оригинальными моментами, что на них стоит остановиться.

Только накануне переотправив мимеограф, бывший у меня, я спокойно, не подозревая какой-либо опасности, спал добродетельным сном «чистого» человека, когда глубоко и ночью был разбужен голосом, звавшим меня по имени — отчеству. Открыв глаза, заметил в дверях дворника со свечой в трясущейся руке и выглядывающую из-за его спины полицейскую фуражку. Понял.

— «Разрешите войти!»

— «Что-ж, заходите».

— А вы, пожалуйста, подымитесь, тогда войдем», вкрадчивым, ласковым тоном отвечает помощник пристава Лыбедского участка, руководивший обыском.

— «Зачем? — заходите так и я вас не стесню, да и вы меня не стесняете,

— «Нет, уж, пожалуйста, подымитесь, а то бог вас знает, что у вас там под подушкой».

Теперь я понял. Засмеялся, немного покуражился, но, не желая затягивать комедию, встал. Вошли: указанный пом. пристав, городовые да дворник и ночной сторож в качестве понятых.

В миниатюрной — с одним окном — комнатке моей «гости» еле поместились.

Мне был пред'явлен ордер охраны на производство обыска и арест «по результатам обыска».

Я был уверен, что ничего предсудительного у меня в комнате нет, если не считать нелегальщиной черносотенную прессу, которой я интересовался и, покупая отдельные номера, откладывал их.

По чрезвычайно вежливому тону и предупредительным манерам пом. пристава я понял, что он принадлежит к тем редким экземплярам полицейских чинов, которые, ненавидя самодержавие, презирая и себя за свою позорную службу, несут ее исключительно по той причине, что «деваться некуда», одновременно не отличаясь и большой личной храбростью в борьбе с крамолой. И действительно, после того, что, еще лежа в постели, я на глазах у него слизал языком исписанные странички грифельной записной книжки, он обрушился на городовика с бранью за то, что этот исполнительный «фараон» слишком долго рылся в белье моей корзинке.

— «Чего роешься, как свинья? — посмотрел сверху — нет ничего, ну и закрой!..»

Стал смотреть книги, журналы:

— «Каутский, Энгельс, Плеханов?... Ну это понятно, а «Русское Знамя», «Двуглавый Орел», «Вече», «Свет» — они то что у вас делают? И этим интересуетесь?» — спросил он с лукавой усмешкой.

И вдруг — из пачки черносотенных изданий извлек двойной № «Социал-демократа» ...¹⁾

Пассаж...

Крякнул, отложил его на подоконник раскрытого окна, перегнулся, и, видя, что окно выходит в большой сад соседнего двора, пачкой книг сдвинул № «Соц. - Демократа» с подоконника в сад.

Дальше искать не захотел. Составил акт: «при обыске ничего предосудительного не найдено».

На полу у кровати валялись клочки мелкоизорванного делового письма, которое не успел сжечь накануне. Эти клочки он видел, понимал их значение и именно поэтому остановил ретивого городского, подбиравшего обрывки:

— «Взял пару кусочков и будет. Всего не надо, брось!» и, взяв их из рук городского, опустил клочки в карман, не приобшив к протоколу. Многозначительно и красноречиво посмотрел на меня, давая подписывать протокол, весьма любезно распростился и ушел.

Такой выпад со стороны уже пожилого полицейского чина меня не поразил особенно по одному тому, что я знал до этого о весьма пикантном случае подобного же рода, да посерьезнее... Случай этот имел место во время производства обыска в одной из квартир Управления Юго-Западных железных дорог в Киеве же. Один из околоточных надзирателей, производивших обыск, заметив в одной конторке пачку шрифта, комитетскую печать, пачку листовок и прочую нелегальщину, умышленно рылся в этой конторке, прикрывая крамольное «добро» различными легальными документами, хранившимися рядом, и не отходил от заветной конторки, пока обыск не окончился. Окончился он, разумеется, впустую, ибо, по агентурным данным, искали в канцелярии именно то, что прикрыл этот полицейский уникум. Для подобного шага со стороны околоточного уж требовалось нечто большее, нежели платоническое сочувствие революции или боязнь мести со стороны подполья.

После обыска пришлось переменить квартиру и на время выехать, для чего использовал партийную командировку в Черкассы.

Партийная организация в Черкассах — городе, насчитывавшем несколько промышленных предприятий: гвоздильный, сахарный, лесопильные заводы, табачно-махорочные фабрики и изрядное количество, главным образом, еврейской кустарнической бедноты, — партийная организация здесь жила еще довольно интенсивной жизнью, пользуясь даже еще услугами «сочувствующей» беспартийной интеллигенции.

Так, с явки у акушерки Коган-Кац («Нины Абрамовны») я был переведен активным членом организации, рабочим табачной фабрики Зарицкого «Исааком длинным», на квартиру четы зубных врачей Симонович, еще

¹⁾ «Социал-демократ» — ц. о. РСДРП в этот период. Р е д.

принадлежавших тогда к лику «сочувствовавших». Но конспирировать в Черкассах в течение нескольких дней мое там пребывание пришлось сугубо: город небольшой, новый человек, встречающийся с подозрительной публикой, сразу будет замечен, и днем меня, в виду участвовавших в это время арестов, не выпускали.

По возвращении в Киев поселился с полулегальным товарищем в его небольшой слесарной вновь открытой мастерской. Эта мастерская, помещавшаяся над дворовой уборной и сорной ямой в глубине двора за флигелем дома № 7 по Прорезной улице, была чрезвычайно благоприятным местом для явок и посему использовывалась во- всю.

«Хозяевами» мастерской были: старый активный член организации, слесарь «Алеша» (Абрам Палей), и жена его Поля, также член партии. Естественно, что при наличии таких условий квартира наша, вернее, мастерская «Алексея», была в течение недолгого периода своего существования довольно крепким «осиным гнездом». Во время работы, особенно во время происходившей в мастерскойковки, когда и «хозяин» и я, работавший подручным слесарем и молотобойцем, были закопчены до неузнаваемости, когда в мастерской, лишенной дымоотвода, стоял сплошной черный туман, было особенно удобно и почти безопасно приносить и выносить под видом «заказчиков» различные пакеты и всякого рода нелегальный груз. В это же время пришлось нам с Алексеем проводить по поручению профсоюза и организации забастовку в одном небольшом предприятии.

Пользуясь полосой все более усиливающейся реакции, владелец предприятия поставил своих «рабов» в такие тяжелые материальные условия, что они вынуждены были забастовать. Забастовка проводилась союзом. Владелец упорствовал, объявил всем расчет и стал набирать штрейкбрехеров, нагло заявив нам с Алексеем, как уполномоченным по переговорам, что он ни за что не уступит.

— «Забастовщиков я обратно не приму, члены союза мне не нужны. Союз все равно скоро закроют. Ничего вы мне не сделаете. Ваше время прошло, теперь — мы сильнее вас. Это вам не пятый год!»

Это было уж слишком! Злорадуешь по поводу усиливающейся реакции? Так посмотрим, чья возьмет! И взяли! Выиграли забастовку. Как? — Единственно тогда возможным методом, называемым французскими синдикалистами „action directe“, методом «непосредственного воздействия».

Привожу этот случай для иллюстрации настроений двух лагерей в ту пору, когда все более крепчала реакция, когда даже отдельные хозяева предприятий поднимали голову в предвидении близкой гибели единственного, оставшегося, еще в полуживом виде завоевания революции 1905 г. — профсоюзов.

Круг возможностей все суживался. Уж приходилось, так сказать, размещиваться на мелочи, прибегать порою к методу частичной, индивидуальной борьбы.

Переговоры наши с штрейкбрехерами также ни к чему не привели, и мы с Алексеем, как фактически проводившие забастовку, были вынуждены применить меры физического воздействия: проследив возвращавшегося с работы главного штрейкбрехера, мы на Бибиковском бульваре так попотчевали его для острастки,

«чтоб другим неповадно было», что, как впоследствии оказалось, подобрала его карета скорой помощи. Подоспевшему городовому удалось задержать при помощи «добровольцев» только меня, излишне увлекшегося «операцией», Алексей же во время увернулся.

Но полицейский не понял подоплеки. Ведя меня в участок, он был склонен поверить мне, что «случай» этот являлся результатом столкновения на романтической почве, но, как хулигана за такие дела, все же арестовал — «там, мол, разберут». Воспользовавшись большим движением на углу Крещатика и бульвара, рванулся из рук городовика и был таков: городской базарчик «Бес-сарабка» был достаточно еще многолюден, чтобы беглеца поглотить.

Но, когда операция, проделанная над штрейкбрехером, не устранила упорствовавшего хозяина, пришлось ударить по самому чувствительному месту, т. е. направить оружие против имущества хозяйского.

В результате акта, проведенного нами в отношении самого предприятия, на смерть напуганный хозяин, опасавшийся уже за личную жизнь, сдрейфил и сдался: полностью выплатил за все время забастовки всем стачечникам, прикрыв изуродованное нашей борьбой с ним предприятие.

Партийная организация, не глядя на репрессии, не смущаясь все более учащающимися провалами, все же энергично продолжала борьбу.

Довольно сильным был городской район, в котором, как помнится, играли значительную роль швейники и заготовщики. Среди первых выделялась, как весьма активная, тройка: Михаил (Реут), Аня и Тося. Из других членов городского района остались в памяти, как активные члены организации (тогда объединенной): пропагандист и организатор Сергей («студент»), брат его («Христос»), Владимир Капилевич (был, кажется, делегатом на объедин. съезде), столяр Василий, пожилой старый работник, портной Соломон, профработник, секретарь союза Сахаров (Семен), швея Рахиль, братья Стечкины (видные меньшевики), Василий-слесарь, Фрума (бывш. бундовка), муж ее Андрей. Фамилий большинства я, конечно, не знал.

А многих никто из нас не знал и по имени. Клички же, да притом сменявшиеся, забывались часто. Путаются, переплетаются в памяти проходящие вереницей безымянные «Кириллы, Николаи, Владимиры, Михаилы» и т. д. и т. п. За последние два десятилетия многие из них, несомненно, выбыли из строя, а оставшихся не то что по фамилии, но и по чертам лица не узнаешь.

В августе происходила гор. конференция. Я был выбран представителем от района. Конференцию назначили в Пуще-Водице — дачной местности в 12 верстах от города.

В лесу, вблизи санатория, на травке меж соснами расселась публика по двое-трое. Собралось человек 15 — 18. Открылась конференция докладом военного организатора, большевика «Василь-Васильевича». Только было заговорил докладчик, вдруг треск ракеты, другой... Сигналы патрульных. Ясно — провал! Врассыпную попарно, в одиночку — гуляет, мол, публика в лесу и баста!.. Да не тут-то было — по провокации сели. Знали, где собрание. На облаву, как на охоту безошибочную, пошли. Не успел я и нескольких шагов

с товарищами сделать, заведя нейтральную беседу, как из-под куста выскочило двое городских и шпик и, наставив револьверы, заставили «руки вверх». Арестовали, повели в город.

Уж по пути пешего следования в город стало ясно, что большинство конференци селo: со всех сторон тянулись отрядики с пойманной добычей.

Уж было темно, когда ввели в Плоский участок. Ну, ясно, никто и виду не подает, что друг друга знают. Приступили к переписи. Я решил, что от меня перепись не убежит, если и последним буду: надо обдумать, как назвать себя. Был это уж не первый арест — позади их уже с полдесятка, да побег да дела разные, за которые, если раскроют, то по головке не погладят. Прописан в Киеве по фамилии Олейниченко Михаила Павловича, назовусь — сейчас же обыск в мастерской, а там взять есть чего да кого. Мелькнуло — возьмут Алексея да Полину. Негоже! Все равно нелегальный: решил удариться, пока суть да дело, в «Непомнящие».

Только и узнавали тут ребята во время переписи, подпнные ли или «липовые», но во всяком случае паспортные имена да фамилии своих товарищей, с которыми работали.

Наш военный организатор оказался, разумеется, не «Василь Васильичем в пелерине», а Александром Антонычем Трояновским, уже судимым военным судом, но жившим еще тогда легально. Чтобы долго не придумывать себе фамилии, и к названию деревни, в коей был в ссылке, «Осередок», прибавил окончание «ов», имя и отчество оставил: Михаил Павлович, а родиной себе избрал Крым.

Расчет был правилен: нужно тянуть, чтобы в процессе установления личности впоследствии, когда будут водить этапом по различным провинциальным градам да весям, «сорваться», т. е. убежать. Но теперь август, а если начнут водить зимой в какую-нибудь северную губернию — скверно. Лучше на юг. И назвался крестьянином Таврической губернии Перекопского уезда.

Когда дошла очередь до названия волости, уже догадавшееся «начальство» лукаво спросило:

— «А волости — Ивановской?»

— «Ивановской». — последовал невозмутимый ответ.

— «А деревни? Степановки?»

— «Степановки». — согласился я с ним.

Мы друг друга понимали...

Всех 12 арестованных посадили в одну камеру при том же Плоском участке. Но что это была за камера! Посидеть пришлось не в одной тюрьме, не в одном участке, но такой камеры — не выдывал. В подвале с единственным маленьким, переплетенным толстущей решеткой оконцем, снаружи наполовину заплывающим жидкой грязью в сырую погоду; площадь в 4—5 шагов в квадрате, неимоверная грязь, сгнившие полы с зияющими провалами крысиных нор да лоснящиеся, отполированные грязью, человеческими телами и насекомыми нары дополняли обстановку нашей камеры. Крысы до того обнаглели, что под нарами не давали себе труда бегать, а степенно расхаживали по полу, спокойно роясь в сору у дверей камеры.

Троих из нас, как наиболее подозрительных по «темному» прошлому, возили в тюрьму, но переполненная Лукьяновка, в коей свирепствовал тиф и были случаи заболевания холерой, не принимала.

Осенью перевели, наконец, в Лукьяновский участок. В виду переполнения тюрьмы, арестное помещение при участке было обращено во временную тюрьму. Отремонтированная, светлая, большая, хоть и подвальная камера, отведенная нам, показалась раем в сравнении с Плоским участком. Лучше были здесь и общие санитарные условия.

Связался с волей. Профессиональный союз металлистов выплачивал арестованным членам своим (разумеется, нелегально) по два рубля в неделю пособия. Исправно в течение первых трех месяцев я, как член союза, получал указанное пособие, и это давало возможность, при передачах политического «Красного Креста», прилично существовать.

По истечении трех месяцев освободили некоторых арестованных в Пуше за недоказанность их «принадлежности». Оставили из конферентов, как нелегальных, двоих: Марка и меня.

Опять повезли в тюрьму — не приняли. Стала охранка устанавливать личность: трижды сфотографировали:

— «Вы не Осередков, а вот, мол, кто...»

Ну, получило, стало быть, дело, скверный оборот... Стал зваться отныне двойной фамилией «Осередков-Олейниченко».

ПОБЕГ

Нескольким нелегальным, оказавшимся в той же камере, будущее не сулило ничего хорошего. Самодержавие укреплялось, усиливались репрессии, тюремный режим все более вводился в старое, дореволюционное русло оголтелого прижима. Все более крепчал ветер реакции.

Стали подумывать о побеге. Сидело нас в камере 10 человек: максималист Шевченко; с.-д. Владимир Капилевич; с.-д. Александр (Исаак Гойхбарг), бежавший из каторги, которой ему был заменен смертный приговор за участие в организации солдатского восстания в Варшаве; бывш. вольноопределяющийся с.-д. Марк (под фамилией Воробьев), с.-д. Гальперин Семен Владимирович; Савченко Владимир; Яков-портной; опять севший по с.-д. делу под фамилией «Михайлов» Гмырев Афанасий (упоминаемый выше по Николаеву и ссылке); политехник п. п. с.-овец — имени не помню) да я. Кроме меня нелегальными были: Шевченко, Марк и Капилевич.

Стали разрабатывать план побега. Узнали, что за несколько месяцев до нашего переселения сюда из этой же камеры бежал, распилив решетку, спилковец Грицько. Но теперь бежать путем распилки решетки трудно: двое дежурных во внутреннем корпусе у самых дверей нашей камеры да один постоянно под окнами. С прогулки — еще труднее: охраны много — ухлопают.

Стал наклеиваться третий проект: из «банного кортежа». Дело в том, что в зиму в 1907 — 08 г.г. нас переводили из Лукьяновского участка

в Лукьяновскую тюрьму в баню. Водили торжественно — при свете факелов пред-
рассветной ночью. Но кортеж этот бывал окружен таким сильным конвоем, под-
крепленным конным нарядом, что «благополучно» уйти из него оказалось
невозможным. Попытались подкупить часовых. Одному из сидевших с нами
товарищей, киевлянину, было нетрудно раздобыть необходимую для подкупа
сумму, что дало нам возможность вступить в реальные дипломатические перегово-
ры с одним из наших постоянных внутренних стражей. Покладистый парень,
сочувственно относившийся к «политике», согласился было за 2000 рублей,
фальшивый паспорт и шифкарту в Аргентину передать нам оружие, усыпить
своего сотоварища по охране, отпереть камеру и вместе с нами — скрыться.
Но, когда уж достали деньги и детально разработали план, когда были уже
подготовлены в городе конспиративные квартиры для беглецов, словом, когда
все, кроме оружия, было налицо, наша надежда рухнула: парень сдрейфил и
категорически отказался и от аргентинской фермы, и от денег, и тем самым
и от содействия нашему побегу.

Пришлось изыскивать новые пути...

Нашли. Камера длинная со сплошными нарами — почему не испробовать
подкоп? И, чем скорее, тем лучше, так как каждый день нас могут перевести
в Лукьяновскую тюрьму.

Во время прогулки во дворе в сорном ящичке был найден большой желез-
ный гвоздь-костыль: каким-то образом нашлись и старые хуленские ножницы
и саперный «шандевый» инструмент — все, что нужно для такой «пустяковой»
работы, как пробить каменную зацементированную стену у фундамента и про-
копать подземный выход на волю.

Оставалось добыть «царскую водку» для размягчения наружного слоя
цемента. Благополучно доставлены были в камеру долгожданная жидкость и
спринцовка. Занялись работой, руководствуясь указаниями нашего спеца, инженера
и. п. с-овца, по возможности, тише и осторожнее, без стука работать, ибо по законам
детонации и резонанса в расположенную над камерой казарму нашей стражи могут
по стене пройти в ночной тишине звуки не только стука, но и твердого царапанья.

Это обстоятельство крайне осложняло работу и затягивало ее, так как
приходилось расковыривать цементно-известковые швы кирпичной связки почти
по крупинкам. Для постоянных работ была выделена тройка наиболее ловких
и легких по сложению кандидатов в беглецы. Местом подкопа был избран левый
угол камеры, закрытый сверху нарами и защищенный от дверного волчка углом
печи. Первый же блин пошел комом — действие «царской водки» на известь
и цемент давало такую сильную химическую реакцию, что выделявшиеся газы
отравляли легкие и глаза. А костяной наконечник спринцовки через несколько
минут размяк, был раз'еден страшной химической силой кислоты и вышел из
употребления. Пришлось, обмотавши руки носками и занавесив лицо, вслепую
плескать драгоценную влагу на стенку, сдерживая дыхание, чтобы не нагло-
таться ядовитых газов. Наружный слой цемента был, наконец, разрушен. Камера
ликовала: одни — в предвидении маячившей еще темной дали свободы, другие —
довольные за товарищей.

Все и вся в камере, вся жизнь, все помыслы. весь внутренний распорядок — все было теперь сосредоточено на одном: обеспечении удачного побега. Была выработана «конституция подготовки к побегу и самого побега»: порядок работ, усиленное питание для рабочей тройки, обязательство не произносить в течение суток тех ежедневно устанавливаемых слов, кои служили только сигналами опасности для работающего под нарами очередного; наконец, были установлены правила «выхода» из отверстия, очередь и порядок пользования конспиративными квартирами с тем, чтобы на одной квартире по выходе оказалось не более, чем по двое беглецов.

Цемент, известь и щебень, набравшиеся после первой недели работы, были здесь же, в пространстве между балкой, поддерживавшей нары, и стеной, уложены и утрамбованы, но, когда стало появляться все больше вынутых кирпичей и понадобилось их удаление из камеры, дело осложнилось. Пришлось с большим риском выносить их по одному при выходе на прогулку и, оккупировав только обитателями нашей камеры все отделения выгребной уборной, спускать кирпичи в яму.

Недели через три после начала подкопа был удален последний ряд кирпичей, и мы добрались до земли. Не знаю, больше ли обрадовались виду земли спутники Колумба в момент открытия Американского материка! Земля!.. Еще небольшое усилие — и мы на воле!

Но куда и как девать землю? В карманах во время прогулки выносить? Всю не вынесешь, а под нарами оставлять нельзя. Использовали эпидемическое холерно-тифозное время и добились права выносить парашу в дворовую уборную после вечерней прогулки. Эту-то парашу мы наполняли на четверть землей.

Организация с воли помогала, чем могла. Были заготовлены заранее конспиративные квартиры для будущих беглецов и организована наружная сигнализация. Приближался момент побега. Осталось только открыть ударом головы верхний, тонкий пласт земли. Было передано на волю, что побег ожидается с четверга на пятницу между часом и двумя ночи. К указанному времени нам должен быть подан сигнал с улицы папиросным огоньком, что наружный часовой находится на противоположном конце от места подкопа.

Оттого ли, что нервы в этот день были натянуты в ожидании побега и повышенность настроения передалась и толстокожим нашим телохранителям, оттого ли, что кто-то из стражи уловил обрывок фразы из нашего спора о плотности того слоя земли — «крышки», который подлежал вскрытию ударом головы, но начальство наше в назначенный для побега день заподозрило неладное и после вечерней проверки учинило в камере подробнейший обыск. Чего и где только не искали и не щупали: решетки выстукивали, печи исследовали, вещи перерыли, личный обыск призвели... только под нары, откуда велся подкоп, не догадались заглянуть. Так и ушли не солоно хлебавши.

Долго не могли мы отделаться от изумления по окончании обыска: до чего же тупы были наши «охранители»! Достаточно было со спичкой в руке заглянуть под нары, чтобы увидеть зловещую дыру.

Пришлось отложить «выход» на субботу. Дольше ждать нельзя было, иначе «крышка» нашего подземелья могла бы провалиться в случае оттепели. Было передано на волю о сроке. В половине первого ночи наш наблюдатель увидел с противоположной стороны улицы три папиросных огонька — сигнал с воли: «можно выходить, часовой отвернулся».

Потребовалось не более полуминуты для того, чтобы цепочкой друг за другом, голова к ногам, со змеиной ловкостью выползти пятерым беглецам по узкому подземелью из камеры на долгожданную волю.

Впоследствии оказалось, что и шестой, Семен Гальперин, которому не было смысла рисковать, все же не утерпел — потянуло и его за пятеркой нелегалов, выполз и он из подземелья с большим риском быть схваченным или застреленным часовым. Так сильна была воля к «воле» — свободе.

Свежий морозный воздух охладил, радость освобождения — не менее.

Разыгравшаяся вечером небольшая метель обнажила кой — где от снежного покрова тротуарные плиты и в ночной тишине звуки каблуков отдавались в ушах ударами молотка. Казалось, что каждый шаг твой производит сильный шум, могущий вызвать тревогу и погоню.

Потребовалось сильное напряжение воли, чтобы не бежать, не лететь вихрем без оглядки, куда глаза глядят, лишь бы подальше...

Ноги кричат, вопят благим матом: «бегни»!, рассудок приказывает: «тише, медленнее, степенней шагай, чтобы не вызвать подозрений».

Пройдя несколько кварталов в неизвестном первом попавшемся направлении, столкнулся с Владимиром. Оказывается — блуждает, города не знает. Владимир шел пятым до меня, стало быть, и предыдущие благополучно скрылись.

Легко стало, весело. Бодро зашагали вместе. Перехватилину какого-то загулявшего пьяненького офицера ночного извозчика и — в город. Заговорились так, что я проехал свою квартиру на Бибиковском бульваре. Возвращаться нельзя. Куда идти? Владимиру на Тарасовскую, на квартиру Стечкиных. «Меня, говорит, дворник одного пустит, подозрения не вызову, а тебе со мной нельзя, оба засыплемся. Едем к знакомой курсистке «сочувствующей». Выбора не было. У квартиры неведомой курсистки не то на Жилинской, не то на Советской столкнулись с третьим беглецом — Александром (Исаак Гайхбаргом). Фу-ты, наводнение какое! Оказывается, квартира этой курсистки была одним из двух его адресов.

Но в квартиру эту не пустили: из-за двери сонный голос сообщил, что «барышня» с утра в университет ушли и еще не вернулись, как видно арестованы».

Час от часу не легче! Что же делать? Куда идти? Владимир распрощался с грустью и отправился на Тарасовскую. Мне же, чтоб не таскаться на Подол по второму адресу, предложил Александр пойти с ним на Мар.-Благовещенскую. Там «сочувствующе» курсистки его приняли, меня же, как незнакомого, укрыть отказались: труслили, испугались последствий розыска и обыска.

Стало гадко, противно: «сочувствующе»!.. Что-ж, насильно не останешься. Решил отправиться на Бессарабку в поисках кузнечно-слесарной мастерской, перебравшейся с Прорезной, в которой я работал до ареста. Взял извоз-

чика. Переезжая Б. Васильковскую, наткнулся на отряд казаков, возвращавшихся из университета, где в этот день было арестовано собрание в несколько сот студентов, впоследствии переписанных и освобожденных. Разыскал мастерскую. Заперта. Пуста. Внутри никого. Неужели таскаться на Подол? Ведь, скоро, пожалуй, утро. И кажется: что побег совершен не два-три часа тому назад, а давно-давно... Чувствуется уж нервная усталость. Приближается момент нервной реакции, разряда. Но не на улице же оставаться. Решил отправиться на Подол. Придется через Крещатику, достаточно ярко освещенный.

— «Извозчик! Едем на Подол?»

Оглядел критически и отказался.

Я понял: боится. Обещал вперед заплатить. Отказался. На третье предложение поехать — скверно выругался, добавив: «знаем вашего брата ночного, еще разденешь иль лошадь забереешь».

Вышел на Крещатик. Едет тихо лихач. Заломил кепи, папиросу сунул в угол рта и заплетающимся языком, симулируя опьянение, спрашиваю: сколько н - на Ппл - ддол?..»

Посмотрел игриво, лукаво усмехнулся.

— «Гуляешь? Ну, что ж, чтоб единым духом? Давай пятерку». — Решил накрыть пьяненького. Пришлось дать. Добрался. Но в адресе было указано: во дворе флигель слева, 2-й этаж, спросить Исаака; ответ: «от Исаака».

Но флигель в 2½ этажа. Считается подвальный или нет? Рискнул не считать. Добрался до квартиры. Стучу. В ответ ни звука. Постучал еще раз. За дверью старческий женский голос отвечает на мой пароль: «тут нима никакой Исаак».

Что же делать? Чувствуется страшная усталость, предрассветный мороз все больше пробирается под легкий пиджачишко. Не замерзать же! Стучу еще раз. За дверью тихий разговор. Повторяю пароль. Слышится как будто спор за дверью. Какой-то странно-знакомый голос убеждает старушку открыть. Где-то я недавно слышал этот голос? Утомленный мозг отказывается вспомнить. Повторяю настойчиво пароль. Дверь открылась и предо мной в белом, уж собравшийся лечь спать — шестой, Гальперин.

Оказывается, этот мой второй адрес был и ему известен, как конспиративный. Если уж и он на месте, стало быть, все благополучно вышли.

В довершение ко всем приключениям — новое испытание для нервов: делаясь впечатлениями о странно-длинной ночи побега, Семен привычным жестом выдавил из орбиты свой глаз и опустил его в стакан с водой.

Просидев с ним несколько месяцев в одной камере, я и не подозревал, что один глаз его был искусственным. Чрезвычайно тонко подобранный, глаз не обратил внимания даже начальства. Эта особая примета была весьма искусно законспирирована.

До самого дня мы уж, конечно, не спали. Утром явились ребята и повели на новую квартиру; впоследствии по вечерам, маскируясь, переводился с одной квартиры на другую, пока не попал на квартиру двух девушек на Подоле, где прожил около трех недель до самого отъезда.

Ровно через месяц после побега, дав остыть розыскной энергии сыщиков, я пробрался ночью через мост на Слободку и отправился лесом до ст. Святошино, чтобы оттуда ехать для продолжения работы на Черкасский сахарный завод. Управляющий заводом, бывш. член Киевской организации, вынужден был отказаться в приеме меня на завод в виду сокращения на зимний сезон нескольких сот рабочих. Во избежание провала рекомендовал перекочевать в другое место. Пришлось подчиниться объективной необходимости и отправиться для работы снова на юг.

Из бежавшей шестерки некоторые были арестованы в Киеве же. Шевченко, как оказалось впоследствии, был арестован на второй день после побега в той самой квартире, на которой я должен был остановиться, но проехал ее, заговорившись с Владимиром. Марк, уехавший на утро после побега из Киева, был арестован через два дня в Москве. Остальные избегли ареста, скрывшись в большинстве, за границу, чтобы, пройдя там школу политической эмиграции, возвратиться в родное подполье для продолжения революционной деятельности.

И. МЕРИНКОВ, С. АНДРОНОВ,
Н. МИЛЛЕР, Н. ТРОШИН

Брянский завод в 1905 году

(Коллективное воспоминание ¹⁾)

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

В 1904 году социал-демократическая ячейка на нашем заводе могла уже праздновать десятилетний юбилей своего существования. За это время партия в Екатеринославе прошла путь от утробной жизни до массовой организации. Забастовка в августе 1903 года была как бы репетицией перехода екатеринославского пролетариата к массовому действию и проверке влияния партии. Экзамен был выдержан. Рост партии и ее влияния, несмотря на драконовские меры в отношении забастовщиков, не только не уменьшился, но значительно увеличились. На заводе в каждом цеху была партийная группа, через которую проводилась работа в массах, привлекались новые члены партии, распространялись прокламации.

В состав партгрупп входили следующие товарищи: в механическом цеху — Андронов Ст., Манжетов, Таран, Трофимов Иван; в литейном — Меринков, Булыгин, Миллер Николай, Агафонов; в доменном — Касарев, Карпуша; в железопрокатном — Миллер Макар, Захаренко; в электрическом — Гриша Король: в мостовом — Панков, Тернавский, Черепанцев и Фроленко Гр. Работой руководили Меринков, Король, оба Миллера, Булыгин, составлявшие заводское ядро. Основной работой в заводе была повседневная агитация на почве нужд рабочих, их материального положения, столкновений с администрацией и выявление рабочих, проявлявших интерес к прокламациям, сочувствовавших нашей пропаганде. Каждого такого выявленного мы, после обстоятельных разговоров с ним, при согласии с его стороны, вводили в кружки. Кружки организовывались по районам из рабочих разных заводов. Были кружки в Кайдаках, Шляховке, на Фабриках, на Чечелевке. По районам легче было сходитья — все знали безопасные места и всех подозрительных. А встречи с товарищами из других заводов давали

¹⁾ При составлении этой статьи использованы также стенографические записи воспоминаний старых рабочих Брянского завода, работающих в настоящее время на заводе имени Петровского.

Воспоминания эти были застенографированы на собрании рабочих, созванном Днепропетровским Истпартом.

Они получены редакцией из Днепропетровского Истпарта.

возможность сравнивать положение на нашем заводе с положением на других как в отношении расценок и других условий труда, так и в отношении партработы. Теперь, через 20 лет, трудно вспомнить всех товарищей, которые были в кружках. Помнится, что в кружок на Фабриках входили: Булыгин, Остров, Волков, Трошин Н., Степан Фирсов и Гасин; в Кайдакском кружке были: Мануйлов, Андронов, Корнеев, Мартюхин, Соцкий. Синюрин Иван, Косарев, Король. Руководителями Кайдакского кружка были Федя и Борис. Был кружок и на Шлиховке. В Чечелевский кружок входили: Меринков, Фроленко, Шершов и Смык, занимавшиеся под руководством инженера Кириллова. Одновременно Меринков занимался с кружком из братьев Миллеров и Агафонова¹⁾. Читали Богданова. Затем все эти товарищи вошли в кружок Кириллова.

Пропагандисты предъявили ко всем работающим в кружках обязательное требование, чтобы то, что они получили в кружке, так или иначе передавалось имп дальше, в массу. Таким образом создавались рабочие агитаторы и пропагандисты. Когда же у кого-либо замечали желание получить знания только для себя, а не для работы в массах, то ему говорили, что он ошибся дверьми.

Вся работа на заводах руководилась комитетом заводского района, подчиненным общегородскому. В заводской районный комитет в этот период, насколько припоминается теперь, входили: Волков Ив., Шевченко Ив., Андронов Степан — всего человек шесть. В городском комитете был одно время Меринков.

Кроме кружковой работы в наши задачи входила организация массовок, на которых выступали наши пропагандисты и наиболее развитые товарищи. Такие массовки устраивались в посадках и на выгоне на Чечелевке, на гатке у фабрик (Слободка), на дамбе в Кайдаках... Собиралось на них человек по 50—100 и носили они исключительно агитационный характер. На массовки приглашались уже знакомые нам товарищи, которым мы в той или иной степени доверяли. Были и исключительно партийные массовки. Они созывались в тех случаях, когда предстояла какая-нибудь дискуссия. Дискуссионными вопросами в то время были: организационный вопрос, вопрос о стихийности и сознательности в рабочем движении, банкетная кампания, а позднее — вооруженное восстание и создание временного революционного правительства. Происходящая война не вызывала резких разногласий. У всех было определено отрицательное отношение к ней. Помню только, что нам, рядовым членам партии, было иногда затруднительно вести агитацию против войны. Мы требовали, чтобы было возможно больше листовок, распространяли их на заводах, устраивали массовки с выступлениями наших ответственных руководителей из города и довольно часто летучие митинги у горячей воды. В тех случаях, когда митинги эти разгонялись полицейскими, мы, расходясь, скрывали в толпе выступавшего, зачастую и нашего брата-рабочего.

На заводе практиковались вычеты на всякие военные нужды: на флот, на семьи призванных, на красный крест. На кружках не раз обсуждался вопрос,

¹⁾ Здесь перечислены наиболее активные большевистские кружки. У меньшевиков были свои кружки.

На Брянском заводе были сильнее большевики, меньшевики встречались единицами.

как агитировать против этих вычетов, и при случае мы всегда подымали среди рабочих этот вопрос, но добились отмены вычетов только после июня 1905 года.

Помним, необыкновенно сильное, захватывающее впечатление произвело на нас рукопожатие, которым обменялись японец Катаяма и Плеханов на Амстердамском международном соц. конгрессе. В груди у каждого из нас сильнее забилося сердце. Среди бойни перед нами блеснул луч международной солидарности пролетариата.

ЯНВАРСКАЯ ЗАБАСТОВКА

Питерские события стали известны нам через день - два после 9 января. Они явились факелом, зажегшим настроение массы, электрической разрядкой напряженной атмосферы, созданной войной и тяжелым материальным положением. Комитет выпустил листовки. Наряду с призывом к протесту во всех предприятиях, и на нашем заводе, в частности, стали вырабатываться экономические требования. Они были формулированы организацией и были почти во всех предприятиях одинаковы, что придавало объявленной забастовке организованный характер.

На нашем заводе забастовка началась 19 января.

Мы требовали:

- 1) 8 - часового рабочего дня,
- 2) увеличения заработка на 30%.
- 3) окончания работ в субботу в 2 часа дня,
- 4) государственного страхования за счет капиталистов,
- 5) вежливого обращения,
- 6) улучшения медицинской помощи,
- 7) целого ряда мер по охране труда,
- 8) удаления мастеров: из литейного — Осмяловского, из железнодорожного — нач. Свицкого, из механического — Колповского, а также целого ряда других лиц, грубо обращавшихся с рабочими.

Полоса требований началась еще до объявления забастовки. Директор предложил избрать делегатов для переговоров. Тогда в каждом цеху начались выборы. Избирали, главным образом, тех, кого предлагала наша организация. Бывали случаи избрания беспартийных. Но они не умели отстоять перед администрацией предъявленных требований, часто после первых же переговоров отказывались и на их место ставились товарищи по указанию организации.

Администрация стремилась ввести в определенное русло волны требований, повлиять на делегатов, превратить их в своих агентов, сделать делегатов — надсмотрщиками. Директор при переговорах с делегатами старался разговаривать с наиболее податливыми, с вахлаками. Но это было замечено нами. Мы стали выбирать для переговоров более умелых товарищей. Тогда директор изменил систему и стал вызывать делегатов по одному в свой кабинет. Рассуждения директора сводились примерно к следующему: «Вы требуете 8 - часового рабочего дня. Ну, предположим, мы введем его здесь в России тогда, когда за границей его еще нет. Разве вы не понимаете, что русская промышленность, более отсталая,

чем заграничная, не выдержит, что пострадаете от этого прежде всего вы». Или: «Повышение заработной платы при кризисе, переживаемом нашей промышленностью, задача невыполнимая, можно сделать некоторое частичное улучшение, устранить некоторые несправедливости, но не увеличивая общих затрат». Нам, не искушенным еще в уловках капиталистов и их прислужников, приходилось туго, трудно было отвечать, и мы поспешили прекратить эти разговоры с администрацией, фактически бесцельные.

Если партийные могли все же обратиться к своей интеллигенции, получить тот или другой совет, посоветоваться со своими товарищами в цехах, то беспартийному было еще труднее. Рабочая масса чувствовала это и даже в черносотенном механическом цеху голосовала за кандидатов организации. Делегатами были: от литейного цеха — Меринков и Миллер Н., от доменного — Клейменов, от кирпичного — Долгополов, от мостового — Фроленко, от железопрокатного — Миллер, от механического — Трошин¹⁾ и немного позже Григорий Иванович Петровский²⁾, от вальцетокарного — Молитвин. Первые собрания делегатов проходили неорганизованно. Председателя не было. Всегда галдели. Прислушивались только к голосам наиболее развитых, лучше разбирающихся в вопросах. Это были прежде всего партийные товарищи, заранее обсуждавшие у себя назревшие вопросы и имевшие определенную классовую линию.

Дирекция, конечно, пыталась парализовать влияние партийцев, обращаясь с объявлениями и разъяснениями непосредственно к массе рабочих. Нашей задачей было внедрить в сознание всех делегатов, а через них и в массы, что только общими усилиями мы сможем добиться улучшения своего положения и отбить наступление заводууправления.

Сильнейшим агитационным средством у нас были листовки. Влияние их было чрезвычайно велико. Например, помнится, что только при помощи листовок удалось нам выбросить из завода некоторых черносотенцев: Ветвицкого, Ткаченко и др. (к какому времени это относится, сейчас не можем точно припомнить).

Несмотря на то, что мы не обладали агитаторскими способностями, а только, по выражению Меринкова, «букурекали», делегаты приобретали все большее и большее влияние. Партийная часть их заменила собою заводское ядро. Рабочие, видя нас собирающимися группками для бесед, говорили частенько: «Вон товарищи по одному делу».

Январская забастовка кончилась небольшими уступками со стороны заводууправления. Большинство требований было отклонено. На часть требований мы получили ответ, что вопрос может быть разрешен только в законодательном порядке. Мы добились небольшого увеличения заработка, в цехах, где можно было прерывать работу, рабочее время по субботам было сокращено до 2-х часов

¹⁾ Трошин поступил на завод в 1905 году. П р и м. а в т.

²⁾ Гр. Ив. Петровский перешел из Трубногo завода в механический цех, отличавшийся особой черносотенностью. Силы наши в нем были очень слабы. При забастовках приходилось просить молодежь из литейной этот цех снимать ломками. Как опытный уже работник, Г. И. Петровский скоро приобрел в цехе большое влияние. П р и м. а в т.

дня, обещано было вежливое обращение, устройство столовых, улучшение бани, расширение школы. Забастовка, несмотря на ее явно экономический уклон, имела большое политическое значение. Влияние партии возросло еще больше. А ответ заводоуправления показал рабочим, что требования 8-часового рабочего дня, страхования и т. д. приобретают характер политических требований.

ОТ ЯНВАРЯ — К ОКТЯБРЮ

После января забастовки в Екатеринославе стали заурядным явлением. Бастовали ремесленники, приказчики. Заводы работали, но все время бурлили. На железной дороге были попытки к введению революционным путем 8-часового рабочего дня. Если раньше приходилось раскачивать рабочих, то после января задача изменилась. Нам приходилось сдерживать попытки экономических забастовок, чтобы не распылять силы. Прокламации с.-д. комитета носили боевой характер, звали к вооруженному восстанию против царского правительства. Лозунг «Долой самодержавие, да здравствует Учредительное Собрание» превращался в действенный. Кружковая работа сузилась, все силы уходили на массовую работу. Занялись боевой подготовкой, поскольку позволяли тогдашние условия, не оставляя, однако, работы по хранению и распространению литературы, по организации массовок и ведению пропаганды уже более открытого характера. Сейчас, в эпоху непрерывного роста техники вооружения, наша тогдашняя боевая подготовка может показаться довольно жалкой.

Мы учились стрелять из «бульдожек», из «смитов» и кричали «ура», когда попадался револьвер, пробивавший доску.

С наступлением тепла масса вышла на улицу. Усиленные наряды полиции и раз'езды не могли справиться с нарастающей революционной волной.

Заводской район находился в более благоприятном положении, чем город. Массовки проходили чаще незамеченными. В городе же, где собирались в квартирах, происходили частые аресты. Были аресты и перед 1 мая.

Накануне первого мая были митинги в Кайдаках, где выступал т. Борнс, начавший свою речь с 9 января и кончивший ее значением 1 мая,

Был митинг в круче против Трубно́го завода. Решили бастовать и выйти с красным знаменем на площадь (где теперь трамвайное депо).

Утром пришли. Нужно было дать сигнал. Администрация передала ключи от гудка приставу, но молодежь заметила это и приняла свои меры — гудок был все же дан...

Однако, первомайская демонстрация, в виду усиленного наряда полиции, не удалась...

Расстрелы в Иваново - Вознесенске, в Лодзи, восстание на броненосце «Потемкин», одесские баррикады — все эти события накаляли атмосферу. «Да здравствует вооруженное восстание, да здравствует революция!» «Смерть палачам народа!» — вот лозунги, которые находили живой отклик в рабочей массе. Рассказы пропагандистов о Парижской коммуне, о кровавой борьбе французского пролетариата падали в рабочие сердца как искры и воспламеняли. На собраниях на

выгоне на 6-й Чечелевке, куда собралось человек до 50 с разных заводов, было решено устроить забастовку протеста. Бастовать решили, кажется, с Брянского завода. 21-го предполагалась демонстрация... С утра стали стекаться на Брянскую площадь толпы рабочих и группами ходили по первой и второй Чечелевке и площади. На краю обрыва у жел.-дорожной линии выстроились солдаты. Дали залп по площади. Были раненные. Все разбежались.

Как и в январе, у нас на заводе после политического протеста предъявлены были экономические требования: 8-ми часовой рабочий день, государственное страхование, свободное собрание делегатов, увеличение заработка на 20%, бесплатные квартиры от предприятия, устройство библиотеки и читальни, отмена вычетов на красный крест, устройство ремесленных школ, устранение полицейских с проходных и целый ряд других требований.

Заводуправление удовлетворило часть требований. Для собраний делегатов были отведены столовые около главного магазина, над мостовым цехом.

Были назначены перевыборы делегатов тайным голосованием — шарами. Сторонником тайных выборов было, главным образом, само заводуправление. Оно надеялось, что рабочие боятся партийных и потому голосуют за них, что при тайных выборах пройдут беспартийные, на которых легче будет влиять администрации. Но администрация ошиблась: рабочая масса избрала почти всех тех же делегатов.

В дальнейшем перевыборы произошли несколько раз и число делегатов увеличилось. С этого момента работа делегатов стала проходить более организованно.

Тогда на заводе приходилось еще сталкиваться с такими явлениями, как, например, молебны в престольные праздники, устраиваемые в цехах. Многие рабочие посещали молебны, чтобы помолиться и еще больше затем, чтобы попасть на обед, обязательно сопутствовавший молебну, и выпить. Мы старались разрушить эту традицию.

Припоминается случай, когда после окончания торжественного молебна группа рабочих обратилась к разоблачавшемуся уже «попу» с просьбой отслужить панихиду. Поп согласился. «По ком»? — «По невинно-погубленным 9 января». Лицо у попа вытянулось. «Не могу, не могу». Сзади напирали: «служи, служи, молись», раздались крики со всех сторон. Припертый к стене поп отслужил. Хор заставили в конце петь марсельезу, которую он выводил на мотив церковной песни.

Молебны служились также в железнодорожных мастерских.

Пришлось вести борьбу с этим обычаем и, наконец, молебны и обеды были отменены.

В этот же период в городе развилось так называемое «тачное движение», т.-е. вывоз особенно неугодных мастеров на тачках. Началось это против воли делегатов и превратилось, особенно на железной дороге, в спорт. Делегаты, как могли, сдерживали рабочих. Но это не всегда удавалось. Кажется, в августе был такой случай: в литейном цеху на мастера Осмяловского накинута мешок и вывезли на тачке за ворота. Технический персонал заявил директору протест и потребовал увольнения виновников в количестве 23 человек. Вопрос

был поставлен техническим персоналом резко: мы или они. Рабочие угрожали забастовкой. Директор решил не увольнять. На заводе был устроен митинг, на котором выступали с речами Меринков, Виктор и др., призывавшие рабочих к выдержке и организованности, к выполнению более важных задач, к борьбе с царским правительством. «Мы стоим перед боями с царским правительством и распылять свои силы на борьбу с мелкими сошками не должны. Наша победа над самодержавием даст нам победу и над ними» — говорили ораторы. После этого митинга попыток к вывозу на тачках больше не было.

Вообще вопрос о борьбе с «тачным движением» стал перед партией очень остро. Несколько раз устраивали по этому поводу собрания. На собрании за Трубною колонией было решено устроить митинги в заводах и повести агитацию в цехах.

В сентябре бастовал завод Эзау. У нас забастовка эта не встретила особого отклика. Мы берегли силы на случай общего выступления и ограничились сбором денег на пособие бастовавшим.

ОКТЯБРЬСКИЕ СОБЫТИЯ НА ЗАВОДЕ

Настроение повышалось. В широкой массе появился большой интерес к газетам, в которых проскальзывало уже многое, чего ранее не печатали. Рабочие охотно давали деньги на партийные нужды и на вооружение. Находились даже добровольные сборщики. Комитетом выпускались отчеты о пожертвованиях и каждый сборщик, получая квитанцию, прятал ее до тех пор, пока не появлялись в отчете его условные значки.

Многие стремились приобрести револьверы на свои средства, хотя они стоили довольно дорого. Практическая стрельба происходила большей частью на выгонах. При нашей неопытности не обходилось и без несчастных случаев.

Часто устраивались митинги на заводе. Полиция уже несколько притихла, мы не боялись ее и при случае сумели бы удалить ее из завода. В те дни, когда назначался митинг, ввинчивали красную лампочку и делали надпись: «Сегодня митинг». На митинги в цехах собирались сотни рабочих. Стекались на условные места около фабрик после работы. На импровизированных митингах шли отчаянные споры с с-рами, которые всегда терпели поражение. На Кайдаках была своя рабочая биржа. Вся работа в буквальном смысле слова была вынесена на улицу. Рабочий район — Кайдаки, Шляховка, Чечелевка, Фабрики — представлял собой кипящее море, волны которого грозили захлестнуть город. А в городе — в каждой мастерской, в типографии, в магазинах тоже кипела жизнь, там тоже бурлили революционные силы, но властям легче было с ними справиться. Главные надежды наших товарищей были устремлены на заводы, на рабочий район.

Слухи о всеобщей забастовке начали носиться с конца сентября. Как Питер, как Москва? Мы ждали сигнала оттуда, из центра. 8-го октября стало известно о забастовках на некоторых железных дорогах. Не сегодня-завтра вспыхнет забастовка и у нас, как только телеграф принесет более определенные сведения. Мы ждали со дня на день.

Забастовка началась скорее, чем мы ожидали.

10-го октября все мы, как и обычно, были на заводе по своим местам. Часа в 3 загудели гудки и почти одновременно к нам в завод въехал паровоз с железнодорожниками и остановил нерв завода — электрическую станцию. Приехавшие рассыпались по заводу. Но особых сил на с'емку уже не понадобилось — почва была достаточно подготовлена. Остановка была так внезапна, что в литейной застыл в ковше чугун...

Все собрались у главной конторы и двинулись оттуда по полотну к вокзалу. Там уже все замерло. Было необыкновенно тихо... Стали выступать ораторы, сменяя друг друга. Выступали: Терентий, Никифор (с.-р.). К нам подошел тов. Кириллов и сказал: «Мы у девятого вала, еще один такой удар и от самодержавия не останется камня на камне»... Митинг продолжался до поздней ночи и закончился призывом: завтра на Брянскую площадь на митинг, на демонстрацию! Боевикам было отдано распоряжение быть готовыми на случай, если придется защищаться, — если будут опять расстрелы, мы будем отвечать так, как парижские рабочие в свое время, мы пойдем на баррикады — таково было общее настроение.

Одиннадцатого октября на Брянской, по первой и по второй Чечелевке, на Фабриках и вокруг них толпились тысячи народу. На площади шел митинг.

Вот едет на завод горный инженер. Слышатся крики: «остановить, убить». Вмешиваются партийные и пропускают...

Разносятся вести: «Приехали казаки, в городе солдаты. На Кудашевской митинг, баррикады, расстрелы». «На Военной расстреляли идущих к нам товарищей - железнодорожников».

— «Строй баррикады!»

Брянцы, трубы, гвоздильный, Эзау, железнодорожники. Чечелевка, Фабрика. Кайдачино, Шляховцы, женщины, дети — строили, таскали, рыли, пилили. Камни мостовой, земля, колымаги, столбы, проволока — все пошло на постройку баррикад. «Бульдоги», «Смитты», пашки были нашим оружием.

Появились казаки, затем через некоторое время солдаты. Раздались залпы винтовок...

В солдат и казаков полетели бомбы... Раненые и убитые товарищи, потери со стороны солдат и казаков...

Многотысячный митинг рассеян, прекратилась стрельба... Боязливо выглядывают из ворот одиночки... Идет уборка павших в бою и раненых...

Трудно представить себе теперь чувства, которые нас охватили тогда. Тут была и растерянность и ненависть, уныние, вызываемое сознанием, что враг еще силен, что бои еще предстоят.

На утро начали готовиться к похоронам. Послали делегатов к губернатору требовать не препятствовать процессии похорон и снять казаков, стоявших в рабочих районах.

Губернатор согласился с условием, чтобы не устраивали общих похорон, в особенности чтобы брянцы не ходили в город, для чего поставил заставу на Трамвайной.

Похороны собрали тысячи народу. Красные знамена несли впереди. Был свой революционный хор. В одну большую могилу опустили 9 гробов. Произносили речи, собирались деньги на семьи погибших... До темной ночи стояли на могилах...

Из погибших не можем не отметить одного из наших учителей, инженера Михаила Александровича Кириллова, убитого на Военной улице. Он не дожил до девятого вала. Он умер с верой в победу рабочего класса.

Расстрелами властям не удалось восстановить железнодорожное движение.

Не приступил к работе ни один завод. Но в массах наблюдался некоторый упадок духа. Надо было поддерживать настроение.

Выручил манифест. 17-го вечером о манифесте знал уже весь город. В аудитории научного о-ва у Яковлевского сквера состоялся митинг. 18-го октября — митинги по всему городу... Речи, критикующие манифест, в них звучат требования рабочего класса.

«В памяти живы еще расстрелы, манифест обещает свободу, правительство отступает, но рабочий класс не может, не должен успокоиться на манифесте. Его наименьшие требования — программа-минимум Р.С. - Д.Р.П.!».

И программа целиком принимается на митингах во всех частях города... Выделяется комиссия для предъявления губернатору требования об освобождении политических заключенных. В комиссию входят: либерал Александров и др. Среди рабочих делегатов — наши брянцы Булыгин и Мерников.

Губернатор заявил, что он сам является сторонником освобождения, но без распоряжения центральной власти этого не может сделать... Он снесется с министерством.

«В таком случае мы дадим телеграмму» — говорят кто-то из делегаций.

«Предоставьте мне самому сделать это», отвечает губернатор, стараясь сохранить достоинство власти.

19-го октября — большой митинг в городском саду. Со всех сторон движутся туда сотни рабочих. В разных местах трибуны, ораторы сменяют друг друга... Вдруг... распространяются слухи о забастовке городских с экономическими требованиями... У наивных вопрос: «Забастовка. Не поддержать ли?» Следует резкий ответ: «Рабочие не могут поддерживать псов самодержавия».

20-го начали приступать к работе, лениво раскачиваясь, больше митингуя и делясь друг с другом впечатлениями.

21-го октября начались погромы и сразу выяснилась цель забастовки полиции — переодетых, городские превратились в погромщиков.

Группы рабочих двинулись в город с целью воспрепятствовать погромам, но в город пропускали только одиночек.

Удалось охранить только Чечелевку, Фабрики и Кайдаки.

Все имеющие оружие были призваны на борьбу с погромщиками. Переодетая полиция была разоружена и погром прекратился.

На заводах опять началась полоса экономической борьбы. Рабочие при всех недоразумениях шли за советом к делегатам. Для разрешения всех вопросов, которые не могли быть разрешены делегатами цеха, стали чаще устраиваться

делегатские собрания. Собрания эти проходили уже более организованно, с председателем во главе. Чаще всего председателем был Григорий Иванович Петровский, иногда Меринков и др. Собрания посещались десятками рабочих и порой превращались в митинги. Столовые не вмещали всех желающих присутствовать.

Устраивались и специальные митинги в мостовом цеху или у проходных. На них выступали наши руководители — Артем, Терентий, Борис... Рядовые ораторы из рабочих отодвинулись на задний план. Рабочая масса хотела слышать первоклассных ораторов и жадно внимала им. Расходясь, пели революционные песни.

На наши делегатские собрания начали приходить иногда и рабочие с других заводов. Рамки деятельности наших заводских делегатов и старост раздвинулись, захватывая и другие заводы. Активу и раньше приходилось совещаться на массовках и вырабатывать общий план действий. Но раньше совещались по отдельным заводам и редко, теперь же это приходилось делать почти ежедневно.

«ОБЩЕДЕЛЕГАТСКОЕ СОБРАНИЕ»

Долетели до нас вести и о Питерском Совете. Не помним, обсуждался ли предварительно в Комитете вопрос о созыве делегатов всех заводов. Помним только, что на нашем делегатском собрании подняли этот вопрос Г. И. Петровский и Меринков. Помнится, говорили: «Положение у всех одинаково. В маленьком заводе или цехе — две слезы, со всего Екатеринослава — ведро слез».

Общеделегатское собрание было созвано в Брянской аудитории. Председателем на первом заседании был избран т. Меринков, но ему трудно было вести такое огромное собрание, и фактическое руководство перешло к интеллигенту, тов. Никифору. Картина заседания и вопросы, которые обсуждались, улетучились совершенно из памяти. Возможно, что темой заседания был организационный вопрос и протест против действий Городской Думы, которая требовала от губернатора воспреещения митингов, разоружения самообороны, введения военного положения и не выразила ни единым словом осуждения гласным, участвовавшим в патриотической манифестации погромщиков¹⁾.

Делегаты в числе 40 человек от имени екатеринославского пролетариата требовали учреждения милиции, разоружения организовавшей погромы полиции, удаления войск и казаков, роспуска Городской Думы и созыва новой на основе «четырёххвостки».

Определенной структуры общеделегатское собрание екатеринославских рабочих не имело. Норма представительства, кажется, даже не соблюдалась. В тех местах, где уже были делегаты или старосты, новых выборов не назначали... От нашего Брянского завода было около сорока человек делегатов. Это были: по литейному цеху — Меринков, Миллер Н., Агафонов, по механическому — Петровский Г. И., Трошин, по кирпичному — Долгополов, по мостовому — Фроленко,

¹⁾ Протест напечатан в сборнике Екатеринославского Истпарта к 20-летию юбилею революции 1905 года.

Черепанцев, по прокатному — Миллер, Макар Сердюк, Козин, Андронов Д., по рельсо-прокатному и вальцепрокатному — Кожевников, по мартеновскому — Патин, по доменному — Клейменов, по электрическому — Халецкий, по железнодорожному — Новицкий, от водокачки — Резников. Фамилий других не помним.

Для созыва делегатских собраний, выполнения его постановлений и ведения заседаний избрана была Исполнительная комиссия (президиум), являвшаяся руководящим органом. В нее вошли исключительно с. - д., большевики и меньшевики. Состав ее менялся, но постоянное ядро ее составляли: от Брянского завода — Григорий Иванович Петровский, Меринков, от Гвоздильного — Захаренко, от жел. - дор. — Дроханов, Шевченко и от завода Эзау — Баграновский, с Амура — Желтенский. Кроме этих товарищей в состав комиссии входили: Андрей Фабричный, «Павел Павлович» (Бассовский) повидимому, от партийных комитетов большевиков и меньшевиков первое время — Никифор. Чаще всего председательствовал Бассовский, реже Гр. Ив. Петровский и др. Заседания посещались тысячами рабочих. На них освещались текущие политические события и санкционировались проработанные комитетами и президиумом вопросы.

На заводах, в особенности у нас, на Брянском, стягивавшем на митинги в мостовой цех тысячи рабочих, жизнь текла своим чередом. Делегатские собрания завода продолжали работать, занимаясь заводскими нуждами и мелочами заводского быта. А этих мелочей была бездна: столкновения с мастерами, неправильная выплата, столовые, бани и даже семейные недоразумения — все было предметом внимания делегатских собраний. Администрация также обращалась к делегатам. Помним случай, когда начальник доменного цеха Свицын уволил двух рабочих за то, что они пытались вывести на тачке мастера. Делегаты выступили в защиту. Свицын предложил третейский суд. Суд состоялся. Супер-арбитром был присяжный поверенный Воронин, судьей со стороны рабочих — Трошин, защитником рабочих — Меринков, обвинителем — инженер К. Неймайер. Рабочие были оставлены на работе. По требованию делегатов, за грубое обращение удалили полковника, бывшего на проходной для охраны завода. Требовали удаления черносотенца и шпiona Шелестова, черносотенца - подрядчика Дукова. Дукова оставили, заставив внести в пользу безработных 25 рублей, что дало ему возможность заняться агитацией против Совета впоследствии.

Жизнь на заводе кипела. Прокламации и заграничные издания сменились газетами, легальными с. - д. газетами «Новая Жизнь», «Начало» и открытыми митингами. Полиция ступала настолько, что директор обратился к делегатам с предложением организовать охрану завода. Мы приняли это предложение и выделили для организации т. Ассона Новикова.

Брянская аудитория сделалась центром повседневной деятельности президиума Общеделегатского собрания и разных комиссий. Почти ежедневно происходили заседания. Библиотека «Свет» на Чечелевке служила весь год явочной квартирой для сношения с разными районами.

На Кайдаках образовали свою республику. На общем собрании рабочих-кайдачан в доме Кривошеина (где было училище) выбрали исполнительный орган — Совет, который был подотчетен общему собранию. В этот совет вошли:

Таран, Полуботько, Манжетов, Андронов Степан, Косарев, Капуша, Соцкий, Мануйлов Ф., Колосков, Маркин П., Трофимов, Матлахов, Голоков П., Гребенкин А. Руководителем был тов. Борис. Этот совет являлся фактической властью в Кайдаках. Никакой другой власти не было, даже суд не функционировал. Совет решил организовать самооборону из с.-д. и поручил дело Ассону Новикову. В самооборону входило человек 20 вооруженных. Были выделены 2 судьи — Андронов Степан и еще кто-то. Политическое наблюдение за школами поручили Тарану. Соц.-демократы организовали политический клуб — «по образцу клубов французской революции» с членским взносом в 50 коп. Записалось более сорока человек. Организовали небольшую библиотеку.

Технического аппарата у Кайдакского Совета не было. Члены его были и законодателями и исполнителями.

Судьи принимали жалобы устно, устно же делали самообороне распоряжение привести ответчика. Ответчик являлся немедленно... «Признаешь революционный суд?» — «Признаю». «Ты должен гражданке такой-то три рубля, за квартиру?» — «Должен». «Когда отдашь?» — «При получении». — «Гражданка вы согласна?» «Согласна». — Заявлений на невыполнение постановлений суда не было.

Взяв в свои руки брянскую аудиторию, мы решили использовать ее в революционных целях для устройства вечеров с декламацией и пением. Заведывание аудиторией поручили Трошину.

Во время одного из таких вечеров около аудитории появилась полиция. Рабочие заволновались. Оказалось, что полиция прислана для охраны.

— «У нас есть своя охрана», заявили мы приставу, и полицейские удалились.

Одним из самых больных вопросов рабочей жизни была в то время безработица. Обеспечить работой мы не могли. Необходимо было дать пособие деньгами. На нашем заводе организовалась столовая, в которой работали жены служащих. Деньги были взяты из кассы служащих.

Делегатское собрание — Совет рабочих депутатов — рассматривал вопрос о безработице на пленуме. Была организована финансовая комиссия. Для сбора денег привлекли интеллигенцию из сочувствующих и примыкавших к революционному движению. В декабре, кажется, были организованы столовые... Выдавались пособия и обеды.

Не обошел Совет и вопроса о профессиональных союзах. Вопрос этот обсуждался, тоже на пленуме.

Вести о Совете долетали и до села. В город стали приезжать ходоки от крестьян искать депутатов. Им указывали на наш завод. Вопросы, с которыми они к нам обращались, были почти все одного характера: что делать крестьянам, как решить земельный вопрос? Случалось, что обращались и по мелким вопросам сельского быта: земельные недоразумения, семейная сора и т. д. Мы направлялись с ходоками в Совет, где крестьяне получали ответы на свои вопросы.

Митинги на заводах требовали всегда большого количества партийных сил. Для того, чтобы проводить на митингах единую линию, Комитетом большевиков

была организована агитационно-пропагандистская группа под руководством т. Артема¹⁾. Из рабочих-брянцев в эту группу вошли Булыгин и Меринков.

Вся партийная работа сосредоточилась в Совете и на митингах. Лозунгом дня была подготовка к вооруженному восстанию. В аудитории стали изредка появляться представители от воинских частей, переодетые в польскую одежду, с заверениями, что в местном гарнизоне много сторонников рабочих. Оружие продолжали заготавливать.

ДЕКАБРЬ

Известие о декабрьской забастовке пришло одновременно с призывом к вооруженному восстанию, к поддержке Москвы. Немедленно созвали делегатское собрание, которое объявило забастовку. Для руководства выделили более узкий, чем Совет, орган — Боевой Стаечный Комитет. Состав его был определен на заседании Совета. В него входили: Исполнительная комиссия Совета, представители комитетов большевиков, меньшевиков, «Бунда», с-ров и представители организаций железнодорожников и почтовиков. Персонального состава не объявляли, но мы знали, что в состав Б. С. К. входили Г. И. Петровский, Меринков, Захаренко, Дроханов, Шевченко, Дмитрий, Артем (Парижен), Андрей (Фабричный), Василий Жолтенский, Петр Петрович (Ванновский), Павел Павлович (Бассовский) и Николай.

Боевой Стаечный Комитет отдал приказ разоружить полицию и жандармов, не пропускать вооруженную силу по железной дороге, готовить оружие. Кажется, на Трубный завод поступили в это время штыки для переплавки. Трубы делали из них пики. Оружие искали всюду, где можно было его достать. В декабре командировали за оружием Степана Андропова в Горловку.

По вопросу о вооружении устраивались также и расширенные заседания. Одно из таких собраний было у нас в железопрокатной столовой.

Агитационно-пропагандистская группа при Совете, в состав которой входили и меньшевики и с.-р., по предложению Б. С. К. выделила агитаторов на село, которым был дан наказ призывать крестьян к поддержке выступления рабочих.

В Екатеринослав стали являться делегаты из провинции за оружием, но оружия у нас самих не хватало. Приезжали за оружием и крестьяне, как, например, из Соленого.

На оружие необходимы были деньги. Помним, как однажды у нас на заводском делегатском собрании Г. И. Петровский при распределении денег, оставшихся в заводе от каких-то вычетов, предложил отдать их на оружие. С возражением выступил выделенный для наблюдения за нашей столовой для безработных Николай Миллер. Разбрелись страстные прения. Миллеру пришлось краснеть.

¹⁾ Некоторые смешивают этого Артема с известным Артемом Сергеевым, погибшим в 1921 г. при крушении аэропоезда. Тот Артем, о котором идет здесь речь, впоследствии отошел от партии. Прим. авт.

На одного из делегатов, который вздумал поднять вопрос о бане, горячо набросился Булыгин.

«Стыдно, товарищи, не время заниматься теперь баней, нам предстоит кровавая баня»...

Вопрос о столовых и о помощи не только безработным, но и бастующим встал во весь рост. Им занялась специальная комиссия из т. Усевича, Миллера Мак. и, кажется, Жандармова, черпавшая средства у финансовой комиссии.

Делегатское собрание в целях облегчения положения бастующих постановило предложить хозяевам не требовать квартирной платы до окончания забастовки.

Б. С. К. выступил, как орган власти. Наряду с воззваниями о поддержке рабочих в их выступлении, с разъяснениями происходящих событий, с призывами к солдатам, он фактически регулировал всю хозяйственную жизнь. С его разрешения работали пекарни, перевозились продукты первой необходимости по ж. д., работал водопровод, разрешалась и прекращалась подача электричества в театры. Он прямо призвал население к неплатежу налогов, заявив, что все уплаченное в период забастовки не будет засчитано.

Б. С. К. издал приказ брать из сберегательных касс и банков деньги и вклады, выбросив лозунг: «ни копейки правительству». Очереди у касс были огромные.

Все распоряжения Б. С. К. печатались в специально выпускаемых им бюллетенях. Там же помещалась и хроника событий в России. Выхода бюллетеней ждали с особым нетерпением.

Хотя и большевики, и меньшевики, и даже эсеры работали в Б. С. К. вместе, однако разногласия чувствовались все время.

Нужна была твердая, определенная линия. Наш комитет устроил несколько партийных собраний в брянской школе. Там мы провентилировали вновь все старые споры между большевиками и меньшевиками: о членстве, об отношении к либералам и крестьянству, о вооруженном восстании и временном правительстве.

Выступали Димитрий, Артем, Борис и др. Горячие прения вызвала у нас оброненная кем-то фраза: «Революцию сделала партия»... «Революцию сделала жизнь» — закричали многие. Это было отголоском споров, ведшихся тогда на страницах «Искры», «Вперед» и «Пролетарий»...

Московское восстание было подавлено. На Амуре уже стояли казаки, на вокзале войска... Оружия у нас было недостаточно для борьбы с войсками.

Пришли вести и о горловском поражении. Начались аресты в Екатеринославе... Боевой Стаечный Комитет должен был свернуть свою работу, объявить окончание забастовки. Последнее заседание, которое мы помним, было в железно-прокатной столовой. Работали с утра до вечера. Затем для разрешения более секретных вопросов перешли в частную квартиру Трошина на Фабриках, на Новодворянской улице, в д. № 30, где заседали до 3 — 4 час. утра и составили прокламации о ликвидации забастовки.

Наиболее активные деятели скрылись.

Чечелевка скоро была наводнена войсками. Шли повальные обыски по всему рабочему району. Всех мало-мальски замеченных ловили и сажали. По

уезду раз'езжали карательные экспедиции и расправлялись плетками, пулями, даже артиллерией. Тюрьма наполнилась рабочими и крестьянами, еще раз подчеркивая, что у рабочего класса и крестьянства одна судьба — вместе бить, вместе и в ответе быть.

Все, кто не уехал, не был арестован, принялись вновь за работу. Надо было тщательно взвесить, что произошло, наметить пути для борьбы. В январе произошло об'единенное заседание руководящих членов обонх крыльев партии. Полиция арестовала все собрание.

Разгром был основательный. Однако, наступавшая реакция все же долго не могла справиться с рабочим районом, с нашей Чечелевкой. В 1906 и даже в 1907 г. она бурлила, и только в 1908-м году виселица, каторга, тюрьма и ссылка, вырвавшая сотни из рядов екатеринославского пролетариата, заставили ее совершенно уйти в подполье, замкнуться.

Революция была проиграна, но жертвы, понесенные рабочим классом, и опыт революции дали всходы в 1917 году в Великом Октябре.

Ревдвижение и партийная работа в Чернигове

(1911 — 1913, г. г.)

В Чернигове, чиновничье-мещанском городе, не имевшем крупных предприятий, революционное и рабочее движение не могло, естественно, принять большого размера. Однако проводившаяся в нем в описываемые годы революционная работа была довольно значительна и содействовала воспитанию и подготовке активных участников Октябрьской революции.

УЧЕНИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Одной из характерных особенностей революционно-партийной работы в Чернигове являлось наличие оформленной ученической социалистической организации из учащихся средне-учебных заведений. Организация эта, будучи по своей программе внепартийно-социалистической, состояла из уже оформившихся групп с.-р. и с.-д. и стремилась распространить свое влияние среди рабочих-ремесленников, преимущественно заготовщиков и портных.

Постепенно в ученических организациях усилилась группа с.-д., воспитавшая подрастающих учащихся в марксистском направлении. Ученическая организация руководила кружками учащихся, занимавшихся по разным программам, в зависимости от возраста.

Кружки эти носили оригинальные названия: «телята», «золоторотцы» и т. д. Из наиболее интересных кружков можно отметить кружок «чайниц» из 12 гимназисток (Харченко, ныне б.-ка, Шильман, Гужовская, Боченкова и др.), кружок в составе Юрия Коцюбинского, Стецкого, Виталия Примакова, Шильмана, Мурина, Андрея Соколовского, В. Имшенецкого — ныне все они большевики, из них четыре последних пали в революционной борьбе в период Октябрьской революции.

В других кружках принимали участие ставшие впоследствии также большевиками: Е. Туровский, Я. Шафранович, Зюка Нехамкин, А. Гутман и др. Ряд активных участников кружков пал в рядах большевиков во время гражданской войны; их имена: М. Бунин, Г. Идлис, братья И. и Л. Урины.

Руководили кружками т. т. Гаврилов Н., Гриневич А., Е. Короткий, И. Приседько, А. Рындич. М. Шафранович, И. и С. Бродские, С. Урин. Многие из этих товарищей, уезжая в университетские города, продолжали держать связь с Черниговом уже по линии партийной.

Существование организации было известно жандармерии и школьному начальству, насаждавшим в учебных заведениях сыск. Были случаи арестов учащихся.

При ученической организации на автономных началах существовала комиссия революционного Красного Креста, возникшая для оказания помощи высланному революционеру, тов. Товстухе, и существовавшая затем, как организация помощи вообще политическим, вплоть до революции.

ПАРТОРГАНИЗАЦИЯ

Партийных организаций в городе имелось две: с.-д. и с.-р.; были и одиночки из бундовцев и серповцев и др. Группа с.-д., формально единая, носила преимущественно большевистский характер, что и сказалось на дальнейшей практической работе. Связь мы поддерживали с Киевом и эпизодически с Петроградом через тов. Е. Короткого, А. Гриневича и Приседько. Нам удавалось получать заграничную партийную литературу.

Большое оживление в организацию внесло появление «Звезды» и «Правды». Получение газет пришлось наладить посылками по частным адресам, часто меняя их во избежание провалов, так как газетные киоски опасались их выписывать.

Выписывалось в среднем до 100 экземпляров. Распространение «Правды» среди организации усилило обсуждение вопросов разногласий между большевиками и меньшевиками. Выяснилось, что в нашей среде всего лишь 2 — 3 меньшевика.

Характерно для Чернигова и то, что почти все активные работники этого времени остались и после революции в рядах нашей партии.

«Правда» значительно содействовала оформлению группы, которая в этот период выпустила за своей подписью несколько прокламаций (о Ленских событиях, о первом мае и др.).

Нашей группой была установлена связь с рабочими, что привело вскоре к организации до 10 рабочих кружков. Руководили ими: С. Урин, Я. Шафранович, А. Гаврилов, Гриневич. Наиболее сильным был кружок, куда входили т. т. Г. Финкельберг, А. Тилис, Н. Горбовец, Давидов, Ваня-слесарь, Чекановский и др. Кружок этот постепенно стал расширяться, главным образом за счет лучших товарищей из существовавших тогда малочисленных профсоюзов. Для поднятия культурного уровня членов рабочих кружков и занятий по общеобразовательным предметам прикреплялись одно время к рабочим товарищи из кружков учащихся. Впоследствии создавались для этой цели специальные кружки. Общего руководства рабочими кружками в начале их организации не было, что сильно сказывалось на продуктивности работы. Появилось стремление к организации самостоятельного руководящего центра. Для этой цели было созвано собрание на реке Десне, где присутствовало человек 18. Были представители от всех

рабочих парткружков. Большие споры вызвал вопрос о дальнейшей работе организации. Тут же была выделена пятерка для практической работы. Казначеем был выделен Ваня - слесарь, которому передавали членские взносы, собираемые прикрепленными к кружкам.

ОРГАНИЗАЦИЯ НЕЛЕГАЛЬНЫХ ПРОФСОЮЗОВ

В середине 1912 года приехал в Чернигов меньшевик А. Л. Ваховский, который поставил вопрос о свертывании нелегальной работы, организации рабочих клубов, легальных профсоюзов и т. д. на основе закона 4 марта 1906 г.

Вопросы эти горячо дебатировались на специально созванном заседании (в квартире тов. Финкельберга), где присутствовало до 18-ти человек руководящих работников, рабочих и интеллигентской группы. Выступление т. Ваховского здесь встретило сильный отпор со стороны представителей большевиков (Я. Шафранович, Финкельберг и др.), которые вскрыли сущность меньшевистской идеологии тов. Ваховского и доказали недопустимость свертывания нелегальной работы.

Вопрос об организации профсоюзов рабочие кружки обсуждали больше месяца. В конце концов победила точка зрения большевиков. Решено было организовать нелегальные профсоюзы в первую очередь следующих профессий: сапожников, заготовщиков, портных и каменщиков. Одновременно было поручено товарищам Чекановскому и Финкельбергу вести работу по организации рабочего клуба.

Профессиональные ячейки были организованы довольно быстро. Руководство проф'ячейками было поручено: сапожников — тов. Михаилу и В. Закоряжному; заготовщиков — Горбовцу и Цимбергу, портных — Финкельбергу, Тилису и Горбовцу и каменщиков — тов. Чекановскому. Пошла полоса собраний профсоюзных ячеек. Сапожники и заготовщики подразделялись на большое количество кружков по 10-ти и больше человек. Место собраний было за рекой Десной, на окраине «Задриповка» у тов. Серебряного, в лесу «Подусовка» и в других местах. Некоторые профсоюзы стали аккуратно получать свои профжурналы. Швейники ездили в Киев, где получали регулярно через киевский профсоюз «Игла» у тов. Веры Сапожниковой в большом количестве «Пролетарий Иглы», издававшийся в Москве. Работа нелегальных профсоюзов довольно быстро выдвинула активных товарищей, которые вербовались нами в парторганизацию.

Разросшиеся профсоюзы и проведенная среди них агитация дала возможность перейти к экономической борьбе. Были проведены частичные забастовки у портных: Резникова, Орловского и бр. Ароновых. Большинство экономических требований было удовлетворено. Хорошо была подготовлена работа по организации всеобщей забастовки среди заготовщиков. Фонд помощи бастующим, собранный среди членов всех профсоюзов, насчитывал до 100 рублей. Требования союза кожевников были довольно значительны, и не менее значительно было противодействие оказанное хозяевами, бывшими между собой большей частью в родстве и взаимно поддерживавшими друг друга. Через пару дней хозяева

привезли из Киева штрейкбрехеров, с которыми союзу пришлось довольно долго вести борьбу. При снятии штрейкбрехеров с работы имел место следующий неприятный инцидент: приезжий штрейкбрехер, работавший в мастерской Иткина, обещал нам уехать в Гомель и требовал денег на дорогу, но, получив дважды деньги от союза, продолжал работать у хозяина. Это обозлило бастующих. Решили посягнуть на наглеца. Тов. Бреславский пригласил штрейкбрехера в сквер и там передал его в руки тов. Михаила, который несколько переусердствовал и разбил голову штрейкбрехеру. По заявлению последнего тов. Бреславский был полицией арестован. Его держали две недели, избивая каждый день, требуя указать руководителей и зачинщиков забастовки.

Забастовка кончилась повышением зарплаты на 20%, а остальные требования удовлетворены не были.

БОРЬБА С ЭСЕРАМИ

Кроме борьбы с меньшевиками, о которой уже упоминалось выше, приходилось вести борьбу с социалистами-революционерами. Последние имели влияние лишь в неформальном профсоюзе сапожников. Особенно обострилась дискуссия с с.-р. после того, как часть товарищей из кружка сапожников стали путаться между марксистами и с.-р. Решено было устроить дискуссионное собрание. Оно было создано в нелегальной квартире с.-р. на «Лесковице», в квартире сторожа школы. Присутствовало более 30 человек, среди которых были почти все сапожники, члены нашей организации, приглашенные тов. Михаилом; было также много служащих общественной библиотеки, которые входили в организацию с.-р., и много других. Со стороны с.-р. докладчиками выступали т. т. Зубок, Масютин. Точку зрения с.-д. защищал тов. Шафранович. Собрание тянулось довольно долго. Много рабочих выступало в прениях. Точка зрения с.-д. взяла верх. После дискуссии укрепилось наше влияние на кружок сапожников и ослабилось влияние с.-р.

Однажды летом решено было устроить генеральный диспут между с.-р. и с.-д. Обе стороны мобилизовали свои лучшие силы. От нас основным докладчиком должен был выступить тов. Ваховский. Хотя с.-д. группа была почти полностью большевистская, она выставила тов. Ваховского - ликвидатора в виду его марксистской подготовки, считая, что он лучше сумеет защитить чисто теоретические положения нашей программы от народников. С.-р. призвали на диспут позже отошедших от работы Толкашников, вернувшегося из ссылки, т. Сандарова и друг.

Собрание назначено было за рекой Десной, куда участники должны были прибыть на лодках. Поездки на лодках часто благополучно использовались нами для собраний и докладов. На этот раз, однако, дело не выгорело. Как только мы отдельными кампаниями, якобы ничего общего между собой не имеющими, отплыли от пристани, на берегу реки неожиданно появилась полиция и шпики. Стало очевидно, что массовка провалена. Мы решили тогда избавиться все, как невинную прогулку. И вот одна кампания высаживается на

противоположном берегу и там пред изумленными взорами полиции, устремившей на нас бинокли, начинает играть в горелки, слона и проч. Полиции только и оставалось молчаливо созерцать эту «крамолу». Однако, одна лодка, на которой находились докладчики, успела выехать до появления полиции и небольшую массовку провести удалось.

На завтра жандармерия, как бы из мести за свою неудачу, произвела обыски, арестовав Юрия Масютина. Тогда же выяснилось, что главный теоретик черниговских с-ров Толкашников — провокатор.

РАБОЧИЙ КЛУБ

В 1913 году тов. А. Чекановскому вместе с другими рабочими-каменщиками удалось добиться разрешения на открытие «Клуба трудящихся». Приводим курьезный инцидент, прекрасно характеризующий реальные возможности легальной работы, за которую так распинались меньшевики. Так, на первом же общем собрании клуба пристав хотел закрыть собрание только потому, что т. Гаврилов назвал председательствующего, поверенного Антоненко, «товарищем». Инцидент был ликвидирован благодаря находчивости тов. Антоненко, который объяснил приставу, что такое обращение Гаврилов допустил к нему, как к товарищу по школьной скамье. Пристав успокоился, но требовал больше так не «выражаться».

В правлении клуба было всего двое наших товарищей: Райданов и Чекановский, остальные были меньшевики, беспартийные, а секретарем серповец — тов. Бейлинсон. Нелады в правлении начались с первого же дня работы. Меньшевики не допускали выписки журнала «Просвещение» и газеты «Правда», настаивая на ликвидаторской печати: газете «Луч» и журнале «Наша Заря» Примиренческую линию держал тов. Ваховский, предлагавший выписывать газеты всех направлений.

Наша группа стала использовать клуб и для партийной работы: в клубе были явки, распространяли среди рабочих газету «Правда» в большом количестве, собирали средства в «железный фонд». В связи с этим началась усиленная слежка шпиков. Был арестован и выслан административно в г. Гомель тов. Аарон Гутман, на имя которого мы выписывали газету «Правда». Арестовали и тов. Цимберга. Жандармское управление энергично допрашивало его о сборе денег в «железный фонд» газ. «Правда». Такое гонение несколько заставило нас отойти от клуба и перенести работу в настоящее подполье, тем более, что клуб постепенно заполнялся служащими.

К началу 1914 года организация стала выпускать часто листовки, реагируя на наиболее важные политические моменты. Слежка шпиков еще более усилилась. В 1914 г. за распространение прокламаций были арестованы члены организации, тов. З. Нехамкин, М. Бунин, Н. Горбовец, но за отсутствием прямых доказательств их только выслали в дальние деревни Вятской губернии. Аресты не остановили работы Черниговской организации и через некоторое время жандармерия снова взяла 10 человек, у которых нашла гектограф и печатные

прокламации. В числе арестованных были: т. т. В. Примаков¹⁾, А. Гольденберг²⁾, Цимберг³⁾, М. Темкин и другие. Киевской Судебной Палатой они были осуждены на вечное поселение в Сибирь.

После их ссылки начал выделяться слой еще более молодых товарищей, которые и вели работу до Февральской революции.

1) В. Примаков — впоследствии активный работник Киевского Комитета и командир «Червоного казачества».

2) Анюта Гольденберг — умерла вскоре после возвращения из Сибири (в 1917) от тифа.

3) Цимберг — активный работник Киевской организации в 1917 г., погиб от несчастного случая при эвакуации в 1918 году. Р е д.

Работа большевиков и провал коллектива в 1914 году в Екатеринославе

(По материалам Екатерин. Губернского Жандармского Управления и личным воспоминаниям)

17 апреля 1914 года начальник Екатеринославского Губернского Жандармского Управления, полковник Терентьев, доносил департаменту полиции, что в марте того же года в Екатеринославе организовался Комитет социал-демократической партии «большевистского направления», а 24 июля тот же Терентьев спешил утешить начальство следующим:

«Деятельность Екат. Коллектива РСДРП до июля м-ца шла слабо, в самом коллективе все время наблюдались несогласия из-за желаний отдельных лиц играть первенствующую роль и попытки создать в гор. Ек-ве центр, которому и подчинить городской и заводские коллективы».

Несмотря на то, что полковнику Терентьеву все это стало известным не только «по сведениям агентуры», но и, как доносит ротмистр Вольский, из «сообщений лиц, стоящих более или менее близко к революционным организациям», нужно сказать определенно, что как в первом, так и в дополнительном сообщении нет ни капли правды.

Начать с того, что, как я помню, Екатеринославский коллектив работал в городе с лета 1912 года. Я как раз тогда оформил свою связь с Екатеринославской организацией. Правда, до марта 1914 года не было общегородского коллектива; каждый район работал отдельно, почти без всякой связи с другими (районов было четыре: Городской, Брянский, Трубопрокатный и Заднепровский). Однако из этого никак нельзя заключить, что до июля работа шла слабо. Достаточно сказать, что в Городском районе кружок пропагандистов уже в 1912 г. зимою состоял из 12 — 14 человек, что на чрезвычайно конспиративных собраниях в тесных квартирах на разных окраинах (то на Управской, то на Ломаной или на Извилистой) собиралось до 70 — 80 человек, а весной и летом 1913 года в Монастырском лесу или на острове против Мандрыковки собиралось 100 — 150 чел. не случайной публики, а исключительно членов партии, проходивших через патрули.

Что в этот период делалось в Кайдацком районе или в Нижнеднепровске, об этом уже частично сообщали в своих воспоминаниях в «Летописи Революции»

т. т. Лебедь и Суханов. На Брянском же заводе была к тому времени хорошая большевистская организация, наиболее активными работниками которой являлись Аверин, Светличный, Андреев, Кожевников, Иванов и другие. К тому же времени на Кайдаках образовалась группа социалистической молодежи, из которой вышел целый ряд ответственных работников: Луговой (Шурка Левенштейн, ныне председатель ЦК сахарников), Федя Золотов (ныне секретарь райкома металлистов и член бюро Окружкома в Екатеринославе), Кузнецов — (заведующий отд. местн. промышленности У. С. Н. Х.), Сочинский, Каверин (трагически погибший в борьбе с белыми бандами) и другие.

По районам шла большая, напряженная работа, развивавшаяся вглубь и вширь. Возможно, что процесс слияния отдельных районов сопровождался вполне понятными спорами, особенно в виду того, что заводские районы относились подозрительно к городу, считая, что в городе интеллигенция склонна к соглашательству, и опасаясь, что именно в городской организации свили себе гнездо провокация и предательство. Но в заводской организации отсутствовали пропагандистские силы, которые могла дать только городская организация. Возможно поэтому, что при конструировании общегородского коллектива были недоразумения. Но чтобы, как сообщает полковник Терентьев, «благодаря этим раздорам совершенно непродуктивно шла работа по организации заводских ячеек и коллективов» — это плод жандармской фантазии.

Попытки поднять рабочих на забастовку в день 1 мая со стороны организации не было. Что же касается поддержания петербургской и бакинской забастовок перед самой войной, то по этому вопросу устраивались в июле ночные собрания с участием сотен рабочих из всех заводов. Рабочие относились вполне сочувственно к забастовке солидарности, но разразившаяся война помешала ее осуществлению.

«Душой этой организации — доносит ротмистр Вольский — является некая Берта... Ближним к «Берте» лицом в организации является некий «Григорий», оказавшийся при установке Иудой Вульфовой Берлиным, мещ. гор. Орши Могилевской губ., 34 лет, без определенных занятий»...

Мне уже приходилось писать, что в течение всего периода 1912—14 г. г. «душой организации» был Нисен Рыбников, но несомненно, что в лице появившейся на екатеринославском горизонте «Берты» организация приобрела чрезвычайно ценного работника. «Берта» была партийным человеком, что называется, с головы до ног. При всей ее болезненности (кличка наблюдения — «Щуплая») она была буквально неутомима, была очень хорошим товарищем и, что самое главное, в чем ее главная заслуга — она первая сделала попытку к объединению всех районов. О Берлине доносят как о человеке «без определенных занятий». Это не совсем так. «Григорий» был береговым грузчиком и с начала до конца навигации занимался этой «специальностью», любил это дело, как вольное занятие, и не так уже плохо зарабатывал.

Известно было жандармскому отделению и то, что «некоторая часть членов организации обыкновенно по пятницам собирается у «Михаила», особой приметой которого является хромота, вследствие чего он ходит на костылях».

Беспрерывной слежкой с утра до глубокой ночи за квартирой «Михаила», являвшейся чем-то в роде партийного клуба, «наружному наблюдению» нетрудно было установить руководителей организации, тем более, что такая же слежка велась за каждым из посетителей этого клуба. Кроме заседаний коллектива, происходивших в квартире «Михаила» — Геншафта на Казачьей по пятницам, там почти ежевечерно происходили чаепития при открытых окнах с участием непартийных, «хороших знакомых» Михаила. А «наружное наблюдение» появлялось не только во дворе дома, но и на лестнице и, нужно думать, и под окнами.

Очевидно, выяснение главных участников организации тянулось недолго, если ротмистр сообщает, что организация была создана в марте 1914 года, а уже к 30 марта дается полный список ее руководителей. А, может быть, ротмистр, донося полковнику Терентьеву, и полковник при доносе в Департамент Полиции подумывали о награде за «быстроту и натиск». Как бы там ни было, но первый список «участников», пересылаемый ротмистром Вольским полковнику Терентьеву, представляется в следующем виде:

...«1) Бася — Берта Иоселева Перельман, Лужская мещанка, Дисненского уезда, Виленской губ., 28 лет, девица, без определенных занятий. В партии известна под именем «Берта».

2) Мендель Менделев Геншафт. В партии известен под именем «Михаил», мещ. гор. Витебска, 35 лет, переpletчик.

3) Вышеуказанный Берлин, в организации «Григорий».

4) Лея Гиршева Полонская, мещанка гор. Тобольска, 19 лет, девица, дантистка, по партии — «Лея».

5) Тамара Ицкова Левинская, мещанка гор. Кременчуга, Полтавской губернии, 24 лет, девица, портниха. По партии — «Тамара».

6) Нисен Иоселев Рыбников, мещанин гор. Городни, Черниговской губернии, 27 лет, приказчик книжного магазина.

7) Аврум Лейзер-Мовшев-Беров Марциновский, мещанин м. Райгородни, Житомирского уезда, Волынской губернии, 34 лет, столяр, в организации известен, как «Абрам Толстый».

8) Лейба Хаймов Пукерман, мещанин города Краснополя, Чериковского уезда, Могилевской губернии, 28 лет, сапожник. В организации — «Левка».

9) Моисей Фроимов Рабинович, Черкасского уезда, Киевской губернии, купеческий сын, 30 лет, воляжер. В организации — «Моисей».

10) Бася Залмонова Гершанок, Быховская мещанка, Могилевской губернии, в организации — «Бася». Первое время состояла членом городского коллектива и была избрана для заведывания партийной библиотекой, но затем разошлась с коллективом и отказалась от работы под его руководством, предполагая применить к заводскому коллективу.

11) Лейба Янкель-Мовшев Маликин, мещанин города Речицы, Минской губернии, член городского коллектива, представитель цеха сапожников, в организации — «Лева», принимал деятельное участие в организации Заднепровского коллектива и вел по этому поводу сношения с рабочими Заднепровских заводов.

12) Илья Моисеев Альтшулер, Екатеринославский мещанин, студент Киевского Политехнического Института. Приглашен городским коллективом для занятий с избранными в качестве пропагандиста.

13) Михаил Миронов Копылов, крестьянин Курской губернии Дмитриевского уезда, Белявской волости и села. Один из самых энергичных деятелей

с. - д. коллектива Трубно́го завода. Среди рабочих известен, как зажигательный оратор, и пользуется среди них большим влиянием. Проводил сходки рабочих Брянского и Трубно́го заводов, происходившие на Воронцовском острове в июне и июле 1914 года, и на одной из них сказал речь о несостоятельности существующего в данное время в России государственного строя.

14) Митрофан Егоров Андреев, крестьянин Орловской губернии, Трубчевского уезда, Стрелецкой волости, деревни Колодезек. Член с. - д. коллектива Брянского завода. Являясь одним из деятельных социал - демократов Брянского завода, участвовал на сходке рабочих Брянского и Трубно́го заводов, бывшей на Воронцовском острове, вблизи гор. Екатеринослава, на которой обсуждался вопрос об отношении к забастовочному движению в Петербурге и Баку рабочих Брянского и Трубно́го заводов.

15) Исаак Иванович Иванов, мещанин гор. Климович, Могилевской губернии, член с. - д. коллектива Брянского завода. Принимая деятельное участие в партийной работе, находился в близких сношениях с пропагандистом с. - д. идей Ильей Альтшулером и участвовал на указанных выше сходках рабочих Брянского и Трубно́го заводов и

16) Фейга Левикова Кацнельсон, Бобруйская мещанка, Минской губернии, в организации — «Феня». Одно время состояла секретарем коллектива, а затем обратилась в пропагандистку, так как чувствовала себя не особенно грамотной для ведения партийной переписки(?)».

Если эти сведения являются плодом творческого взаимодействия «наружного наблюдения» и полицейского участка, то последующее уже несомненно носит характер информации лиц, «стоящих более или менее близко к революционным организациям».

Вот что на основании сообщений лиц, «более или менее близких к революционным организациям», рассказывает ротмистр Вольский.

«30-го марта 1914 года состоялось собрание коллектива, т. - е. представителей мелких рабочих ячеек, между которыми отмечены «Левка» от организации сапожников, «Абрам Высокий» от портных (личность «Абрама Высокого» до сих пор не установлена). «Тамара» от портных и модисток, «Рыбников» от Общества взаимопомощи приказчиков, «Григорий» от коллегии пропагандистов, «Абрам Толстый» от конфликтной комиссии. На этом собрании рассматривался проект регламента (устав) группы с. - д., присвоившей себе наименование «Екатеринославская организация Социал - демократической Рабочей Партии». Для составления и выработки этого регламента была избрана комиссия из трех лиц: «Рыбников», «Тамара» и «Абрам Толстый». Рассмотренный проект был отредактирован «Рыбниковым», затем было приступлено к обсуждению вопроса о дне 4-го апреля — годовщины ленинских событий и решено, в виду наступления христианских праздников и невозможности поэтому ознаменовать этот день забастовкой, организовать массовки рабочих на одном из Днепровских островов под Екатеринославом, при чем выбор места был возложен на товарища «Григория». Кроме того, было решено выпустить к 4-му апреля воззвание, составление которого возложено на «Моисея» и «Лею». В течение 31 марта и 1 — 2 апреля «Моисеем» и «Леей» было составлено и отфотографировано в числе около 200 экземпляров воззвание «К рабочим и работницам города Екатеринослава» за подписью «Екатеринославская организация Социал демократической Рабочей партии» и вечером 2-го апреля воззвание это распространялось среди членов организации путем личной передачи».

Нужно констатировать, что осведомленность ротмистра Вольского была безукоризненна. До 1914 года организация действительно работала без устава. Ее формы, распределение ролей, членские взносы — все эти атрибуты большевистских организаций были слабо выявлены. Я лично не был на заседании коллектива, где обсуждался устав. но помню, что Рыбников мне как то несколько раз говорил о нем. Из содержания его у меня в памяти ничего не осталось. Но уверен, что и выработка устава и организационная структура и вообще вся, как теперь говорят, «большевизация» нашей организации произошла в Екатеринославе под влиянием прибывшей сюда в 1913 году Берты, имевшей связи с Петербургом и с границей.

О постановлении коллектива выпустить к 4 апреля воззвание и возложить составление и печатание его на меня и на Лею (Полонскую) мне передала Берта.

Примерно 31 марта мы сошлись на квартире Михаила — я, Лея и Берта. Михаил отсутствовал. Мы потолковали, и я написал черновик прокламации. Прочитав ее совместно и подвергнув некоторым исправлениям, мы разошлись. 1 апреля не помню кто — я или Лея — купили готовый гектограф в писчебумажном магазине Блумберга на Проспекте и там же, кажется, химические чернила. Все это было принесено утром ко мне на квартиру по Харьковской улице. Переписав воззвание химическими чернилами печатными буквами, мы напечатали очень скверно около 200 экземпляров. Каким образом и через кого воззвание было передано, я не помню, но помню, что мне очень не хотелось, чтоб они у меня в комнате ночевали. Коробку с массой я бросил в дворовой клозет, а руки долго еще оставались совершенно синего цвета и могли меня предать. Помню, в течение дней десяти, когда я выходил на улицу, я не знал, куда девать свои руки.

К сожалению, в делах жандармского отд. не сохранился экземпляр нашего воззвания. А это был безусловно любопытный документ.

Продолжая свое донесение, ротмистр Вольский пишет, обнаруживая и тут превосходное знакомство с положением дел в организации:

«В воскресенье, 13-го апреля, состоялось собрание городского коллектива в доме № 18 по Казачьей улице, председательствовал Рыбников. Представители ячеек доложили, что с наступлением теплой погоды собрания кружков происходят за городом под видом прогулок. Кружки «ячейки» довольно велики, но уменьшить их не представляется возможным, так как в организации очень мало пропагандистов. Затем председатель Рыбников доложил, что по инициативе товарища «Берты» на Брянском заводе организуется свой местный коллектив, в который войдут представители семи цехов, по одному от каждого, что в городе Екатеринославе существует еще два коллектива: Трубопрокатный и Нижнеднепровский, в который входят и железнодорожные кружки, и что в скором времени предполагается слияние всех четырех коллективов: «Городского», «Брянского», «Трубопрокатного» и «Нижнеднепровского» в общегородской, в который войдет по одному представителю от каждого. Душой этого слияния является «Берта».

Дальше ротмистр уже начинает немножечко фальшивить. Приведенное в начале статьи донесение полковника Терентьева Департаменту Полиции является

дословным повторением полученного им донесения ротмистра Вольского. Оба они представляют положение дела в таком виде, будто в промежутке между 13 апреля и началом войны никакой деятельности организация не проявила. Оба они повторяют басню о трениях, благодаря которым в этот период работа шла будто бы непродуктивно. Считаю необходимым еще немного остановиться на этих «трениях».

Ко всему, что я уже сказал о трениях между отдельными членами организации или, скорее, между отдельными районами, я могу прибавить еще несколько характерных для этого периода штрихов. Городской район создал в легальном «Обществе приказчиков» фракцию, вначале имевшую 4—5 человек, а затем разросшуюся до 20—22 человек. Нужно сказать, что в «Обществе» было засилье бывших е-с-овцев и самых отпетых ликвидаторов — меньшевиков. Мне уже о них приходилось писать и повторять я не стану. Эти заправилы были преданы «Обществу», оберегали его всячески и любили «тишину и спокойствие», царившие в его стенах. Они занимались малыми делами: выдавали ссуды, приписывали работу и т. д. Наше появление в виде оформленной фракции вызвало в «Обществе» панику. Положение наше было невыгодно, так как они знали, чего они хотят, а у нас плана действия не было: мы не знали — это нужно сказать сейчас открыто — как можно использовать «Общество» с сильно урезанным уставом, с обязательным присутствием пристава на общих собраниях и т. д.

Я лично смотрел на «Общество» как на резервуар, откуда мы будем перекачивать членов союза в партию, считал, что нам нужны декларативные выступления. Что нам нужно дискредитировать легальное крохоборство верхушки «Общества». Были среди нас и другие настроения. Сторонником более сдержанного отношения к правлению «Общества» был Рыбников, который даже одно время был единственным членом правления большевиком среди остальных 14-ти ликвидаторов разных толков. Позже фракция его отозвала.

Столкновения между нашей группой и правлением и острые споры бывали часто. Однажды, когда я во время речи одного члена правления крикнул ему «лакей», правление постановило исключить меня на одно заседание. Я отказался подчиниться и остался в зале. Был объявлен перерыв, во время которого наша фракция обсудила этот вопрос, и затем предложила мне подчиниться постановлению правления. Я заявил, что это недопустимая уступка, что они сегодня исключают меня, завтра другого, а там и всю фракцию, и отказался уйти. Рыбников поставил вопрос о нарушении мною фракционной дисциплины на одном собрании не то коллектива, не то, выражаясь по-нынешнему, актива организации. Помню, что собрание это было в лесу, помню, что присутствовал Григорий, помню, что мой темперамент и мое упрямство взяли верх над рассудком, и у нас возникли споры. Примирителем, с уклоном в мою сторону, был Михаил Геншафт.

Этот эпизод с обществом также доказывает, что в начале 1914 г. парторбота велась. По мнению же ротмистра, которое опровергается как выше, так и ниже приведенными фактами совершенно официального характера, до начала войны все обстояло «благополучно».

«С наступлением в России военных осложнений—доносит дальше ротмистр—и объявлением мобилизации вожаки Екатеринославской группы Российской социал-демократической рабочей партии решили использовать момент в целях возбуждения рабочих масс и призываемых запасных, для чего городским коллективом при непосредственном участии Нисена Рыбникова и Баси Перельман было составлено воззвание «Ко всем рабочим и работникам и ко всему трудящемуся люду города Екатеринослава», которое в воскресенье, 20-го июля, предположено было распространить среди запасных нижних чинов, призванных по мобилизации на сборный пункт. В виду этого в ночь на 20 июля 1914 года Екатеринославская с.-д. организация ликвидирована, при чем обысканы и арестованы следующие оказавшиеся в городе Екатеринославе:

1) Бася Перельман, 2) Иуда Берлин, 3) Нисен Рыбников, 4) Лея Полонская, 5) Тамара Левинская, 6) Бася Гершанок, 7) Лейба-Янкель Маликин, 8) Илья Альтшулер, 9) Михаил Копылов, 10) Митрофан Андреев и 11) Исаак Иванов.

При этих обысках было найдено: в квартире у Ильи Моисеева Альтшулера программа, заключающая в себе учение о происхождении, целях и задачах социал-демократии, в квартире у Иуды Вульфова Берлина печатный прибор под названием «Гутенберг № 2», состоящий из наборного станка, набора каучуковых букв и подушек с красками фиолетовой и красной, в квартире у Исаака Ивановича Иванова воззвание под заглавием «Ко всем рабочим и работникам и ко всему трудящемуся люду гор. Екатеринослава», возбуждающее к устройству партийных митингов и собраний, к организации сборов на усиление партийных средств и к упразднению постоянной армии с заменой таковой народной милицией, в квартире у Нисена Иоселева Рыбникова один экземпляр воззвания под заглавием «Ко всем рабочим и работникам и ко всему трудящемся люду гор. Екатеринослава», возбуждающее к устройству партийных митингов и собраний, к организации сборов на усиление партийных средств и к упразднению постоянной армии с заменой таковой народной милицией, в книжном магазине, находящемся в гор. Екатеринославе и принадлежащем Гершу Браиловскому, у которого служит приказчиком указанный Нисон Рыбников: а) брошюра под названием «Извещение и резолюции летнего 1913 года совещания Центрального Комитета Р.С.-Д.Р.П. с партийными работниками», призывающая к борьбе с монархией для достижения основных задач Российской Социал-Демократической Рабочей Партии: демократической республики, 8-мичасового рабочего дня и конфискации помещичьих земель: б) открытое письмо к рабочим типографщикам Екатерининской железной дороги за подписью «Березняк», возбуждающее рабочих-типографщиков против железнодорожной администрации и призывающее их к объединению; в) приветствие от имени «приказчиков-марксистов» г. Екатеринослава издающейся в Петрограде газете «Путь Правды» с пожеланием, чтобы эта газета и впредь стойко защищала для объединения всего пролетариата России марксистские лозунги Р.С.-Д.Р.П., и в каком-то приветствии говорится, что приказчики для улучшения своего положения должны сплотиться в союзы и выступить, как один человек, на защиту своих интересов, а не ждать улучшения положения от Государственного Совета. г) три заметки, написанные неизвестным автором, указывающие на произведенный денсжный сбор с «Михаила», «Тамары», «Григория», «Баси», «Берты», «Рыбакова», «Фени», «Нисона» и других лиц; в квартире у Баси-Берты Перельман среди принадлежащих ей вещей два письма: а) за подписью «Твой В. К.», датированное № 15. 4. 14 г., начинающееся словами: «Милая моя Берта!» и оканчивающееся словами: «Крепись, обнимаю тебя» и б) с неразборчивой подписью, датированное 28-го апреля, начинающееся словами: «Енисей тронулся» и оканчивающееся словами: «Судя по всему, кое какие пронап, жаль. Обнимаю тебя». Судя по содержанию.

письма эти получены от партийного единомышленника - адресата. живо интересующегося задачами и успехами партии; в квартире у Лен Полонской среди принадлежащих ей вещей два листка почтовой бумаги, представляющих заметку, обращенную к «товарищам» и заключающую протест против выступления и деятельности «ликвидаторов» Российской социал-демократической Рабочей партии.

У указанных выше Митрофана Андреева, Михаила Миронова, Копылова и Тамары Ицковой Левинской ничего компрометирующего в политическом отношении найдено не было.

Кроме того, тогда же был произведен обыск в порядке охраны у Краснопольского мещанина, Черниковского уезда, Могилевской губ., Лейбы Мордухова Цукермана, при чем по безрезультатности обыска и в виду того, что улики против него были меньше, чем улики против указанных выше одиннадцати лиц, тот же Цукерман личному задержанию подвергнут не был.

Что же касается указанных выше Менделя Геншафта, Моисея Фроимова Рабиновича, Аврум-Лейзера Мовшева-Берова Марциновского и Фейги Левиковой Кацнельсон, то за отсутствием их ко времени ликвидации из гор. Екатеринослава обыски у них произведены не были».

Из дальнейшего изложения истории Екатеринославской организации за период март—июль 1914 г. мы узнаем, что Басю Гершанок, Лейбу Маликина и Фейгу Кацнельсон, у которых «ничего компрометирующего найдено не было» и о которых «кроме общих указаний на принадлежность их к Р. С.-Д. Р. П. никаких определенных данных, которые могли бы явиться доказательством активного участия этих лиц в деятельности названной партии, добыто не было», ротмистр «по соглашению с товарищем прокурора Екатеринославского Окружного Суда А. А. Жигачевым постановил... за недостаточностью собранных против них улик в качестве обвиняемых по сему делу не привлекать».

Что касается остальных, в том числе Геншафта, Рабиновича и Марциновского, которых ко времени обыска в Екатеринославе не оказалось, то ротмистр считал, что они «достаточно изобличаются в том, что в период времени с марта по июль 1914 г. участвовали в возникшем в городе Екатеринославе преступном сообществе, присвоившем себе название «Екатеринославской организации Российской социал-демократической Рабочей партии» и поставившем целью своей деятельности ниспровержение существующего в России установленного законами основным образом правления путем вооруженного восстания для замены монархии при помощи Учредительного Собрания демократической республикой». Посему ротмистр с прокурором постановили их «привлечь в качестве обвиняемых в преступлении, предусмотренном 1 ч. 102 ст. Угол. Улож.».

Сведения об отдельных работниках организации, даваемые ротмистром, пополняются донесением полковника Терентьева. Об Альтшулере он доносит, что он «личный почетный гражданин», кличка «Трафаретный», что он по поручению организации «занимался распространением учений», изложенных в программе с.-д., и «подготовкой других лиц для такой же деятельности»; об Андрееве — что он «связан с членом с.-д. фракции Государственной Думы известным Григорием Ивановым Петровским»; об Иванове, что он участвовал в обсуждении вопроса об отношении к петербургской и бакинской забастовке;

о Берлине, что он «стоял вместе с Басей Перельман во главе местной с.-д. группы, носит партийную кличку «Григорий», на заседании городского коллектива 7-го сего июля был избран делегатом для объезда южнодонецкого рабочего района и переговоров по вопросу об участии на заграничном съезде с.-д. большевиков, предполагаемом в августе сего года; 16-го сего июля Берлин сопровождаемый наблюдением, выехал в объезд, но успел посетить только Юзовку в Бахмутском уезде, откуда, в виду объявленной мобилизации и начавшегося призыва запасных, 19-го июля возвратился в Екатеринослав»; о Берте Перельман (кличка наблюдения «Щуплая») в донесении говорится, что она «является главной руководительницей с.-д. движения в гор. Екатеринославе», что она «в период времени с марта по июль 1914 г. занималась организацией на Брянском и Трубном заводах в г. Екатеринославе и в районе поселка Амур-Нижнеднепровск, Новомосковского уезда, отделов («коллективов»); о Лее Полонской (кличка наблюдения «Милая»), что она «в последнее время вышла из коллектива и обратилась к ведению пропаганды в рабочих кружках»; о Рыбникове (кличка наблюдения «Карандаш»), что он «производил сбор пожертвований» в пользу «сообщества»; о Михайле Копылове (кличка «Трубач»), что он в начале июля будто «был избран от указанного (заводского) коллектива делегатом на предполагавшуюся в гор. Харькове Южную Областную Конференцию РСДРП».

Кроме перечисленных в постановлении ротмистра лиц, в донесении полковника Терентьева дополнительно даются сведения о следующих лицах:

«Сидор Петров Николаец, казак Полтавской губ. и уезда, Песчанской волости, мест. Решетиловки — член заводского коллектива РСДРП, принимал участие в его деятельности. По агентурным сведениям, был прикосновенен к распространению 1-го мая сего года в г. Екатеринославе и его окрестностях среди местных рабочих воззваний от имени Украинской социал-демократической рабочей партии.

Казимир Антонов Унзул, крестьянин Витебской губ., Двинского уезда, Изабелинской волости, дер. Навденежки, по агентурным сведениям, принимал участие на сходках рабочих местного Брянского завода, бывших в конце минувшего июня и в начале сего июля на Воронцовском острове. Выработывал в железнодорожном цеху Брянского завода экономические требования, которые рабочие предполагали предъявить заводской администрации в случае, если бы общая забастовка завода удалась. По тем же сведениям Унзул принадлежит к заводской с.-дековской группе.

Петр Афанасьев Воронцов, Курского уезда, Троицкой волости, дер. Воронцовой, конторщик, находился в сношениях с рабочими, принадлежащими к с.-дековской организации, и, по агентурным сведениям, весной-текущего года ездил в С.-Петербург к депутату с.-д. Петровскому с материалом для запроса по поводу катастроф на южных горных промыслах».

В донесении полковника Терентьева упоминаются кроме вышеупомянутых Рабиновича, Генштафта, Кацнельсона и Марциновского еще два новых лица, подлежащие «обыскам и аресту», а именно: «Мариупольский мещанин Захарий Моисеев Браиловский» и «крестьянин Могилевской губ. Василий Радионов Светличный».

Все перечисленные в постановлении ротмистра Вольского и полковника Терентьева лица были привлечены к судебной ответственности, главным образом, в связи с воззванием, выпущенным против войны, на котором была печать Екатеринославского Комитета РСДРП красного цвета.

Вот текст этого воззвания:

Екатеринославский Комитет РСДРП
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Ко всем рабочим и работницам, ко всему трудящемуся люду г. Екатеринослава. Товарищи! Пять-шесть лет тому назад под напором тяжелой общественной реакции и провокации была ликвидирована местная социал-демократическая организация. Пролетариат лишился в ее лице стойкого и испытанного вождя. Лучшие ее представители пошли в тюрьму и на каторгу, а худшие в лице некоторых интеллигентов бросили недавно священное для них знамя социализма и позорно, трусливо бежали с поля битвы, предоставив рабочих их собственным силам. Рабочие подняли оброненное интеллигенцией красное знамя социализма и принялись сами своими силами строить вновь разгромленные организации. Рабочий класс России наравне с рабочими всего мира давно уже признал необходимость своей политической рабочей партии и деятельно принялся строить ее, учитывая уроки и опыт прошлого. За два последних года с великим трудом и несмотря ни на какие жертвы со своей стороны им создана была своя рабочая пролетарская печать. В десятках тысяч экземпляров распространилась и распространяется она среди рабочих всей России и голос ее до сих пор находил и находит самый живой отклик в сердцах всех пролетариев, сознавших уже свое классовое положение. За эти же два последних года немало выдержал рабочий класс России стычек и схваток с организованным капиталом и поддерживающим его на каждом шагу царским правительством. И по всей непрестанной и неизбежной войне с противниками он всегда следовал за своим сознательным рабочим боевым авангардом «организованной социал-демократией», всегда чутко прислушивался к ее авторитетному голосу, никогда не раскаивался в этом.

Вот раздался призыв за поддержкой с высоты нефтяных вышек из далекого Баку... и пролетариат столиц вышел с протестом на улицу, громко заявил о своем возмущении по поводу вмешательства правительства в пользу сильного при неравной борьбе нефтяных королей с голодными рабочими. Когда же голос его не был услышан, он выбросил красное знамя и приступил к постройке баррикад на улицах... Товарищи! Пришла пора проснуться и нам. Будет покорно гнуть пролетарскую спину! Довольно терпеливо сносить всякие придирки и оскорбления. Надо и нам заявить себя людьми и присоединить свой голос к мощному хору голосов пролетариев России. Знайте, что без организации никакая борьба немыслима, спешите вступить в ряды возродившейся социал-демократической организации, устраивайте митинги, массовки, проводите кружки и собрания. Читайте и обсуждайте вместе события времени. Организуйте сборы на свою рабочую печать, на усиление средств своих нелегальных организаций, на отправку своих делегатов в Вену на международный социалистический конгресс... Теперь, когда аппетиты хищников-капиталистов и обанкротившегося царского правительства вновь готовы втянуть Россию, а то, быть может, и всю Европу в новую неслыханно ужасную войну, голос пролетариата должен раздаться особенно громко... Долой войну!.. Да здравствует демократическая республика! Да здравствует народная милиция! Долой постоянную армию!.. Долой произвол и да здравствует 8-ми часовой рабочий день!.. Да здравствует социализм! Да здравствует РСДРП!

*
*

В донесении полковник Терентьев сообщал, что к установке местожительства лиц, которые к моменту ликвидации организации отсутствовали, и задержанию их приняты энергичные меры. Об этих «мерах» в отношении себя могу рассказать следующее. Уехав из Екатеринослава 17 июля вечером, в день объявления мобилизации, в Черкасы, я через несколько дней предстал перед комиссией, которая дала мне отсрочку на 6 месяцев. Пробыв после этого дней десять в селе Сосновке на даче, я думал было вернуться в Екатеринослав, так как об арестах и об обыске у себя ничего не знал. У меня все уже было готово к отъезду. Сообщение прибывшего в Черкасы члена нашей организации из молодых, Абрама Вольпера (член общества приказчиков, служащий галантерейного магазина), о том, что Рыбников, Полонская, Берта арестованы, меня как громом поразило. Еще более поразило меня то, что, по его сообщению, арестованные товарищи подозревают в предательстве Зяму Энтина, так как у него не было обыска и он не подвергся задержанию. Вольпер предупреждал меня, чтобы я не ехал в Екатеринослав, так как немедленно буду арестован. Я, разумеется, отложил свой отъезд.

Через несколько дней я получил письмо от своей квартирной хозяйки, модистки Немировской, которая сообщала, что у нее в доме все перевернули «вверх дном» и что она кается, что считала меня «порядочным» человеком и т. д.

Я продолжал без дела сидеть то в Черкассах, то в Сосновке. Но два случая заставили меня быстро ретироваться оттуда. Первый случай такой: однажды я поздно ночью возвратился домой; когда я подошел к калитке дома, я увидел стоящего в калитке постороннего человека. Он несколько посторонился, но внимательно осмотрел меня. Я не придавал этому особенного значения, так как случаи ожидания у калиток разных ночных «ухажеров» были довольно часты.

Но на второе утро мой отец был экстренно вызван в полицейский участок к приставу. У него наводили справку о сыне «Моисее».

— «Какой он мне сын?» — ответил отец. «Я его не признаю и он меня не признает и я никогда не знаю, где он шатается». С него взяли слово, что он немедленно сообщит, как только я явлюсь домой. Отец мне энергично и категорически предложил убраться. Только тогда у меня возникла мысль о том, что за мной слежка. Действительно, подойдя к окнам, выходившим на улицу, увидел ту же фигуру, которую видел ночью сидящей на лавочке в садике против нашего дома. Я решил сейчас же исчезнуть. Почти никому не сказав, я взял маленькую корзиночку, вышел из другой калитки и отправился в Золотоношу, а затем в Лубны Полтавской губ., поддерживая, однако, через знакомых связь с домом.

Через некоторое время, узнав, что все благополучно, я приехал на несколько дней, и тут меня навестила одна женщина, назвавшаяся женой Михаила Геншафта. Она мне сообщила, что Геншафт живет неподалеку от Черкасс, в Мошнах, в сосновом лесу, что он знает об екатеринославских делах, но не знает, как ему быть. Я обещал приехать к ним, но не смог этого выполнить. Как видно из дела Екатер. Губ. Жанд. Управл. за № 67, Геншафт почему-то вернулся в Екатеринослав и был арестован...

В деле жандармского управления имеется два прошения об изменении меры пресечения — от Генштафта и Копылова. Первый мотивирует просьбу своей болезнью, второй тем, что семья осталась без всяких средств.

Однако, всех арестованных содержали под стражей в Губернской тюрьме до конца февраля или начала марта 1915 года, т. е. 7½ месяцев.

Только 5 февраля 1915 г. начальник ЕГЖУ получил от прокурора Екатерин. Окр. Суда следующую бумагу:

Секретно

М. Ю.

Прокурор
Екатеринославского
Окружного Суда

Февраля 5 дня 1915 г.

№ 71

г. Екатеринослав

Г. Начальнику Екатеринославского
Губернского Жандармского Управления

Вследствие предписания Г. Прокурора Харьковской Судебной Палаты от 3-го сего февраля за № 109, уведомляю Ваше Высокоблагородие, что согласно заключению прокурорского надзора Харьковской Судебной Палаты, утвержденному той же Палатой 3-го сего февраля, уголовное преследование мещ. Менделя Менделева Генштафта, Тамары Ицковой Левинской, Аврума - Лейзера Мовшева - Берова Марцинского, Лии Гершовой Полонской, Лейбы Мордухова - Хаимова Цукермана, Исаака Иванова Иванова, крестьян Митрофана Егорова Андреева и Михаила Миронова Копылова и купеческого сына Моисея Мироновича Рабиновича по делу по обвинению их по 1 ч. 102 ст. Угол. Улож. производством прекращено с отменой розыска обвиняемого Рабиновича и принятой в отношении остальных 8-ми названных обвиняемых меры пресечения — содержание под стражей.

Прокурор Суда (подпись)

Верно: Секретарь (подпись)

Но полковник Терентьев, явно недовольный распоряжением прокурора Харьковской Судебной Палаты, старается хоть частично наверстать потерянное тем, что просит губернатора выслать всех лиц, в отношении которых обвинение прекращено, на все время военного положения из пределов Екатеринославщины. Вот как он аргументирует:

«Дознание это в отношении указанных лиц, насколько мне известно, прекращено по чисто формальным причинам, так как по обыскам и со стороны свидетелей не представилось возможным добыть данные, которые в достаточной мере подкрепляли бы имеющиеся во вверенном мне Управлении агентурные сведения о преступной деятельности названных лиц в гор. Екатеринославе.

В конце июня 1914 года, за три недели до ликвидации деятельности этих лиц, когда волна петроградской и бакинской забастовок рабочих отчасти охватила некоторых рабочих Брянского и Трубного заводов в гор. Екатеринославе и руководители их для поддержания рабочих выступлений этого рода пытались поднять в это время на забастовку своих товарищей, при чем эти попытки

не удались, то главные руководители. как - то : Михаил Копылов и Митрофан Андреев, уже ожидали своего ареста. И потому своевременно приготовились к обыскам, о чем они, по сведениям агентуры, предупреждали своих товарищей. В виду этого у большинства из привлеченных по этому делу лиц по обыскам ничего преступного в политическом отношении обнаружено не было.

Между тем преступный характер деятельности этих лиц, как видно из препровождаемого материала, не подлежит никакому сомнению и эти лица, будучи освобождены из - под стражи и проживая в настоящее время в пределах Екатеринославской губернии. несомненно являются элементом, весьма вредным и опасным для государственного порядка и общественного спокойствия.

Об изложенном имею честь сообщить Вашему Превосходительству на предмет, если признаете возможным, административной высылки из пределов Екатеринославской губ. указанных выше: 1) Михаила Копылова, 2) Митрофана Андреева, 3) Исаака Иванова, 4) Тамары Левинской, 5) Менделя Геншафта, 6) Аврум - Лейзера Мовше - Берова Марциновского, 7) Леи Полонской и 8) Лейбы Цукермана».

Просьба полковника Терентьева была выполнена. Все были высланы административно, а к ссылке на вечное поселение были приговорены Рыбников и Берта Перельман.

Геншафта я встретил в 1915 году весною в Харькове, где он жил у своей сестры по Куликовской улице. У него был ужасный вид. Почти слепой, истощенный, на костылях, он производил впечатление загнанного зверя. Жил он в подвале, в сырой полутемной комнатухе. Все же он связался кой с кем из местных большевиков через Общество Приказчиков.

Я пробыл в Харькове недолго и еще до встречи с Михаилом решил связаться с нашей публикой, но у меня не было никаких знакомств и явок. В это время меньшевики - циммервальдисты во главе с позже прославившимся Саном - Девдариани начали издавать в Харькове газету «Харьковское Утро». От «самого» Сана я получил приглашение работать в газете, но так как для меня неприемлема была позиция меньшевиков, то я решил давать туда статьи исключительно литературного характера. Кажется, были напечатаны мои статьи об Эмиле Верхарне, об Уитмене и др. Между прочим, Сан, или не достаточно доверяя мне, или из каких - либо иных соображений, сказал мне тогда, что в Харькове большевиков нет и что во всяком случае он о таких не знает.

При встрече с Геншафтом я узнал, что большевиков действительно в Харькове очень мало. Помню, у нас с ним завязался разговор о том, кто предал Екатеринославский Комитет.

Тут я останавлиюсь на личности несомненного провокатора, скрывшегося спустя некоторое время неизвестно куда, Николая Кривошеи. Низенький, лет 25 — 27, с гнилыми зубами, с лицом человека, больного или желтухой или венерической болезнью, с вечно слезящимися, очевидно, тоже больными, глазами, он производил отталкивающее впечатление. Говорил он скупой, несколько я помню, довольно редко. Но ему создавало некоторый ореол то, что он был представителем типографов и работал в крупнейшей жел. - дор. типографии. Один случай из моих встреч с Николаем я совершенно ясно запомнил и хочу рассказать о нем. Кажется, весною 1914 года была назначена массовка где - то

в лесу, на острове, против Мандрыковского спуска. Обыкновенно, когда мы отправлялись на такие собрания, каждый из нас принимал все зависящие от него меры, чтобы не привести или своих «собственных» или случайных шпи-ков. Я обыкновенно проделывал это таким образом: живя в глубине двора во флигере, прилегающем к забору, я через заранее оторванную, но державшуюся на верхнем гвозде доску забирался в чужой двор и выходил на другую улицу (Управскую). «Наружное наблюдение», в лице одного из двух шпи-ков, сидело на скамейке, или у моих ворот, или против них. По выходе на улицу я отпра-влялся свободно куда хотел.

Однако, не трудно было наткнуться и на «чужого» шпи-ка, и поэтому я избегал людных улиц.

В описываемый день я вскочил на трамвай на углу Управской и Про-спекта, где было очень много народу и немало филеров. Войдя в трамвай, я увидел на площадке вагона Николая, но и виду не подал, что я его заметил. Николай же, вместо того, чтобы держаться так же, увидев меня, открыл дверь, довольно развязно подошел ко мне, поздоровался и начал разговаривать. Я ему почти не отвечал. На горе (Соборная площадь) мы соскочили и направились к спуску. Я несколько раз останавливался, оглядывался, желая убедиться, не веду ли на собрание непрошенных гостей. Николая я просил отойти от меня и идти отдельно, но он отнесся к моему предложению с насмешкой: «Ты ведь видишь, что никого нет!» — сказал он мне, и мы продолжали путешествие вместе и вместе переправились на лодочке к острову, где уже были расставлены патрули, указавшие нам дорогу к собранию.

Теперь эта беспечность кажется подозрительной, но тогда ни я, ни другие не обращали на такие факты внимания. Беспечность и беззаботность были до-вольно распространенной чертой характера многих даже очень ответственных партийцев. «Следят? Ну и пускай себе!». Я припоминаю, например, как Лия Полонская, упомянутая в списке «участников», отличавшаяся быстрой и семенящей походкой, бывало мчалась по улице, вгоняя в пот своих шпи-ков, и вдруг неожиданно останавливалась, обращаясь с каким-нибудь окриком к нахо-дившимся в пяти шагах от нее шпи-кам. Крикнет и мчится дальше. Я припоминаю также, как мы еще с одним товарищем (с кем — не помню) пришли однажды к книжному магазину Браиловского, где служил Рыбников, чтобы взять его на какое-то собрание. Рыбников вышел из магазина часа на полтора позже условленного времени, и мы все это время околачивались недалеко от магазина. Полтора часа мы имели возможность наблюдать за шпи-ками, сидевшими и сто-явшими в ожидании выхода того же Рыбникова. Я уже писал раз, что за Рыб-никовым и за Бертой была усиленная слежка. Когда, наконец, Рыбников вышел, вся банда шпи-ков (5 — 6 человек) устремилась за ним, находясь на расстоянии 10 — 15 шагов. Мы перерезали ему путь и, не останавливаясь, предложили по-вернуть с Проспекта на Караимскую. Маршрут я сейчас не помню, но мы с ним встретились на Литейной, где он тогда жил, кажется, в одном дворе с Тамарой. Когда мы ему сказали о слежке за ним целой банды, он тоном не то безза-ботности, не то обреченности, махнув рукой, сказал: «Да ну их к чорту!».

Обо всем этом я рассказываю, чтобы пояснить, почему беспечность Николая не могла нас, меня в частности, поразить. Многие члены организации вели себя также. Глубокой конспирацией окружала себя только Берта и еще немногие.

Подозрение в провокации пало, кроме Николая, также на Энтина, вследствие отсутствия его среди привлеченных. Но это скорее следует объяснить тем, что Энтин был «аристократом». На собрания он почти не ходил, по улицам зря не шатался, посещал только общество приказчиков и много читал. Он исполнял обязанности пропагандиста, а сам на себя смотрел, как на «теоретика марксизма». За ним «наружное наблюдение» безусловно было установлено, но того, что он иногда со мной и с другими проходил по улице — было мало для привлечения к ответственности. Я помню несколько случаев, когда мы с ним, проходя по улице, имели за собой каждый «свою» слежку.

Николай был активным членом коллектива и в то время, когда Жандармскому Управлению известны все речи, кем-либо, когда-либо и где-либо произносившиеся на собраниях, о Николае даже не упоминается в донесениях. Теперь уже ясно, что провокатором-негодяем оказался Николай Кривошея, но тогда для товарищей долгое время было загадкой: кто из двух?

Рабочее движение на предприятиях Новороссийского О-ва¹⁾

(1872 — 1905 г. г.)

ОБРАЗОВАНИЕ НОВОРОССИЙСКОГО О-ва

В 30 годах XIX столетия французский инженер Ле-Пле исследовал по поручению князя Демидова Донецко-Днепровский бассейн. В своем сочинении «Путешествие по южной России» он описал 225 месторождений каменного угля и 30 залежей железной руды, разработку которых признал, однако, преждевременной, вследствие отсутствия рабочих рук и крайнего неустройства путей сообщения.

Задолго еще до исследований инженера Ле-Пле, в конце XVIII века, начались правительственные попытки эксплуатации минеральных богатств Донецкого района. В 1797 году был сооружен казенный железоделательный завод с одной доменной печью в г. Луганске. Вследствие неумелого устройства, доменная печь оказалась совершенно непригодной к делу, и завод прекратил свою деятельность, не выпустив ни одного фунта чугуна. В 1845 году был построен на Керченском полуострове второй казенный металлургический завод. Во время «крымской кампании» союзные войска разрушили завод, и таким образом вторая попытка правительства опять окончилась неудачей. Построенный в 4^{1/2} в. от села Корсунь, Бахмутского уезда, Петровский завод (в честь Петра I) также не оправдал надежд: выплавив 91.000 пудов чугуна, после чего доменная печь пришла в негодность, завод был остановлен. В 1866 г. была дана концессия на постройку завода князю Кочубею, а в 1870 г. был построен Лисичанский казенный завод, который, как слишком убыточный, тоже был закрыт. Не увенчалась успехом и попытка князя Кочубея, несмотря на то, что правительство обязалось в течение пяти лет выдавать Кочубею 50 коп. премии за каждый пуд изготовленных рельс при выработке не свыше 300.000 пудов в год и предоставило целый ряд других льгот. Справиться с делом Кочубей не сумел и переуступил свои права за 24.000 фунтов стерлингов великобританскому подданному —

¹⁾ Очерк составлен по архивным документам б. Горного Управления Юга России, Екатеринославского губ. по фабр. делам присутствия, трудам с'езда Горнопром. Юга России и документам, хранящимся в Екатерин. Истпарте. Он является плодом работ семинара по истории рабочего движения и партии, существующем при Екатерин. истпарте — Р е д.

Джону Юзу. Юз организовал в Лондоне, на основании договора с русским правительством, «Новороссийское Общество каменноугольного, железного и рельсового производства». 18 апреля 1869 года договор с Юзом получил «высочайшую» санкцию. Согласно условию, заключенному с Юзом, Новороссийскому Обществу были отведены необходимые земли для копей и завода, обеспечена на 10 лет премия в 50 к. с пуда рельс, при условии ежегодной выработки не более 300.000 пуд. чугуна, и возложена на него обязанность еженедельной выплавки 100 тонн чугуна и ежегодной доставки из собственных копей на нужды правительства 2.000 тон каменного угля. Первоначально капитал Новороссийского 0-ва составлял 300.000 фунт. ст., впоследствии же он возрос до 1.200.000 фунт. ст. основного и 300.000 фунт. ст. облигационного ¹⁾).

В 1870 году 0-во заложило собственный рудник. На берегу реки Кальмиусса (историческая река Калка), на земле князя Ливена, заарендованной на 90 лет, была начата постройка завода. Все машины, нужные для производства, были привезены из Англии в гор. Таганрог морским путем. Необходимый штат мастеров и квалифицированных рабочих также был выписан из Англии, и только вспомогательные рабочие и чернорабочие набирались в России. В январе месяце 1872 года, одновременно с пуском первой домны, завод начал работать, имея оборудование для производства стали, состоящее из 15 пудлинговых печей. Несмотря на большие трудности, встреченные Юзом при осуществлении его предприятия, оно увенчалось полным успехом: в первые же годы производительность копей и завода значительно превысила обусловленные договором нормы, и предприятие стало быстро расти. В 1878 году было построено 10 мартеновских печей, а в 1891 году на заводе уже имелось: 4 доменных печи, 1 вагранка для выплавки мартеновского чугуна, 11 воздухонагревательных аппаратов, 42 коксовых печи открытых, 148 — закрытых, 8 мартеновских печей, 48 генераторов, 20 пудлинговых печей, 6 нагревательных печей, 6 сварочных, 8 кирпично-обжигательных, 9 сушильных, 3 паровых моста (от $\frac{3}{4}$ до 3-х тонн), 12 прокатных станов, 7 воздуходувных машин в 2.500 лошадиных сил, 5 паровых машин в 2.300 л. с. при прокатных станах, 38 разных паровых машин в 928 л. с., 2 локомобиля в 48 л. с., 14 паровых насосов, 56 паровых котлов, 5 паровых кранов и т. д. В этом же году при указанном оборудовании завод изготовил 6.848.935 пуд. кокса, 4.867.306 пуд. чугуна, 117.385 пуд. марганцевого чугуна, 3.870.965 пуд. мартеновской стали, 2.696.471 пуд. стальных рельс, 1.678.200 пуд. других изделий и полуфабрикатов и 4.862.288 шт. разного кирпича. Всего заводом в данном году было израсходовано руды, добытой на рудниках 0-ва, 9.677.986 пуд., а также 3.204.623 пуд. флюсов, 20.366.790 пуд. каменного угля и 503.226 пуд. огнеупорной глины. Общее количество рабочих составляло 4.542 человека, из коих 3.250 чел. было горнорабочих ²⁾).

Особенно быстро стал развиваться завод Юза после открытия 18 мая 1884 года движения по Екатерининской жел. дороге, которая связала Криворож-

¹⁾ По Екатерининской жел. дор., выпуск I за 1903 г., и II за 1912 г.

²⁾ Отчет Горного Управления Юга России за 1892 год, ст. ст. 18 — 19.

ский рудный район с Донецким угольным бассейном. До этого времени Новороссийскому О - ву приходилось пользоваться для своего завода Еленовской рудой, содержащей 40% железа, а постройка дороги дала возможность доставлять Криворожскую, содержащую 70% чистого железа. В 1872 году была построена жел.-дор. ветка Еленовка—Ясиноватая — Константиновка, соединившая Юзовский завод с месторождениями близ ст. Еленовка — с одной стороны и с общерусской рельсовой сетью — с другой. В том же 1872 году Новороссийское О - во соединило свой завод со ст. Юзово двойной рельсовой колесей на протяжении 10 верст, а в 1882 г. после соединения жел.-дор. линии Еленовка — Ясиноватая — Константиновка с Мариуполем, завод получил выход к морю по железнодорожным путям.

Колоссальный по размерам, занимая первое место среди остальных заводов юга России по своей выработке, завод Юза, все более и более расширяясь, требовал для своих производств громадного количества рабочей силы, как квалифицированной, так и вспомогательной. Уже в 1892 году число рабочих на предприятиях О - ва достигает солидной цифры в 5.336 человек ¹⁾.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ НОВОРОССИЙСКОГО О - ва

Громадное развитие завода, помимо указанных выше причин, обуславливалось главным образом дешевизной рабочих рук и той неимоверной эксплуатацией, которой подвергались рабочие на этих предприятиях. «Вступив на русскую почву, — говорит А. Балабанов в своей «Истории раб. класса в России», — англичанин Юз освоился быстро с русскими обычаями». Для рабочих своих предприятий Юз выработал кабальные правила внутреннего распорядка. По этим правилам русский рабочий, поступивший на завод без условий найма, обязан был проработать не меньше месяца, иначе он лишался заработка. Заводоуправлению предоставлялось право уволить рабочего за неисправность и дурное поведение до истечения срока найма в то время, как рабочие не имели права отказаться от работы до срока. За неявку на работу в пять с половиною часов утра, хотя работа начиналась в шесть часов утра, полагался штраф: до 5 минут — 5 коп., за 15 мин. — 15 коп. и свыше 15 минут вычитывалась дневная заработная плата. За прогул полагался штраф в размере трехдневного заработка. За отлучку из завода без письменного разрешения — такой же штраф. За недобросовестное поведение, ослушание и грубость против начальства — три рубля штрафа или увольнение и препровождение рабочего в полицию для законного преследования. «Само собой разумелось, что все вышеназванные «преступления» определялись администрацией завода по ее усмотрению».

«Цивилизованному европейцу, — говорит тот же автор, — очень понравились московские порядки, превратившие фабричную казарму в тюрьму, и он запрещал рабочим, жившим в заводских зданиях, без разрешения начальства приглашать к себе посторонних, знакомых и родных ни днем, ни ночью на время более, чем для обыкновенного свидания нужно». На родине своей Юз знал

¹⁾ Отчет Горного Упр. Юга России за 1892 г. ст. ст. 18 — 19.

о разных «партиях вольностей», а в Екатеринославской губернии он сам становится законодателем и ограничивает права судебной защиты рабочих: «Кто обижается штрафами за порчу и трату изделий и инструмента и желает жаловаться мировому судье, тот должен подать жалобу в течение недели по объявлении штрафа, а по миновании недели никакие жалобы не принимаются»¹⁾.

Эти «правила» строго применялись и сильно сокращали бюджет рабочих, который и без того был очень скуден: средний заработок мастеров и машинистов равнялся 60 руб. в месяц, литейщиков — 40 р. кузнецов и столяров — 25 руб., котельщиков — 23 руб., кочегаров — 20 руб., чернорабочих — 17 руб. и подростков — 12 руб. при 12—14-часовом рабочем дне. На рудниках средний заработок составлял от 19,5 до 27,2 руб. в месяц в то время, как содержание одного члена обходилось в 9 руб. 40 коп. в месяц²⁾. Реальная величина заработной платы очень сильно понижалась в зависимости от формы выдачи ее. Выплата денег производилась один раз в полтора месяца в размере месячного оклада, да еще кроме этого часто применялась система ордерной расплаты (преимущественно на рудниках и в шахтах). Вообще же твердо установленного принципа оплаты труда не существовало. В период горячих работ применялась сдельная плата, при отсутствии же срочности — помесечная и поденная. Все изменения заработной платы делались произвольно заводоуправлением; с условиями найма совершенно не считались, хотя бы последние и точно определяли размер заработной платы.

Вышеуказанные «правила», размер и произвольная выдача заработной платы и прочее применялись лишь к русским рабочим. Иностранцы на заводе и рудниках пользовались особыми привилегиями. Иностранцы мастера, как и сами хозяева, обращались с русскими рабочими крайне грубо, иногда прибегая даже к кулачной расправе³⁾. Недовольство рабочих росло и зачастую принимало размеры настоящих бунтов. В 1892 году, спустя слишком два десятка лет после прихода в Россию иностранных капиталистов, на это было наконец обращено внимание губернской администрации. Расследуя причины рабочих волнений на заводах и рудниках, екатеринославский губернатор нашел, что одной из них служит привилегированное положение иностранцев и их «грубое и высокомерное» обращение с русскими рабочими. По сведениям Горного Департамента, «на Юзовском заводе английские рабочие лучше поставлены, чем русские на одинаковых должностях». Производственное расследование показало, что в Таврическом горном округе «иностранные мастера, занимая должности одинаковые с другими мастерами русскими, получают тем не менее вознаграждение в несколько раз большее, нежели русские. Такое привилегированное положение иностранных мастеров, а также грубое обращение последних с русскими рабочими неоднократно вызывало недоразумения на горных заводах и промыслах», — пишет окружной инженер Таврического горного округа⁴⁾. По словам окружного инже-

¹⁾ Базабанов. «История рабочего класса в России», Киев, 1924 г. стр. 145.

²⁾ По данным архива Горного Управления Юга России, связка 11, груп. 18, за 90-е годы.

³⁾ Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», часть II. Ленинград, 1924 г., стр. 181.

⁴⁾ Архив Горного Управления Юга России за 1900 год, груп. 11, св. 18 дело, № 72.

нера Луганского горного округа, «разница в плате, получаемой иностранными рабочими, не велика и не превышает 30%... имеются бельгийские рабочие на Юрьевском заводе, хотя в весьма малом количестве, но сравнительно с высокими окладами»¹⁾). Наконец, начальник Горного Управления Юга России по этому вопросу сообщает Горному Департаменту, что «хотя очень крупных недоразумений между русскими рабочими и иностранцами на горных заводах и не происходило, но нередко замечалось, по частным случаям, неудовольствие со стороны русских рабочих как привилегированным положением иностранцев, так и грубостью и высокомерным обращением иностранных мастеров с русскими рабочими, почему следует заблаговременно принять меры к уничтожению подобных ненормальных отношений и тем устранить повод к возможному возникновению беспорядков»²⁾).

Привилегии иностранных служащих и рабочих не исчерпывались повышением заработной платы и лучшим обращением администрации. И в отношении жилищных условий они были в лучшем положении.

Служащие и рабочие англичане жили в особых домах при заводе, проживших начало поселку Юзовка. Для жилья же русских рабочих и служащих строились балаганы и «каюты». Балаганы предназначались главным образом для квартир шахтеров. Они не имели ни потолков, ни полов, были очень тесны и в гигиеническом отношении крайне неудовлетворительны. «Каюты» — это просто землянки, еле возвышавшиеся над землей, темные, грязные, сырые и неопрятные.

В 1900 году на рудниках Новороссийского 0 - ва было 33 казармы и 412 семейных домов, в которых помещалось 6732 ч.³⁾). Семейные и холостые рабочие помещались нередко в одной комнате. В этих же каютах жили и семьи, имевшие малолетних детей. О соблюдении правил санитарии и гигиены не приходилось говорить. Каковы были рабочие жилища, свидетельствует жалоба на имя губернатора конторского служащего завода «Русский Провиданс», Сарычеваного, рассчитанного за «нелады» с администрацией. По его словам, «колония завода состоит из 150 однообразных одноэтажных домов, выстроенных из кирпича, а половина — из известкового кирпича, благодаря чему квартиры невозможно сыры. Против каждого дома по всей улице расположены ретерады: это небольшие, сбитые из досок будки, стоящие по середине улицы, двери которых за неимением запоров постоянно стоят открытыми и заражают воздух. Чувствуя недостаток квартир, администрация завода распорядилась в некоторых местах вдоль улиц построить деревянные бараки для рабочих, которые содержатся крайне небрежно. К стенкам барака пристраиваются хлева для свиней, конюшни для лошадей и т. п., дополняя вонью и так уже зараженный воздух... Вода, которую пьет население завода, настолько плоха, что ею вряд ли полезно поить свиней»⁴⁾).

1) Архив Горного Упр. Юга России за 1900 г., св. 18, дело № 72.

2) Там же. Отношение нач. Горн. Упр. Юга России от 13/IX 1900 г. за № 3301.

3) Там же, дело № 32.

4) Архив Горного Управления Юга России, групп. 11, св. 18, д. № 72 за 1900 года.

Квартирные условия не улучшились и много лет спустя и не только на предприятиях Новороссийского О-ва, но и на других заводах. Так, в 1898 году фабричный инспектор III участка Екатеринославской губернии пишет о рабочих бараках акционерного О-ва «Керамика»: «Бараки холодны, темны и не имеют вентиляции. Рабочие (400 чел.) располагаются на нарах в два яруса, при чем не устроены приспособления для лазания наверх. На нарах нет перегородок, и рабочие лежат спиной к спине. Пищу для рабочих готовят в этих же бараках и казармах... Внутри бараков и казарм находятся припасы для еды: квас, капуста и прочее. Весь пол усеян отбросами. В бараках... больные не отделены от здоровых, а потому эти последние, приходя после работы, должны ложиться вплотную к больным. Врачебной помощи на заводе нет... Увидя такое печальное положение рабочих, я не нашел возможным составить протокол обычным порядком: как не был бы велик штраф, наложенный на администрацию завода, этот штраф не изменит положения рабочих, тем более, что при наступлении жаркого периода санитарные условия рабочих станут еще более тяжкими» ¹⁾.

Проработав 12 часов под землею, рабочий, возвратившись «домой», вместо отдыха вынужден был дышать душным воздухом каюты или балагана. Детский шум и крик еще усугубляли тяжелую обстановку «рабочего жилья». А где мог найти рабочий отдых или развлечение? Культурных учреждений в то время почти совсем не существовало. По официальным данным 1892 года, на 2.040 душ населения приходилась одна школа, которая предназначалась не для взрослых. Зато в кабаках в этом промышленном районе не было недостатка: на 570 душ приходился один кабак ²⁾. Спасаясь от кошмарных домашних условий, рабочий шел в кабак. Скудной полочки, на которую простирали руки начальники бригад, десятники, попы, кабатчики и пр., не хватало для прокормления себя и семьи. Голод и нищета постоянно стучались в двери рабочих жилищ. Проводя все свободное время в кабаке, шахтер «встречал там своих товарищей, проводил время в разговорах с ними, при постоянной, конечно, выпивке, и потом мало-по-малу втягивался в пьянство, тем более, что обыкновенный тип кабатчика, заинтересованный в том, чтобы продать возможно больше водки и притом, если возможно, водки даже разбавленной водой, всеми способами облегчал шахтеру возможность выпить, принимая от него в уплату вещи, продукты, давая водку под залог их, иногда кредитовал за чудовищные проценты, возмещая кредит с лихвою барышами. Особенно вредны в таком отношении питейные заведения, находившиеся поблизости шахт, представляя шахтеру слишком сильный соблазн и возможность побывать в кабаке, несмотря ни на какую погоду и иногда больше чем легкий костюм шахтера ³⁾.

¹⁾ Архив Екатерины. Губернского по фабричным делам Присутствия за 1898 г., отношение от 20/II за № 270.

²⁾ Архив Горного Управления Юга России за 1892 год.

³⁾ Архив Горн. Упр. Юга России за 1892 г., выписка из протокола совещания горнопромышленников юга России от 16/X 1892 г.

В то время, как капиталисты выжимали до 70 процентов прибыли, жили в довольстве и роскоши, рабочие и их семьи, трудясь, как вьючные животные, не знали светлых дней. О своем положении рабочие говорили: «Что Сибирь, у нас своя Сибирь» ¹⁾).

И действительно, невероятная эксплуатация рабочих, высасывающая последние силы, могла конкурировать с каторгой. Вот, например, порядок найма и выдача заработка, практиковавшиеся на всех предприятиях юга России. Для рудников и шахт рабочие нанимались: 1) конторами предприятий — артели рабочих, 2) конторами шахт — отдельные рабочие, 3) артели рабочих через подрядчика и 4) отдельные рабочие через подрядчика. Рабочие, нанятые непосредственно конторой, обходились предприятию дешевле, но, несмотря на это, предприятия Новороссийского 0 - ва предпочитали нанимать рабочих артелями и через подрядчика, так как последний способ избавлял заводоуправление от лишних расходов на содержание администрации, поставку лошадей и т. п., каковые принимали на себя артели и подрядчики. Артельные рабочие набирались через волостные правления, при содействии которых промышленники получали гарантию в виде круговой поруки, что рабочие до окончания срока найма не оставят производства, а это обстоятельство имело громадное значение, так как в то время спрос на рабочую силу далеко превышал предложение. Каждой артели и каждому подрядчику сдавалась под разработку одна шахта. Уплата производилась подрядчику попудно или же от кубической сажени добытого на поверхность угля. Рабочим же назначалась плата «по упряжкам» за 12-ти-часовой рабочий день или от сажени добытого угля. Само собой разумеется, что рабочим выплачивалось гораздо меньше того, что получили подрядчики от конторы предприятия за их труды. На некоторых рудниках подрядчики выдавали рабочим меньше 50% заработанных ими денег. Взыскивавшиеся с рабочих штрафы за прогульные дни и прочее подрядчики брали в свою пользу. Расчет зимой с рабочими производился всего три раза: перед рождеством, масленицей и пасхой, а ежемесячно выдавались авансы в размере от трех до пяти рублей. Такой порядок расчета заставлял рабочих забирать у подрядчика в счет заработка необходимые продукты питания, которые во многих случаях расценивались на 15 — 20% дороже рынка и таким образом ко дню расчета рабочим не только не причиталось зарплаты, но они еще были должны своему эксплуататору. Почти также обстояло дело и с артелями, которые нередко сами прибегали к чужому труду и платили нанимаемым от 3 до 13 рублей в месяц ²⁾. Даже промышленники на своем съезде в 1893 г. отметили это обстоятельство и постановили возложить на управляющих горнопромышленных предприятий наблюдение за порядком расчета артелей и подрядчиков с их рабочими ³⁾, а также за выполнением и соблюдением всех правил найма. Следует отметить, что не только подрядчики, но иногда и довольно крупные предприниматели прибегали

¹⁾ Собрание статистических сведений по Екатерин. губ., Бахмутского уезда в т.т.

²⁾ Балабанов «История рабочего класса в России», ст. 139 — 140, и архив Горн. Упр. Юга России за 1900 г.

³⁾ «Труды съезда горнопромышленников юга России» за 1898 г.

к различного рода «махинациям» с целью увеличения своего дохода за счет платы, причитающейся рабочим за их тяжелый труд ¹⁾).

НАЧАЛО РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ

Находясь поистине в кошмарных условиях, наполовину поработанный рабочий замечал стремление капиталистов еще более ухудшить его положение. Рабочие волновались, бросали работу, уходили на родину, обращались за помощью «к великодушию начальства» и проч., но все безрезультатно. Собираясь в кабаках, особенно степных, которые, по выражению промышленников, «являлись для шахтеров своего рода клубами и клубами весьма вредными» ²⁾, рабочие здесь сталкивались с неизвестными им лицами, заставлявшими их придумать над своим тяжелым положением, обрисовывавшими им произвол капиталистов, защиту интересов последних начальством и указывавшими те причины, которые порождали безвыходность положения рабочих. Более сознательная часть рабочих сделала из этих бесед надлежащие выводы, стала стремиться к организации и вести борьбу, вначале голько оборонительную, против наступавшего капитала. Спустя три года после начала работ на заводе Юза, в мае месяце 1875 г., рабочие «взбунтовались». «Причиной послужила несвоевременная выдача заработанных денег и полное отсутствие человеческих условий существования. Рабочие разгромили лавки и трактиры. Были вызваны войска и арестовано около 30 главарей. Перед Троицей беспорядки повторились вследствие тех же же причин» ³⁾.

Второе крупное волнение, имевшее связь с Юзовским заводом, было в 1887 году на руднике Французского Общества. При этом выступлении рабочих уже наблюдались признаки организованности. Юзовское совещание промышлен-

¹⁾ В газете «Новороссийский телеграф» от 15 сентября 1891 г. описан порядок расчета с рабочими владельца одесских каменоломен Л. Циммермана. Рабочим этих предприятий вместо денег выдавались «квитки». В установленные сроки временные «квитки» обменивались на деньги. Во время уплаты удерживалась стоимость продуктов, которые рабочий, по условию найма, обязан был получить в лавке владельца предприятия. Кассир «каменного короля» — так называли рабочие Л. Циммермана — назначал выплату денег не в конторе каменоломен, а в кабаке своего брата, Меламеда. Рабочие приходили за получением денег с утра. Ожидать нужно было до позднего вечера. В течение дня пропсиходило пьянство. К моменту прихода плательщика почти все рабочие уже успевали обменять свои «квитки» на водку, и «денежки получали не рабочие, а кабатчик Меламед». (Архив Горн. Упр. Юга России 1891 г., груп. 11, св. 18).

«Владелец одного завода, Мартых Яцен, — пишет в своем отношении фабричный инспектор III участка Екатерин. губ., — не уплачивает рабочим заработка по три с лишним месяца. При расчете удерживает стоимость продуктов, отпущенных рабочим из его лавки, по ценам, более высоким, чем рыночные. Выдавая деньги рабочему, г. Яцен 50% заработной суммы удерживает за конторой, будто бы насчитывая, по его словам, на эти суммы 6% в пользу рабочих (Архив Екатерин. губ. по фабрич. делам Присутствия за 1898 г., отношение от 16 февраля за № 241).

²⁾ Протокол совещания промышленников Юга России в м. Юзовке от 16/X — 1892 г., архив Горн. Управ. Юга России за 1892 г.

³⁾ Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», том 2, Ленинград, 1924 г., стр. 198. Балабанов. «История рабочего класса в России», стр. 11, 179.

ников отмечает, что «подобные симптомы известной организации при прежних беспорядках не наблюдались, а впервые проявлялись только во время беспорядков в 1887 году»¹⁾. «В этот период времени, — пишет Айнзафтс, — волна рабочих протестов прокатилась по всей России и только наступившее в 1887 г. экономическое оживление привело к ослаблению борьбы рабочих»²⁾. К этому периоду относятся и попытки правительства, опасавшегося размера, которые принимали рабочие наступления, путем издания разных уставов и правил втиснуть рабочее движение в желаемые рамки и разложить его изнутри. Правила и уставы эти, издававшиеся для «защиты интересов рабочих», по существу, разумеется, давали широкий и «законный» простор для самоуправства предпринимателей и заводской администрации.

Так, например, ст. ст. 142 и 148 устава предоставляли право управляющим предприятием налагать на рабочих денежное взыскание (штраф) в размере $\frac{1}{3}$ заработка, «действительно причитавшегося к установленному сроку расплаты», а статья 151 запрещала рабочим жаловаться на постановление администрации о наложении штрафа³⁾.

На основании ст. ст. 142, 151 устава о промышленности, изданного в 1887 году, на всех заводах и предприятиях вводились правила внутреннего распорядка, в большинстве случаев вырабатывавшиеся администрацией завода и утверждавшиеся окружным инженером.

№ 3 образца таких правил внутреннего распорядка, разосланного окружным инженером Луганского горного округа всем шахтовладельцам, буквально гласил: «Заявления о неверности выписанного в расчетную книжку расчета могут быть сделаны только в течение трех дней после возвращения рабочим расчетных книжек. После этого срока рабочие лишаются права предъявлять в контору какие-либо претензии»⁴⁾.

Как будто невинное на первый взгляд постановление, но оно на самом деле давало широкий простор для злоупотреблений. По официальным данным 1902 г., из общего числа 9.968 чел. рабочих завода и рудников Новороссийского О - ва, включая в это количество подростков и женщин, 5.880 чел. было неграмотных⁵⁾. Понятно, что в трехдневный срок малограмотному, а то и совершенно неграмотному рабочему трудно было разобраться без посторонней помощи в записях своей расчетной книжки и проверить правильность исчисленного ему заработка.

В дополнение к существовавшим законоположениям было опубликовано для проведения в жизнь «высочайше» утвержденное мнение государственного совета от 9 марта 1892 г., ст. 2, пар. 11, в силу которого предпринимателям

1) Протокол совещания промышл. юга России от 16/X 1892 г.

2) Айнзафтс. «Рабочее движение в России до пятого года», Москва, 1924 г., стр. 52 — 54. Пажитнов. «Положение рабочего класса в России», стр. 204 - 215.

3) «Сборник законоположений о надзоре за благоустройством и порядком на частных горных заводах и промыслах и о найме рабочих на эти промыслы и заводы», город Харьков в 1893 г., стр. 30 — 31. Справ, Пажитнов, стр. 243.

4) Архив Горн. Упр. Юга России за 1893 г., гр. 11, св. 18, отношение от 28/X, № 922.

5) Тот же архив, дело за 1902 год.

предоставлялось право ходатайствовать о награждении за особые заслуги мастеровых, рабочих и служащих похвальными листами, кафтанами, медалями и проч. А § 12-м той же статьи разрешалось учреждать «с обоюдного согласия промышленников и рабочих» товарищества под председательством лица, назначенного владельцем завода, для разбора несогласий между рабочими и принятия иных мер, полезных для его (рабочего) благоденствия»¹⁾, т.-е. капиталисту предоставлялось право разлагать рабочих подачками, готовить себе «верных» слуг, вольных или невольных предателей своего класса, право карать и «награждать», право быть судьей над рабочими завода или рудника.

Нет нужды говорить о том, что такое «рабочее законодательство» царской власти не только не сдерживало недовольства рабочих, но, наоборот, сильно способствовало его росту. В 1892 году рабочие завода Юза снова «взбунтовались». Это волнение захватило не только предприятия Новороссийского О-ва, но и все шахты Юзовского района. Формальным поводом для этой стачки, заранее подготовлявшейся и носившей организованный характер, послужила холерная эпидемия. На своем совещании в Юзовке «все горнопромышленники единогласно согласились, что беспорядки были известным образом подготовлены, что между рабочими были какие-то неизветные подстрекатели, что холерный случай послужил лишь предлогом для беспорядков, ранее решенных и подготовленных. На все это указывает масса отдельных фактов, подмеченных во время беспорядков в разных местах, которые значительно удалены от Юзовки: то, напр., что рабочие пересылали на разные рудники письма, часть которых была перехвачена, что у бунтующей толпы были конные раз'езды и известные условные сигналы, что немедленно после тревожных свистков появлялись новые толпы горнорабочих на подкрепление бунтующих. Характерна и самая подача тревожных свистков: «Толпа, лжившаяся дать тревожные свистки, нашла, что пар в котлах по распоряжению администрации завода спущен, но она на этом не остановилась, вызвала своих кочегаров, растопила котлы, подняла пар и тогда уже дала тревожные, призывные свистки. При этом толпой предводительствовала какая-то личность, одетая в сюртук и бобровую шапку с бархатным верхом. Распоряжения этой личности немедленно исполнялись толпой»²⁾.

Мнение промышленников, основанное на наблюдениях, было правильно. «За несколько недель до холерного бунта началась организованная подготовка к всеобщей забастовке на заводах и рудниках Новороссийского О-ва. Был организован рабочими нелегальный стачечный комитет, руководителем которого являлся заводской рабочий Александр Суворов. Назначался даже день выступления. В массах шли разговоры о предстоящей забастовке. Настроение создавалось повышенное, весьма напряженное». Но вылилась оно не в стачку, а «в громадный погром трактиров и магазинов. Инициаторами погрома были наименее сознательные чернорабочие и шахтеры. Заводские рабочие пытались остановить погром, но безуспешно... Закончился бунт жесточайшим военным усми-

¹⁾ Сб. законоположений, стр. 34 — 35.

²⁾ Архив Горного Управления Юга России, «дело о рабочих беспорядках в 1892 г.».

рением и поркой, руководителем которой был Екатеринославский губернатор Шувалов... Многих заповороли до смерти, несколько десятков было предано военному суду и приговорено восемь человек, в том числе и Суворов, к смертной казни¹⁾.

Кровью своей заплатили рабочие за попытку протеста против каторжных условий жизни и работы.

Но и для предпринимателей последствия этой стачки были также весьма ощутительны. Под влиянием более сознательных своих вожakov рабочие бросали работу и уезжали на родину. Убытки владельцев от вынужденной остановки работ, порчи машин и другого оборудования во время стачки были колоссальны. «Последние беспорядки в Юзовке сразу вызвали массовый уход рабочих с рудников, и добыча угля резко уменьшилась. На рудниках Горнопромышленного 0 - ва вместо 2.500 чел. постоянных рабочих осталось всего 600 чел., при чем только за время с 1 по 6 августа выбыло с рудника 500 человек. Производительность рудников уменьшилась более чем на 66%. На рудниках Новороссийского 0 - ва число рабочих уменьшилось на 50%, а производительность — на 60%. На рудниках Александровского 0 - ва, с производительностью 8½ миллионов пудов угля в год, добыча уменьшилась на 30%. На рудниках Голубовского и Берестово-Богодуховского горного т - ва, годовая производительность которых около 25 миллионов пудов, производительность уменьшилась в настоящее время так: На Берестовском руднике — на 60%, на Голубовском — на 40%. На Вознесенском руднике П. А. Карпова, производительность которого около 6 милл. пудов, добыча в настоящее время уменьшилась на 60%. На рудниках т - ва Корнеев и Шипилов, производительность которых около 3 милл. пудов, добыча в настоящее время уменьшилась на 50%. На рудниках Л. П. Уманского с годовой добычей в 3 милл. пудов производительность сократилась на 60%. Кроме того, на совещании констатируется, что благодаря тревожному, возбужденному состоянию горнорабочих число прогулов на некоторых рудниках увеличилось на 25%, да и самая производительность рабочих уменьшилась... До беспорядков на заводе Юза добыча каменного угля... шла правильно». Таким образом, на совещании выяснилось, что добыча угля уменьшилась в громадных размерах (в среднем на 60%) в районе, примыкавшем к центру беспорядков, исключительно из-за недостатка рабочих рук... Для того, чтобы рабочие вернулись на рудники и тем дали возможность последним восстановить в полной мере их производительность, необходимо, чтобы на рудниках без всякого промедления были приняты меры к восстановлению порядка и спокойствия»²⁾. И совещание промышленников и их представителей эти соответствующие меры выработало, из числа которых приводим, как наиболее характерные, нижеследующие:

1. «Оставить все войска, находящиеся здесь ныне временно, как постоянные, во избежание возможного повторения беспорядков.

¹⁾ «Летопись Революции» № 3 за 1925 г., стр. 9—20, ст. Харченко о Соц. - дем. Донец союза горнозав. рабочих.

²⁾ Архив Горн. Упр. за 1891 г., выписка из протокола юзовского совещания промышленников от 13 августа 1892 г.

2. Ходатайствовать об объявлении Екатеринославской губ. и пограничной части Таганрогского округа в положении усиленной охраны...

3. Просить г. начальника губернии объявить рабочим на рудниках и заводах о неуклонном исполнении правил о получении расчета, при чем требование расчета скопом будет преследоваться законом...

4. Чтобы рабочим, возвращающимся из мест, неблагополучных в отношении холеры, не было воспрещено возвращаться в район копей и заводов...

Приведенная выписка из протокола свидетельствует о том, что не только промышленники, но и правительство не шутя было встревожено рабочей стачкой, которая парализовала деятельность Юзовского каменноугольного района, добывавшего 9.000.000 пуд. угля в месяц, и выработало преступные «меры» не только по отношению к рабочим данной местности, но и по отношению к остальному населению этого района. Требование свободного пропуска рабочих, приезжавших из губерний, «неблагополучных в отношении холеры», равно как и остальные пожелания промышленников, за исключением введения усиленной охраны, были министерством внутренних дел одобрены и проведены в жизнь. Что значили для предпринимателей сотни тысяч рабочих жизней? Об улучшении положения рабочих на совещании не было произнесено ни одного слова, а для «обуздания» рабочих, ввиду возможности повторения беспорядков», было постановлено расквартировать навсегда в Юзовском районе казаки войска.

Стачка 1892 г. своею стройностью отличалась от всех предыдущих. Порядок, подготовка, присутствие вожakov, руководивших стачкой, обширность района, охваченного волнениями, — все это красноречиво говорило о наличии элементов организованности. Этот период в истории развития рабочего движения юга России явился переходным моментом от чисто стихийных бунтов к сознательной классовой борьбе.

РОСТ СТАЧЕЧНОГО ДВИЖЕНИЯ

Поток прокламаций, наводнивших в 1899 году рабочие районы как всего юга России, так и других промышленных центров, встревожил царских чиновников. М. В. Д. принимало соответствующие меры. Жандармское управление работало во- всю. Еще задолго до начала развития политической пропаганды в Донбассе, в 1899 году 12 августа был разослан циркуляр¹⁾ о мерах борьбы с возникшим «союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и «союзом рабочих» и предписано губернаторам дать точные сведения о степени их развития, об их составе и пр.

Тревога правительства была не напрасна. Выводы жандармерии о степени роста рабочего сознания не были преувеличены. По архивным данным, на предприятиях Новороссийского О-ва с января 1898 г. по май 1899 г. было пять рабочих стачек, носивших наступательный характер. Кроме экономических требований, выдвигались уже и политические. Стачки 23 января и 6 февраля 1898 г. закончились победой. Было предъявлено требование сокращения рабочего дня.

¹⁾ Архив Горного Управления за 1900 год, дело № 67/702.

В результате первой стачки рабочий день был сокращен до 12 часов вместо 14—16, а в результате второй — до 10¹/₂ с часовым перерывом¹).

Стачное движение росло. Политическая пропаганда ширилась, захватывая даже самые отсталые элементы шахтеров. Эксплуатировать попрежнему рабочие массы было возможно лишь при наличии военной силы, а порой и присутствие последней не гарантировало не только нормальный ход работ, но и личную безопасность администрации завода и шахт. Пришлось по необходимости хотя бы отчасти улучшить положение рабочих, тем более, что наблюдавшееся ранее затишье в промышленности сменилось в эти годы большим оживлением. Если в период застоя рабочие стачки мало отражались на прибылях капиталистов, то со времени под'ема производства и увеличения емкости рынка стачечное движение как для предпринимателей, терпевших от сокращения работ и длительных остановок предприятий колоссальные убытки, так и для правительства, в связи с общим финансовым состоянием страны, было крайне нежелательным. Правительство стало заботиться о рабочих нуждах и даже обвинять промышленников в алчности. 20 ноября 1900 г. на совещании Екатеринославского губернского по фабричным делам присутствия председательствующий (губернатор) сказал: «Если вспомним обычный ход дела при возникновении так называемых рабочих стачек, то нетрудно себе представить, к каким печальным для них результатам приводит обыкновенно неприостановленная во время развития дела забастовка рабочих; даже в лучшем случае, когда суд, убедившись в законности притязаний рабочих, выразившихся в форме забастовки, освобождает их от наказания, все-таки десятков-полтора арестованных из среды забастовщиков годами сидят в тюрьме в ожидании суда... Является вопрос, — всегда ли вина в таких случаях может быть взвалена на рабочих и не падает ли иногда таковая всецело на администраторов завода или промысла? Опыт показывает, что последнее, к сожалению, часто наблюдается. По вкоренившемуся обычаю многие из управлений рудников в Екатеринославской губ. практикуют регулярное понижение заработной платы на зимнее время с нормы ее летом, когда рудники наперебой друг у друга смывают рабочих пятаками и гривенниками сверх обычной нормы; зимой же, как только является возможность воспользоваться некоторым излишком явившихся на заработки углекопов, сбавляют более или менее значительный процент со средней заработной платы... по воле алчных, неопытных заведывающих делами угольной промышленности нашей губернии».

Другие участники совещания: старший фабричный инспектор, товарищ прокурора окружного суда и вице-губернатор, — постарались раз'яснить, что слова губернатора промышленникам не следует понимать в прямом смысле, «что, нет, конечно, надобности в мерах понуждения или неутверждения расценок», что власть высшая в губернии может воздействовать нравственными средствами убеждением сторон, не ограничивая их прав²) и т. д. А в результате присут-

¹) Архив Горного Управ. за 1898—99 год, дело № 67/702, связка № 47.

²) 53 ст. наказа, конечно, имеет ввиду капиталистов, ибо рабочих как мы видели, убеждали розгами и свинцом.

ствие похоронило вопрос, принявши постановление «сообщить Горному Управлению Южной России в виде копии настоящий журнал и просить не отказать в сообщении по сему своего мнения»¹⁾. Все дело кончилось бесполезной перепиской.

Рабочие массы под влиянием социал-демократических организаций, взявших к началу 1902 года частично руководство рабочей жизнью в свои руки (Донской комитет и социал-демократический союз горнозаводских рабочих²⁾, не верили «начальническим заботам» властей, добивались улучшения своего положения путем стачек. Начинавшийся в начале 1900 годов кризис в промышленности поставил рабочих в нищенское, бесправное положение. Заработная плата понизилась в среднем по Донбассу на 30—40%. Производительность заводов и рудников уменьшилась почти в такой же степени. Росла безработица. Стаечное движение на предприятиях Новороссийского Общества, как и на всем юге России, сильно сократилось. Демонстрации конца 1901 года в Харькове, Екатеринославе, Одессе и пр. среди рабочих предприятий Юза массового отклика не нашли. На всеобщую ростовскую забастовку 1902 года рабочие данного района также не откликнулись. Но могучая стачечная волна 1903 года задела и рабочие массы Юзовского района. В мелкосортном отделении завода 19 сентября 1903 года вспыхнула стачка по поводу снижения расценок³⁾. В этой стачке сначала приняли участие 140 человек, потом к бастующим присоединилась часть рабочих механического цеха (около 60 чел.) и в силу «безобразных условий труда на заводе... стачка грозила перейти во всеобщую»⁴⁾, к чему и призывал рабочих социал-демократический союз горнорабочих, выпустивший соответствующую прокламацию. Однако, дело до полной остановки завода не дошло. Администрация испугалась надвигающейся стачки и взяла свою угрозу о снижении расценок обратно. Забастовка прекратилась на шестой день.

Причиной того, что вся масса рабочих предприятий Новороссийского О-ва не была втянута в общий подъем рабочего движения Юга России в 1903 г., была сильная отсталость этих рабочих, особенно шахтеров, что, в свою очередь, объяснялось «текучестью» углекопов, разбросанностью шахт, забитостью рабочих по причине тяжелого экономического положения и кошмарных условий труда как на рудниках, так и на заводе. Вот как писала «Искра» об условиях, в каких приходилось тогда работать: «В доменном цеху, например, несмотря на то, что было пущено новых три домны, число рабочих осталось прежнее. За один рубль рабочие должны были в течение 12 часов работать в адской атмосфере, температура которой доходила до 60°. Многие не выдерживали и падали в обморок. Их обливали водой и заставляли снова работать. При коксовых печах приходилось работать в вечном огне. Жара и пыль невыносимы. Продолжительность работы и здесь — 12 часов. Поденная плата—1 рубль. В механическом цеху зара-

1) Архив Горного Управления Юга России за 1900 г., дело № 50, журнал Екатер. губериск. по фабричным делам Присутствия от 24 ноября за № 6.

2) «Летопись Революции» за 1925 г., № 3, ст. 21, ст. Харченко о с.-д. союзе горнозав. рабочих в Донбассе.

3) Архив Екатерин. Истпарта, дело № 348 за 1902 год.

4) «Искра», № 50.

боток доведен до 70 коп. в день. Число рабочих в котельном отделении сокращено вдвое, при сохранении прежней заработной платы — один рубль в день. Чернорабочие за грошевое вознаграждение работали сплошь всю неделю, не имея даже праздничного отдыха. Рабочие подрядчика при нагрузке и выгрузке руды из вагонов ежедневно разгружали 6 — 7 вагонов каждый, (в вагоне 250 пудов руды). Рабочий день их продолжался от 5 часов утра до 6 часов вечера. Поденная плата равнялась 80 коп. летом и 60 коп. зимой. В кирпичном сарае работали мальчики и девушки в возрасте от 14 до 18 лет. Каждый подросток обязан был сделать не менее 600 кирпичей в день. Плата — 10 коп. за 100 штук. Не было времени для завтрака и обеда. Особенно тяжело приходилось мальчикам, отбивавшим шлак от старого кирпича. Летом и зимою им приходилось работать под открытым небом. Получали они 30 — 40 коп. в день¹⁾. Несчастные случаи с рабочими происходили очень часто... «При определении размера вознаграждения увечному, — пишет горному департаменту Д. Юсса, — агенты допускали полный произвол: не придавали никакого значения определениям врача предприятия о степени потери трудоспособности и размеру заработной платы пострадавшего; агенты обществ (страховых) обыкновенно вступали в торг с рабочими, предлагали им несоразмерно малое вознаграждение; на некоторых предприятиях определение степени потери трудоспособности производилось не врачами, а тем же агентом, т.-е. лицом в этом деле совершенно некомпетентным и притом явно пристрастным, в ущерб рабочим, не говоря уже о том, что на многих предприятиях врачи получали вознаграждение от страховых обществ и являлись, в сущности, теми же агентами со всеми недостатками последних; кроме того, страховые общества выговаривали себе право допускать или не допускать пострадавшего рабочего к дальнейшим работам предприятия и пользовались этим правом, как мерой к понижению страховой премии»²⁾.

Только усиленная деятельность социал-демократического союза горнорабочих, имевшего свое отделение в Юзовке, расшевелила рабочих этого района. В сентябре месяце 1903 года юзовский комитет союза выпустил 1200 экз. прокламаций «Ко всем юзовским рабочим» и «Ко всем рабочим завода Юзовки», в которых был призыв к стачке и говорилось по поводу стачки доменного и коксовальных цехов. Центральным комитетом союза за время с февраля по декабрь 1903 г. было издано и распространено свыше 70.000 разных прокламаций: «Пауки и мухи» Либкнехта, «О попе и чорте», «Кто наши враги», «Чего мы требуем» и другие³⁾. В одной из этих прокламаций: «Как до сих пор шахтеры и заводские боролись с хозяевами»⁴⁾ разъяснялось различие между бунтом и стачкой и подробно описывалось волнение рабочих на предприятиях Новороссийского Общества в 1892 году.

¹⁾ «Искра» № 50.

²⁾ Архив Горного Управления Юга России за 1903 г., отношение от 24 января за № 5.

³⁾ Архив Горн. Упр. Юга России за 1901 г., отн. Окруж. Инж. Мариупольского горн. округа от 16/III за № 418; «Летопись Революции» за 1925 г., № 3, ст. 215 — 216.

⁴⁾ Екат. Истпарт, планка прокламаций по Юзовскому району за 1903 г.

Пропаганда союза среди рабочих дала положительные результаты. Рабочие поняли, что для улучшения своего положения им необходимо организовать и попутно с борьбой на экономической почве также интенсивно добиваться политических прав, стремиться к захвату власти. О работе социал-демократических организаций Екатеринославский губернатор в своем донесении министерству внутренних дел пишет: «Влияние пропаганды на население все более и более проявляется: как рабочие, так и крестьяне стали значительно грубее, придирчивее, менее уступчивы и почтительны. В среде рабочих особенно возбужденное состояние всякий раз, когда до них доходили слухи, конечно, в сильно извращенном и преувеличенном виде, о происходивших где-либо беспорядках. Бывшие пока в незначительных размерах забастовки как в районе вверенной мне губернии, так и смежной части области войска Донского, как надо полагать, имели место под влиянием пропаганды». Далее губернатор «считал своим долгом» доложить министру, что вообще настроение населения во вверенной ему губернии настолько приподнято, что достаточно какой-нибудь вспышки в одном пункте для возникновения крупных беспорядков, могущих распространиться на более обширный район¹⁾.

Оставив в стороне свидетельство царских чиновников и обратившись непосредственно к жизни пролетариата того времени, мы увидим непрерывный рост классовой сознательности широких рабочих масс. Были даже случаи, когда рабочие сами требовали от своих представителей в союзе призыва к стачке²⁾. А когда в ноябре месяце в один день на предприятиях Новороссийского Общества произошло 8 несчастных случаев, среди рабочих поднялось очень сильное волнение. Разбросанные союзом листовки, призывавшие к свержению самодержавия и захвату власти, вызывали и поддерживали боевое настроение рабочих. Юзовские портные объявили стачку. Несколько человек было выслано.

В течение 1904 года было несколько стачек по случаю понижения расценок, преимущественно среди рабочих завода Юза. 6 февраля 1904 года забастовали 200 чел. рабочих доменного цеха и требовали увеличения заработной платы до 1 р. 65 коп. вместо 1 р. — 1 р. 10 коп.³⁾. Требование рабочих администрация удовлетворила, и волнения продолжались не дольше трех дней. Вообще, уже в 1904 г. наблюдался упадок интенсивности рабочего движения на предприятиях Новороссийского Общества, под давлением снова наступившего в связи с русско-японской войной финансово-промышленного кризиса, вызвавшего большую безработицу. Деятельность социал-демократического союза в этом году тоже сильно ослабевает. Союз потерпел несколько провалов, лишился своего центра. Юзовская организация находилась в то время под непосредственным руководством меньшевистского Донского комитета, была также очень ослаблена арестами и провокацией. Только к концу 1904 года организация эта настолько окрепла, что «поставила отдельно от Ростова самостоятельную «технику» для

1) Архив Екат. Истпарта, дело № 348 за 1904 г.

2) Такой случай имел место на заводе Юза 25/1 1904 г. — «Искра» № 58 за 1904 г.

3) Архив Горного Управления Юга России за 1904 г., дело № 82.

Донбасса и взяла на себя инициативу по созыву Донецкой партконференции и восстановлению центра союза» ¹⁾).

До начала 1905 года рабочие предприятий Новороссийского О - ва всей массой не выступали. Заводская администрация, замечая отсутствие единодушия между отдельными цехами и мастерскими, при всяком удобном случае старалась прижать рабочих. Особенно зверски поступали с увечными. «Бывали случаи, что рабочему, которому оторвало палец, выдавали только железнодорожный билет и отправляли на родину. При более серьезных ранениях начинался форменный торг, и в большинстве случаев рабочий соглашался на условия, предложенные администрацией: например, 300 рублей за оторванную ногу и т. д. Что же касается продолжительности рабочего дня, то в этом отношении, повидимому, для предпринимателей никаких законов не существовало. Иногда мастер приказывал проработавшему целый день остаться еще и на ночь. Возражать рабочий не мог, иначе его расчитывали. Двухсменная непрерывная работа, то - есть 24 - часовая, была явлением почти обыденным. Довольно часто одному лицу случалось работать без отдыха в три смены. Такая напряженная работа производилась под влиянием угроз, штрафов и прочее. Рабочий Хайчик, например, пошел после работы купаться и утонул в нескольких саженьях от берега, настолько был истощен его организм чрезмерным трудом. Были случаи, когда заставляли работать в условиях, явно опасных для жизни. В старой вальцовке предложили слесарю сделать какую - то починку у машины, стоя на трясущихся досках, над громадными вертящимися шестернями. Когда он отказался рисковать жизнью, его и пять человек товарищей, поддержавших его, уволили. Этот случай совпал с общим снижением расценок. Рабочие заволновались и уволенных приняли обратно» ²⁾).

1905 ГОД

Впервые юзовские рабочие выступили организованно лишь в 1905 году.

В начале января 1905 года рабочие завода Юза объявили стачку. Забастовка началась в механическом и котельном цехах. Группа рабочих этих цехов обратилась к директору завода со списком требований. Всех требований было пред'явлено 12. Главнейшие из них следующие: 1) 8 - мичасовые смены, 2) повышение поденной платы с 80 коп. до рубля и поденной платы чернорабочим на 20%, 3) выдача больничного пособия всем вообще заболевшим рабочим в половинном размере заработка, а по несчастным случаям — в полном размере, 4) бесплатные квартиры, 5) увольнение мастеров Прохорова и Пономарева за грубое обращение с рабочими, 6) принятие вновь на службу мастера Кондруса, 7) устройство вентиляции в механическом цеху и пр. Директор завода отказался от удовлетворения требований рабочих. В два часа дня 17 января рабочие забастовали во всех отделах завода. К ночи остались только рабочие в доменном цеху в количестве 250 человек. Последние работали под охраной полиции.

¹⁾ «Летопись Революции» за 1905 г., стр. № 5 — 6, 47—48, ст. Харченко об окт. - декабрьск. под'еме 1905 года в Донбассе.

²⁾ «Искра», № 73

18 числа рабочие собрались около проходных ворот завода, которые оказались запертыми. Когда рабочие хотели войти в ворота силою, прибывшие казаки — 140 человек — разогнали их нагайками. 20 января в Юзовку прибыли 300 человек солдат, и стачка прекратилась¹⁾. Из общего числа 12 требований семь заводоуправление не удовлетворило, на два дало уклончивый ответ и только три пункта требований: устройство при мастерских столовой, улучшение санитарного состояния мастерских, усиление вытяжки продуктов горения (газов) от кузнечных горн и о безответственности представителей — администрация обещала выполнить.

Отказавшись удовлетворить самые насущные требования рабочих, заставив их нагайкой и штыком приступить к работе, промышленники и полицейская власть затем призвали рабочих к «сердечному сотрудничеству» с администрацией. 19 января Бахмутский исправник пишет обращение к заводским рабочим и заканчивает его призывом, который должен был звучать для рабочих, как самая наглая насмешка: «В заключение считаю служебным долгом обратиться к памяти рабочих завода и указать им на прочно установившиеся старые добрые отношения рабочих к дирекции завода, а также выразить глубокое убеждение в том, что интересы рабочих близки и дороги дирекции, которая всегда шла навстречу нуждам заводского населения, а в своих стремлениях, направленных к благу рабочих, доказала прочную связь с рабочими и их интересами, почему призываю рабочих к спокойной работе, труду и уверенности в том, что спокойное выяснение и обсуждение нужд заводских рабочих найдет у представителей завода сердечный отклик и возможное удовлетворение»²⁾. Но и представитель полицейской власти и промышленники забыли, что это был не 1892, а 1905 год, когда завод за заводом, район за районом подымались для борьбы с эксплуататорами.

26 января объявили стачку рабочие Никополь-Марипольского 0-ва, предъявив администрации свои требования³⁾, 2-го февраля забастовали рабочие Донецко-Юрьевского Металлургического 0-ва (14 требований⁴⁾, 5 февраля — завод «Русский Провиданс»⁵⁾, 9 февраля прекратили работу, выдвинув 26 требований, рабочие Орлово-Еленовской копи⁶⁾. В этом же месяце были приостановлены работы на Краматорском заводе⁷⁾, 1-го марта произошли беспорядки на Щербинском и Нелеповском рудниках Горловского округа, закончившиеся расстрелом рабочих⁸⁾, и еще целый ряд волнений на других заводах и рудниках, куда необходимо было в помощь полиции посылать войска, вернее, в большинстве случаев, перебрасывать их из Юзовки⁹⁾. Последнее обстоятельство дало

1) Архив Горного Управления Юга России за 1905 г., связка 11, гр. 18, часть I.

2) Архив Горного Управления Юга России за 1905 г., часть I.

3) Архив Горного Управления Юга России за 1905 г., часть I, отнош. № 257.

4) Тот же архив, отношение № 354.

5) Тот же архив, отношение № 352.

6) Архив Горного Управления Юга России за 1905 г., ч. I № 5/560.

7) Там же, отношение № 110.

8) Там же, отношение № 962.

9) Екатеринославский Истпарт, папка телеграмм по Юзовскому району за 1905 год.

возможность рабочим Новороссийского 0 - ва снова начать борьбу. Февральское выступление рабочих Новороссийского 0 - ва по материалам Арх. Горн. Упр. рисуется в следующем виде :

21 февраля в понедельник, не взирая на «красноречивое» обращение Бахмутского исправника, на «доброту», «сердечность» и «отзывчивость» заводоуправления, около шести часов вечера в главную контору Общества к директору Андерсону явилось 50 чел. рабочих завода, которые заявили, что они депутаты от рабочих. Рабочий Обнищенко передал директору 22 требования и сказал, что «этим требованиям заводоуправление должно подчиниться». Директор тут же рассмотрел совместно с рабочими представителями их требования и сейчас же устно ответил на них, пообещав через 24 часа, т.-е. в 6 часов вечера дать письменно подтверждение своего ответа. Ответ администрации рабочих не удовлетворил. Во вторник 22 февраля, в 12 часов 30 минут дня рабочие механического и котельного цехов бросили работу, часть их разошлась по домам, часть же (молодежь) стала принуждать рабочих остальных цехов приостановить работу. К четырем часам дня все рабочие забастовали. Около 200 человек рабочих в шесть часов вечера отправились на шахты и приостановили работы в «центральной заводской», № 7 «наклонной» и № 4 «старой» шахтах. Оставались только рабочие при котлах, шахтных насосах, вентиляторе и электрическом освещении. В среду 23 февраля, в шесть часов вечера были остановлены рабочими работы на всех шахтах рудников Ветка этого же 0 - ва. В этот же день вечером екатеринославский губернатор телеграфно через бахмутского исправника разрешил рабочим устроить собрание для обсуждения своих дел и нужд. Весь день рабочие сидели дома. В четверг 24 февраля с утра рабочие стали собираться на площади около горной конторы. «Главарем, душой и руководителем всей забастовки,— по выражению горного окружного инженера,— был Иван Обнищенко». Бахмутский исправник предложил рабочим перенести собрание в помещение школы 0 - ва. Предложение рабочими было принято. В семь часов вечера депутаты рабочих передали из школы по телефону исправнику, что они сегодня не закончили обсуждения своих нужд и переносят свое собрание на завтра. В пятницу 25 февраля, в 11 часов утра рабочие представители передали по телефону исправнику, что они уже закончили обсуждение и желают вступить в переговоры с администрацией завода. Исправник приехал в школу и посоветовал рабочим предъявить свои требования заводоуправлению через горную инспекцию. В шесть часов вечера прибыл из города Мариуполя в Юзовку окружной горный инженер, отправился в школу, и рабочие вручили ему свои требования, состоявшие из 55 пунктов. В субботу 26 февраля окружной инженер и исправник прочли рабочим в школе ответы промышленников на первые их требования, состоявшие из 22 пунктов. Ответы администрации не были напечатаны, так как по случаю стачки все типографии в Юзовке были закрыты.

Рабочие просили окружного горного инженера и исправника ускорить ответ на их требования в 55 пунктов, а сами продолжали ежедневно собираться в школе и возле нее в громадном количестве — до 5 — 6 тысяч человек.

Ответы администрации на первые 22 пункта, как уже выше упоминалось, рабочих не удовлетворили. Руководители забастовки в связи с этим распорядились приостановить работу котлов, вентилятора, насосов и электрического освещения. В воскресенье 27 февраля шахты начало заливать водой. Администрация вырабатывала ответы на последние 55 пунктов рабочих требований¹⁾. Рабочие попрежнему собирались в школе. Окружной инженер и исправник вечером сообщили губернатору о серьезности положения, вследствие начавшегося затопления шахт. В понедельник 28 февраля около 2-х часов дня приехал в Юзовку вице-губернатор и остановился в доме купца Николаева. В шесть часов вечера состоялось под председательством вице-губернатора совещание представителей администрации Новороссийского 0-ва, полиции, военной охраны и горной инспекции. Во время совещания около школы и дома Николаева собралось не менее 7—8 тысяч человек рабочих.

1 марта утром было расклеено объявление, в котором вице-губернатор предлагал рабочим избрать своих делегатов и прислать их к нему в два часа дня 2 марта в горную контору для переговоров. По телефону рабочие передали из школы, что переизбирать своих делегатов не желают, и просили вице-губернатора приехать в школу. Около шести часов вечера вторично состоялось у вице-губернатора в прежнем составе совещание, на котором обсуждалось создавшееся положение. В 11 часов вечера вице-губернатор уехал в Екатеринослав. В среду 2 марта было расклеено объявление, в котором вице-губернатор приглашал рабочих возобновить работы 3 марта и тут же рядом появилось объявление администрации предприятий с указанием порядка возобновления работ и угрозой «закрытия завода на неопределенное время в случае если рабочие не выйдут на работу» в указанный срок. В тот же день появилось также и объявление губернатора «с призывом к порядку». Собравшимся в большом количестве возле школы рабочим было предложено исправником разойтись, что рабочие и выполнили беспрекословно.

Среди дня рабочим стали раздавать ответы администрации на 55 пунктов требований (ответы были напечатаны в Макеевке). В тот же день добровольно взяли расчет 300 человек. По улицам Юзовки целый день раз'езжали казачьи патрули. В ночь со 2 на 3 марта было арестовано 50 чел. рабочих. В четверг 3 марта открыли завод, но на работу явилось всего 10—12 человек. Еще более 300 человек взяли расчет по собственному желанию. Улицы были запружены рабочими. Всюду — казачьи раз'езды. В пятницу 4 марта окружной инженер объявил о закрытии завода и шахт и о порядке выдачи расчета. Около каменного моста, близ шахты № 7 «наклонной» казаки разогнали молодых рабочих плетью. В два часа дня в Юзовку вторично приехал вице-губернатор, приказал освободить всех арестованных и с 6 до 9 часов вечера говорил с руководителями стачки. В течение этого дня рассчиталось «по собственному желанию» еще 300 человек рабочих. В субботу 5 марта утром вице-губернатор беседовал с представителями заводоуправления, а от двух до пяти часов вечера

1) Требования рабочих 22 и 55 пунктов не сохранились. — А. П.

говорил в горной конторе с депутатами рабочих. Около конторы во время переговоров собралось больше 5.000 человек рабочих. После отъезда вице-губернатора из конторы Иван Обнищенко говорил с собравшимися рабочими, и они решили работ не возобновлять. В воскресенье 6 марта утром, после переговоров с директором Новороссийского 0 - ва, вице-губернатор опять вел в школе 3 - х часовые переговоры с рабочими. В понедельник 7 марта утром было расклеено объявление вице-губернатора о закрытии завода и шахт Новороссийского 0 - ва и о порядке выдачи рабочим расчета. Днем около дома Николаева собралось несколько тысяч человек рабочих. Предложению полиции «разойтись» собравшиеся не подчинились и были разогнаны плетью казаков. В два часа дня получили расчет 2.000 чел. Полицией было арестовано 100 человек. На шахтах стали растапливать котлы для откачивания воды. Во вторник 8 марта к вице-губернатору явилась депутация «рабочих» - домовладельцев и ходатайствовала о незакрытии завода. Собрания рабочих с этого числа совершенно прекратились. Вице-губернатор уехал. Получили расчет 3.000 чел. рабочих. В шахтах начали откачивать воду. 9 марта выдали расчет еще 3.000 чел. В четверг 10 марта все рабочие и большинство служащих были рассчитаны. На шахтах продолжались работы по откачиванию воды ¹⁾.

24 марта начальник Горного Управления Юга России писал Горному Департаменту: «Приостановленные работы на заводе Новороссийского 0 - ва в настоящее время возобновились; так как завод пользуется углем из собственных шахт и не имеет запасов такового, то возобновление работ во всех производствах не могло произойти одновременно, а будет вводиться постепенно, в зависимости от добычи угля. Из общего числа 13.700 рабочих не будет принято на работы 621 человек; из числа этих последних являются местными домовладельцами 53, остальные же 568 чел. представляют элемент пришлых лиц, могущих вредно влиять на ход дела: и которых желательно удалить — насчитывается по сведениям заводской администрации и полиции, 132 человека.

Закрытие завода, высылка руководителей стачки, фильтр при новом наборе, — все это тяжело отразилось на ходе развития рабочего движения юзовских предприятий. С момента пуска завода после стачки и до конца 1905 года массовых выступлений рабочих Новороссийского завода не было. Незначительные стачки на экономической почве, а главное — кризис сбыта послужили причиной вторичного закрытия некоторых отделов завода (бессемеровский, вальцовка) и части рудников. В декабре месяце на шахтах было рассчитано около 3.000 человек. С 23 декабря 1905 по 7 января 1906 г. работы на заводе по случаю ремонта совершенно не производились.

Наступившая реакция, разгулы карательных экспедиций в Донбассе, расстрел руководителей и организаторов горловского восстания, измена делу революции части участников этого восстания тяжело отразились на ходе развития рабочего движения на предприятиях Новороссийского 0 - ва. Истории рабочего движения на предприятиях Новороссийского 06 - ва в период с 1906 г. по 1917 г., имеющей свои характерные черты, будет посвящена особая работа.

¹⁾ Архив Горного Управления Юга России за 1905 г., ч. I, связка 18, гр. 11, отношение за № 673.

ОТДЕЛ III

БИБЛИОГРАФИЯ

А. О.

Г. ПОКРОВСКИЙ. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918 — 1919). «Пролетарий», 1926 г., стр. 234. Цена 1 р. 75 коп.

На страницах нашего журнала уже шла речь об одной книге, посвященной критике деникинщины не извне, с нашей точки зрения, а изнутри — мы имеем в виду Калинина «Русскую Вандею», в которой автор, между прочим, специально остановился на истории взаимоотношений Кубани с деникинщиной.

Покровский всю свою книгу посвящает этой теме.

Интерес его книги в том и заключается, что истинная суть деникинщины, как попытки полной реставрации дофевральской России, разоблачается так называемым «демократом», с точки зрения демократического мировоззрения.

Автор — на стороне демократии, он — участник планов создания демократической власти в казачьих областях, в частности — на Кубани. Он враг большевизма, Советской власти. И вот он вынужден собственным пером нарисовать картину систематической борьбы деникинщины против всего того, что хоть сколько-нибудь пахнет демократизмом, напоминает революцию, отвечает интересам трудового народа.

Кубань занимала особое место во время борьбы Деникина против Советской власти. Она пыталась играть самостоятельную роль и устраиваться по-своему. Кубанское казачество в своей массе, за вычетом большевизированной бедноты и вполне деникинской генеральско-помещичьей верхушки, в те годы хотело самостоятельно устроиться, заключив даже мир с Советской Россией, создать царство крестьянской «демократии» и благоденствовать в своем пшеничном раю.

Суровая действительность классовой борьбы разбила вдребезги эти наивные мечты глубоко захолустных, провинциальных политиков типа лидеров казачье-средняцкой демократии Быча, Макаренко и т. п. Деникинщина, вынужденная на первых порах, в дни своей слабости, мириться с кубанским «демократизмом», с кубанской самостоятельностью, как только вошла в силу, так очень быстро и без всякого сопротивления разгромила Кубань. Об этом подробно рассказал Покровский, который весьма неплохо анализирует и причины всего этого процесса. На примере Кубани автор, того не желая и о том не подозревая, наглядно и убедительно доказывает, что в великой классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией никакие промежуточные позиции невозможны, и если крестьянство, в частности — середняцкое, пытается играть самостоятельную роль, отгораживаясь и от Советской власти и от белогвардейско-помещичьей реставрации, то из этого ничего хорошего не выходит.

Вступив в борьбу за сохранение своего более высокого уровня и своих привилегий, казачество поневоле должно было сначала стать союзником, а потом пушечным мясом помещичье-капиталистической контр-революции. Когда оно окончательно поняло всю неизбежность таких итогов своей борьбы и наглядно убедилось, к чему это приводит, — тогда с корнем и навсегда была вырвана всякая возможность нового использования казачества в интересах контр-революции: достаточно напомнить полную неудачу нескольких попыток Врангеля высадить из Крыма десант на Кубани. Казаки затем больше не пошли, наоборот: помогли Красной армии ликвидировать белый десант.

Конечно, автор книги не приходит к выводу о полной невозможности какой-нибудь средней, «демократической» линии. Хотя он и пишет, что его «труд» есть попытка «осмыслить борьбу, имевшую место на Кубани и в соседних с нею местностях», однако осмыслить — то ему ничего и не удастся. Он дает блестящий материал, почти вплотную подходит к выводам, но в последнюю минуту отступает от них, оставаясь в убеждении, что «бесславный конец борьбы на юго-востоке» — результат плохой политики, но не непреложных законов истории.

Но так как книга дает очень интересный и богатый фактический материал для характеристики деникинской политики по отношению к местному самоуправлению, рабочим организациям, в продовольственно-экономической области, она ценна, несмотря на мировоззрение и выводы ее автора.

Она ценна в двояком направлении — и как фактический материал для суждения о деникинщине, и как наглядный человеческий документ для суждения о мелкобуржуазной, крестьянской, витой «демократии» и ее судьбах в эпоху пролетарской социалистической революции.

Технически книга, как и все издания этого характера, подготовленные С. Алексеевым и редактированные В. И. Невским, сделана хорошо: даны достаточные примечания, краткий словарь имен, летопись событий.

В. П. СЕМЕННИКОВ. Политика Романовых накануне революции (от Антанты — к Германии). По новым документам. Стр. 246. ГИЗ. 1926. Ц. 2 р. 50 к.

Ряд очерков В. П. Семенникова, составляющих рассматриваемую книгу, посвящен анализу поворота во внешней политике, который явственно наметился в последние полтора года владычества Романовых. Разрешая задачу характеристики этого поворота, автор вынужден был заняться исследованием всей обстановки, которая окружала Романовых в то время. И книга в основном свелась к описанию и анализу распутинщины.

Основной вывод исследования: начиная со второго года войны, Романовы, в особенности Александра Федоровна, обращают свои мысли в сторону сепаратного мира. Их толкает на это: 1) боязнь революции в случае полного проигрыша войны, 2) желание миром с монархической Германией укрепить свою власть.

В этом же направлении действуют, во-первых, верхушка помещичье-бюрократических кругов, исходящих, примерно, из точно таких же мотивов, и, во-вторых, группа банков, работавших на немецкие деньги и связанных с частью русской металлургии.

Силы эти воздействуют на политику Романовых как путем прямого обращения противной стороны (Германии), так и непосредственным влиянием высших придворных кругов и, наконец, самое главное и решающее — через Распутина.

Семенников, на основе подлинных документов, рассказывает историю попыток Германии использовать русскую фрейлину Васильчикову для вступления в предварительные переговоры о мире. Письма Васильчиковой Николаю II совпали с письмом к Ал.-Фед. ее брата, герцога Гессенского. Тут главным мотивом было единство интересов монархических Германии и России в борьбе против надвигающейся революции и против «коварной» Англии.

Первая попытка не кончилась ничем, главным образом в силу своей преждевременности.

Следующая попытка, очень мало освещенная в нашей литературе, исходила уже со стороны Романовых. Это обращение к Австрии с предложением заключить сепаратный мир. Документов о ней в наших архивах не сохранилось и потому Семенников лишь очень бегло касается этого эпизода.

Третий факт — Протопоповская беседа в Стокгольме с представителем германского посольства. Здесь был уже переход к более решительным действиям, так как Протопопов вслед за возвращением в Россию, как известно, был назначен министром внутренних дел, и царская семья смотрела на него как на лицо, которое должно сыграть роль «спасителя».

Дав внешнюю картину поворота в политике и попыток к переговорам о сепаратном мире, Семенников анализирует упомянутые нами выше «силы» и механизм их воздействия. Особенно яркая картина нарисована в очерке «Банки и Распутин». Здесь показано, как в один клубок сплелись царский двор и крупнейшие биржевые и банковские дельцы, весьма подозрительные по связи с германским капиталом. А душой всей этой кампании, передаточной силой от банков к царю был Распутин.

Семенников доказывает, что не только банки участвовали в этой камарилье, добиваясь мира, но и крупная металлургия. Здесь он расходится с обычным взглядом о том, что металлургия была заинтересована в продолжении войны. Он считает, что русская металлургия в тот момент значительно более была заинтересована в прекращении войны, в выделке рельсов больше, чем пушек, и доказывает это целым рядом фактов, как выпуск по настоянию банковской группы, связанной с металлургией, железнодорожного займа на новое железнодорожное строительство и т. п.

Нам кажется, что здесь В. П. Семенников переоценивает силу своих доказательств, вернее, слишком мало углубляется в анализ бывших в его распоряжении документов. Но вместе с тем нельзя решительно утверждать, что он кругом неправ. Нужно помнить, что тогда действительно верхушка русской металлургии была тесно связана с группой банков, безусловно не порвавших связи со своими патронами — немецкими банками. Во всяком случае, этот «кусок» истории требует дальнейшего углубленного изучения.

Как в этом очерке, так и в следующем («Распутин и верховное командование») автор показывает на документах и примерах, каким именно образом

желания и приказы банков доходили до Николая и претворялись в жизнь его действиями. Не высказывая широко распространенных взглядов о том, что Распутин был прямым немецким шпионом, автор все же убедительно показывает, что распутинские «ясновидения» по части военных действий неизменно оказывались направленными в одну сторону — сторону подготовки почвы для сепаратного мира. Помимо этого бесспорным можно считать, что где-то около Распутина гнезвился центр германского шпионажа, умело использовавший огромную осведомленность и неограниченную власть Распутина — скорее всего, помимо его воли и даже знания.

В последнем очерке («От Антанты — к Германии») автор сводит воедино весь предыдущий анализ. Он показывает, как стремление к сепаратному миру сочеталось с конкретным планом самой свирепой реакции (разгон думы, установление открытой военной диктатуры и т. д.). Пацифизм архишпировой верхушки дворянско-бюрократических и придворных кругов и могущественной банкократии шел рука об руку с самой черной реакционностью.

Им на арене легальной, внешней борьбы противостояло большинство буржуазии, «воинственной» и «либеральной».

К началу 1917 года планы царской клики заключить мир и произвести переворот уже настолько выкристаллизовались и так были близки к осуществлению, что и прогрессивная буржуазия почувствовала себя вынужденной перейти к действиям. Родились планы дворцового переворота. Но, как мы знаем, спор был разрешен иначе — Февральской революцией...

Книга т. Семенникова, как видно из крупного изложения ее материалов и выводов, очень содержательна и интересна.

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ОПИСАНИИ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ. Составил С. А. Алексеев. Т. II. Октябрьская революция. Стр. 431, цена 3 руб. и Т. III. Начало гражданской войны. Стр. 476, цена 3 руб. ГИЗ. 1926.

Эти две книги — 2 тома из большого пятитомного издания, излагающего устами белогвардейцев фактическую историю революции и гражданской войны. Оба тома, как и первый (Февральская революция), составлены из отрывков из мемуаров белогвардейцев всех мастей и направлений (от Дана и Керенского до Краснова).

Оценивая три уже вышедших тома всего издания, нужно сказать, что оно безусловно является ценным пособием при изучении нашей революции. Понятно, это не первоисточники и при какой-нибудь серьезной научно-исследовательской работе собрание отрывков не может заменить самих подлинников. Но ведь издание и не ставит перед собой такой цели. Это — пособие, которое найдет очень широкий круг для своего применения в наших школах, для самообразования, как справочник, и т. д.

Тем более, что подбор материала в обоих рассматриваемых томах очень удачный.

Во втором томе дан материал, касающийся не только самих Октябрьских дней, но и, так сказать, предистории Октября — корниловского выступления.

Наиболее интересная часть книги — воспоминания Краснова и Керенского. Это выдержки из уже известных и довольно давно опубликованных книг «На

внутреннем фронте» — одного и «Гатчина» — второго. Весь интерес в том и заключается, что можно сопоставить оба эти документа, и получается наглядная и чрезвычайно убедительная картина того, как Керенский искал защиты у тех самых войск и генералов, которых он объявил в корниловские дни изменниками.

В оголенном виде в Гатчине выступило полное единство фронта и единство сути корниловской контр-революции и мелкобуржуазной «демократии».

Лишний и — очень яркий штрих в характеристику центрального меньшевизма и его вождя Дана вносит статья последнего «К истории последних дней Временного Правительства». Дан с серьезной миной поучает Керенского, что послушайся он, Керенский, Дана и расклей по всей стране ночью 24 октября афиши с извещением о перемене политики Временного Правительства, Октябрьская революция не «состоялась бы».

Третий том дает «лицо белогвардейщины» в тот начальный период, когда зарождались и складывались контр-революционные силы. Подобранный материал показывает, что уже с первых шагов это было лицо монархически-помещичьей реставрации. И лишь тактическая необходимость привлечь на свою сторону казачью и вообще крестьянскую массу приводила к тому, что организаторы белых армий надевали на себя расплывчато-демократическую маску. Но все же сквозь нее всякому мало-мальски внимательному наблюдателю видны были явные черты махровых царских генералов.

Деникин, Лукомский, Денисов, Дроздовский и ряд других авторов рассказывают, как сложилась добровольческая армия, как она вела свои первые бои — в период до конца 1918 г. Краснов представлен отрывками, посвященными его атаманству на Дону.

Сильное впечатление производит «Чехо-словацкий корпус» Сахарова. Это отрывок из книги «Белая Сибирь». Из-под пера ярого монархиста вылилась убийственнейшая характеристика «бескорыстных» союзников и «демократов» — чехо-словаков и их покровителей — французов и англичан. Сахаров очень подробно рассказывает, как «доблестные братушки» грабительской, разнузданной и насильнической ордой прокатились по всему необъятному пространству от Волги до Владивостока. Он рассказывает, как ограбили они ту страну, которую защищали от «грабежа большевиков». Правда, царский генерал пылает гневом против чехо-словаков не за это, а главным образом за то, что они отказались быть пушечным мясом в борьбе контр-революции с Соввластью. Но из песни слов не выкинешь. Яркая характеристика одной из страниц интервенции остается в силе.

Оба тома со стороны технической сделаны хорошо. Дана летопись событий, краткий словарь имен и именной указатель.

ПУГАЧЕВЩИНА Т. I. ИЗ АРХИВА ПУГАЧЕВА. Подготовлен к печати С. А. Голубцовым под редакцией С. Г. Томсинского и Г. Е. Меерсона со вступительной статьей С. Н. Покровского. Стр. 287. ГИЗ. 1926, ц. 3 р.

Вот книга, которая производит огромное впечатление.

Через целое полуторастолетие доносится до нас живое, неподдельное дыхание великого крестьянского движения.

По существу эта книга — своеобразная бомба, взрывающая ту толстую кору лжи и сознательного искажения, которую предшествующее поколение историков окружило пугачевщину. Тов. Покровский так и расценивает значение настоящей работы, где впервые собраны и систематизированы все документы, дошедшие до нас из лагеря восставших.

Эти документы, собранные воедино, совершенно новым светом освещают все великое движение. К сожалению, как отмечает т. Покровский, еще очень и очень многие смотрят на пугачевщину сквозь призму пушкинской характеристики: «русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

А архив пугачевщины наглядно показывает, что это был бунт вполне осмысленный и свой смысл сознававший: это был классовый крестьянский смысл борьбы против крепостного помещичьего права, против дворянского крепостнического государства. И вполне понятно, что те, против кого пугачевщина была направлена, называли ее бессмысленным бунтом.

Ну, а беспощадным он действительно был по отношению к своим врагам, и не в большой мере, чем были беспощадны дворяне и их вооруженная сила по отношению к восставшим.

Мы не будем цитировать отдельных документов. Они показывают, что пугачевщина была вполне организованным движением. Она знала планомерную работу не только по организации военных сил, но и по устройству тыла, по созданию власти в занятых местностях, по регулированию отношений между русским крестьянством и национальными меньшинствами и т. д. и т. д.

Документы показывают, что пугачевское движение имело своих дельных, умелых организаторов и работников. Восставший народ сумел выдвинуть из своей среды необходимые ему кадры, способные организовать борьбу с екатерининским государством так, чтобы она приблизительно соответствовала уровню организованности и мощи этого государства.

Технически сделан сборник отлично. Каждый документ сопровождается точными указаниями о его характере, местонахождении и т. п. Помимо подстрочных примечаний, почти к каждому документу (а их всего 271) имеются отдельные примечания в конце; приложены также указатели имен и географических названий.

ХМЕЛЬНИЦКИЙ

ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ. Историко-революционный журнал Всеукраинского Совета Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. № 1 (4). 1926 года. Изд. «Пролетарий».

Это в полном смысле журнал историко-революционного накопления; он охватывает собой все разнообразие исторических моментов, характеризующих процесс нарастания и развития революционных течений, уделяя серьезное внимание каждому хотя бы и незначительному на первый взгляд факту и документу, проливающему свет на те или иные стороны еще неизученной в полной мере истории нашего революционного движения. «Накопление» фактического материала, которое является главной задачей журнала, не заслоняет, однако же и другой важной работы, проводимой органом Всеукраинского Совета О-ва

политкаторжан: это именно уяснения «путей революции», внутренней связи и последовательности в развитии главных факторов революционного движения вплоть до Октябрьского взрыва. Так, в настоящей книжке журнала, наряду с целым рядом статей и сообщений (до 30), касающихся отдельных эпизодов революционной борьбы, мы находим два интересных очерка, раскрывающих идеологическую сущность переживаемого момента. «Чеканные годы» тов. Троцкого и «На путях к пролетарской революции» тов. Шлихтера (А. Г.) как бы суммируют революционные достижения в прошлом и логическую неизбежность их завершения Октябрем.

Прочие статьи журнала, как мы сказали, посвящены отдельным эпизодам историко-революционной жизни. На первом месте следует отметить очерк Феликса Кона «Сорок лет», в котором идет речь о польской партии «Пролетариат» и об известном политическом процессе группы «Пролетариата» (1886 г.), в состав которой входили сам Ф. Кон, т. т. Куницкий, Бардовский, Петрусинский и Оссовский (казненные по приговору военного суда), Ворынский, Шмаус и др. (отправленные в каторгу). Тов. Кон передает подробности процесса и обрисовывает героические фигуры осужденных. Много статей посвящено 1905 году.

Тов. Ткачуков рассказывает о том, «как ликвидировался 1905 год в Харькове», тов. Шлихтер рисует «Киев в октябрьские дни 1905 года (здесь рассказывается о подготовке всеобщей забастовки, о революционном коалиционном комитете, сосредоточившем в помещении университета свою агитационную базу, о политической демонстрации на улицах Киева, о столкновениях с военной силой и т. д.). Тов. Романовский, вспоминая «события в Сорочинцах в декабре 1905 г.», передает любопытный эпизод образования в м. Сорочинцы (Полтавской губернии) «Крестьянского Союза», деятельность которого вызвала целый ряд административных репрессий и под конец кровавую бойню, учиненную исправником Барабашем с участием сотни казаков, и массовые аресты. Тов. Новополин приводит страницу из «Истории Екатеринославского Союза Союзов» (1905 г.). «Союз Союзов» представлял собой характерный опыт амальгамирования всевозможных политических течений (социалистических, демократических, либеральных и т. д.), — опыт, казавшийся вначале осуществимым лишь благодаря резко противоправительственному настроению, охватившему в то время все слои общества. Впоследствии с образованием Советов Рабочих Депутатов и усилением классовой дифференциации, Союзы Союзов превратились в мертворожденное детище «праздно болтающих» интеллигентов. Это сказалось и на деятельности Екатеринославск. «Союза Союзов», который оказался не в состоянии реагировать даже на погромную работу местной Городской думы и вообще дальше революционной фразеологии неспособен был идти.

В «историко-революционном отделе» журнала можно отметить еще материалы, сообщенные тов. В. Плесковым «из истории южно-русской группы учащейся молодежи 1902—1904 г. г.», и тов. В. Дембо о «Бунде в Одессе в конце 1907 года» (три листка-воззвания); в первых рассказывается о широком развитии юношеских организаций, примкнувших к работе соц.-демократ. партии, материалы Дембо рисуют деятельность Бунда в период резкого понижения революционного настроения рабочих масс.

Второй отдел журнала обнимает статьи и материалы о «каторге, тюрьме, ссылке и эмиграции» (шесть статей). Наиболее интересным является очерк тов. А. Черкунова — «Будни и праздники тюрьмы»; это зарисовка отдельных эпизодов из жизни Одесской тюрьмы в период 1907 — 1909 годов.

Полубеллетристический характер носят очерки: Конст. Галкина — «Как я бежал из тюрьмы», тов. Миного — «На поселение» и др. Далее идут отделы «Памяти павших» (некрологи скончавшихся политкаторжан т. т. Поялевского, Афутина). «Из архива и жизни», «Библиография». В тексте имеются рисунки — группы «Пролетариата», осужденных участников события 1 марта 1881 года (10 портретов народовольцев) и др. Вообще книга дает интересный и разнообразный материал для чтения, и остается только пожалеть о том, что по цене (2 р.) журнал не может стать доступным для широких слоев трудящихся.

Опыт библиографии по истории революции на Украине

ПЕРИОДИКА

Предисловие

Несмотря на то, что литература по истории революционного движения на Украине достигла огромных размеров, специальная библиография по этому вопросу, насколько нам известно, совершенно отсутствует. Существующие общие библиографические работы по истории редвижения в России очевидно не могут заменить специальных указателей прежде всего потому, что во всех имеющихся изданиях с относительной полнотой охвачена лишь центральная литература. Кроме того, редвижение на Украине в них особо не выделено и сделать это при помощи указателя, хотя бы снабженного аннотациями, весьма трудно.

Настоящая работа представляет собой попытку систематического изучения литературы по истории редвижения на Украине и, в первую очередь, литературы по 1917 — 1920 г.г. Такое изучение естественно было начать с просмотра журнальной литературы. Мы и пошли этим путем последовательной проработки по возможности полных комплектов тех журналов, в которых можно было ожидать встретить что-либо по интересующему нас вопросу. При этом отмечалось абсолютно все, что только имеет отношение к нашей теме, вне зависимости от размеров и исторической ценности.

В настоящий момент мы публикуем результаты просмотра 60 комплектов различных послереволюционных журналов. В это число вошли основные издающиеся в СССР исторические журналы и ряд советских и партийных (коммунистических) журналов 1917 — 1925 г.г. В 17 из этих 60 изданий украинские историко-революционные материалы отсутствуют вовсе.

Тесная связь и постоянное сплетение общероссийского и украинского революционного движения создают значительные трудности при отборе материала. Во всех сомнительных случаях, при отсутствии других признаков, последним критерием служил территориальный признак — место действия УССР.

Нами принято систематическое расположение материала. Вся революционная эпоха, начиная с 1917 г. и до начала нэпа, разбита нами в приближенной хронологической последовательности на отдельные периоды, являющиеся

бесспорными этапами в ходе революции. Внутри каждого отдела — периода ссылки расположены по отдельным районам Украины. Кроме того внутри, больших отделов выделены некоторые темы, представляющие особый интерес и по которым имеется значительная литература. Напр., в отделе австро-германской оккупации выделено крестьянское повстанческое движение, съезды и конференции КП(б)У, относящиеся к этому периоду. Особо выделены, в связи с наличием значительной специальной литературы, темы не укладывающиеся в рамки отдельных периодов, как, напр., махновщина, григорьевщина.

При составлении схемы указателя мы отнюдь не имели ввиду дать схему истории рев. движения на Украине. Мы стремились только к практическому удобству пользования указателем и исходили из имеющихся запасов материала.

Выделение таких заманчивых в историческом отношении тем, как борьба с российской контр-революцией, борьба с украинской контр-революцией, практически не могло быть проведено вследствие теснейшего переплета этих тем как исторически, так и в литературе. Форма «треугольного боя» наиболее характерна для рев. борьбы на Украине. В разные периоды и в разных районах лишь преобладают те или другие вершины этого «треугольника».

Почти все ссылки снабжены краткими аннотациями, дающими не оценку статьи, но лишь указания на характер даваемых ею сведений. Если в статье имеется «содержание», мы приводим и его. Статьи, относящиеся одновременно к нескольким отделам, указаны во всех отделах. Исключение составляют статьи, охватывающие весь период революции 1917—20 г.г.: они помещены в общем отделе.

В ссылках на статьи, в которых ревдвижение на Украине не является единственной темой, указываются главы и страницы, на которых идет речь о ревдвижении на Украине.

Поскольку в подобной работе неизбежны промахи и пропуски, просим всех заметивших таковые сообщить о них в редакцию жур. «Летопись Революции».

Указатель составлен Е. Розовской под редакцией С. Розена.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ЖУРНАЛОВ

НАЗВАНИЕ ЖУРНАЛА	ОБОЗНАЧЕНИЕ
1. «Агит-пропаганда» — ежемесячник ЦК КПУ. Харь- ков. 1922 г.	«Аг. - проп.».
2. «Архив истории труда в России» — Петроградский Губсовпроф. 1921—23 г.г.	«Арх. - ист. тр.».
3. «Былое» 1917—1925 г.г.	«Былое».
4. «Вестн. агитации и пропаганды» — орган ЦК РКП. 1920—21 г.г.	«Вест. аг. и проп.».
5. «Вестн. Полтавского Губернского Комитета КП(б)У». 1920 г.	«Вест. Полт. Губ. Ком.».
6. «Война и революция». 1925 г.	«Война и рев.».
7. «Дело революции» — орг. Кременчугск. Губкома КП(б)У. 1921—22 г.г.	«Дело рев.».

8. «Еженедельник Правды» — орг. ЦК и МК РКП (первые два номера выходили под назв. «Правда — еженедельн. приложение»). 1919 г., № 1—13 «Ежен. Пр.».
9. «Звезда — Зоря» — орг. Екатеринославского Губпаркома. 1920 — 22 г. «Зв. — Зоря».
10. «Звезда» (продолжение предыдущего). 1923 — 1925 г.г. «Зв.».
11. «Знамя коммунизма» — полит. - экон., агит.- проп. журн. ЦК КП(б)У (продолжения журнала «Агит-пропаганда»). 1922 — 1924 г.г. «Зн. Ком.».
12. «Известия Губкома КП(б)У и Губисполкома Черниговщины» (с 1923 год «Известия Губкома КП(б)У Черниговщины»). 1921 — 1923 г.г. «Изв. Губкома Черниг.».
13. «Кандальный звон» — изд. Одесского отделения об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев. 1925 г. «Канд. звон».
14. «Каторга и ссылка». 1922 — 1925 г.г. «Кат. и ссыл.».
15. «Коммунар» — орг. Киевского Губкома КП(б)У (до № 8 за 1925 год выходил на русском языке). 1924 — 1925 г.г. «Ком - р» (русс.).
16. «Комунар» — орг. Киевского Губкому КП(б)У (выходил на украинском языке). 1924 — 25 р.р. . . . «Ком - р» (укр.).
17. «Коммунист» — орган орг. бюро по созыву конференции партийных организаций коммунистов (б-ков) Украины. Москва, 1918 г., № 1 — 5 (с № 5 стал органом ЦК КП(б)У. «Ком - ст» (ЦК — Москва).
18. «Коммунист» — еженедельное приложение к «Известиям Совета Рабоче - Крестьянской Обороны Украины», Орган ЦК КП(б)У. (Чернигов) 1919 г., № 1 — 2. . . . «Ком - ст» (ЦК — Чернигов).
19. «Коммунист» — орг. ЦК КП(б)У. 1920 — 1921 г.г., № 1 — 7. «Ком - ст» (ЦК).
20. «Коммунист» — орг. Волынского Губкома КП(б)У. 1921 — 23 г.г. «Ком - ст» (Волынь).
21. «Коммунист» — орг. Киевского Губкома КП(б)У. 1920 — 21 г.г. «Ком - ст» (Киев).
22. «Коммунист» — орг. Одесского Губкома КП(б)У. 1920 — 25 г.г. «Ком - ст» (Одесса).
23. «Коммунистический Интернационал». 1919—25 г.г. «Ком. Интерн.».
24. «Коммунистическая мысль» — орг. Киевского Губкома КП(б)У. 1922 — 24 г.г. (с № 6 за 24 г. выходил под назв. «Коммунар») «Ком. мысль».
25. «Красная летопись» — Ленинградский Истпарт. 1922 — 25 г.г. «Кр. Лет.».

26. «Красная Новь». 1921 — 25 г.г. «Кр. Новь».
27. «Летопись революции» — Всеукр. Истпарт. 1922 —
1925 г.г. «Лет. Рев.».
28. «На аграрном фронте». 1925 г. «На агр. фр.».
29. «Наша кузница» — орг. Подольского Губкома
КП(б)У. 1922 г., № 1 — 8 «Наша кузн.».
30. «Новый мир». 1925 г. «Новый мир».
31. «Партийный вестник» — орг. Николаевского Губ-
кома КП(б)У. 1922 г., № 1 — 6 «Парт. вест.».
32. «Партийный работник» — орг. Харьковского Губ-
кома. 1922 г., № 1 — 12 «Парт. раб.».
33. «Пролетарская Мысль» — орг. Агитпропа Харьк.
Губкома. 1923 г. «Прол. Мысль».
34. «Пролетарская Революция». 1921 — 25 г.г. . . «Прол. Рев.».
35. «Пути революции» — Всеукр. о-во полит. ка-
торжан и ссыльно-поселенцев. 1925 г. «Пути Рев.».
36. «Путь к коммунизму» — орг. Черниговского Губ-
кома КП(б)У. 1920 г., № 1. «Путь к ком.».
37. «Русское прошлое» — историч. сборники. 1923 г. «Русск. прош.».
38. «Спутник донецкого пропагандиста» — орг. Донец.
Губпаркома. 1922 — 23 г.г. (до № 7). «Спут. дон. проп.»
39. «Спутник партийного работника Донбасса» —
продолжение предыдущего (начал выходить с № 8).
1923 — 24 г. «Спут. парт. раб.».
40. «Спутник парторботника Екатеринославщины» —
орг. Екатеринославск. Окружка КП(б)У (продолжение
журн. «Звезда»). 1925 г., № 1 «Спут. парт. раб. Екат.».
41. «Труд в России» — (продолжение Арх. ист. тр.
в России). 1924 — 25 г.г. «Тр. в России».
42. «Тюрьма, каторга и ссылка» — орг. Екатерино-
славского об-ва быв. полит. каторжан. 1924 г. . . . «Тюр., кат. и ссылка».
43. «Червоний Шлях». 1923 — 25 г.г. «Черв. Шл.».

СПИСОК ПРОСМОТРЕННЫХ ЖУРНАЛОВ, В КОТОРЫХ НЕ ОКАЗАЛОСЬ ЛИТЕ- РАТУРЫ ПО ИСТОРИИ РЕВ. ДВИЖЕНИЯ НА УКРАИНЕ

1. «Анналы» — журнал всеобщ. истории Рос. Акад.
Наук 1922 — 24 г.г.
2. «Большовик» — орг. ЦК КП(б)У. 1925 г.
3. «Большевик» — орг. ЦК РКП 1924 — 25 г.г.
4. «Борьба классов» — Центрархив Ленинградск. отд. 1924 г., № 1 — 2.
5. «Вестник социалистической академии». 1922 — 25 г.г.
6. «Голос минувшего». 1917 — 23 г.г.
7. «Дела и дни». 1920 — 22 г.г.

8. «Известия Киевского Губкома Коммунистической партии (большевиков) Украины». 1921 — 22 г. г.
9. «Известия Полтавского Губкома КП(б)У». 1921 — 24 г. г.
10. «Известия ЦК КП(б)У». 1922 — 23 г. г.
11. «Историко - революционный бюллетень». Общество политкаторжан, Москва. 1922 г., № 1 — 3.
12. «Историко - революционный вестник». Общество политкаторжан, Москва. 1922 г., № 1 — 2.
13. «Коммунист» — орг. Запорожского Губкома. 1921 — 22 г. г.
14. «Коммунистический путь» — орг. Черниговского Губкома, продолжение «Известий Губкома». 1923 — 25 г. г.
15. «Красный архив» — Центрархив. Ленинград. 1922 — 25 г. г.
16. «Русский исторический журнал» — Рос. Ак. Наук. 1917 — 22 г. г.
17. «Україна» — орг. Укр. Академии Наук. 1924 — 25 г. г.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

- I. **Общий отдел** (от февраля 1917 года до нэпа).
 1. Статьи по истории революции на Украине, не связанные с определенным этапом революции или районом.
 2. Статьи по истории отдельных организаций, охватывающие весь период революции.
- II. **Канун революции.**
(Конец 1916 — начало 1917 г.).
- III. **Февраль — Октябрь на Украине.** (От февральской революции 1917 г. до австро - германской оккупации в начале 1918 г.).
 1. Общие статьи и материалы.
 2. Февраль — Октябрь в отдельных районах Украины
- IV. **Период австро - германской оккупации.**
 1. Общие статьи и материалы
 2. Съезды и конференции КП(б)У, происходившие в этот период.
 3. Крестьянское повстанческое движение.
 4. Потопление Черноморского флота.
 5. Отдельные районы Украины в период австро - германской оккупации.
- V. **Союзная интервенция на Украине.**
- VI. **Второй период Соввласти на Украине.**

I. Общий отдел.

(От февраля 1917 года до н.п.)

1. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ, РЕВОЛЮЦИИ НА УКРАИНЕ, НЕ СВЯЗАННЫЕ С ОПРЕДЕЛЕННЫМ ЭТАПОМ РЕВОЛЮЦИИ ИЛИ С ОПРЕДЕЛЕННЫМ РАЙОНОМ

1. **Б., С.** Диктатура пролетариата и самоопределение Украины. «Ком-ст» (Ц. Б., Москва). 1918 г., № 3—4.

Дискуссионная статья по национальному вопросу. Анализирует лозунг национального самоопределения, не специально об Украине.

2. **Боровой, С.** Революционная листовка в Одессе 1917—1922. «Ком-ст» (Одесса). 1923 г., № 36—37, стр. 85—89.

Очерк развития листовочной литературы за указанный период. Дана общая характеристика листовок, выпущенных за это время различными партиями и организациями (материалы не приведены).

3. **Дробнис.** К 4-му съезду партии. «Вест. Полт. Губкома». 1920 г., № 2, стр. 1—2.

Автор дает краткую характеристику работ первых трех съездов и говорит о задачах и вопросах, которые стоят перед IV съездом КП(б)У.

4. **Кулик, И. Ю.** Краткий очерк истории коммунистической партии (б-в) Украины. «Наша Кузн.». 1922 г., № 3, стр. 100—107; № 4, стр. 85—92.

Исторический очерк, начиная от Февральской революции до 1921 г. (включительно).

5. **Левик, Р.** Профессиональные союзы за три года револю-

ции. (Октябрь 1917 г.—октябрь 1920 г.). «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 115—121.

Краткий исторический очерк развития профессионального движения на Украине.

6. **Лебедь, Д.** Роль крестьянства в украинской революции. «Зв.—Зоря». 1921 г., № 29, стр. 21—22.

Статья общего характера, анализирует роль крестьянства в ходе революции на Украине и в борьбе со всеми видами контр-революции, а также пути создания Соввласти на селе.

7. **Любченко, Панас.** Вплив контр-революції на класову диференціацію українського селянства. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 1, стр. 7—8.

Дискуссионная статья, выясняет влияния гетманщины, деникинщины и польско-петлюровского наступления на крестьянство и отношение последнего к контр-революции, а также пути, которыми компартия должна проводить классовое расслоение крестьянства.

8. **Любченко, М.** Чи відбилася Жовтнева революція на стані освіти й настроях учительства на Україні. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 129—132.

Статья общего характера.

9. **Мазуревич, Г.** Земельна справа на Україні за три роки революції. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 122—124.

Краткий исторический очерк земельного вопроса на Украине за три года революции.

10. **Мизерниций.** Церковное движение на Украине. «Наша Кузн». 1922 г., № 5—7, стр. 9—18.

Исторический очерк. Церковное движение на Украине, начиная с 1917 г., связь его с политической борьбой, причины роста автокефалистического движения, связь последнего с политическим движением — украинскими мелкобуржуазными националистическими партиями, в особенности с У. С.-Д.

11. Та же статья помещена в журнале «Ком-ст» (Волянь). 1923 г., № 1(8), стр. 31—40.

12. **Павлович, Мих.** Украина, как объект международной контр-революции. «Ком. Интерн.». 1920 г., № 12, стр. 2189—2196.

Содержание: 1) украинский гипноз; 2) роль бывшей Российской Империи в мировом хозяйстве; 3) естественные богатства Украины; 4) роль Украины в мировом хозяйстве накануне войны.

13. **Пилипенко, С.** Социальные корни украинской эс-эровщины и эс-дековщины. «Зн. Ком.». 1923 г., № 1—2, стр. 117—127.

Статья является переработанной и дополненной частью статьи «Украинская интеллигенция и Советская власть», помещенной в сборнике «Октябрьская Революция». Статья анализирует социальные корни украинской националистической интеллигенции.

14. **Попов, П.** К итогам аграрной революции на Украине. «Зн. Ком.». 1923 г., № 1—2, стр. 141—144.

Статья сравнивает положение на селе до и после революции 1917 г., рассматривает революционную борьбу за ликвидацию нетрудового землепользования и движение комитетов незаможных селян.

15. **Раковський, Х. Г.** П'ять років української Радянської влади. (Промова тов. Х. Г. Раковського на урочистому засіданні Харківської Міськради 16 липня ц. р.). «Черв. Шл.». 1923 г., № 4—5, стр. 88—106.

Содержание: 1) рабочие и крестьяне доказали свою политическую зрелость;

2) только Советская власть крепка и устойчива; 3) союз Советских Республик — необходимое условие существования Украины; 4) классовые интересы прежде всего; 5) на Украине село часто было альфой и омегой нашей политики; 6) землеустройство — первое и ближайшее задание государства на селе; 7) промышленность финансы; 8) красная армия; 9) борьба за грамотность и культуру; 10) антисемитизм и кооперация; 11) национальный вопрос.

В своей речи на торжественном заседании Харьковского Горсовета тов. Раковский подводит итоги пяти годам существования Советской власти на Украине и намечает ближайшие задачи Соввласти.

16. **Скрипник, М. О.** Начерк історії пролетарської революції на Україні. «Черв. Шл.». 1923 г., № 1, стр. 89—112; № 2, стр. 71—90; № 3, стр. 76—115.

Содержание: 1) накануне; 2) центральная Рада; 3) партийная политика большевиков; 4) классовые отношения на Украине перед Октябрем 17 года; 5) борьба за Октябрь на Украине; 6) октябрьская революция на Украине (декабрь 17 г.—январь 18 г.); 7) советская Украина в первый период своего существования; 8) внешние отношения Советской Украины первого периода; 9) борьба Советской Украины с германским империализмом (февраль—апрель 18 г.); 10) последние шаги Советской власти на Украине.

В гл. 1 дан краткий очерк социально-политических условий на Украине в 1900—1917 г. г. В гл. 3 партийная политика большевиков рассматривается по 3 основным центрам: Одесса, Киев, Харьков. Последняя глава дает историю Таганрогского совещания и характеристику гетманщины. В тексте приведены следующие материалы: тезисы т. Скрипника и тезисы т. Бубнова, Пятакова, Кассиора, Изакова, Коцюбинского на Таганрогском совещании.

17. **Сухоплюев, Ив.** Очерк истории Всеукраинских Съездов Советов. «Зн. Ком.». 1923 г., № 1—2, стр. 106—114.

Краткое описание съездов, бывших на Украине, начиная с первого — в декабре 1917 г. в Киеве и кончая седьмым — в декабре 1922 г. в Харькове.

18. Хейфец, Л. Пятый октябрь. (К годовщине великой Октябр. революции). «Дело рев.». 1921 г., № 1—2, стр. 6—8.

Краткий исторический очерк событий на Украине за четыре года.

19. Хименко, Гр. Будова української соціалістичної держави, загибель української демократії й перемога комунізму. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 2, стр. 69—70.

Краткий очерк корней украинской контр-революции и истории украинских мелкобурж. партий и их роли в рев. движении на Украине.

20. Хименко, Гр. Етапи змагання за українську культуру. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 1, стр. 5—6.

Общий исторический очерк борьбы за украинскую культуру. Чл. образом, о послеоктябрьском периоде и роли компартии в этой борьбе.

21. Хименко, Гр. Українська культура за три роки революції. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 125—126.

Статья общего характера.

22. Хронология революции (ноябрь 1917 г. — январь 22 г.). «Ком. Мысль». 1922 г., № 6(18), стр. 45—62.

Хронология охватывает события, происходившие по всей территории СССР; попутно указываются события, бывшие на Украине.

23. Шумський, О. Стара й нова Україна. «Черв. Шл.». 1923 г., № 2, стр. 91—111.

Содержание: 1) возрождение казачества; 2) социальное происхождение но-

вого казачества; 3) новая Украина; 4) развал казачества.

Статья рассматривает буржуазное и мелкобуржуазное националистическое движение на Украине после 1917 года и попытки возродить украинское казачество. Социально-экономические корни нового казачества (атаманщина, банды, военные отряды). Судьба украинских мелкобуржуазных партий после победы Сов. власти. Статья не окончена. В последующих номерах «Черв. Шляха» продолжение не было напечатано.

24. Щупак, С. Октябрь и Украина. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 37—42.

Общая статья, охватывает период 1917—1920 г. г. на Украине.

25. Яковлев, Я. А. Из подготовительных работ по «истории Октябрьской революции». «Кр. Новь». 1925 г., № 4, стр. 204—220.

Содержание: 1) борьба за восьмичасовой рабочий день; 2) Донбасс.

Борьба за проведение 8-мичас. раб. дня после Февральской революции. В 1-ой главе есть сведения по различным губерниям Украины. Во 2-ой главе — борьба за 8-мичасовой рабочий день в Донбассе.

26. Якир. Основные моменты развития Красной армии на Украине. «Ком. Мысль». 1922 г., № 6(18), стр. 21—23.

Общий исторический очерк.

27. Янковский, А. Три года работы РСМ. (29/X 18 г. — 29/X 22 г.). «Изв. Губкома Черниг.». 1921 г., № 4(6), стр. 15—17.

Статья общего характера. Подводит итоги работы РСМ во всесоюзном масштабе. Есть данные о работе на Украине.

2. СТАТЬИ ПО ИСТОРИИ ОТДЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОХВАТЫВАЮЩИЕ

ВСЕШ ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ

28. Из истории Ходорновской организации. (Из впечатлений участника). Киевское бюро Истпарта. «Ком. Мысль». 1922 г., № 5(17), стр. 53—55.

Краткий исторический очерк революционной, а затем большевистской организации м. Ходоркова, Киевской губ., с 1905 по 1919 г.

29. История ком'ячейки при фабрике „Ястреб“ «Наша Кузн.». 1922 г., № 3, стр. 110—112.

«Ястреб» — механическое производство армейской обуви в Виннице. Очерк составлен ячейкой по требованию агитпропа во время «двухнедельника по укреплению партии». Он охватывает в кратких чертах период от Февральской революции до начала 1921 г.

30. Сведения о перемене властей в

г. Могилеве с 1917 г. по 1921 г. «Наша Кузн.». 1922 г., № 5—7, стр. 156.

Список 18 перемен властей в Могилеве.

31. Югов, М. От знания оружия — к оружию знания. (Пять лет революционной борьбы Одесской организации КСМ). «Ком-ст» (Одесса), 1922 г., № 23, стр. 70—74.

Краткий очерк по истории комсомола в Одессе.

II. Канун революции

(Конец 1916 г. — начало 1917 г.)

32. Гамбаров, Александр. Очерк по истории революционного движения в Луганске. (1901—1921 г. г.). «Лет. Рев.». 1923 г., № 4, стр. 41—82.

В гл. V, период реакции (1908—1916 г. г.), описывается Луганск и его большевистская организация накануне Февральской революции 1917 года — стр. 81—82. Продолжение статьи Гамбарова, которая, судя по подзаголовку, доведена до 1921 г., в журнале «Лет. Револ.» не было напечатано.

33. Завод „Наваль“ в годы революции. (Из воспоминаний А. Шкребы). «Парт. Вест.». 1922 г., № 4, стр. 65—66.

Содержание: 1) накануне; 2) Февральская революция; 3) Октябрьская революция.

Воспоминания рабочего — большевика о Николаевском заводе «Наваль», начиная с забастовки на заводе в начале 1916 г. и кончая 1920 г.

34. „Заднепровец“ (Лебедь Д.). Очерки революционной работы на Екатеринославщине до 1917 г. (В Заднепровье). «Лет. Рев.». 1923 г., № 2, стр. 112—124.

Воспоминания о работе большевистской организации в 1910—17 г. г. Оканчиваются первыми днями Февральской революции.

35. Иванов, М. О событиях, предшествовавших введению нового строя. (Документы). «Лет. Рев.». 1923 г., № 5, стр. 227—232.

Содержание: 1) вредно с воспитательной стороны; 2) дальнейшее наблюдение установлено; 3) недоразумение; 4) сделать расчет; 5) спокойно разошлись; 6) готовые к услугам.

Статья составлена по «делу» канцелярии Харьковского губернатора. Дело начинается 23 февраля, кончается 1 марта 1917 года.

36. Козырев, Г. Завод «Наваль» во время империалистической бойни. «Парт. вест.». 1922 г., № 5, стр. 53—54.

Автор воспоминаний — быв. рабочий зав. «Наваль», активный участник рабочего движения в Николаеве. Статья характеризует настроения рабочих завода во время империалистической войны и останавливается на забастовке, бывшей на заводе в 1916 г.

37. Пархоменко, М. Тяжелые времена. («Наваль» в 1914—1917 годах). «Парт. вест.». 1922 г., № 6, стр. 62—65.

Содержание: 1) забастовка протеста; 2) завод во время войны; 3) после переворота.

Воспоминания рабочего о положении на заводе «Наваль» в Николаеве и о стачке в 1916 г.

38. Статистика забастовок за январь 1917 г. (Сообщ. Р. М. Кантор). «Арх. ист. тр.». 1923 г., № 6—7, стр. 188—189.

Статья общего характера, есть статистические сведения по различным губерниям Украины.

39. **Суханов, А.** Заднепровье (1913—1917 г. г.). «Лет. Рев.». 1923 г., № 4, стр. 103—120.

Содержание: гл. 6. В преддверии Февральской революции; гл. 7. Организация Красной гвардии; гл. 8. Германская оккупация.

Воспоминания большевика, относящиеся главным образом к Екатеринославу и прилегающим к нему по другую сторону Днепра рабочим поселкам—Амур-Нижнеднепровск и др. Заканчиваются декабрем 1918 г. В конце статьи приведена довольно подробная биография тов. Ключко. Рассматриваемый период начинается в статье только с шестой главы.

40. **Терехов, Р. Я.** Берестово-Богодухово-Кальмиусский ра-

йон. (1903—1918 г. г.). «Лет. Рев.». 1923 г., № 5, стр. 147—158.

Содержание: 1916 год; 1 мая и 4 апреля (1916 г.); Октябрьский переворот; наступило подполье (конец 1917 г.; занятие района белыми казачьими отрядами); в дни Бреста.

Воспоминания большевика доведены до апреля 1918 г., до оккупации района немцами. Выписанные выше главы начинаются со 153 стр.

Кроме материалов, приведенных в данном разделе указателя, по этому же вопросу смотри статьи:

Зайцев, Ф. Как мы творили Октябрь. № 80, 81.

Казимирчук, П. Революционное движение в Горлово-Щербиновском районе Донбасса. № 82.

III. Февраль—Октябрь на Украине

(От Февральской революции 1917 г. до австро-германской оккупации в начале 1918 г.)

1. ОБЩИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

41. **Бакинский, Сергей.** Диктатура класса или соглашательство? «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Статья анализирует политику Центральной Рады от Октябрьской революции до разгона ее германским командованием в мае 1918 г. Взаимоотношения Центр. Рады, большевиков и Соввласти. Октябрьские дни в Киеве.

42. **Бош, Е.** Областной партийный комитет соц.-дем. (б-ков) Юго-Западного Края (1917 г.). «Прол. Рев.». 1924 г., № 5 (28), стр. 128—149.

Автор — секретарь Областного Комитета, рассказывает об его организации (апрель 1917 г.) и деятельности до декабря 1917 г., когда 1/XII 1917 была созвана краевая партконференция и организован краевой парткомитет. В конце статьи приложена резолюция конференции военной организации Р. С. Д. Р. П. (б-ков и интернац.) юго-зап. фронта, состоявшейся 12/IX 1917 г.)

43. **Десняк, В.** Зігзаги націоналістичної контр-революції

та боротьба за Жовтень на Україні в 1917 р. «Черв. Шл.». 1925 г., № 11—12, стр. 137—175.

Содержание: 1) литература и материалы по истории революции на Украине; 2) у нас, слава богу, есть Центральная Рада; 3) предоктябрьские центры украинской реакции; 4) великий Октябрь и Украина; 5) борьба за Советскую власть.

44. **Затонский, Вл.** Из недавнего прошлого. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Статья рассматривает политику большевистской партии по национальному вопросу. гл. обр. на Украине, и взаимоотношения большевиков с украинским шовинизмом и Центральной Радой от Февральской революции по май 1918 г., а также говорит о задачах, стоящих летом 1918 года перед компартией на Украине.

45. **Марин, Н.** Воспоминания рабочего о Южном фронте. (1918—1920). «Прол. Рев.». 1925 г., № 9 (44), стр. 118—143.

В статье рассказывается о пребывании автора в Донской области, в Луганске, о борьбе с Красновым, Деникиным, Врангелем в составе 15-ой Инзенской дивизии.

46. Полярный, Л. Червоное казачество в революции. (Из прошлого 1-го конного корпуса). «Прол. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 43—53.

Содержание: 1) зарождение червонного казачества; 2) боевое крещение; 3) в тылу у германских завоевателей; 4) снова на освобождение Украины; 5) от Орла до Перекопа; 6) поляки, Петлюра и Махно.

Воспоминания.

47. Попов. Воспоминания о Курском Советском полке. (1918—1919 г.). «Прол. Рев.». 1925 г., № 7 (42), стр. 156—167.

Автор — участник гражданск. войны. В воспоминаниях говорится об организации полка под Белгородом — стр. 156—160, о борьбе за Луганск — 165—166.

48. Пятанов, Г. Трагедия Украины. «Ком-ст» (ЦК Москва). 1918 г., № 1—2.

Анализ революционных событий на Украине с октября 1917 г. по май 1918 г. Борьба с Центральной Радой. Экономические предпосылки германской оккупации. Падение Центральной Рады и провозглашение П. Скоропадского гетманом.

49. Рубач, М. К истории конфликта между Совнаркомом и Центральной Радой (декабрь 1917 г.). «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 53—85.

Материалы с комментариями. Рисуют взаимоотношения Центр. Рады с Советским Правительством (в Ленинграде) и с Калединым и Доном. Среди приведенных документов — ультиматумы Совнаркома Центральной Раде и ответы генерального секретариата, протоколы генерального секретариата, письмо т. Сталина к украинцам тыла и фронта (25/XII) и др.

50. Скрыпник, Н. Донбасс и Украина. (Из истории революционной борьбы на Украине 1917—1918 г. г.). «Ком-ст» (ЦК). 1920 г., № 4, стр. 52—54.

Автор останавливается на моментах борьбы с Центр. Радой во время 1-го с'езда советов, организации Донецко-Криворожской республики, 2-м всеукраинском с'езде, разногласиях между работниками Приднепровья и Донбасса по вопросу о борьбе с Центр. Радой на I с'езде КПУ в Москве.

51. Федоряченко, участвовавший матрос. В корниловские дни в Черноморском флоте. «Кр. Лет.». 1923 г., № 6, стр. 159—161.

Автор-матрос был в отряде добровольцев, направившихся из Севастополя на борьбу с Корниловым. Воспоминания говорят о боях с корниловцами в районе Белгорода и о боях с гайдамаками в районе Александровска (на обратном пути). Отряд был организован под руководством т. Мокроусова.

52. Ш. С. (Шрейбер, С.). Из истории Соввласти на Украине. (О первом Всеукраинском С'езде Советов и Первом Советском Правительстве Украины). «Лет. Рев.». 1924 г., № 4 (9), стр. 166—185.

Содержание: 1) созыв с'езда; 2) начало с'езда; 3) перенесение с'езда в Харьков; 4) в Харькове; 5) образование всеукраинского правительства и условия его работы; 6) из деятельности ЦИКУ и Народного Секретариата; 7) Центральная Рада низложена; 8) аннулирование радовской денежной системы; 9) борьба с саботажем; 10) советское Правительство. Украины и мирные переговоры; 11) военное дело.

Статья составлена по материалам вечера воспоминаний, в котором участвовали т. т. Скрыпник, Ауссем, Кулик, Люксембург, Медведев, Терлецкий, и по материалам, опубликованным в Вістях Укр. Нар. Респ. Декабрь 1917 г.—январь 1918 г.

53. Шрейбер, С. Основание КП(б)У (К пятилетию первого с'езда). «Ком. Мысль». 1923 г., № 6—7, стр. 40—47.

Очерк истории развития КП(б)У, «Спилка» (1904—1909 г. г.), I. Всеукраинский С'езд Советов, Таганрогское Совещание, I С'езд КП(б)У (гл. образом — о последнем).

2. ФЕВРАЛЬ — ОКТЯБРЬ В ОТДЕЛЬНЫХ РАЙОНАХ УКРАИНЫ

ХАРЬКОВЩИНА

54. Буздалин, С. Октябрьская революция в Харькове. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 35 — 38.

Воспоминания большевика, члена Харьковского парт. комитета того периода о работе с августа 1917 г. по январь 1918 г.

55. Буздалин, С. Наша Красная гвардия. «Прол. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 5.

Воспоминания об организации первых боевых дружин в 1917 г. в Харькове и их борьбе на фронтах.

56. Гулый, Н. Красная гвардия железнодорожников. «Пролетарск. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 6.

Воспоминания об организации вооруженных отрядов железнодорожников в Харькове летом 1917 г. и их участии в борьбе после октябрьского переворота.

57. Долой буржуазное Временное Правительство (митинг на заводе ВЭК). «Парт. раб.». 1922 г., № 11—12, стр. 191.

Приведена резолюция, вынесенная на митинге рабочих завода ВЭК 5 мая 1917 г., требующая ухода Временного Правительства и агитации за передачу власти Совету Раб., Солд. и Крестьянск. Депутатов.

58. Единственный выход — разрыв с буржуазией (30-й полк в июле 1917 г.). «Парт. раб.». 1922 г., № 11—12, стр. 192.

Резолюция, вынесенная солдатами 30-го пех. полка 13 июля 1917 года о том, что революция в опасности и необходимо передать всю власть Советам.

59. Локатош, И. Харьковские коммунары в боях с немцами. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 76—82.

Автор — активный участник борьбы. Воспоминания относятся к началу 1918 г.: формирование отрядов, борьба с наступлением оккупационных войск под Харьковом и в Донбассе — вплоть до отступления в Донские степи.

60. Моргунов, В. Организация и борьба Красной гвардии на Украине в 17—18 г.г. «Лет. Рев.». 1923 г., № 5, стр. 159—166.

Воспоминания большевика. Организация отрядов в Харькове, борьба с германскими войсками. Отступление на Луганск. Май 1917 г. — лето 1918 г.

61. Паплов. От Харькова до Царицына. «Прол. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 25 — 26.

Борьба харьковских отрядов с немецкими войсками при отступлении из Харькова в 1918 г.

62. Покко, С. Организация и борьба Красной гвардии в Харькове. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 44 — 48.

Воспоминания большевика охватывают период от корниловской авантюры до оккупации Украины немцами.

63. Покко. История этого мандата. «Парт. раб.». 1922 г., № 11—12, стр. 187 — 188.

О мандате, данном автору тов. Артемом в бытность его председателем Временного Рабоче-Крестьянского Правительства Украины в январе 1918 г. для переговоров по прямому проводу с Москвой. К статье приложен автограф тов. Артема.

64. Поляков, И. А. (Гельферих-Саде). Каким путем было главным образом достигнуто вооружение образовавшейся в Харькове Красной гвардии. «Лет. Революц.». 1923 г., № 3, стр. 73 — 74.

Автор воспоминаний рассказывает о получении в Туле оружия и доставке его в Харьков для вооружения рабочих осенью 1917 года.

65. Попов, Н. Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 г. до декабря 18 г. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 16 — 34.

Автор очерков, ныне коммунист, в охватываемый очерками период был меньшевиком и работал в Харькове.

66. Революция в опасности — вся власть Советам. (Паровозный завод в августе 1917 г.). «Парт. раб.». 1922 г., № 11—12, стр. 191.

Приведена вынесенная рабочими паровозного завода резолюция протеста

против политики Временного Правительства с требованием передачи власти Советам.

67. Савицкий, Г. Пять лет борьбы. «Прол. мысль». 1923 г., № 2, стр. 24.

Воспоминания об организации Красной гвардии.

68. Силин (Бирзней) и Симкин. (Б. рабочие завода ВЭК). Создание харьковской Красной гвардии «Прол. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 7 — 12.

Содержание: 1) завод ВЭК — зародыш Красной гвардии; 2) первое оружие и начало обучения; 3) выработка инструкций и создание штаба для Красной гвардии; 4) требования рабочих; 5) добыча оружия из города Тулы; 6) начало борьбы; 7) ликвидация гайдамаков.

Воспоминания.

69. Требуем нового правительства. «Парт. работ.». 1922 г., № 11 — 12, стр. 190 — 191.

Заметка о митинге рабочих «ВЭК», состоявшемся в Харькове 22 апреля

1917 г., на котором была вынесена резолюция, требующая ухода Временного Правительства.

70. Харьковская Красная гвардия. «Лет. Рев.». 1923 г., № 3, стр. 70 — 72.

Отрывки из рассказа т. Кина на вечере воспоминаний, посвященном организации Красной гвардии в Харькове.

71. Харьковская Красная гвардия. (Вечер воспоминаний). «Прол. Мысль». 1923 г., № 2, стр. 13 — 23.

Содержание: 1) как вооружалась Красная гвардия; 2) первые уроки; 3) боевая деятельность Красной гвардии; 4) борьба с германскими насильниками; 6) из борьбы с Деникиным.

В этом вечере принимали участие организаторы Красной гвардии в Харькове: т. т. Зайцев, Кин, Киркиж, Силин, Симкин и др.

Кроме материалов, приведенных в данном разделе указателя, по этому же вопросу смотри статью:

Скрыпник, Н. Донбасс и Украина. № 50.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНА

72. Аверин, В. В дни корниловского мятежа на Екатеринославщине (8-го августа 1917 года) «Зв. Зоря». 1922 г., № 9 (38), стр. 21 — 22.

Воспоминания. Автор большевик, активный работник Екатеринославщины в 1917 — 20 г. г.

73. Гопнер, С. Мои воспоминания. «Зв. Зоря». 1921 г., № 29, стр. 36 — 39.

Работа большевиков в Екатеринославе в 1917 г. от Февральской революции до Октябрьского переворота.

74. Квиринг, Э. Дооктябрьские дни в Екатеринославе. «Зв. Зоря». 1921 г., № 29, стр. 34 — 36.

Воспоминания о партийной работе с марта по ноябрь 1917 г.

75. Квиринг, Э. Екатеринославский Совет и Октябрьская революция. «Лет. Рев.», 1922 г., № 1, стр. 63 — 73.

Воспоминания большевика, гл. обр. о работе Совета Раб. и Солд. Депутатов с марта по декабрь 1917 г.

76. Квиринг, Э. Соотношение реальных сил. (В октябре — декабре 1917 года в Екатеринославе). «Зв. Зоря». 1920 г., № 17, стр. 7.

Краткий очерк.

77. Луговой, А. Эпоха бури и натиска. «Зв. Зоря». 1921 г., № 29, стр. 39 — 43.

Декабрьские дни 1917 г. в Екатеринославе. Воспоминания большевика.

78. Октябрь в Екатеринославе «Спут. парт. раб. Екат.». 1925 г., № 1, стр. 11 — 13.

Содержание: 1) формирование и укрепление большевистских ячеек в Ек-ве; 2) царская власть направляет свои удары главным образом на большевиков; 3) меньшевики и эсеры в первые дни Февральской революции; 4) рабочие массы оставляют социал-соглашателей; 5) этапы к Октябрю; 6) революционное настроение екатеринославских рабочих и первая весть из Питера; 7) канун великого переворота в Екатеринославе.

Краткая компилятивная статья, охватывает период от 1914 по декабрь 1917 г.

79. **Равич - Чернацкий, М.** Февраль — декабрь 1917 г. в Екатеринославе. (Очерки). «Лет. Революц.». 1922 г., № 1, стр. 74 — 80.

Воспоминания большевика.

Кроме материалов, приведенных в

данном разделе указателя, смотри также статьи:

Заднепровец (Д. Лебедь). Очерки революционной работы на Екатеринославщине. № 34.

Суханов, А. Заднепровье. № 39.

ДОНБАСС

80. **Зайцев, Ф.** Как мы творили Октябрь (1917—1918 г. г. в Юзовке). «Лет. Революц.». 1925 г., № 4 (13), стр. 132 — 146.

Содержание: 1) перед революцией; 2) Февральский переворот; 3) борьба с меньшевиками и эсерами за Совет; 4) Красная гвардия и борьба с Калединым; 5) наступление немцев; 6) период партизанщины.

Воспоминания большевика, охватывают период от начала мировой войны (1914 г.) по апрель — май 1919 г., в Донбассе (гл. обр., Юзовка). В последней главе рассказывается о махновщине в начале 1919 г.

81. **Зайцев, Ф.** Юзовка (воспоминания рабочего). «Спут. Дон. Проп.». 1923 г., № 1 — 2, стр. 122 — 133.

Содержание: 1) перед революцией; 2) Февральский переворот; 3) борьба за Октябрь; 4) Октябрь и гражданская война; 5) оккупация.

Об этом же см. ст. того же автора, № 80.

82. **Казимирчук, П.** Революционное движение в Горлово-Щербиновском районе Донбасса (воспоминание). «Лет. Револ.». 1923 г., № 3, стр. 41 — 69; № 4, стр. 123 — 130.

Автор — большевик. Воспоминания охватывают время с 1916 г. по апрель 1918 г. и останавливаются последовательно на всех этапах революционного движения этого периода в названном районе.

83. **Медне, Эд.** Октябрьская революция в Донбассе. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 49 — 54.

Содержание: 1) как мы выбирали в волостное земство; 2) после Октября.

Воспоминания большевика, охватывают период от апреля 1917 г. по январь 1918 г. Первая часть воспоминаний относится к Гришинскому району, вторая — к Бахмуту.

84. **Петровский, Г.** Очерк из Октябрьской революции в Донбассе. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 59 — 62.

Воспоминания большевика об октябре и ноябре 1917 г., когда автор по заданию ЦК РКП объезжал Донбасс.

85. **Погребной, С.** Луганск и его пролетариат. «Лет. Рев.». 1924 г., № 4 (9), стр. 53 — 65.

Содержание: 1) Февраль и октябрь 1917 г. в Луганске; 2) революция в подполье (1918—19 г. г.); 3) оборона Луганска (1919 г.).

Воспоминания о работе в Луганске от Февральской революции до эвакуации Сов. власти в 1919 г.

86. **Погребной, С.** Луганск и его пролетариат. (Очерк революционного движения с Февральской революции по 1918 г.) «Спут. Дон. Проп.». 1922 г., № 10, стр. 9 — 11.

За незначительными редакционными изменениями и сокращениями то же, что и гл. I статьи Погребного в «Летописи Революции». См. предыдущий №.

87. **Соколовский, А.** Ясиновский рудник. (Из воспоминаний рабочего). «Спут. Дон. Проп.». 1922 года, № 10, стр. 12 — 15.

Автор — большевик. Воспоминания начинаются с Февральской революции; организация большевиков на руднике, организация первых отрядов Красной гвардии, борьба с Чернецовым, Октябрьский переворот, вооруженная борьба Красной гвардии с Калединым во всем Донбассе — вплоть до занятия рудника белыми — в конце января 1918 г.

88. **Трошин, А.** Февраль и Октябрь в Макеевке «Лет. Рев.». 1925 г., № 4 (13), стр. 147 — 154.

Воспоминания большевика. От Февральской революции до германской оккупации (23 марта 1918 г.).

89. **Холмская, Е.** Из истории борьбы в Донбассе в Октябрьские дни. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 55—58.

Воспоминания большевика, главным образом, о борьбе с казаками в ноябре —

декабре 1917 г.

Кроме статей, приведенных в этом разделе указателя, смотри также статью:

Терехов, Р. Я. Берестово — Богодухово — Кальмиусский район, № 40.

КИЕВЩИНА

90. **Бош, Е.** Октябрьские дни в Киевской области (пятая глава из «Хроники революционной жизни Украины»). «Прол. Рев.». 1923 г., № 11 (23), стр. 52—67.

Содержание: 1) Киев; 2) Винница; 3) Жмеринка; 4) 2-й гвардейский корпус.

Воспоминания о борьбе с юнкерами и Центр. Радой в октябре 1917 г. за захват власти.

91. **Веденский, В.** Перед Октябрем и в Октябре. (Несколько беглых воспоминаний, несколько портретов вскользь). «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 46—51.

Июль 1917 г. — январь 1918 года в Киеве.

92. **Воззвания.** «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 59—63.

Приведены следующие воззвания, изданные в октябре 1917 г. в Киеве:

1. «Товариші робітники і салдати» за подписью «Революційний Комітет Київського Ком. Рос. Соц.-Дем. Роб. Партії більшовиків» від 26/X 1917 р. (о нем см. «Лет. Рев.» № 1 за 1922 г., стат. И. Кулика).

2. «К рабочим и солдатам г. Киева», от Киевского Комитета РСДРП (большевики) (дата не указана).

3. «Солдаты и рабочие». От революц. Комитета Киевского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов от 29/X 1917 г. Призыв к подчинению Ревкому.

4. «Товарищи рабочие и солдаты». Призыв к восстанию. Без подписи.

93. **Гамарник, Ян.** 25-ое октября 1917 года. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 109—111.

Воспоминания большевика об Октябрьском восстании в Киеве.

94. **Дегтяренко.** Из истории революции на Киевщине. «Ком. Мысль». 1922 г., № 7 (19), стр. 95—101.

16 Летопись Революции № 3 — 4

Автор — большевик, работал в Киеве. Воспоминания о большевистском перевороте в Киеве, о борьбе с немцами, работе в германском и петлюровском подполье.

95. **Затонский, Вл.** Октябрь 17 г. в Киеве. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 142—146.

Воспоминания о соотношении сил и о борьбе в октябрьские дни в Киеве в 1917 г.

96. **Иванов, А.** Центральная Рада и Киевский Совет в 1917—18 году. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 9—15.

Воспоминания большевика, охватывают период от февраля 1917 г. по февраль 1918 г.

97. **Иванов, А.** Центральная Рада и Киевский Совет. (К пятилетию Октябрьского восстания). «Ком. мысль». 1922 г., № 6 (18), стр. 85—88.

В несколько сокращенном виде та же статья, что и в журнале «Летопись Революции», см. предыдущий номер.

98. **К истории Треугольного боя в Киеве.** (Октябрь, 1917 г.). «Лет. Рев.». 1924 г., № 4 (9), стр. 186—194.

Содержание: 1) от редакции; 2) протокол заседания комиссии «по выработке условий прекращения военных действий в гор. Киеве» (31/X 1917 г.).

99. **Насяненко, Евг.** Трескучий бій. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 133—134.

Воспоминания об октябрьских боях в Киеве в 1917 г. Автор — б-к, в то время был левым у. с.-д.

100. **Клименко, И.** Из прошлого революционной борьбы на Украине. (Вместо воспоминаний). «Зв.—Заря». 1921 г., № 29, стр. 46—48.

Автор — большевик, дает отдельные картины прошлого: 1) январские бои

в Киеве в 1918 г.; 2) Одесса в декабре 1918 г., подготовка б-ков к выступлению, которое не состоялось, т. к. петлюровцы, узнав об этом, выступили из Одессы и город остался во власти добровольцев.

101. Кудрин. 3-й авиационный парк в Октябрьские дни. «Ком-ст» (Киев). 1920 г., № 3, стр. 140—141.

Воспоминания об октябрьских боях в Киеве в 1917 г.

102. Кузьковская, Б. Женщина в боях Арсенала. «Ком. мысль». 1922 г., № 6 (18), стр. 93—94.

Содержание: 1) Октябрьские дни; 2) январские дни.

Киев в 1917—18 годах Воспоминания.

103. Кулик, И. Октябрьские дни в Киеве. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 39—43.

Воспоминания большевика об октябрьском восстании 23—31 октября.

104. Кулик, И. Ю. Киевская организация от февраля до октября 1917 года. «Лет. Рев.». 1924 г., № 1 (6), стр. 189—204.

Содержание: 1) первые шаги (до июльских дней); 2) организационное укрепление; 3) работа в армии; 4) работа среди пролетариата; 5) политические кампании (день рабочей печати 22/III; 1-ое мая; 18/VI демонстрация против войны); 6) влияние на периферию; 7) отношение к Временному Правительству и мелкобуржуазным группировкам; 8) национальный вопрос; 9) июль—октябрь.

Воспоминания о работе большевистской организации вплоть до Октябрьского восстания. Октябрьское восстание в Киеве не описано.

105. Майоров. Киев в 1917 году. «Ком-ст» (Киев). 1920 год, № 3, стр. 135—139.

Содержание: 1) как киевские рабочие и крестьяне боролись за Советскую власть; 2) Совет Солдатских Депутатов; 3) июльские дни в Киеве; 4) наступление Керенского 17 мая 1917 года; 5) организация Центральной Рады и ее предательская роль; 6) Октябрьская революция в Киеве и Центральная Рада;

7) второй день после победы; 8) январское восстание; 9) Советская власть в Киеве.

Воспоминания б-ка, активного участника борьбы.

106. Манилов, В. Несколько документов об Октябрьских днях в Киеве. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 52—55.

Материалы с комментариями. Взяты из дела, носящего заголовок: «Судебного следователя Киевского окружного суда по важнейшим делам Н. Р. Квятницкого, предварительное следствие по делу о приготовлении к восстанию членов Киевской социал-демократической партии большевиков 101 ст. Уголовн. улож.».

107. Манилов, В. Революция 1917 г. на Киевщине. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 69.

Предисловие к хронике событий в октябре 1917 г. в Киеве. печатаемой в том же номере журнала. См. № 116.

108. Мищенко, С. Январское восстание в Киеве. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 20—43.

Содержание: 1) от редакции; 2) от автора: гл. 1. Накануне восстания; гл. 2. Начало восстания; гл. 3. Развитие боев и перемирие; гл. 4. Арест делегации арсенала; гл. 5. Падение арсенала и последние акты борьбы; гл. 6. Занятие гор. Киева Советскими войсками.

Воспоминания большевика, участника восстания. Январь 1918 г. в Киеве.

109. Патлах. Январское восстание и железнодорожники. (Из воспоминаний о январском восстании). «Коммунист. Мысль». 1922 г., № 6 (18), стр. 89—90.

Более подробная статья того же автора помещена в «Лет. Рев.», см. следующий номер.

110. Патлах. Киев в январе 1918 года. (Воспоминания). «Лет. Рев.». 1923 г., № 3, стр. 18—27.

Автор—большевик, один из организаторов борьбы железнодорожников с гайдамаками во время январского восстания. Воспоминания касаются главным образом роли железнодорожников в восстании.

111. Прокламации. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 59 — 64.

Прокламации, выпущенные Революционным Комитетом, Киевским Ком-том РСДРП и Киевским Советом Раб. и Солд. Депутатов в октябре 1917 г.: 1 — на укр. языке и 3 — на русском.

112. Протокол—заседания комиссии „по выработке условий прекращения военных действий в г. Киеве“. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 64 — 68. См. также № 98.

113. Протокол допроса арестованных большевиков в октябре 1917 г. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 56 — 58.

Киев. Арестованные: Георгий и Леонид Пятаковы, М. П. Зарницын, И. Гамарник, И. Кулик и др., всего 12 чел. Приложение: фотография протокола.

114. Флоровский, Иван. Воспоминание об Октябрьском восстании в Киеве. «Прол. Рев.». 1922 г., № 10, стр. 520 — 525.

Автор — солдат 3 авиационного парка, рядовой участник восстания. Описываются бои 25/X — 2/XI 1917 г.

115. Фотография записки Л. Пятакова в Рев. Комитет большевиков о во-

оружении штаба Красн. гвардии. «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, к стр. 68. Киев, 1917 год.

116. Хроника событий. С 1-го по 25 Октября ст. ст. (составлена сотрудником Историко-рев. Архива Киевщины Ф. Ястребовым). «Ком-р» (русс.). 1924 г., № 13, стр. 70 — 83.

Составлено гл. обр. по газете «Киевская Мысль».

117. Штелок. Накануне Октябрьского восстания. «Ком. Мысль». 1922 г., № 6 (18), стр. 91 — 92.

Содержание: 1) накануне Октябрьского восстания в Киеве; 2) восстание в автопарке. Воспоминания об Октябрьских днях (25 — 31/X) в Киеве.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также следующие статьи:

Бакинский, Сергей. Диктатура класса или соглашательство? № 41.

Бош, Е. Областной партийный комитет соц.-дем. (б-ков) Юго-Западного Края. № 42.

Капуловский. Организация восстания против гетмана. № 232.

ЧЕРНИГОВЩИНА

118. Быструков. Городнянщина в 1917 — 1918 г. г. (Из истории гражданской войны на Черниговщине). «Лет. Рев.». 1925 г., № 4 (13), стр. 104 — 131.

Содержание: 1) падение царизма; 2) Октябрь; 3) первый период существования Советской власти на Городнянщине; 4) оккупация; 5) переговоры с немцами и городским самоуправлением; 6) городнянский бой (декабрь 1918 г.); 7) временный Военно-Революционный Комитет.

Статья составлена по личным воспоминаниям, архивным материалам и заметкам участников.

119. Табаков, З. Октябрьская

революция в Черниговщине. (Памяти конотопских пролетариев, павших в борьбе за диктатуру пролетариата, посвящая). «Лет. Рев.». 1922. № 1, стр. 143 — 170.

Автор — коммунист, в описываемый период был левым эсером, членом конотопского ревкома. Воспоминания касаются почти исключительно Конотопа и охватывают время от корниловщины до занятия Конотопа немцами 27/II — 18 г. Наибольшее внимание уделено следующим моментам: политические группировки перед Октябрем, переворот, борьба с петлюровщиной, организация Красной гвардии.

ПОЛТАВИЩИНА

120. Буценко, А. О расколе УСДРП 1917 — 18 г. г. «Лет. Рев.». 1923 год, № 4, стр. 121 — 122.

Автор воспоминаний, ныне коммунист, быв. украинский социал-демократ, являлся одним из организаторов раскола

в Полтаве. Кроме описания раскола Украинской соц.-дем. раб. партии в Полтаве, в статье рассказывается о слиянии левых УСД с КП(б)У на 1-ом съезде.

121. **Мазлах, Сергей.** Октябрьская революция на Полтавщине. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 126 — 142.

Содержание: 1) Февральская революция; 2) Октябрьские дни; 3) переход власти к Полтавскому Совету.

Воспоминания большевика, охватывают период февраль — апрель 1917—18 г.г.

122. **Сметанич.** Полтава перед Октябрем. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 62 — 70.

Воспоминания большевика о работе в Полтаве. Охватывают период от Февральской революции до установления Соввласти в январе 1918 г., главным образом, о борьбе с гайдамаками в декабре — январе 1917—18 г.г. Попутно рассказывается история «Переяславльской республики» с Хрустальевым-Носарем во главе.

КРЕМЕНЧУГ

123. **Лапчинський, Т.** Зародження Радянської влади та перші її кроки в одному з міст українських. (Кременчуцькі спогади). «Черв. Шл.». 1925 г., № 1 — 2, стр. 121 — 144.

Работа Кременчугской большевистской организации после Февральской революции и до конца 1917 года, партийные группировки, подготовка Октября.

ВОЛЫНЬ

124. **Борисов.** Очерки революции на Волыни. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 50 — 61.

Содержание: 1) период керенщины; 2) Октябрьские события в Житомире.

Воспоминания о работе большевистской организации и ходе революционных событий в Житомире с мая 1917 г. по 7/II 1918 г.

125. **Гендлер, М.** О революционных событиях в Волынской губ.

(м. Березна) 1917—19 г.г. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 202 — 205.

Содержание: 1) Октябрьская революция и петлюровщина; 2) гетманщина; 3) опять петлюровщина и наша работа; 4) образование Ревкома.

Воспоминания быв. члена еврейской объединенной соц. партии (е. с. и с. с.), охватывают период февраль 1917 г. — май 1919 г.

ПОДОЛИЯ

126. **Железнодорожник.** Работа в Жмеринке (1918—1919 г.г.) «Наша кузн.». 1922 г., № 8, стр. 4 — 5.

Автор — рабочий — железнодорожник. Воспоминания посвящены отступлению Петлюры из Украины в Галицию под давлением наступающих из Киева советских войск (начало 1918 г.) и схватке железнодорожников с немцами в декабре 1918 года, вследствие нежелания последних разоружаться.

127. **Красноленский, В.** Октябрь в Виннице. «Наша кузн.». 1922 г., № 5 — 7, стр. 133 — 139.

Содержание: 1, 1917-й год; 2, 1918-й год.

Автор — большевик. Воспоминания касаются работы большевистской организации: Февральская революция, подготовка Октября, выступление юнкеров; организация Советск. власти в Виннице (1918 г.) вплоть до эвакуации весной 1918 г., вследствие немецкого наступления.

128. **Ку-ев.** Февраль — Октябрь в Каменце. «Наша Кузн.». 1922 г., № 5 — 7, стр. 157 — 159.

Воспоминания о событиях в Каменце (Подолія) от Февр. революции до эвакуации Соввласти в марте 1918 г.

129. **Лейбельман, И.** Воспоминания печатника. «Наша кузн.». 1922 г., № 5 — 7, стр. 141 — 146.

Воспоминания о событиях в Виннице от Февральской по Октябрьскую революцию. Автор — рабочий-печатник, тов. председателя Сов. Раб. Деп., был тогда членом РСДРП—Бунда.

130. **Наша первая листовка.** Предисловие В. Красноленского. «Наша кузн.». 1922 г., № 8, стр. 13—14.

Листовка, выпущенная Винницкой большевистской организацией в 1917 г. до июльских дней (точная дата не установлена). Листовка предназначалась для одного из крестьянских съездов, но была конфискована меньшевистским президиумом Сов. Раб. и Солд. Деп. Винницы.

131. **Первый большевистский орган на Подолии.** «Наша кузн.». 1922 год. № 5—7, стр. 160.

«Набат» — орган Винницкого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, № 1, пятница 26-го января 1918 года. Воспроизведена первая страница.

132. **Протокол 1-го заседания Винницкого Совета Рабочих и Солдатских Депутатов 7 марта 1917 года.** «Наша кузн.». 1922 г., № 8, стр. 11—12.

Заглавие не точно, т. к. в тексте дан протокол заседания Винницкого Совета Рабочих (а не рабочих и солдатских) Депутатов. Приведен список всех участников заседания.

133. **Список кандидатов в Учредительное Собрание от Винницкого Комитета РСДРП (больш.).** «Наша кузн.». 1922 г., № 8, стр. 12—13.

1) примечание В. Красноленского: 2) Подольский Избирательный Округ. Список № 15. Российская С.-Д. Рабочая партия (большевики).

134. **Тарногородский, Н.** Возникновение и первые шаги большевистской организации на Подолии. (Отрывок из воспоминаний). «Лет. Рев.». 1923 г., № 5, стр. 212—218.

Автор — большевик, активный работник Подольской организации. Воспоминания охватывают период от Февральской революции до июльских дней 1917 г.

135. **Турчинский.** Воспоминания о Проскуровской организации. «Наша кузн.». 1922 г., № 5—7, стр. 147—150.

Автор — большевик. Воспоминания о работе в Проскуровском уезде от лета 1917 г. до начала 1919 г.: боевой повстанческий штаб, подполье во время оккупации, восстание против петлюровцев в феврале 1919 г., занятие Проскурова Сов. войсками 17/III 1919 г.

136. **Ю.** Годы революции на Гайсинщине. «Наша кузн.». 1922 г., № 8, стр. 3—4.

Краткий исторический очерк событий в Гайсинском у. Подольской губ. от Февральской революции до июля 1920 г.

Кроме материалов, приведенных в данном разделе указателя, смотри также статью:

Баш, Е. Октябрьские дни в Киевской области. № 90.

ОДЕССИНА

137. **Ачканов, Ф.** Из истории борьбы одесского пролетариата за власть (1917—1918—1919 г.). «Ком. ст» (Одесса). 1922 год, № 23, стр. 51—58.

Краткий исторический очерк (полу-воспоминания) от Февральской революции до захвата власти и эвакуации из Одессы (март 1918 г.), 2-й приход Сов. власти в Киев 7/IV 1919 г., последние дни пребывания Сов. власти в Одессе и эвакуация в августе 1919 г.

138. **Бой с гайдамаками в Одессе.** «Летопись Революции». 1924 г., № 3 (8), стр. 13—19.

I. Воспоминания т. **Гладкого.** II. Воспоминания т. **Кабанцева.** III. Воспоминания т. **Сокульского.**

Воспоминания одесских красногвардейцев о боях 14—17 января 1918 г., приведших к победе Соввласти в Одессе.

139. **Вайнерос, И.** 1-й батальон вольных стрелков Красной армии. «Ком-ст» (Одесса). 1922 г., № 23, стр. 62—70.

Содержание: 1) в преддверии Октября; 2) Октябрьский переворот и Красная гвардия; 3) первая стычка Красной гвардии с гайдамаками, 41-й батальон вольных стрелков Красной армии.

Воспоминания красноармейца. Отряд организован в Одессе, оперировал на Украине против оккупационных войск, гл. образом на Херсонщине.

140. Горелов, Кирилл. Первые шаги большевистской организации в Одессе (1917 г.). «Ком-ст» (Одесса). 1922 г., № 23, стр. 38 — 44.

Автор — большевик, работал в Одессе. Воспоминания охватывают период от февраля до июльских дней 1917 г.

141. Д., В. Как назревал в Одессе Октябрь. «Ком-ст» (Одесса). 1922 г., № 23, стр. 44 — 51.

Воспоминания о положении и событиях в Одессе от октября 1917 г. до захвата власти в январе 1918 г. Много места уделено II съезду Румчерода и его значению для захвата власти в Одессе.

142. Дегтярев, Л. К истории зарождения Красной армии в Одесской области в 1918 году. «Ком-ст» (Одесса). 1923 год, № 25, стр. 166 — 174.

Воспоминания о первом периоде Соввласти — январь 18 г.; приведен проект организации раб.-крест. армии Румчерода («Приказ по фронту и Одесскому Военному Округу № 1» (24/1 1918 года).

143. Кристаловский, И. От Февральской революции к победе Октября. (Из истории Одесской большевистской организации). «Ком-ст» (Одесса). 1922 г., № 23, стр. 24 — 38.

Исторический очерк. Работа большевистской организации от февраля 1917 г. до захвата власти большевиками в январе 1918 г.

144. Освобождение Х. Г. Раковского из румынской тюрьмы. (1 мая 1917 г.). «Прол. Рев.». 1924 год, № 6 (29), стр. 249 — 255.

Материалы: дипломатическая переписка Временного Правительства и Румынии; выступление Раковского в Одессе весной 1917 г. Материалы обработаны С. Познером.

145. Осипович, Н. Как тайное стало явным (очерк). «Канд. звон». 1925 г., № 2, стр. 5 — 31.

Отрывки из очерков были напечатаны в № 22 журнала «Былое» за 1923 г.

Воспоминания о работе комиссии по рассмотрению и разборке дел охр. отделения и жанд. управления — Одесса, март 1917 г.

146. Осипович, Н. Как тайное стало явным. (Страничка из истории нашей комиссии). «Былое». 1923 г., № 22, стр. 269 — 277.

147. Слепов. Воспоминания красногвардейца. «Ком.-ст» (Одесса). 1922 г., № 24, стр. 91 — 94.

Содержание: 1) первая стычка с гайдамаками в Одессе (1 — 3 декабря 1917 г.); 2) январские бои в Одессе (15 — 17 января 1918 года); 3) бои на Кубани с Красновым.

Автор — один из организаторов первых красногвардейских отрядов в Одессе в 1917 г.

148. Смагин, Григорий (б. сотник Кр. гвардии). Одесский штаб Красной гвардии (1917 — 1918 г. г.). «Ком-ст» (Одесса). 1923 г., № 25, стр. 179 — 181.

Воспоминания об организации и деятельности Кр. гвардии в Одессе с Февральской революции по март 1918 г.

149. Ялов, М. К истории «революционно-боевых дружин гор. Одессы» (воспоминания). «Ком-ст» (Одесса). 1923 г., № 25, стр. 182 — 183.

Об организации дружин из учащихся средних технических школ осенью 17 г., объединение их с отрядом соц. союза рабочей молодежи и вхождение этой полусотни в Красную гвардию под начальством тов. Урицкого. Автор лично участвовал в этой организации и борьбе.

150. Ярошевский, П. Из истории Одесской Красной гвардии. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 1 — 12.

Содержание: 1) «секция общественной безопасности»; 2) первые шаги и первые победы Красной гвардии; 3) муравьевщина; 4) отступление.

Воспоминания большевика. Охватывают период от Февральской революции по март 1918 г. (занятие Одессы немцами) и попутно с основной темой дают общую картину рев. движения в указанный период.

Инструкция Красной гвардии Исполнительного Комите-

та Совета Рабочих Депутатов в гор. Одессе. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 207—209.

Дополнение к ст. Ярошевского. Приведен текст инструкции, составленный секцией Красной гвардии Сов. Раб. Деп.

151. **Ярошевский (Ф. Мороз) и Б. Гарин (Линде).** Дружина Союза Соц. Раб. Молодежи в декабрьские

и январские дни. «Коммунист» (Одесса). 1923 г., № 25, стр. 184—186.

Одесса 1917—18 г.г. Личные воспоминания об участии в борьбе с гайдамаками в Одессе. Дружина состояла из одесской рабочей молодежи.

Кроме материалов, приведенных в данном разделе указателя по вопросу революции на Одесщине, см. также след. раздел:

РУМЫНСКИЙ ФРОНТ И ОКУПАЦИЯ БЕССАРАБИИ РУМЫНИЕЙ

152. **Будовский, И.** Октябрь на Румынском фронте. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 44—49.

Воспоминания большевика. Август—декабрь 1917 г.

153. **Дегтярев, Леонид Серг.** Октябрь румынского фронта. (По личным воспоминаниям). «Кр. Лет.». 1923 г., № 6, стр. 207—278.

Гл. VI. Фронтное совещание в штабе Духонина. [Положение на Украине]—стр. 224—226. VIII. Декабрь 1917 года. [Одесса о т. Котовском]—стр. 233—239. IX. Колебания армкома 6—стр. 239—245. X. На поклон к королю. [Переговоры с Румынией]—стр. 245—247. XI. До прямого дряту (Одесса), стр. 248—251. XII. Наш настоящий Октябрь. [Белград—Бессарабия]—стр. 251—259. XVII. Октябрь Румынского фронта (Одесса)—стр. 277—278.

154. **Кондурушкин, Иван.** Великий Октябрь на Румынском фронте. (Воспоминания очевидца.) «Прол. Рев.». 1922 г., № 10, стр. 425—442.

Содержание: 1) предреволюционные дни; 2) вести об Октябрьской революции, дивизионный съезд; 3) арест штаба корпуса; 4) арест штаба 4 армии; 5) заседание комитета ударного батальона и комитета 4 армии; 6) мирные переговоры и корпусный съезд; 7) армейский съезд; 8) семидневное командование и арест; 9) результаты Октябрьской революции для Румфронта.

Автор—левый с.-р., был представителем полка в Воен.-Рев. К-те. В воспоминаниях много места уделено описанию украинских националистических настроений в войсках и петлюровщине. Июль 1917—май 1918 г. г.

155. **Рябинин-Скляревский, А.** Оккупация Бессарабии Румынией (по архивным документам.) «Лет. Рев.». 1925 г., № 1 (10), стр. 97—138.

Содержание: 1) Яссы осенью 1917 г.; 2) Октябрьская революция и Румынский фронт; 3) оккупация Бессарабии румынами [9 декабря 1917 года]; 4) заключение перемирия и мира Румынии с Австро-Германией и Бухарестский договор; 5) Ясское совещание 3—7 XI (16—20) 1918 года; 6) восстание против Скоропадского на Украине; 7) оккупация Одессы.

156. **Христов (Х. Г. Раковский).** Румчерод в подготовке Октябрьской революции. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 171—183.

Воспоминания большевика. Посвящены революц. движению в Одесской области в период от мая 1917 г. по март 1918 г. Автор останавливается также на оккупации Бессарабии Румынией.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также предыдущий раздел и статью

Коломиец. Воспоминания о революционной борьбе в Елисаветграде в 1917—19 г. г. № 245.

НИКОЛАЕВИЩИНА

157. **Баглай, Г.** Из недавнего прошлого. (Заметки водника по истории революционного движения на Николаевщине). «Парт. вест.». 1922 г., № 6, стр. 56—58.

I гл. В 1918 г. автор командовал миноносцем «Звонкий» и был отправлен в Николаев перед занятием города немцами, чтобы взять крейсер «Нахимов»

(14—18/III). II гл. Воспоминания об эвакуации греческих и немецких войск и французских судов из Николаева (с 1 по 17 марта 1919 г.), вследствие наступления Григорьева. III гл. Восстание на французском крейсере «Брюке» в мае 1919 г.; IV гл. Воспоминания об аресте деникинской контр-разведкой в конце 1919 г. в Николаеве.

158. **Каган, И.** Парторганизация и Октябрьский переворот в г. Николаеве. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 104—106.

Воспоминания большевика о периоде от Февральской революции до германской оккупации в марте 1918 г.

159. **Козловский, Б.** Возникновение и падение Советской власти в Николаеве в 1918 г. «Прол. Революция». 1922 год, № 8, стр. 221—225.

Автор — большевик, активный участник захвата власти в Николаеве. Описывается борьба с русскими и украинскими мелкобуржуазными партиями. Воспоминания охватывают период от конца декабря 1917 года до марта 18 года, рассказывается о занятии города немцами и о восстании николаевского пролетариата против оккупантов.

160. **Лимоне.** Суд над провокаторами в 1917 году. «Парт. вестн.». 1922 г., № 6, стр. 60—62.

Воспоминания о разборе дел охраны в Николаеве в начале революции специально выделенной комиссией но между-партийном суде над провокаторами в августе 1917 г.

161. **Макотинский, М.** Провокация «социалистической» юстиции. «Летопись Революции». 1922 г., № 1, стр. 224—226.

Воспоминания. Рассказывается о требовании министра юстиции Вр. Прав. к следственной комиссии Николаевского Совдепа дать сведения по архивным документам, не состояли ли Л. Троцкий и А. Луначарский секретными сотрудниками охраны. Лето 1917 г.

162. **Ряппо, Я.** Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве. «Лет. Рев.». 1922 год, № 1 стр. 81—103.

Содержание: 1) введение; 2) Февральская революция 1917 года; 3) период коалиционного Временного Правительства; 4) керенщина; 5) период равновесия сил в Николаеве, 1918-й год; 6) первая Советская власть в Николаеве [от 15-го января до 17 марта н. ст.]; 7) германская оккупация, Николаевское восстание; 8) гетманщина.

Автор статьи — коммунист, в описываемый период был соц.-дем. (объединенцем), работал в Николаеве и был предс. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 г.

163. **Сахновский.** На пороге седьмого года. «Парт. вест.». 1922 г., № 6, стр. 65—67.

Воспоминание о зарождении будущего ядра Николаевской организации РСМУ — беспартийного кружка учеников вечерней школы для служ. торг.-пром. предприятий в конце 16-го года, а после революции — социалистического союза молодежи при проф. союзе служ. торг.-пром. предприятий.

164. **1917—1918 годы в Николаеве.** (Из воспоминаний тов. В. И. Каушана и Т. Красноперова). «Парт. вест.». 1922 г., № 6, стр. 44—47.

Содержание: 1) Николаевский Совет Рабочих и Крестьянских Депутатов; 2) избличение провокаторов; 3) Первомайский праздник; 4) перед Октябрем; 5) в период гетманщины; 6) махновцы; 7) уход Советской власти.

Воспоминания охватывают период с начала Февральской революции до наступления деникинцев в конце 1918 г.

Договор атамана Григорьева с представителями г. Херсона. «Парт. вест.». 1922 год, № 6, стр. 47—48.

Приложение к воспоминаниям т.т. Каушана и Красноперова. Условия мирных переговоров между Григорьевым и представителями гор. Херсона от 13 декабря 1918 г.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Завод „Наваль“ в годы революции. № 33.

Пархоменко, М. Тяжелые времена. № 37.

ЕЛИСАВЕТГРАД

165. **Волнац, С.** Парторганизация и Октябрьский переворот в Елисаветграде. «Лет. Рев». 1922 г., № 1, стр. 184—193.

Воспоминания большевика, охваты-

вают период от марта 1917 г. по март 1918 г. Автор останавливается также на создании Красной гвардии и на борьбе с Марусей Никифоровой.

VI. Период австро-германской оккупации

УНР — ЦЕНРАЛЬНАЯ РАДА. — УД — ГЕТМАНЩИНА. — УНР — ДИРЕКТОРИЯ

1. ОБЩИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

166. **Авангард мировой революции.** «Ком-ст» (ЦК, Москва), 1918 г., № 3 — 4.

Редакционная статья говорит о значении германской оккупации Украины для пробуждения революционного сознания украинских рабочих и крестьян, заставляя их вести борьбу с германским империализмом за завоевания революции.

167. **Беженец с Украины.** Параллели. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Автор проводит параллель между выдержками из писем и рассказов лиц разных классов, живущих на Украине, которые дают диаметрально противоположную картину жизни и продовольственного положения на Украине под властью гетмана.

168. **Бела - Кун.** В ожидании Украинской революции. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1 — 2.

Об отношении австро-германской и мадьярской буржуазии к событиям, развивающимся на Украине.

169. **I. Большевицкая организация среди немецких солдат. II. Австрийцы-большевики.** «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Составлено по рассказам приехавших с Украины. Города, в которых имеются подпольные коммунистические организации, по конспиративным соображениям не указаны.

170. **Бубнов, А.** Новый период Украинской революции. «Ком-ст» (ЦК, Чернигов). 1919 г., № 1, стр. 4 — 6.

Содержание: 1) страница, которой суждено быть перевернутой еще раз; 2) два периода в развитии Украинской

революции; 3) регулярная армия и повстанчество; 4) задачи партии; 5) РКП и КПУ; 6) роль правительства; 7) заключительное слово.

Статья анализирует формы революционного движения, направленного против гетмано-германского правительства (конец 1918 — начало 1919 г.) и говорит о том, в какие формы должна будет вылиться борьба революционных сил против деникинщины в 1919 году и какие задачи стоят в связи с этим перед компартией Украины.

171. **Гарелик, С.** Эпизоды в истории Украинской революции. Директория (ноябрь 1918 — январь 1919 г.) «Кр. Лет.». 1922 г., № 5, стр. 26 — 49.

Приложен изданный УНР (на укр. яз.) и распространенный среди членов Трудового Конгресса в январе 1919 г. документ «История восстания ноября — декабря 1918 г.» и другие документы. Очерк дает картину свержения гетмана, событий во время УНР, работу Труд. Конгресса, отношения УНР к рабочим организациям, к французскому командованию в Одессе.

172. **Договор петлюровских генералов с союзниками.** «Ком-ст» (ЦК). 1920 г., № 4, стр. 76.

Договор был заключен представителями УНР с союзниками и добармией в Одессе в январе 1919 г. о совместной борьбе с большевиками и вхождении УНР в состав единой неделимой России.

173. **Доклад о положении дел на Украине от агента организационного Бюро.** «Коммунист» (ЦК, Москва). 1918 год, № 1 — 2.

Начало гетманщины. Главн. обр., о положении в Киеве.

174. **Иванов, М.** «От власти отказываюсь». (Документы о гетманщине из архива Харьковского губернского старосты). «Лет. Рев.». 1924 год, № 2 (7), стр. 224—231.

Приведен ряд документов, характеризующих внутреннее положение Украины и настроение крестьянства в период гетманщины.

175. **Каховская, И.** Террористический акт против ген. Эйхгорна. «Лет. Рев.». 1924 г., № 2 (7), стр. 172—184.

Перепечатано из журнала «Летопись Революции», 1923 г., № 1, изд. в Берлине. Воспоминания участника об убийстве главнокомандующего немецкими войсками на Украине ген. Эйхгорна в мае 1918 г. в Киеве. Убийство было организовано левыми эсерами.

176. **Киевский, П.** Удивительная партия. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

О тактике партии левых эсеров на Украине, где они действуют вместе с меньшевиками и правыми эсерами.

177. **Н., П.** На помощь. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

Автор статьи обращается с призывом к коммунистам, выехавшим с территории Украины, вернуться обратно на Украину в ряды восстающих рабочих и крестьян.

178. **Н., П.** Хлестаковы. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Статья написана по поводу ст. В. Карелина «Решительная борьба», помещенной в газ. «Знамя Труда», № 221 от 7/VI 1918 г., в которой В. К. приписывает руководящую роль в деле организации восстаний на Украине партии левых эсеров.

179. **Лидов, С.** Буржуазная пресса и события на Украине. «Коммунист» (ЦК, Москва). 1918 год, № 1—2.

Отражение украинских событий в буржуазной австро-германской и русской зарубежной (издав. на оккупированной Украине) прессе, объяснение ими причин гетманского переворота.

180. **Лист Широкого до атамана Петлюры.** «Ком-ст» (ЦК, Чернигов). 1919 г., № 1, стр. 10—11.

Письмо получено в ред. «Ком-ста» от Широкого, оно адресовано «пану атаману» Петлюре. Автор письма дает характеристику националистической политики Петлюры, начиная с февраля 1917 г., и останавливается на значении Брестского мира для украинцев.

181. **Лист Широкого до атамана Петлюры** (письмо второе). «Ком-ст» (ЦК, Чернигов). 1919 г., № 2, стр. 6—7.

Автор пишет о положении в Киеве под властью добровольцев и об отношении к украинцам. В конце письма обращается к Петлюре с вопросом, что делать, так как в организации незалежников начинается развал. Письмо написано на украинском языке.

182. **Лялин, Н.** Как они налаживают хозяйство. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

Данные гетманского министерства труда о количестве безработных и о продовольственном вопросе на Украине (цены на хлеб).

183. **Лялин, Н.** Как провокаторы сами себя высекли. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Об издании укр. эсерами в январе 1918 г. провокаторского листка под заглавием «Да здравствуют большевики», подписанного: «группа независимых большевиков» (выдержки из текста листка приведены). Попутно проводится параллель политики ЦР и б-ков по отношению к германской оккупации.

184. **Манифест рабоче-крестьянского правительства Украины.** «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

Рабочие и крестьяне Украины!

Издан Центральным Исполнительным Комитетом Советов Украины в Таганроге 19 апреля 1918 г.

Манифест направлен против Центральной Рады и германских оккупантов. Он призывает рабочих и крестьян Украины к восстанию.

185. **Мартынов, А.** Мои украинские впечатления и размышления. «Кр. Новь». 1923 г., № 1 (11), стр. 146—176.

Содержание: I гл. Лавина контр-революции и бандитизма. II гл. Революционная диктатура или парламентская демократия? III гл. Кратчайшим путем к коммунизму. IV гл. Отступление. V гл. Пробили себе дорогу!

Настоящая статья является I частью книги «Великая историческая проверка». Автор — один из бывш. лидеров меньшевизма (ныне б-к), с конца 1918 г. по 1921 г. жил на Подолии и не принимал никакого участия в борьбе.

186. **Межлаук, И.** Первые бои луганских рабочих 1918 года. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 124—125.

Воспоминания большевика о боях с германскими войсками в марте 1918 г. Автор работал в Харькове в качестве комиссара юстиции и примкнул к прибывшему в Харьков отряду луганских рабочих во главе с тов. Ворошиловым. Бой с немцами под Конотопом.

187. **Мещеряков, Н.** Предсмертные судороги. «Ежен. Пр.». 1919 г., № 6, стр. 1—2.

Анализ безнадёжного положения украинской директории.

188. **Мильничук, Ст.** Воспоминания матроса. «Прол. Рев.». 1922 г., № 11, стр. 146—160.

Отдельные моменты на Украине. 1918 г. — борьба с немцами под Киевом, отступление из Харькова — стр. 154—155. В начале 1919 г. работал в Херсоне и Одессе в пленбеже.

189. **На Украине** (месячный обзор за май). «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

1) Преследования рабочих организаций; 2) массовые расчеты рабочих; безработица; 3) забастовки служащих и рабочих; 4) «спокойствие, тишина и порядок» [о положении на селе]; 5) горит помещичье добро; 6) «загадочные случаи»; 7) случайные пожары; 8) в Киеве; 9) в Полтавской губ.; 10) в Екатеринославской губ.

О положении в различных городах и губ. Украины. составлено по издававшимся на Украине газетам.

190. **И. На Украине** (месячный обзор за I-ую половину июня). «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

1) Сводки губернских и уездных старост и комендантов; 2) сообщения корреспондентов; 3) горит помещичье добро; 4) настроение на местах; 5) лес рубят; 6) крушения поездов; 7) взрывы; 8) правительственные сообщения; 9) на Зверинце [результаты взрыва]; 10) «случайные» пожары; 11) грандиозный пожар на Подоле; 12) массовые расчеты рабочих; 13) безработица; 14) сведения министерства труда; 15) преследования рабочих и их организаций; 16) забастовки служащих и рабочих; 17) в министерствах.

Составлено по газетам, выходившим на Украине.

II. На Украине (месячный обзор за 2-ую половину июня). «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

1) Преследования рабочих и их организаций; 2) свобода собраний; 3) аресты и высылки; 4) среди железнодорожников; 5) стачки служащих и рабочих; 6) «спокойствие, тишина и порядок» [сводка губернских и уездных старост и комендантов]; 7) сообщения корреспондентов.

Составлено по газетным материалам.

191. **Новый порядок.** «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

О враждебном отношении железнодорожников к Сов. власти во время эвакуации от наступающих оккупантов и о тех новых порядках, которые завело германское командование на железных дорогах, ухудшивших условия труда ж.-д. рабочих.

192. **Открытое письмо В. В. Шульгина к Петлюре.** «Ком-ст» (ЦК). 1920 г., № 4, стр. 73—75.

Письмо относится к началу 1919 г., анализирует деятельность Петлюры с начала 1918 г., когда он заключил договор с австро-германцами, его взаимоотношения с Винниченко и его политику по отношению ко всему населению Украины. Автор считает его злейшим врагом России.

193. **Памяти павших в боях.** «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

Статья посвящена погибшим в борьбе на Украине (без указания отдельных имен).

194. **Покровский, М.** Россия и Украина. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Статья говорит о том, что невозможно националистическое революционное движение и национальная борьба за освобождение от австро-германского нашествия. Борьба эта должна быть только классовой, она возможна только, под коммунистическим знаменем совместно с русским пролетариатом.

195. **Послание Петлюры Антанте.** «Ком-ст» (ЦК, Чернигов). 1919 г., № 2, стр. 15 — 16.

С жалобой на то, что денкинцы заняли Киев и выбросили его оттуда.

196. **Продовольственные попечения немцев об украинцах** (подпись «голодающий сын Украины»). «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Заметка о продовольственном положении на Украине.

197. **15-го июня 1918 года.** От редакции. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1 — 2.

15/VI — день выхода первого номера «Коммуниста», органа Оргбюро по созыву конференции парт. организаций коммунистов (большевиков) Украины. Статья говорит о значении первого после революции нелегального зарубежного органа и обращается ко всем сочувствующим содействовать его распространению.

198. **Р., М.** О гетмане Мазепе, Лизогубе и имянинах Павла Скоропадского. (Не сказка, а быль). «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 86-90.

Киев 1918 г. Приведен протокол заседания сов. министров, подписанный председателем Лизогубом, от 9/VIII 18 г. о снятии анафемы с гетмана Мазепы и о праздновании именин гетмана Скоропадского.

199. **Рабочие и крестьяне Украины!** «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1 — 2.

Воззвание рисует положение на Украине после разгона Рады и призывает к восстанию против гетмано-германского владычества. Без подписи. Относится очевидно к июню 1918 г.

200. **Раковский, Х.** Ильич и Украина. «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 5 — 10.

Воспоминания первоначально были помещены в газ. «Коммунист» 21 января 1925 г.; они освещают отношение Ленина к украинским делам в тот период, когда автор в апреле 1918 г. был назначен членом комиссии, ведшей переговоры с Центральной Радой, а затем с германским командованием; отношение Ленина к общему вооруженному восстанию на Украине (лето — осень 1918 г.). В январе 1919 г. автор поехал на Украину в качестве председателя временного украинского рабоче-крестьянского правительства. В этой части говорится об отношении Ленина к переговорам с украинскими с.-р. (боротьбистами) о заключении договора между Украиной и Россией, об отношении к крестьянскому вопросу и др.

201. **Рубач, М.** Из архива Министерства закордонных справ Украинской Державы. «Лет. Рев.». 1924 г., № 1 (6), стр. 274 — 277.

Содержание: 1) о силе и крепости гетманской власти; 2) о самостоятельности и независимости Украинской Державы; 3) когда началась война между Центр. Радой и Сов. властью.

Материалы из архива гетманского Мин-ва Иностранных Дел.

202. **Топольский, А.** На Украине в эпоху гетманщины. (Из истории левых с.-р. Украины). «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 36 — 52.

Автор, будучи левым эсером, работал на Украине в подполье в период гетманщины. Рассказывается о подпольной работе и положении различных городов Украины (Харькова, Одессы и др.) в этот период. К статье приложено: «Из протоколов пятого всероссийского съезда Советов» (к вопросу о взаимоотношениях между коммунистами и л. с.-р. на Украине в 1918 г.), «Выступление тов. Александрова» (лев. с.-р.) и «Выступление т. Скрыпника».

203. **Фарбман, Р.** О задачах коммунистов в профессиональных союзах в настоящее время на Украине. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Статья дискуссионная. О работе коммунистов в профсоюзах во время австро-германской оккупации.

204. Центральный Коммунистической Партии большевиков Украины. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

О деятельности ЦК непосредственно, после I с'езда.

205. Что рассказывают приезжающие с Украины? «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

О положении на Полтавщине и в Ека-теринославе с первых дней оккупации по июнь по рассказам приехавших с Укра-ины.

206. Шубин, П. Директория пе-ред судом Трибунала. «Ком-ст» (ЦК). 1920 г., № 5, стр. 79—83.

Содержание: 1) диктатура военщины; 2) «святая ложь» демократов; 3) резуль-таты предательства.

Материалы взяты из стенографиче-ского отчета суда над быв. начальником контр-разведки при Директории, членом стрелецкой рады—Юлианом Чайковским. Директория в конце 1918 г., начале 1919 г.

207. Яглов, С. Мирная полити-ка и военные поражения. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Статья анализирует ошибки политики Советской власти и компартии на юге России, вызвавшие недостаточную орга-низацию обороны и способствовавшие успеху австро-германского наступления.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Бакинский, С. Диктатура клас-са или соглашательство? № 41.

Затонский, Вл. Из недавнего про-шлого. № 44.

Пятаков, Г. Трагедия Украины. № 48.

Рябинин-Скляревский, А. Оккупа-ция Бессарабии и Румыний, № 155.

О борьбе с наступающими оккупационными войсками. (Смо-три отдел III).

2. С'ЕЗДЫ И КОНФЕРЕНЦИИ КП(б)У, ПРОИСХОДИВШИЕ В ЭТОТ ПЕРИОД

208. Выпись из протокола заседания организационного бюро по созыву конфе-ренции партийных организаций комму-нистов (большевиков) Украины 3-го июня 1918 г. По вопросу об образовании за границами Украины советских и партий-ных центров для отдельных областей Украины. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

209. Итоги первого с'езда. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

Редакционная статья подводит итоги работ I с'езда КП(б)У, рисует положение коммунистических организаций на окку-пированной австро-германцами Украине и выясняет причины разногласий, вы-лившихся на с'езде.

210. Ко всем партийным организа-циям на Украине. «Ком-ст» (ЦК, Мо-сква). 1918 г., № 1—2.

Обращение о созыве 1/VII всеукра-инской конференции коммунистов-боль-шевиков в Москве. Нормы присылки де-легатов.

211. Протокол всеукраинского сове-щания рабочей партии коммунистов, со-

стоявшегося в Киеве 26-го мая 1918 г. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

1. Доклады с мест о работе в ок-купированной Украине; есть доклады по всем важнейшим городам Украины. 2. Постановления: о создании времен-ного всеукраинского центра и парт'ячеек на местах, о центральном органе партии, о созыве всеукраинской партконферен-ции и о названии центра

212. Протокол заседания организа-ционного бюро по созыву конференции коммунистов Украины-8-го июня 1918 г. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

1. Сообщение о совещании с донец-кими и одесскими товарищами (об обра-зовании единых центров). Признание необходимым создания только одного советского и одного партийного центров за границей, обслуживающих движение на Украине.

213. Пятаков, Г. Надгробное сло-во «тезисам» т. Скрыпника. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3—4.

Содержание: 1) социальное содержа-ние политического режима, установив-

шегося на Украине; 2) мировое значение восстания на Украине; 3) отношение к Советской власти в Белокороссии; 4) повстанческая работа; 5) партия, Народный Секретариат и военно-революционные комитеты; 6) requiem.

Статья критикует тезисы Скрыпника и подробно останавливается на разногласиях в партии.

214. Резолюции съезда коммунистических организаций большевиков Украины. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

1. Резолюция об отношении к так наз. советам (предложена т. Пятаковым, принята большинством). 2. Резолюция: Украина и Россия (предложенная т. Квирингом, принятая единогласно при 7 воздержавшихся). 3. Резолюция по организационному вопросу (предложение тов. Скрыпника). 4. О названии партии. 5. О партийном центре. 6. О центральном органе партии. 7. Резолюция по докладу Организационного Бюро. 8. Резолюция о слиянии с левыми УСД (предложена тов. Скрыпником). 9. Резолюция о текущем моменте (предложена т. Пятаковым): а) международная обстановка; б) внутреннее политическое положение; в) восстание рабоче-крестьянских масс на Украине; г) основные задачи партии. 10. Резолюция о вооруженном восстании (предложена т. Бубновым, принята большинством 27 против 18). 11. Резолюция об отношении к другим партиям (принята единогласно при 4-х воздержавшихся).

12. Резолюция о Народном Секретариате (предложенная тов. Эпштейном). 13. О созыве 2-го съезда.

215. Тезисы Таганрогского совещания коммунистов Украины. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1 — 2.

1. Тезисы, предложенные т. Бубновым, Пятаковым, Кассиором, Исааковым и Коцюбинским (за эти тезисы голосовало 23 против 26). 2. Тезисы т. Скрыпника (за эти тезисы голосовало 26 против 23); 3. Тезисы Орг. Бюро по созыву конференции парт. организаций б-ков Украины по вопросу о разгоне Рады, установлении гетманства и тактике коммунистов (б-ков) на Украине (приняты на заседании 0. Б. 18 мая 1918 г. всеми голосами против 1 при 1 воздерж.). 4. Тезисы резолюции по текущему моменту, внесенные в Орг. Бюро по созыву конференции партийных организаций коммунистов б-ков Украины тов. Скрыпником: а) борьба классов на Украине (Советская власть, Центральная Рада и гетманщина); б) задачи коммунистической партии на Украине; в) отношение к другим партиям.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также статьи: Скрыпник, Н. Донбасс и Украина. № 50.

Скрипник, М. О. Начерк історії пролетарської революції на Україні. № 16.

Шрейбер, С. Основание К П (б) У. № 53.

3. КРЕСТЬЯНСКОЕ ПОВСТАНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ПЕРИОД АВСТРО-ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ

ОБЩИЕ МАТЕРИАЛЫ

216. Бубнов, А. Повстанчество, партизанство и малая война. «Ком-ст» (ЦК, Чернигов). 1919 год, № 2, стр. 2 — 4.

Статья подводит итоги повстанческого движения на Украине во второй половине 1918 г. и говорит о задачах, которые стоят перед повстанческим движением во время деникинской оккупации (середина 1919 г.).

217. Бубнов, А. Организацион-

ные задачи повстанческого движения. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1 — 2.

О методах и технике организации повстанческого движения против гетманщины на Украине. Главным образом о военно-революционных комитетах, как органах восстания.

218. Бубнов, А. К вопросам момента. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 5.

Содержание: 1) этапы восстания на Украине; 2) восстание «десятидесятных» или пролетарская революция; 3) что значит «согласовать»?

В статье автором использован материал, приведенный им в его речи на 1-м Съезде КП(б)У. Дается оценка и анализ положения на Украине и разбирается тактика компартии в связи с международным положением.

219. Пулеметчик. Организуйте восстание. «Ком-ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 1—2.

Статья посвящена задачам партии на Украине в связи с разгорающимися крестьянскими восстаниями и необходимостью внести организованность в эти восстания. Приведены официальные германские сводки и неофициальные сообще-

ния, напечатанные в «Киевской Мысли» во второй половине мая 1918 г., рисующие положение в оккупированной Украине. Сводки говорят, главным образом, о крестьянском повстанческом движении.

По вопросу о крестьянском повстанческом движении и оценке его компартией. См. также материалы Таганрогского совещания и 1-го съезда КП(б)У.

О повстанчестве в отдельных районах смотри соответствующие разделы этой главы указателя.

Кроме того, смотри след. статьи:

Бубнов, А. Новый период украинской революции, № 170.

На Украине, №№ 189, 190.

Материалы о махновщине и григорьевщине выделены в особые отделы.

4. ПОТОПЛЕНИЕ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА.

220. Кукель, В. Потопление Черноморского флота в июне 1918 г. (предисловие Ф. Раскольникова). «Прол.Рев.». 1925 г., № 6(4), стр. 155—171.

Автор статьи—военно-морской «спец». В статье описываются положение Черноморского флота в Новороссийске, его взаимоотношения с германским командованием, выступление части флота в Севастополь и потопление оставшейся части флота 18/VI под Новороссийском.

221. Раскольников, Ф. Трагедия Черноморского флота (1918 г.). «Прол. Рев.». 1925 год, № 2 (37), стр. 170—185.

Положение в Черноморском флоте весной 1918 г. Попытка Центрофлота избежать захвата судов германцами поднятием украинского флага. Уход флота в Новороссийск. В статье приведена радио-телеграмма Центрофлота Украинской Раде и освещаются отношения с Радой.

5. ОТДЕЛЬНЫЕ РАЙОНЫ УКРАИНЫ В ПЕРИОД АВСТРО-ГЕРМАНСКОЙ ОККУПАЦИИ.

ХАРЬКОВЩИНА

222. Давиденко, С. (Ключ). Из истории Изюмского повстанческого отряда. «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 32—35.

Автор—организатор подпольной организации и повстанческого отряда в Изюмском уезде. Очерк охватывает период от августа по октябрь 1918 г. Воспоминания рассказывают об организации отряда, поездке на 2-й съезд КП(б)У в Москве, о восстании в Изюме.

223. Железнодорожники в революционном подпольи 1918 г. Из восп. т. т. Грязева и Кононова. «Лето-

пись Революции». 1925 г., № 2 (11), стр. 30—32.

I. Автор останавливается на железнодорожной забастовке летом 1918 г., на аресте шестерки, выделенной в переходный момент для захвата власти на жел. дороге в Харькове.

II. Эвакуация петлюровцев и захват вокзала 2—3 января 1919 г.

224. Жуков—Бутков. Петлюровщина в Харькове. «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 22—30.

Вскоре после приезда в Харьков (26/VI 18 года) для подпольной работы

автор был арестован и освобожден лишь через 4 месяца, когда он начал вести активную работу в Петинском районе по вооружению рабочих. Воспоминания оканчиваются с занятием города Кр. армией.

225. **И. М.** Под немецкой пятой. Документы о гетманщине. «Лет. Рев.». 1924 г., № 3 (8), стр. 189—203.

Приведен журнал Суджанского экстренного земского собрания 30 мая 1918 г. Материалы из дела архива Харьковского губ. старосты «по вопросу о наложении германскими войсками на население контрибуции».

226. **Логинов, В. (Павел).** Из истории гетмано-петлюровского подполья (Харьков—1918 г.). «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 11—17.

Воспоминания активного участника

подпольной организации. Подпольная работа с мая по сентябрь. Провал и положение в тюрьме. Подпольная работа во время петлюровщины (после революции в Германии) вплоть до прихода кр. войск.

227. **Петинский, И.** Из деятельности Петинского Райкома в подполье 1918 г. «Лет. Рев.». 1925 г., № 2 (11), стр. 17—22.

Воспоминания одного из активных работников о подпольной работе в Харькове, гл. обр. на ХПЗ от июля до декабря 1918 г. захватывают период гетманщины и петлюровщины.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также статью:

Попов, Н. Очерки революционных событий в Харькове от июня 1917 г. до декабря 1918 г., № 65.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЩИНА

228. **Максименко.** Из истории партизанской борьбы в Донбассе и Екатеринославщине в 1918—1919 годах. «Лет. Рев.». 1925 г., № 4 (13), стр. 155—164.

Воспоминания большевика о повстанческой партизанской борьбе с петлюровщиной, немцами, махновщиной и белогвардейщиной после германской оккупации до начала деникинских наступлений.

229. **Миронов, Е.** Октябрь в подполье (из воспоминаний о подпольной работе 1918—1919 годов). «Зв. Зоря». 1921 г., № 29, стр. 49—50.

О работе павлоградской организ. в период гетманщины в 18 г.; о работе в Кременчуге в 1919 г. в деникинском подполье.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также статью: **Суханов, Заднепровье**, № 39, Донбасс.

230. **Жернов** (секретарь Степановской ячейки). Восстание волости против Деникина. «Спутн. Дон. Проп.». 1922 г., № 10, стр. 18—19.

Автор воспоминаний—крестьян.-коммунист. Бунт возник стихийно в конце сентября 1918 г. и был направлен против карательных отрядов и новой мобилизации. Восстание было подавлено вооруженной силой.

231. **Погребной, С.** Луганский пролетариат (очерк революционного движения с 1918 г. по 1920 г.) «Спутн. Донецк. Пропаганд.». 1922 год, № 11, стр. 105—113.

Подпольная работа в период оккупации, формирования коммунистических отрядов (сентябрь 18 г.), революция в Германии и занятие Донбасса деникинскими войсками, подготовка восстания. Провал организации, занятие Луганска красными войсками (январь 19 г.), вооруженная борьба с белогвардейцами, оборона Луганска, сдача города 4/Х и занятие его 15/У; эвакуация из Луганска и работа деникинского подполья вплоть до 23/УП 19 г. Статья с незначительными сокращениями напечатана в журнале «Летопись Революции», № 4 (9) за 24 г., гл. 2.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также статьи:

Зайцев, Ф. Как мы творили Октябрь. № 80, 81.

Максименко. Из истории партизанской борьбы в Донбассе и Екатеринославщине в 1918—1919 году. № 228.

Погребной, С. Луганск и его пролетариат. № 85.

КИЕВЩИНА

232. Капуловский. И. Организация восстания против гетмана. «Лет. Рев.». 1923 г., № 4, стр. 95 — 102.

Автор воспоминаний — один из организаторов повстанческого движения в Звенигородском уезде Киевск. губ., в то время был украинским с. - д. Воспоминания охва-

тывают период от февраля 1919 года, когда в Звенигор. уезде деятелями Украинской Центральной Рады при помощи «вільного козацтва» была свергнута Сов. власть до июня того же года, когда вспыхнувшее крестьянское восстание было подавлено немцами.

ЧЕРНИГОВЩИНА

233. Петровський, Дм. Повстання Андрія Заливчого. «Черв. Шл.». 1923 г., № 9, стр. 120 — 125.

Воспоминания о восстании против гетмана в Чернигове в ноябре — декабре 19 г.

Кроме статьи, приведенной в данном разделе указателя, см. также статью: Быструков. Городнянщина в 1917 — 1918 г. г., № 118.

ВОЛЫНЬ

Смотри статью:

Гендлер. О революционных событиях

в Волынской губ. (м. Березна) 1917 — 1919 г. г., № 125.

ПОДОЛИЯ

234. Маниловский. Жмеринские железнодорожники в 1918 г. «Наша кузн.». 1922 г., № 5 — 7, стр. 150 — 152.

Автор — токарь вагонных мастерских, был чл. Совета и Исполкома в 17 г. и активно участвовал в рев. выступлениях. Воспоминания касаются гл. обр. подпольной работы во время австро - германской оккупации и борьбы с петлюровщиной до наступления денкинцев в 1919 г.

235. Попы, пан гетман и крестьяне. «Ком - ст» (ЦК, Москва). 1918 г., № 3 — 4.

Об инциденте, бывшем в одном из сел Калиновской волости Подольской губ. во время богослужения, когда кто - то из толпы крикнул: «Долой гетмана».

236. Чебан. Работа партизана. «Наша кузн.», 1922 год, № 5 — 7, стр. 153 — 156.

Автор боль - к, был во главе партизанского отряда. Воспоминания охватывают период от начала 1918 г. по 1920 г. в Могилевском у. Подольской губ. Борьба с австро - германцами, петлюровщиной, денкинцами и румынами.

Кроме статей, помещенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Железнодорожник. Работа в Жмеринке. № 126.

Мартынов. Мои украинские впечатления и размышления. № 185.

Турчинский. Воспоминания о Проскуровской организации. № 135.

Ю. Годы революции на Гайсинщине. № 136.

ОДЕСЩИНА

237. Ачканов, Ф. Эпизоды борьбы на Украине. «Ком - ст» (Одесса). 1924 г. № 35, стр. 53 — 55.

О подпольной работе в 1918 г. в период германск. оккупации в Одессе и об организации июльской жел. - дор. забастовки. Статья дает общую характеристику этого периода в Одессе.

238. Балкун, Ф. Интервенция в Одессе 1918 — 1919 г. г. «Пролетарская Революция». 1923 г., № 6 (18), стр. 196 — 221.

Содержание: I. гетманский австро-германский период: 1) на съезде профсоюзов в Киеве; 2) профсоюзы и австрийские жандармы; 3) уход австрийских оккупантов; безвластие. II. Период Петлюры: 1) борьба с меньшевиками и эсерами за Советскую власть; 2) выступление фанцузов. III. Французский белогвардейский период: 1) подпольная работа партии; 2) партийная типография в каменоломнях; 3) белый террор; расстрел десяти; 4) гибель тов. Николая Смирнова; 5) «большевистский Совдеп»; 6) бегство французов из Одессы в апреле 1919 г.; 7) встреча с д'Ансельмом.

Очерки о подпольной работе в Одессе от мая 1918 г. по апрель 1919 г., когда в город вступили григорьевские отряды. Кроме Н. Смирнова (Ласточкина) в заключении говорится еще о нескольких подпольных работниках.

239. Бессонов, Владимир. Одесское подполье в период оккупации

НИКОЛАЕВЩИНА

241. Райченко, И. Очерки из истории возникновения Никорганизации КСМ «Парт. Вест.», 1922 г., № 6, стр. 67 — 70.

Воспоминания об организации в октябре 18 г. социалистического союза раб. молодежи «III Интернационал» и его работа до эвакуации Сов. власти в августе 1919 г.

242. Ряппо, Анфиса. Восстание николаевского пролетариата против немцев. «Лет. Рев.». 1922 г., № 1, стр. 107 — 123.

Воспоминания, март 1918 г.

243. Ряппо, Я. Революционная борьба в Николаеве (воспоминания). «Лет. Рев.». 1924 год, № 4 (9), стр. 5 — 43.

Содержание: 1) гетманщина; 2) свержение гетманщины; 3) подготовка к захвату власти; 4) власть в наших руках; 5) измена атамана Григорьева; 6) восстание матросов в Николаеве; 7) в повстанческом окружении; 8) 58 дивизия в Николаеве; 9) на путях отступления; 10) деникинщина в Одессе и Николаеве; 11) взятие Одессы красными.

и гайдамащины (1918—1919 г. г.). «Ком-ст» (Одесса). 1922 г., № 23, стр. 58 — 62.

Автор — б-к, работал в Одессе в гетманском подпольи. Воспоминания охватывают период от марта 18 г. до весны 1919 г. — до 2-го прихода Соввласти в Одессу, период гетманщины и интервенции.

240. Хаскин. Воспоминания о подпольной организации в Одессе в 1918 г. «Ком-ст» (Одесса). 1922 год, № 22, стр. 108 — 111

О работе подпольной организации во время гетманщины и союзной интервенции. Июль 1918 г. — март 1919 г.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Анулов, Ф. Союзный десант на Украине. № 246.

Клименко, И. Из прошлого революционной борьбы. № 100.

Статья является продолжением очерка «Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве».

244. Солтанов, М. О мартовском восстании николаевского пролетариата против немецких оккупантов (воспоминания). «Летопись Революции». 1923 год, № 3, стр. 25 — 29.

Содержание: 1) перед занятием Николаева; 2) немецкая оккупация; 3) восстание.

Автор один из активных участников восстания.

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Баглай, Г. Из недавнего прошлого. № 257.

Козловский, Б. Возникновение и падение Советской власти в Николаеве в 1918 г. № 159.

Пархоменко. Тяжелые времена. № 37.

Ряппо, Я. Борьба сил в Октябрьскую революцию в Николаеве. № 169.

ЕЛИСАВЕТГРАД

245. **Коломиец.** Воспоминания о революционной борьбе в Елисаветграде в 1917—19 г.г. «Лет. Рев.». 1922. № 1, стр. 194—201.

Воспоминания большевика. Октябрь 1917 г. — январь 1918 г. на румынском

фронте. Подпольная работа в Елисаветграде во время германской оккупации и петлюровщины. Изгнание петлюровцев из Елисаветграда (начало февраля 1919 г.). Борьба с петлюровщиной.

V. Союзная интервенция на Украине

Декабрь 1918 — апрель 1919 г.г. Одессина, Николаевщина, Херсовщина.

246. **Анулов, Ф.** Союзный десант на Украине. (Воспоминания и документы). «Лет. Рев.». 1923 г. № 5, стр. 167—211; 1924 г., № 2 (7), стр. 5—38. № 1 (6), стр. 5—75.

Содержание: I. Предисловие: 1 гл. Австро-германская оккупация на Украине. Ноябрьская революция в Германии. Восстание Петлюры. События в городе Одессе, французский консул Энно. Всеобщая политическая забастовка. Настроение украинской интеллигенции. 2 гл. Прибытие союзного флота. Заседание Центрального Совета Профессиональных Союзов. Свержение гетмана Скоропадского. Приближение к городу Одессе петлюровского фронта. Германцы и польские легионеры. Взятие города Одессы петлюровскими войсками. 3 гл. Митинг в цирке. Разгром тюрьмы. Грабежи и налеты. Борьба за пленум Совета Рабочих Депутатов. Воззвание меньшевиков. 4 гл. Осадное положение. Воззвание Луценко. Приказ о союзной зоне. Разоблачения из истории французской интервенции. Прибытие союзного десанта. Обращение генерала Бертелло к Петлюре и большевикам. Декларация генерала Бориуса и призыв союзного командования к населению. 5 гл. Указ генерала Гришина-Алмазова о запрещении пленума Совета Рабочих Депутатов. Уличный бой. Перемирие. Ультиматум генерала Бориуса. Победа Союза Добровольцев. 6 гл. Совещание социалистических партий. Действие Военно-Революционного Комитета. Заседание городской Думы. Безработица, дороговизна и спекуляция. Похороны жертв уличного боя. Разложение союзно-добровольческого режима. Переговоры

Украинской Директории с союзниками. Договор. 7 гл. Организация подполья. Расстрел. Красный террор. Арест и гибель Ласточкина. 8 гл. Беляевская операция. Тираспольская операция. События в Херсоне. События в Николаеве. 9 гл. На Одесском фронте. Восстание на «Мирабо». Приезд генерала Франше-д'Эспре. Оповещение французского командования об оставлении Одессы. Меморандум Совета профсоюзов. Военный Отдел—С.Р.Д. Аудиенция у генерала д'Ансельм. Поездка к атаману Григорьеву. Эвакуация десанта. Всеобщая забастовка. Передача власти Совету Рабочих Депутатов.

Декабрь 1918 г. — апрель 1919 г.

247. **Канторович, В.** Французы в Одессе. «Былое». 1922 г., № 19, стр. 198—210.

Содержание: 1) консул Энно. Одесская «Энноида». 2) активные действия. 3) начало конца. Бегство.

Статья написана по личным воспоминаниям. Автор не принимал активного участия в борьбе.

248. **Кулик, І.** Економічні чинники французької інтервенції. «Червов. Шлях». 1923 г., № 3, стр. 122—128.

Статья чисто экономическая.

249. **Макаренко, Г.** Из истории интервенции Агтанты (к 5-летию Октябрьской революции). «Ком. Мысль». 1922 г., № 6 (18), стр. 14—20.

Статья общего характера об условиях, вызвавших интервенцию.

250. **Марти, Андрэ.** Черноморское восстание (воспоминания). «Нов. мир». 1925 г., № 2, стр. 80—93; № 3, стр. 82—104; № 4, стр. 77—108;

№ 5, стр. 83—103; № 6, стр. 79—92; № 7, стр. 89—101; № 8, стр. 70—87.

Содержание: Памятка [приведено стихотворение «За свободу» (павшему смертью славных), напечатанное в севастопольской рабочей газете 10.V 1919 г.]. Мятеежники [автобиография А. Марти]. Бадина. Товарищи с корабля «Вольтер». Товарищи с корабля «Туарег». Интервенция. Две революции 1917 года. Украина в 1918 году. Крым в 1918 году. Убийцы готовятся. Украина перед французской оккупацией. Одесский пролетариат предупреждает. «Благодеяния» демократической Франции. Освободители. «Протэ». Яхта генерала Бертело. Что они называют порядком. Как работают революционеры: в Одессе, в Херсоне [подполье конца 18-го начала 19-го годов]. Мученики революции в Одессе [жертвы подполья начала 19 г.]. Победа генерала д'Ансельма. Херсонское преступление [наступление григорьевских войск, разрушение города обстрелом союзного флота]. В Крыму и в Севастополе. Право сильного. Пролетариат остается победителем. «Протэ». В Севастополе. Восстание. Кровавое воскресенье. Победенный, но не сломленный [арест А. Марти]. «Валдек Русо» [судно, на котором содержался Марти]. Военный суд на «Протэ». Судебное пре-

ступление. Страдание и борьба. Матросы и их тюремщики. «Амнистия Клемансо» [заключение, суд и наказание]. Немецкий централ. Замурованные заживо. Процесс Бадина. Амнистия Бриана. Моя кандидатура в Шароне. Клерво. Пункаре выбрасывает баланс. Пролетарий открывает тюрьму [освобождение в 1923 г.].

251. Мотузка, М. До питання про «правомірність» антантівської інтервенції 1918—20 рр. з погляду буржуазного міжнародного права та її соціальної природу. «Черв. Шл.». 1925 год, № 8, стр. 61—90

Кроме статей, приведенных в данном разделе указателя, смотри также след. статьи:

Баглай, Г. Из недавнего прошлого. № 157.

Балкун, Ф. Интервенция в Одессе. № 238.

Бессонов, В. Одесское подполье в период оккупации и гайдамачины. № 239.

Рябинин - Сияревский, А. Оккупация Бессарабии Румынией. № 155.

Хаскин. Воспоминания о подпольной организации в Одессе в 1918 г. № 240.

VI. Второй период Соввласти на Украине

252. Затонский, В. К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины (ноябрь 1918 г.). «Лет. Рев.». 1925 г., № 1 (10), стр. 139—149.

Воспоминания относятся к тому же периоду, что и статья т. Рубача (см. № 254); приложен ряд материалов.

253. Раковский, Х. Россия и Украина. «Ком. Интерн.». 1920 г., № 12, стр. 2197—2202.

Статья анализирует взаимоотношения между украинской и русской Сов. республиками. Приведены тезисы по этому вопросу, выработанные ЦК КПУ (п.п. 8, 9 и 10).

254. Рубач, М. К истории гражданской борьбы на Украине. (К вопросу об организации Временного Рабоче-Крестьянского правительства Украины). Материалы из архива Октябр. рев. «Лет. Рев.». 1924 г., № 4 (9) стр. 151—165.

Материалы относятся к ноябрю 1918 г.

255. С., В. Экспедиция Л. Б. Каменева для продвижения продгрузов к Москве в 1919 году. «Прол. Рев.». 1925 г., № 6 (41), стр. 116—154.

Содержание: 1) поездка на Поволжье; 2) поездка на Украину.

Экспедиция была организована с целью продвижения продгрузов в центры.

Во 2 гл. (стр. 123 — 154) рассказывается о положении на Украине весной 1919 г. (апрель — май), о совещаниях в Харькове и Киеве, о мелитопольском прод. совещании (3/V), приведен доклад начснабдива в Александровске, об участии Каменева в обороне Донбасса, свидание и переговоры с Махно, переговоры со штабом Григорьева, несостоявшееся свидание с Григорьевым, вследствие его измены и наступления на Екатеринослав, воззвание о борьбе с Григорьевым Харьк. Совета, организация борьбы с Григорьевым. Приведены переговоры по прямому

проводу Каменева с Лениным, Троцким и другие документы.

256. Яглов, С. Кулацкая и империалистическая контр-революция. «Ком. ст» (ЦК — Чернигов). 1919 г., № 2, стр. 1 — 2.

Статья говорит о кулацких контр-революционных восстаниях, бывших в конце марта 1919 г., и о второй волне восстаний, связанных с атаманом Григорьевым, а также о связи кулацкой контр-революции, возглавляемой Петлюрой, с германским империализмом. Задачей Советской власти является расслоение крестьянства.

(Продолжение следует)

ОТДЕЛ IV

ХРОНИКА

Второе всеукраинское совещание Истпартов

6 — 7 мая состоялось всеукраинское совещание Истпартотделов, на котором присутствовал 21 представитель с мест.

Совещанием заслушан ряд докладов, среди которых центральное место заняли доклады о работе Истпарта ЦК и журнала «Летопись Революции».

Достаточно большое внимание было также уделено вопросу о постановке истпартовской работы на местах: были заслушаны отчеты ряда Истпартотделов и отдельные сообщения делегатов.

Кроме того, был заслушан доклад о работе Центрального Архивного Управления и обсужден ряд организационных вопросов и вопросов плана работы (резолуции и постановления совещания опубликованы в № 2 (17) «Лет. Рев.»).

Об активности совещания говорит тот факт, что из 21 делегата, присутствовавших на совещании, в прениях по докладу Истпарта ЦК выступало 13 человек; такая же активность проявилась и при обсуждении докладов с мест.

Ниже мы помещаем основные материалы совещания.

ДОКЛАД ТОВ. ИВАНОВА О РАБОТЕ ИСТПАРТА ЦК¹⁾

ЗАДАЧИ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД ИСТПАРТОМ

Какие стояли перед нами задачи в период от первого совещания до второго? Мы должны были заняться в основном работой по собиранию и изучению материалов, посвященных революции 1905 года в связи с 20 - тилетием последней. Эта основная задача главным образом и была выпячена на первом совещании. Но совещание решило, что этого будет недостаточно и включило при обсуждении плана еще пункт: «начать планомерную, систематическую работу по подготовке материалов революции 1917 года». В дальнейшем перед нами встала еще одна дополнительная задача, а именно: в связи с районированием мы вынуждены были заняться вопросом о том, как перестроить работу, так как система губерний ломалась.

¹⁾ Этот доклад, как и последующие выступления, представляет собой сокращенную стенограмму.

Следует отметить, что с этими задачами мы справились не совсем удовлетворительно. Для этого было достаточно причин и прежде всего нехватка сил и средств. Но, сравнивая работу за отчетный период с прошлой, можно все же отметить ряд достижений.

НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ РАБОТА

По научно-издательской линии, согласно плану, намеченному на совещании, нам удалось издать: первый том «Хроники революционных событий 1905 года на Украине» (правда, с большим опозданием), «Очерк А. Риш по истории «Спилки», сборник «Потемкинские дни в 1905 г.», совместно с Харьковским Истпартом издан сборник «1905 год в Харькове», и шесть номеров «Летописи Революции».

Не удалось издать намеченных по плану: сборника материалов по «маховщине», сборника материалов по «петлюровщине», протоколов II и IV с'ездов КП(б)У и материалов III с'езда КП(б)У, а также альбома иллюстраций по 1905 году.

По подготовке протоколов II с'езда КП(б)У и IV конференции велась предварительная работа, прежде всего в отношении нахождения подлинной стенограммы IV конференции. У нас имелся один экземпляр стенограммы, но не было уверенности в том, что она подлинная. Кроме того, у нас не было никаких других материалов: списков делегатов, всякого рода письменных заявлений, которые в стенограмму не попали, но крайне существенны и т. д.

Альбом иллюстраций не издан вследствие того, что материалы с мест поступили слишком поздно, юбилей уже прошел, и мы решили, что после юбилея издавать его нецелесообразно, к тому же у нас совершенно не оказалось для этого средств.

Из изданий, не входивших в план, нужно указать на хрестоматию «Революционное движение и КП(б)У», составленную т. Равичем - Черкасским, и подготовленный к печати по нашему заданию т. Калчинским очерк «Крестьянское движение на Украине в 1905 году». I том хрестоматии вышел, II так же, как очерк Калчинского, сдан в печать.

Самым тяжелым грузом на Истпарте лежала «Хроника» — продукт нашей общей работы с местными Истпартами. Выполнение этой работы затруднялось целым рядом обстоятельств, а главное тем, что присылаемые с мест материалы составлялись и выбирались по различным признакам, несмотря на довольно подробные указания о порядке выборки этих материалов. Очень часто в присланных копиях документов отсутствовали указания источников, откуда они взяты. Эти обстоятельства послужили причиной того, что издание «Хроники» нам пришлось сильно затянуть и выпустить не всю, а только первый том ее. Второй том будет готов не раньше, как через три месяца.

Вторым трудным делом в издательской работе являлось издание «Летописи Революции». На прошлом нашем совещании было довольно единодушно принято решение систематически и регулярно снабжать «Летопись Революции» материалами

по определенному плану, несмотря на это, редакцией ни одной статьи по плану с мест получено не было.

Чтобы было понятно, почему сравнительно немного сделано, я должен отметить, что из нашего штата почти половина сотрудников работает для «Лет. Рев.», а вторая половина (несколько большая) выполняет остальную работу. Несомненно, что при таких силах нельзя не только развернуть научно-издательскую работу, но и в достаточной мере справиться с организационно-инструкторской работой.

Организационно-инструкторская работа

Последняя область работы в связи с районированием потребовала у нас значительных сил. Была разработана сеть Истпартов, но по финансовым соображениям лишь 15 Истпартов получили определенные штаты по партийной смете.

В дальнейшем же, на основании ряда постановлений IX съезда, оргбюро и секр-та ЦК по докладам Истпарта, Истпартотделы должны быть организованы при всех Окружкомах. К настоящему времени их насчитывается 35. Правда, большинство из них возникло недавно и никакой работы еще не сумело провести, несомненно, в дальнейшем мы достигнем значительного под'ема работы на местах.

Причин слабой работы Истпартотделов вообще много. Они довольно разнообразны, но одной из основных является то обстоятельство, что из 35 Истпартотделов больше половины не имеет по партийной линии никаких штатов, и поэтому Окружки вынуждены назначать зав. Истпартотделов по совместительству. Эти товарищи обычно чрезвычайно загружены и лишены возможности уделить достаточно времени работе Истпарта. Кое-где Окружки имеют возможность выделить из своих средств на оплату хотя бы одного технического работника, но большинству организаций этого сделать не удастся.

Мы запросили с мест сведения о составе работников и получили ответы пока только от 24-х Окружкомов. Ответы эти очень характерны. Из 24-х заведующих по совместительству работают 19. По возрасту: от 20 до 30 лет — 5 чел., свыше 30 лет — 19. По национальности: украинцев — 12, русских — 3, евреев — 1 и пр. — 8. По партстажу: с 1917 года — 7, с 1917 — 1920 — 11. Выходцев из других партий 9 человек; из них из РСДРП — 4, с. - р. — 2 и других партий — 3. По социальному положению: рабочих — 15, селян — 5 и пр. — 4. По образованию: с низшим образованием — 12, со средним — 8 и высшим — 4.

Получены также сведения и в отношении секретарей. Из 15 человек по совместительству работает 7 человек. По национальности они распределяются так: украинцев — 6, русских — 6, евреев — 3. По партстажу: с 1905 по 1917 г. — 1, с 1917 по 20 — 3 и с 1920 — 9 человек. Беспартийных — 2. Выходцев из других партий — 6. По социальному положению: рабочих — 5, селян — 4 и проч. — 5. По образованию: с низшим — 7, со средним — 6 и с высшим — 2.

Слабость работы объясняется еще и тем, что отношение к Истпартотделам на местах не везде достаточно хорошее. Продолжают еще смотреть на Истпартотдел как на учреждение, куда можно сваливать вышедших в тираж нетрудоспособных, старых членов партии. Такое явление есть, хотя оно значительно

слабее, чем было год тому назад. В общем же отношение к Истпартотделам со стороны партийной общественности значительно улучшилось.

Возникновение новых Истпартотделов потребовало от Истпарта ЦК значительных сил и времени. Приходилось их вводить в курс работы и инструктировать.

Всего в течение отчетного времени на места было разослано более 40 руководящих указаний, из которых по 1905 году — 6, по 1917 году — 5. Кроме того, нами было разослано указание о работе по учету участников Октябрьской революции.

НАШИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ С ЦЕНТРАЛЬНЫМ АРХИВНЫМ УПРАВЛЕНИЕМ

Из остальных вопросов особенно занимал внимание мест вопрос о взаимоотношениях между Истпартами и архивными органами. На прошлом совещании было вынесено постановление о решительном разграничении работы между архивными органами и Истпартотделами с тем, чтобы Истпартотделы освободились от непосредственного участия в архивной работе, взяв на себя лишь общее руководство последней. Однако, положение на местах кое-где продолжает еще оставаться очень неудовлетворительным. Из всех Истпартотделов Киевский лучше всего сумел провести это разделение. Хуже всего обстоит дело пока в Одессе. Причины этого были различны: недоверие Истпартов к некоторым работникам, сидящим в архивных органах, и довольно слабая постановка работы Центральн. Архивн. Управления. На местах не чувствовали центра. Поэтому мы, помимо раз'яснительной работы местным Истпартотделам по этому вопросу, принимали участие и в общем направлении архивной работы в центре. Нам удалось достигнуть изменения в личном составе Укр. Центрархива, и его работа за последние полгода, несомненно, значительно подвинулась вперед. Вопрос о взаимоотношениях с ЦАУ для центра можно считать разрешенным.

РУКОВОДСТВО МУЗЕЕМ РЕВОЛЮЦИИ

Еще надо указать на один из моментов работы — это о музее революции. В начале прошлого года существовавшую выставку было решено реорганизовать в музей рев. УСРР при ВУЦИК'е с оставлением общего руководства работой за Истпартом. Это решение потребовало от нас определенной работы и большого внимания (выработка положения о музее, проведение штатов и т. д.). В результате музей вырос и сделал значительные достижения как в работе, так и в собирании материалов. Он приобрел довольно прочные симпатии среди рабочих, красноармейцев и учащихся.

ПЛАН РАБОТЫ ПО 1917 ГОДУ

И, наконец, вопрос о составлении плана работ по 1917 году. Опыт по 1905 г. показал, что отсутствие единства в этой работе дает довольно плохие результаты. С целью устранения указанных недочетов Истпарт и наметил план

работ по 1917 г. Основная мысль плана заключалась в том, что все Истпартотделы в своей работе подчиняются определенной целевой установке. План Истпарта ЦК был утвержден ОБ ЦК КП(б)У, и вместе с тем было вынесено постановление о том, чтобы вся истпартовская работа на Украине была увязана в единый план. Исходя из этого положения, был составлен проект плана работ Истпартотделов Украины на 1926 — 27 годы.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАБОТЕ МЕСТНЫХ ИСТПАРТОТДЕЛОВ

Если в оценке работы местных Истпартотделов исходить из плана, принятого на первом совещании, то приходится сказать, что план выполнен неудовлетворительно.

Фактически выполнено только два пункта: это — подбор материалов для «Хроники» и для альбома. Что же касается остальной его части: собирания и обработки материалов по истории с. - д. организаций до 1905 года и систематической работы по подбору материалов по периоду Октябрьской революции, то эта часть осталась совершенно почти незатронутой (исключая Киев, о чем будет сказано ниже). Это, конечно, не значило, что Истпартотделы никакой работы не вели. Подавляющее большинство существовавших в 1925 году Истпартотделов (а до ноября их было 20) вели работу помимо плана, подготавливая к изданию отдельные сборники по 1905 году. В течение 1925 году по 1905 году было издано:

- 1) Екатеринославский — «1904 — 1905 — 1906 года в Екатеринославе».
- 2) Запорожский — «На баррикадах в Александровске».
- 3) Киевский — а) «Восстание саперов»; б) «Крестьянское движение в 1906 г. на Киевщине»; в) «Сов. Раб. Депутатов в 1905 г. в Киеве»; г) «Накануне 1905 года в Киеве».
- 4) Одесский — а) «1905 г. в Одессе и Одесщине — первая книга»; б) то же — вторая книга.
- 5) Николаевский — «1905 год в Николаеве».
- 6) Конотопский — «1905 год на Конотопщине».
- 7) Зиновьевский — «Красные веки».
- 8) Харьковский — «1905 год в Харькове».
- 9) Артемовский — «Материалы по истории революционных событий на территории, входящей в Артемовский округ».
- 10) Винницкий — «Рев. движ. в 1905 г. на Подолии» (два выпуска).
- 11) Бердичевский — «1905 год на Бердичевщине».
- 12) Полтавский — (издано о-вом политкаторжан) — «1905 год на Полтавщине».

Таким образом, о 1905 годе на Украине издано довольно много материала. Лучшим сборником следует считать харьковский. В нем дана обобщающая статья, которая связывает картину событий, помогая легко разобраться в материалах рядовому читателю. В этом преимущество харьковского сборника перед другими. Такими же плюсами отличается и артемовский сборник хотя он имеет

большие минусы — (неполнота материалов и много перепечаток из екатеринославского сборника). Второе место в работе следует отнести Одессе, которая издала два сборника, посвященных 1905 году, дополняющих друг друга. В них собран, в общем, довольно полный материал по всем типам движения 1905 г. в Одессе и частью — Одессине. Если бы вместо этих сборников был издан один с обобщающей статьей, то он бы несомненно занял первое место. Третье место следует отнести Киеву, который издал четыре отдельных очерка. Но здесь недостатком является отсутствие очерка по партдвижению.

Работа остальных Истпартотделов значительно ниже перечисленных.

Общим недостатком в работе всех Истпартотделов было то, что они находились во власти издательских тенденций: вопрос проработки материалов, научных исследований вытеснялся вопросом издания тех материалов, которые удалось сравнительно легко получить. Тут известную отрицательную роль играла и юбилейная, дата: Истпарты, подгоняя свои издания под эту дату, допускали очевидные недостатки. Характер этих недостатков: Истпарт не изучает поступающие материалы, не доисследует те вопросы, которые освещены слабо или неясно в воспоминаниях, статьях. Например, в одесском сборнике помещена статья А. Фабричного, трактующая о группе «Рабочая воля», но она вызывает ряд недоуменных вопросов: чем было вызвано обособленное существование группы от Одесского комитета РСДРП, каковы были основные взгляды группы, на кого она пыталась опереться и так далее. Или в конотопском сборнике в отдельных воспоминаниях (в общем довольно слабых) упоминается о сходах и приговорах отдельных сел, выразивших стремление идти на помощь рабочим даже в Москву — вопрос крайне интересный, но остается неразработанным. А Истпарт несомненно внес бы больше в дело изучения истории революции 1905 года, если бы вместо слабых и необработанных воспоминаний дал одну коротенькую статью, выясняющую подробно мотивы и характер выдвигавшейся некоторыми селами идеи смычки крестьян с рабочими. Таких недочетов можно найти во всех сборниках довольно много.

Ссылаться на то, что эти недостатки объяснялись только стремлением подготовить издания к юбилею, было бы неправильно. Немалую роль в этом деле играло и то обстоятельство, что в этой издательской деятельности не было сдерживающего центра. Теперь, согласно постановлению ЦК, всю издательскую работу Истпартотделов нужно увязать в единый план.

Еще одно обстоятельство, которое я считаю ненормальным, — это то, что местные Истпартотделы очень слабо информируют нас о работе. Это не дает возможности иметь полное представление о положении на местах и давать соответствующие указания.

Конечно, такое положение ненормально, и его нужно здесь обсудить и устранить.

Я не указал на очень большую работу Киева. Они подготовили очень солидный труд по 1905 году, кроме того, по 1917 году; из всех Истпартотделов только Киев проделал очень большую работу по составлению хронологии событий 1917 года.

Насколько можно судить по имеющимся у нас материалам, другие Истпарт-отделы еще органической работы по 1917 году не проводили.

Все они приступили только к первым организационным мероприятиям.

СОДКЛАД Т. ШРЕЙБЕР О РАБОТЕ РЕДАКЦИИ «ЛЕТОПИСИ РЕВОЛЮЦИИ» ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА И ЕГО АРХИВНЫЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Мой доклад будет иметь отчетный характер за время существования журнала. С тех пор, как журнал существует (а он существует уже 4 года), еще ни разу он не отчитывался полностью перед совещанием. () задачах журнала говорить много не приходится — они достаточно известны и вполне совпадают с задачами Истпарта — осветить историю Октябрьской революции на Украине, схватить все основные события гражданской войны, истории КП(б)У и ее предшественников на Украине. Что можно было сделать для выполнения этой задачи? Нужно было, поскольку наш журнал является единственным на Украине, освещать не только историю центральных органов советских и партийных, в борьбе за Октябрь и Октябрьскую революцию, но и революционную историю всех губерний, входящих в Украину. Тут создавались трудности в том отношении, что до Октября Украина не представляла собой единицы, объединенной административно, губернии были связаны не с украинским центром, а с общероссийским, и поэтому в нынешнем центре мы не имели никаких материалов, характеризующих жизнь отдельных губерний, кроме Харьковской.

Не имея объединенного центрального архива, дающего материалы по истории ревдвижения по всей Украине, мы в освещении дореволюционного периода зависели от мест, от тех архивов, которые имеются в распоряжении местных Истпартов.

Но эти архивы не были в нашем распоряжении. Истпарты же, несмотря на постановление I совещания о всестороннем содействии журналу, или вовсе не присылали нужных материалов или присылали без всякого согласования с нашим планом и потому приходилось удовлетворяться лишь случайными поступлениями.

Нужно тут отметить, что даже те Истпарты, которые хотели пойти нам навстречу и прислали ряд материалов по истории 1905 года, мало помогли, так как их материалы являлись в действительности сырыми документами, нуждающимися в проверке, в правке, в систематизации, комментировании и т. д. Давались ошибочные сведения, которые мы часто не имели возможности исправить. В результате получались очень досадные ошибки, как, например, с материалами, помещенными в Потемкинском сборнике, составленном по данным Одесского Истпарта, за которые нас продернули в центральной печати.

Таким образом, журнал «Летопись Революции» складывался не на основе исторических документов, а на основе случайных воспоминаний отдельных товарищей, привлекаемых Истпартом к этой работе. Этим крайне затруднялось всестороннее освещение истории первой революции, на которой было сосредоточено наше внимание в прошедшем году (сейчас вся работа журнала будет сосредоточена в области освещения истории 1917 г. и гражданской войны).

ТРУДНОСТИ В НАШЕЙ РАБОТЕ

Поскольку Украина с 1917 г. стала государственно-самостоятельной, поскольку были и партийные, общественные и административные центры, постольку с этой даты имеются материалы, которые могут лечь в основу нашей работы. Но, к сожалению, архивы центральных украинских учреждений еще не приведены в порядок, не разработаны и находятся в распыленном состоянии. Неизвестно, когда эти обстоятельства будут ликвидированы и скоро ли мы сумеем вступить на путь систематического освещения истории центральных учреждений. К этому необходимо иметь также историю мест, и тут снова встает вопрос о помощи местных Истпартов. Как бы ни было на местах мало материалов, все-таки эти материалы там имеются.

Успешно осуществить стоящие перед нами задачи возможно только при помощи мест и архивов. Что еще нам необходимо для выполнения работы — это наличие научных сотрудников. Те постоянные работники Истпарта, которые имелись, были крайне слабы. Тов. Иванов заметил, что в распоряжении редакции половина всех сотрудников Истпарта. Это звучит достаточно гордо. Но нужно себе уяснить, что эта половина составляет в количественном отношении. Сейчас у нас три сотрудника (но это всего с января м - ца, до того было только два: редактор и технический секретарь). Фактически вся редакционно-литературная работа, начиная от первой правки поступавшей статьи и кончая авторской корректурой — все это до последнего времени падало на одного человека. Этим объясняются и стилистические и другие дефекты нашего журнала.

Подобрать научных сотрудников крайне трудно. Важно, чтобы они были не только научно подготовлены, но и были бы в некоторой мере участниками революционного движения. При сложности и запутанности отношений на Украине, постороннему событиям человеку, даже будучи историком, трудно разобраться в материале. Мы пытались сделать ставку на постоянных сотрудников на местах, которые должны были давать систематически обработанный материал на основании местных архивов. Обращались к губернским Истпартам за такими работниками. Но эта ставка на местного научного работника нам не удалась, не удалось также подобрать научных работников и в центре. Поэтому мы решили перейти к другим методам — стать на путь систематизации воспоминаний. Раньше содержание журнала и его выпуск зависел от доброго желания того или иного лица вспомнить тот или иной эпизод своего революционного прошлого. Теперь же мы выявляем товарищей-участников по губерниям и начинаем на них «нажимать». Создается центр, т. - е. активная группа или даже один тов., который берет на себя обязанности напоминать и будировать других. В результате получаются воспоминания, которые взаимно проверяются и друг друга дополняют.

Конечно, в этой области мы еще тоже мало сделали, но кое-что уже имеется. Например, нам удалось на Черниговщине найти товарища, который дает материалы по истории партизанского движения 1918 года. Таким путем мы подобрали несколько товарищей, которые писали воспоминания и по денкинской в Киеве, и по денкинщине в Николаеве. Таким образом мы постепенно добиваемся все больше плановости и систематизации в работе журнала.

ЦЕЛЕВАЯ УСТАНОВКА ЖУРНАЛА

Необходимо еще остановиться на вопросе о том, кого должен обслуживать наш журнал. Мы считаем, что журнал имеет двойную задачу: во-первых, дать материал для будущего историка, во-вторых, ознакомить широкие партийные массы с историей революционного движения на Украине, провести известную воспитательную работу по отношению к нашему партийному молодняку. Таким образом журнал-Истпарта имеет двойную установку — научную и популярно-просветительную. Редакция должна следить за тем, чтобы статьи были действительно проверены и представляли научный интерес, а с другой стороны — были бы доступны пониманию широких партийных масс.

В этом отношении в нашем журнале имеется ряд недостатков в смысле научной и литературной обработки. У нас получается, что материал или имеет научную ценность, но мало доступен широким массам, или изложение популярно, но большой исторической или научной ценности статья не имеет.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА И ЕГО ОТДЕЛЫ

Теперь обратимся к тому, что собой представляет журнал в данный момент. Основной материал, помещаемый в журнале, двух типов: с одной стороны, воспоминания и статьи, а с другой — материалы и документы. Это основное, что есть в журнале.

До сих пор еще приблизительно 80% всего помещаемого материала составляют воспоминания участников редвижения. В последнее время мы ввели новый отдел — библиографический, где даются отзывы о книгах историко-революционного содержания. Мы надеемся, что этот отдел привлечет внимание широких партийных кругов к нашему журналу и поможет в самообразовательной работе партийному молодняку.

Кроме того, в журнале помещается еще справочный материал. Так, в текущем году идет в виде приложения указатель имен деятелей революции на Украине. В ближайших номерах мы дадим библиографию по истории украинского Октября и истории редвижения на Украине.

Я останавлиюсь еще на том, каким районам и каким эпохам мы уделяли внимание в журнале.

В 1923 — 24 г. у нас помещался ряд статей по истории первых социал-демокр. кружков и организаций на Украине и даже по истории народничества. В 1925 г. центр тяжести переносится на 1905 г. Сейчас центр тяжести переносится на историю гражданской войны.

Вот несколько цифр о том, сколько приблизительно статей было помещено в журнале по различным эпохам: народничество занимает малое место, основное место занимает 1905 год и эпоха гражданской войны; по эпохе гражданской войны помещено 75 статей и 85 по 25-тилетию, из них по истории первой революции — 33 статьи.

По районам — губернии Украины освещались неравномерно. Работа зависела в значительной мере от того, каких работников можно было привлечь

к этой работе. Первое время в журнале принимали участие екатеринославские товарищи, потом они отошли, и это отразилось на журнале в смысле ослабления екатеринославского материала. Приблизительно 25% помещенного материала посвящено Харьков; на втором месте стоит Екатеринослав — 22%, на третьем — Донбасс и на четвертом — Киев — статьи и воспоминания по Киеву составляют лишь 10% всех материалов, помещаемых в журнале. Еще более слабо освещены губернии Волынская, Полтавская, Черниговская и Подольская.

В дальнейшем равномерное освещение губерний и тех районов, которые играли наибольшую роль в истории революционного движения, абсолютно необходимо.

ЛИТЕРАТУРНАЯ И МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ЖУРНАЛА

Теперь о материальном положении журнала и его литературной и материальной базе. Как идет поступление материалов? Несмотря на то, что материалы, в общем, поступают плохо, мы все-же замечаем неуклонный рост этого поступления. За 1922 год, когда была развита большая кампания за распространение журнала, когда в журнале (в первом номере) принимали участие очень сильные работники, когда этот журнал еще только начинал организовывать вокруг себя читательскую массу, поступило 106 единиц, за 1923 год — 208 поступлений, за 1924 год — 289, за 1925 г. — 405. Быстрое увеличение за последний год объясняется юбилеем первой революции, вызвавшим поток воспоминаний. За четыре месяца 1926 года поступило около 200 единиц.

Характерен процент использования 1208 единиц, поступивших за весь период существования журнала. Было использовано всего 233 единицы, то-есть около 20%. Немного больше осталось в запасе журнала, остальное в архиве, так как не могли быть использованы как вследствие исторической неточности, так и слабой исторической ценности.

Теперь в отношении издательской части. Всего издано 16 номеров, в ближайшие дни выходит № 17. По годам: в 1922 — вышел 1, в 1923 — 4, 1924 — 4, в 1925 — 6 (при чем два номера в одной книжке). За первые 5 месяцев настоящего года вышло 2 номера. Размер журнала не изменялся сначала и до конца (выходит от 12 до 15 листов). Тираж был в первый год издания 5000 экз., но в 1924 года его понизили до 3-х тысяч и лишь к концу 1925 года снова повысили до 4500. До 1925 года журнал не имел подписки, расходился только в розницу и распространялся чрезвычайно плохо — не более одной — полторы тысячи экз. Остальное оставалось на складах. Это объяснялось слабостью аппарата распространения Госиздата и отсутствием подписки. С 1925 года мы ввели подписку и вот как она росла по месяцам: в мае 1926 г. — 288 экз., в июле — 984 экз., в сентябре — 1457, в октябре — 2100, в декабре — 2270, на январь 1926 г. — 2273 экз., а годовая (на 1926 г.) — более 1000¹⁾. Таким образом, тенденция роста несомненная. Следует еще прибавить, что в 1925 году разошлись почти все залежи журнала за 1923 — 24 г.г.; значительнейшую долю подписки

¹⁾ В наст. время годовая подписка достигла 3000 экз. — Прим. ред.

забирает Екатеринослав и Донбасс: Донбасс 40%, Екатеринослав — 25%. Подписка на Правобережьи чрезвычайно мала. Это зависит безусловно и от технических причин от того, что у Госиздата не всюду имеются собственные конторы. Там, где конторы имеются, там распространение идет лучше, там где их нет, распространение отстает. Быть может, причины кроются и в том, что интерес партийных масс Екатеринослава и Донбасса, как рабочих районов, к нашей партийной истории значительно больше, и журнал уделял внимание больше этим районам, а Правобережье, как район крестьянский, меньше интересуется журналом также и потому, что на страницах нашего журнала этому району уделялось меньше внимания.

Материальное положение журнала было довольно скверное до прошлого года. Почти все периодические издания дефицитны вследствие незначительности их тиража. Но в прошлом году ДВУ нашел значительные материальные ресурсы и стал получать даже доход по нашему журналу. Это так же, как и рост тиража, позволило понизить стоимость журнала, что дает возможность шире распространить его.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАБОТЫ

Теперь о перспективах. Говорить об этом особенно не приходится. Основная линия, взятая журналом в смысле методов работы, более или менее правильна. Нужна помощь местных Истпартов. Если сейчас в связи с предстоящей огромной работой к наступающему юбилею Октября нам не придут на помощь местные Истпарты со своими документами и местными участниками Октября, то мы со стоящими перед нами задачами не справимся. В области освещения Октября в центральных учреждениях мы сумеем подготовить соответствующие материалы, но для освещения Октября на местах нам придется прибегнуть к помощи мест. Надо договориться, чтобы места не считали, что мы вторгаемся в их область деятельности, когда помещаем материал той или иной организации. Помещение материала в журнале не препятствует выпуску этого же материала в том или ином местном сборнике.

Но основной материал местной ревистории обязательно нужно пропускать через журнал Истпарта ЦК.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ТОВА. ИВАНОВА И СОДОКЛАДУ ТОВА. ШРЕЙБЕР

Т. Крылов (Прилуки). Прежде всего я хочу остановиться на той цели, которую мы должны ставить, собирая материалы. Мне кажется, что собираемые материалы должны носить не только архивный характер, но и использоваться с воспитательной целью.

Дальше вопрос об увозке работы. Здесь, по всей вероятности, будет некоторая тенденция крупных Истпартов концентрировать материалы у себя, использовать их, а потом уже отдавать в центр. Истпарт. Отсюда вытекает необходимость разграничения в том смысле, чтобы, с одной стороны, не отбить охоту мест выявлять те или иные материалы, а с другой — чтобы материал, имеющий

всеукраинское значение, не задерживался в округах. Тов. Иванов в заключительном слове должен будет детально осветить дальнейшие взаимоотношения в этом направлении. Затем необходимо разрешить вопрос относительно штатных работников, хотя бы секретарей, не говоря уже о зав. Истпартами. Нужно, чтобы или Истпарт ЦК взял на свое содержание технических работников или местные паркомы, исполкомы. Кроме того, нужно дать указания на места, чтобы АПО в округах принимали большее участие в работе Истпарта. Нельзя сказать, что до настоящего времени АПО оказывало Истпарту соответствующую поддержку.

Т. Ассельберг (Винница). Желательно, чтобы Истпартотдел ЦК присылал на места все образцы своих изданий для того, чтобы можно было местную работу увязать с обще-украинскими материалами, имеющимися в этих изданиях.

Теперь я хочу сказать кое-что об окружных архивах. В большинстве округов штат не доведен до нормы, установленной СНК, т. е. до 4-х человек. Есть округа, в том числе и наш Винницкий, где штат состоит только из одного работника. Нужно обратить внимание также и на выдвижение партийных сил для работы в окрархивах. Следует подчеркнуть, что главная причина несдачи в окрархивы материалов (хранящихся в Истпартах) заключается в недоверии к архивным работникам на местах, а такие архивы, как жандармских управлений, имеют и сейчас политическое значение.

Затем об обмене опытом крупных Истпартотделов. Нам необходимо отдельные достижения мест широко популяризировать на страницах «Летописи Революции», организовав для этого официальную инструктивную страничку. Организация такой странички крайне необходима еще и потому, что на местах встречается масса неясных вопросов, а отсюда получается большая неразбериха и разноречивость в работе, например: то АПО, то Истпарт организует районные группы содействия. Об этом можно было бы поговорить через указанную страничку. Необходимо также давать инструкции и организационные указания в этой страничке.

Организационный вопрос в отношении увязки работы между округами, бывшими губернскими и бывшими окружными центрами, еще не разрешен. Во-первых, необходимо выяснить, как нам снестись с теми товарищами, которые имеются на учете ЦК КП(б)У, но не имеются на учете у нас, будет ли у нас непосредственная связь с бюро при Истпарте ЦК или через Истпартотдел ЦК, не получится ли параллелизма, будут ли происходить съезды участников или членов этих краевых бюро и т. д.

Затем нам интересно было бы иметь дубликаты тех материалов, которые имеются по данной территории при Истпартотделе ЦК. Истпартотдел ЦК, требуя от нас дубликаты материалов, имеющихся в наших местных архивах, хотя у нас нет средств для того, чтобы оплачивать связанные с этим расходы, сам же не присылает нам ни дубликатов, ни средств.

Теперь я хотел бы остановиться на учете тех материалов, которые уже имеются. На местах нет указаний, какие должны быть анкеты инвентарного учета или карточки.

Эти разъяснения можно было бы поместить в «Летописи Революции», а если этого сделать нельзя, то нужно писать товарищам инструктивные письма.

Затем о системе индивидуальных поручений или нагрузке мест: нам необходимо решить, будет ли собирать материалы известная группа или дадим индивидуальную нагрузку ответственным работникам. Некоторые товарищи отбояривались, но при помощи ОПК удалось их к таким работам привлечь. Указана была тема работ, тезисы задания и материалы, которыми нужно пользоваться.

Нужно эту работу возлагать на нескольких товарищей, ибо один товарищ не в состоянии справиться.

Т. Шабельников (Запорожье). Тов. Иванов дал цифровые данные о том, сколько существует Истпартотделов и в каких из них имеются технические сотрудники. Я просил бы тов. Иванова в заключительном слове сказать, какие меры думает принять Истпарт к тому, чтобы округа более широко проводили работу. Тов. Иванов подчеркнул также и то, что на местах выдвигают на истпарт-работу инвалидов — старых партийных работников. Подготовлены ли они к работе Истпарта? На это мало обращали внимания, а ведь продуктивность работы всецело зависит от трудоспособности и подготовки зав. Истпартами.

Дальше — тов. Иванов не отметил той работы, которая ведется на местах Истпрофами. Последние ведут самостоятельную работу, никакой связи с Истпартом не имеется. Какие у них есть материалы — неизвестно. Эту работу необходимо увязать с истпартработой.

Я уверен, что многие Истпарты совершенно не знают, что делается в архивах. Архивы зачастую находятся на почтительном расстоянии от Истпарта, кроме того, в совершенно неупорядоченном виде, а работники, имеющие только вечера для работы, не могут пользоваться архивными материалами.

Архивы некоторых бывших уездных городов, к которым относится и Запорожье, находятся в разных местах, так как эвакуация происходила по несколько раз. Чтобы собрать эти материалы, нужны средства. Необходимо, чтобы архивный материал, относящийся к известному округу и не имеющий центрального значения, был передан из центральных архивов в окружные центры, где он значения не потерял.

Мы знаем, как оплачиваются технические работники (35 — 40 рублей). Что на это сделаешь? Маленькая ставка не дает возможности подыскать хороших работников, а от имеющихся работников пользы мало.

В отношении поступления материалов следует сказать, что сейчас оно проходит очень туго. Еще в отношении периода 1905 года беспартийные принимали активное участие в издании материалов. Хуже обстоит дело с 1917 годом, так как партийцы страшно перегружены и, несмотря на разосланные инструкции, собирать материалов не могут. По этому вопросу совещанию необходимо поговорить.

Т. Гуляницкий (Зиновьевск). Я хочу остановиться на одном моменте, который выдвинут т. Шабельниковым. Он указывает, что плохо иметь работников на местах с малым образованием. Мы начали революцию без университетского образования, так и закончим ее. Не в университетском образовании дело.

В докладе т. Иванова проскользнуло, что на местах есть какой-то разноречивой в работе, нет оформленности, пестроты. Так ли это? Да, это так. Один работает по одному методу, другой — по другому. Один работает успешно, другой —

неуспешно. Правда, тут говорили, что это зависит от того товарища, который поставлен руководить Истпартом. Это правильно. Мы знаем, что это много значит. Но нам до сих пор Истпарт ЦК не прислал окончательно оформленной структуры Истпартотдела. Сначала мы были бюро Истпарта, потом превратились в коллегню, а сегодня — я не знаю как называть себя: коллегия или бюро. Когда мы обращаемся к Паркому или в Агитпроп на местах, нам заявляют: «Вы общественная организация, работайте как хотите и добывайте себе сами деньги».

Мы заработали на кино 700 рублей, потом 500 руб. на труппе, которая приехала из Киева, и петроградской труппе. Но работать на случайные средства очень трудно, да еще к тому же не имея хотя бы одного постоянного сотрудника, поэтому и нас называют добровольцами.

Теперь я остановлюсь на другом моменте. Нам говорят — все материалы давайте нам. Хорошо, мы вам будем давать. Но дело в том, что в содкладе редакции журнала «Л. Р.» было сказано об использовании только 20% поступающих материалов. У меня является вопрос: где же остальные 80%? К вопросу о материале надо подходить осторожно. Писать историю революции в настоящий момент очень трудно. На местах вы знаете, что делается? Вся бывшая сволочь, вся контр-революция лезет в герои революции, все хотят быть записанными в историю. Было так и по Зиновьевскому округу. Но мы записывали их на той странице, где они должны быть, и если кто был черносотенцем, то таким и входил в историю.

Писать о великой революции нужно осторожно, это трудная задача, которая взыскана на плечи Истпарта.

Если места будут присылать непроверенные материалы — зачем же вы будете их издавать? Можно ли подписаться под ними, что эти материалы правильные? Как вы будете помещать эти материалы со всех 42 округов в юбилейном сборнике? Вы сможете только их немного систематизировать, но всех поместить не сумеете. Если вы издадите отдельными выпусками материалы мест, то мы скажем вам спасибо. Пишите историю округов, систематизируйте материал, чтобы не было недоразумений и неприятных казусов, чтобы не пришлось потом опубликованное опровергать...

Мы будем просить и о том, чтобы оформить, наконец-то, Истпарты, как отделы Паркомов. Тов. Иванов говорит, что у нас 15 штатных зав. Истпартами, а налицо 32, более или менее проявляющих признаки жизни. 15 состоят на бюджете, а остальные без бюджета обходятся. Этого я не понимаю. Затем, у нас ведь 42 округа, значит 10 округов Украины не имеют Истпартов, там работа по изучению и собиранию материала не проводится вовсе. Надо, чтоб ЦК партии нашел возможность организации Истпартов при всех окрках.

Вы найдете такие формы работы, чтобы мы знали, где наше место, кто мы такие и как мы существуем, ибо существовать на случайные средства невозможно, с этим мы далеко не пойдём.

Т. Амосов (Екатеринослав). Я работаю уже год, и за этот год в Екатеринославе связь и взаимоотношения с Архивуправлением наладились, но до

этого времени было очень плохо. Местный Истпарт зависел от Архивуправления целиком и полностью. Для того, чтобы что-нибудь дать для Истпарта, ЦК надо пользоваться архивами, а архивы, особенно у нас, были в плохом состоянии, и нам приходилось возбуждать ряд вопросов архивного свойства. Нам говорили: «Чего вы лезете туда, куда не следует вам лезть?» Здесь надо также иметь указания из центра. На этом совещании нам надо более конкретно эту отрасль работы (взаимоотношения с архивными органами) систематизировать.

Связь Истпарта ЦК с местами зависит очень много от окркомов. В Екатеринославе местный окружком (рабочая тройка) настолько нагружена сложными вопросами, что очень мало обращает внимания на историческое изучение партии. В этом нельзя винить окружкомы. Но если бы окркомы более интересовались этим делом, то Истпарт ЦК имел бы несравненно больше материала, чем он имеет.

Что касается штатов, то у нас имеется два человека, а третий проходит по местному бюджету и работа вследствие этого сильно страдает. Для исследовательской работы привлекается семинар.

Здесь надо коснуться журнала «Летопись Революции», потому что мы посылаем материалы по 1905 году в журнал, но читаем их в очень и очень ограниченном количестве. Например, о Брянском заводе пока еще в «Лет. Рев.» ничего не написано. Есть еще целый ряд таких фактов, и на местах авторы этих воспоминаний недовольны, предъявляют претензии и т. д.

Нужно также сказать, что в дальнейшем наш журнал необходимо расширить. Может, для этого у нас мал тираж—это вопрос другой, и когда мы придем к нему вплотную, мы будем искать причины, которые надо изжить.

Истпартотдел ЦК должен принять решительные меры в смысле оживления истпартработы на местах, чтобы работали местные Истпарты, иначе не будет материалов как для центра, так и для мест. Мы сейчас в Екатеринославе занялись очень большим исследовательским делом, но если эти работы не будут использоваться, то пропадут и время и силы даром.

Т. Манилов (Киев). Товарищи, касаясь оценки работы Истпартотдела ЦК за этот период, следует сказать, что несомненно в общем имеются серьезные достижения. Наиболее рельефно эти достижения выявляются в количественном росте издательской продукции. Но на этом я останавливаться не буду. Я хочу остановиться на вопросах, связанных с теми недостатками, которые чувствовались за этот период. Прежде всего, необходимо отметить, что со стороны Истпарта ЦК не было проявлено достаточного руководства в период районирования. К моменту районирования, вследствие отсутствия четкой и определенной линии в вопросе о том, какие взаимоотношения сложатся между бывш. губ. центрами и новыми окружными образованиями, получился чрезвычайный разнобой, который отразился в большой степени на работе. Все вновь созданные Истпарты являются искусственными образованиями по двум причинам: во-первых, потому, что в большинстве из них отсутствует основа, документальная база, материалы, которые раньше концентрировались в губ. центрах или губернских архивных управлениях, и, во-вторых, потому, что если губерния в общем и целом была исторически сложившимся образованием и все революционные события протекали

в пределах данной определенной территории, то нынешние округа, приспособленные к административным задачам, составлены из клочков различных бывших губерний, которые по историческому ходу событий и по целому ряду экономических моментов друг с другом органически не связаны. Отсюда вытекает основной принципиальной важности вопрос: каковы же будут перспективы работы этих новых Истпартов? Мне кажется, что в их задачу войдет изучение истории партийной организации, именно с начала этого периода. Что же касается истории местной партийной организации до момента районирования, то здесь должен быть намечен какой-нибудь другой выход.

Естественно, что Истпарт ЦК, не учтя этих обстоятельств, не сумел своим руководством охватить все эти вновь образованные Истпарты. Следовало бы, во-первых, установить определенные взаимоотношения с теми центрами, которые концентрируют архивные материалы и завязать тесную связь между ними и округами. Затем, при установлении сети Истпартов не нужно было вовсе ориентироваться на все округа, а основываться на их историческом прошлом, архивной базе и выделить лишь мощные Истпарты, в остальных же ограничиться либо корреспондентами, либо уполномоченными.

Теперь необходимо отметить второй момент, касающийся руководства работой, в смысле ее содержания и методов. Надо сказать, что достижения в этом отношении все же имеются. Мы получили от Истпарта ЦК кой-какие указания, но в общем и целом эти указания недостаточны, если еще принять во внимание, что работа Истпарта является по существу научно-исследовательской работой и что на местах отсутствуют товарищи, имеющие надлежащий опыт. Поэтому прав был представитель Винницкого Истпарта, рекомендовавший обратить большее внимание на вопросы методики, на вопросы техники, являющиеся по существу важнейшими вопросами в истпартовской работе.

В связи с этим коснусь вопроса о взаимоотношении Центрального Истпарта с местными. Здесь вскользь бросался целый ряд упреков в отношении Киевского и ряда других Истпартов. В частности, тов. Шрейбер в отчетном докладе о работе журнала «Летопись Революции» выдвинула принципиально неверную линию, заключающуюся в том, что орган Истпарта ЦК — «Летопись Революции» должен служить предварительной ступенью, предварительным фильтром, который бы давал материалы, а потом уже местные Истпарты на основе опубликованных материалов в «Летописи Революции» могли бы делать те или иные поправки, те или иные выводы. Еще на прошлом совещании Истпартов я выдвигал ту точку зрения, что разница между работой местных Истпартов и работой центрального Истпарта должна заключаться в той степени обработки материалов, которые опубликовываются на местах и в центре. То соотношение, при котором в «Летописи Революции» 80% материалов это воспоминания, и лишь 20% документов и статей научно-исследовательского характера, несомненно неправильно: первая инстанция — местные Истпарты — могут опубликовывать материал, который подчас на страницах «Лет. Рев.» не должен быть помещен. Цент. Истпарт должен установить определенную категорию Истпартов, которые бы помещали этот материал. Эта категория Истпартов должна определяться в смысле наличия докумен-

тального материала. Другие Истпарты должны помещать материал на страницах местной прессы, местных журналов. Это является предварительной стадией опубликации и проверки материалов. В «Летописи Революции» должен печататься научно - исследовательский материал.

Перейду к вопросу об издательской деятельности Истпарта. Руководство издательской деятельностью местных Истпартов было чрезвычайно слабо. Истпарт ЦК предварительно не просматривал и не редактировал местные материалы, благодаря чему получилась пестрота и чрезвычайное разнообразие тех изданий, какие мы имели по всей Украине.

В отношении «Летописи Революции» следует отметить безусловно как количественный, так и качественный рост. Но основной недостаток работы Истпарта за отчетный период заключается в том, что мы не получили по истории революции 1905 года на Украине никакой свободной обобщающей работы. Теперь перейду к оценке других изданий Истпарта ЦК, как, например, «Хроника 1905 года». Надо сказать, что в этом издании есть целый ряд существенных недочетов. Один из них является результатом взаимоотношений центра с местами. Здесь присутствующие товарищи знают, что многие Истпарты приняли чрезвычайно деятельное участие в подготовке материалов к хронике. Эта работа местных Истпартов не отмечена: когда читатель просматривает хронику, то неизвестно, является ли она результатом творчества значительного коллектива или результатом работы одного лица. В самой хронике также имеется целый ряд существенных недочетов. Истпарт ЦК внешнюю картину событий без всякого анализа, без объективной обрисовки картины в той последовательности, в какой они развивались, помещал в эту хронику. Этот недостаток методологии является одним из основных недочетов и значительно подрывает ценность работы. Затем нужно отметить, что Истпарт не обращал внимания на издания основных материалов по истории КПУ. Тов. Иванов говорил о протоколах съездов и конференций, что они готовятся к печати, но еще не изданы — на это надо обратить самое серьезное внимание.

Т. Попов (Могилев). Мысль тов. из Киева в отношении Истпартов должна быть целиком поддержана, ибо если создавать Истпарт по всем округам, то надо дать и соответствующую базу, а если этого нельзя сделать, то лучше ввести институт уполномоченных. За полтора месяца моей работы я выяснил, что у нас нет в округе товарищей, которые бы работали в период с 1917—22 г. Если и нашлись по 2 — 3 человека, то они почти безграмотны и недостаточно активны. Остальные работники или погибли, или неизвестно где находятся. При отсутствии работников, средств и участников революционных событий на месте, вновь приступать к собиранию материалов, которые раньше были уже собраны Губистпартами и находятся в бывш. губ. центрах, просто невозможно. В нашем округе имеется всего один архивариус. Две комнаты завалены всевозможным материалом, и одному человеку придется работать 3 — 4 года для того, чтобы только разложить и систематизировать их. Технического работника Истпарт не имеет. Если Истпартотделы в округах останутся, то надо или дубликаты или подлинные материалы, собранные бывш. Губистпартом, возвратить в округа, чтобы они могли иметь основу для разворачивания своей работы.

В отношении привлечения районов к содействию в работе Истпартов в районах необходимо создавать комиссии на 1—2 месяца, давая им определенное задание собрать материалы, хронологии и пр. по данному району, а затем, после выполнения указанных заданий, эти комиссии распустить, ибо им нечего будет делать.

В отношении журнала «Лет. Рев.» укажу, что Правобережье не выписывает его отчасти потому, что слаба работа Истпартотделов, а главным образом из-за отсутствия средств. Что касается присылки материалов с мест для журнала, то по этому вопросу мы имеем столкновения между местными Истпартами и центральным. По-моему, надо, чтобы местные материалы присылались в центр. Если они не будут помещаться в «Летописи Революции», то у нас картина революционного движения на Украине будет неполная и неясная.

Тов. Штейман (представитель Истпарта ЦК ВКП(б). Т. Манилов сказал многое из того, что и я хотела сказать. Я солидаризируюсь с ним по вопросу об изменении структуры Окристпартов. Быть может, придется приурочить их к прежним губ. центрам по старому административному делению. Быть может, надо изменить некоторые районы, создав основную сеть Истпартотделов, с которой и должен работать центральный Истпарт Украины, а в остальных округах, где нет базы, нет материалов, можно, как сказал т. Попов, учредить институт уполномоченных. Эта мысль т. Мануйлова, поддержанная т. Поповым, очень правильная.

Критиковать работу Истпарта Украины я особенно не собираюсь. Мы считаем, что она за этот год качественно значительно выросла, особенно по журналу «Лет. Революции». Если мы вернемся к началу 1925 года (я не говорю уже о 1924 г.), то нужно согласиться с тем, что журнал «Лет. Рев.» в этот период был каким угодно журналом, только не журналом партийной организации, не большевистским журналом: помещали воспоминания не только народовольцев, но и статьи кадетов. Сейчас «Летопись Революции» приняла уже «христианский» вид, это относится к последнему номеру журнала прошлого года, а первый номер настоящего года совсем хороший, очень интересный.

Я никак не могу понять грома и молнии, которые мы слышали из уст т. Шрейбер: местные Истпарты ничего не дают «Лет. Рев.», а мы в Москве читаем из отчетов, которые нам присылают для сведения, для обсуждения, для вынесения своего мнения, что места присылают то-то и то-то.

Говорят, что материал сырой. Что вы, товарищи, хотите? По вашей диаграмме-табличке из 30-ти заведующих Истпартами 15 рабочих с низшим образованием, а вы хотите, чтобы они вам литературные статьи присылали? Тов. Шрейбер в своем выступлении сказала: «Мы получаем материал, но он сырой, и его приходится обрабатывать». Да, его приходится обрабатывать и проверять. Здесь, в Харькове, это легче проводить, чем на месте, потому что тут находится большая часть руководящей головки.

Для этого вы существуете. Возьму, например, такой ценный материал, как присланный тов. Амосовым о Брянском заводе. Материал этот должен был быть гвоздем юбилейного номера, а вы не уверены, имеете ли эту рукопись. В резуль-

тате рабочие-авторы, видя, что их материал не печатается, не станут больше писать. И если бы тов. Амосов был бы более самостоятелен, не так законопослушен и взял бы этот материал и напечатал его так же, как и материал по Горловке, напечатал бы в виде брошюры, от этого ничего Истпарту ЦК Украины не было бы, а рабочие Екатеринослава, питерские рабочие, брянские рабочие материал бы прочли, и это был бы ценный вклад в историю нашей партии.

Если местные сборники, которые вышли, действительно Истпартом ЦК не просматривались, то это большой минус в руководстве работой. Нет ничего удивительного, что в это дело вмешался Истпарт ЦК ВКП. Одесский Истпарт издал сборник по 1905 году, сборник слабый, и когда мы случайно узнали о том, что они издают второй сборник по 1905 году, мы послали им из Москвы телеграмму с просьбой до сдачи материалов в печать прислать его в Москву для просмотра. В результате второй сборник вышел из печати лучшим, чем если бы он вышел без этой проверки. Если Истпарт ЦК Украины не в состоянии был иногда осуществлять это руководство, мы приходили в этом отношении на помощь. Тов. из Винницы или кто-то другой сказал, что они получали указания и отсюда и из Москвы. Да, мы разослали из Москвы схему для разработки материалов по истории Окт. революции. Является ли эта схема законом, по которой вы обязательно должны работать? Ничего подобного. Мы послали этот материал как ориентировочный. Если она приемлема, вы ее можете приспособить к работе. Если это не мог сделать Истпарт ЦК Украины, мы это сделали, разве это плохо? Мы и впредь будем своим руководством помогать Истпарту ЦК Украины и работе местных Истпартов.

Т. Мейденберг (Кременчуг). Я не согласен с последними тремя товарищами и особенно с т. Маниловым, которые говорят о концентрации работы Истпарта. Стать на такую точку, значит свести всю работу на смарку, потому что сидеть в центре или губернии и махать палочкой посредством уполномоченных, а они также будут неплатные работники, это значит ничего не делать. Конечно, нам нужно было бы устранить организационные недостатки, имеющиеся на местах. Здесь констатировали отсутствие материальной базы в округах. Это — основное. Во-вторых, нет постоянных работников. Но есть еще третий момент, на который нужно будет обратить внимание — это, чтобы работники, выделенные по совместительству на заведывание Истпартами, уделяли не меньше 50% времени этой работе. Мы же видим на деле совсем обратное. Если мы говорим, что в окрестностях работать трудно, то в районах тем более, и становиться на ту точку зрения, о которой говорит Манилов, нельзя. Нам нужно, чтоб Истпарт ЦК через ЦК партии дал директивы окружкам о выдвижении работников на истпартовскую работу. В тех округах, где нет совершенно постоянного работника, нужно поставить хоть одного платного технического работника. Если бы хоть 80 рублей в месяц было уделено для этой цели, можно было бы вести работу.

Теперь относительно концентрации архивов. А р х и в ы н у ж н о д е ц е н т р а л и з и р о в а т ь. А то получится такая картина. Кременчуг, как промышленный город, имел большее значение, чем Полтава, но большинство материалов находится в Полтаве, и когда мы хотели перепечатать копии, то посылали специально

человека и вообще достать их было очень трудно. Нужно принять меры к возвращению материалов из бывших губернских центров в те округа, к которым они относятся.

Теперь относительно воспоминаний. Наши воспоминания пишутся нелитературно, рабочий пишет очень сухо, а когда эти материалы поступают к нам на коллегия, то мы тоже не имеем возможности литературно их обработать, мы проверяем только то, насколько они верны, чтобы не было искажения. На эти моменты мы обращаем внимание. Остальное уже дело редактуры.

Тов. Андреев (Мелитополь). Товарищи, здесь уже многие говорили о том, что действительно ту работу, которую требуют от нас, нашим Истпартам тяжело дается проводить, потому что у нас не имеется специальных работников, сидящих на этом. Кроме того, эту работу стараются свалить на плечи товарищей, которые выполняют одновременно массу других обязанностей.

Вот здесь некоторые товарищи останавливались на том, что поступают материалы в «Лет. Рев.» в сыром виде. Несомненно, что те материалы, которые пишет более грамотный, имеют большее значение, нежели те сырые материалы, которые дает рабочий. Надо было бы пригласить одного товарища, который бы на месте проверил, сопоставил, действительно ли правильно освещены факты или нет. Но мы не можем на местах найти соответствующих ответственных работников для этого. Где же их мы найдем, если вы у себя в центре не можете это сделать? У нас даже не имеется платного секретаря, который руководил бы этой работой. Нет и средств, потому что окружком не предусмотрел этих расходов по смете, и их неоткуда взять. Такие отговорки мы встречаем. Если бы было соответствующее предписание из центра, то, может быть 200—300 рублей были бы найдены. Доставать средства путем сборов со спектаклей и прочее, нельзя — это вызовет ряд нареканий, ибо у нас собираются таким образом средства в пользу беспризорных и в пользу других организаций.

Здесь Истпарт ЦК упрекает нас в том, что мы мало информируем о работе, материалов не присылаем и пр. Как можно их присылать, когда читаешь и у тебя вкрадывается сомнение — правильны ли они или неправильны. Для того, чтобы проверить, нужно 5—6 человек местных ревучастников, а их в округе нет, они разбросаны по разным местам. Когда запрашиваешь их, они не отвечают, — потому ли, что не находят нужным, или потому, что не имеют времени. Это плохо отражается на нашей работе. Что же, мы будем вам присылать сырые материалы, которые вы будете бросать в корзины? Это куда не годится.

Киевский товарищ сказал, что создаются искусственные Истпарты. Мне кажется, что говорить об этом еще рано. Не знаю, нашелся бы кто-нибудь из товарищей, который позволил бы себе искусственно создать Истпарт. Мне кажется, что если нет материалов для Истпарта, то надо послать в центр и сказать, что Истпарта нельзя создать.

Тов. Загородный (Лубны). Товарищи, я считаю, что работу Истпарта ЦК нужно признать удовлетворительной, принимая во внимание те обстоятельства, в каких ему приходилось работать. Несомненно, работа его выросла, за

год есть перелом в сторону оживления, наверное этот год будет и переломным в смысле организации окружных Истпартов. Я хочу остановить ваше внимание на том, в каких условиях приходится работать окружным Истпартам. Мы слышали одного товарища, который говорил, что Истпарт считают общественной организацией. Конечно, не всюду так, но почти такое положение существует и у нас в округе. Окружной партийный комитет считает Истпарт будто бы своим придатком. Необходимо дать соответствующие указания через ЦК о том, что окружные Истпарты являются отделами ОПК, тогда и авторитет их в окружном масштабе будет больше.

Я хотел бы также обратить внимание на рукописи воспоминаний, которые мы будем получать от наших участников в кружках. Нечего бояться, что они будут написаны малограмотным языком, но в них зато мы найдем материал. Так проделывалась работа по собиранию материалов по 1905 году. Необходимо только при Истпартах создать редакционные комиссии, в которые будут входить редактора местных газет, заведующий Агитпропом и заведующий Политпросветом; это будет наш фундамент, на котором мы сможем опираться в работе. Комиссия будет редактировать материал и направлять в центр, которому уже не придется затрачивать такой массы энергии на переработку, как это было раньше.

Наш годовый план Окристпарта Истпарт ЦК утвердил. Составлен также кварталный план и внесен на заседании бюро парткома, которое рассмотрит его. Непонятно, зачем так много кружков и групп надо было организовать согласно инструкции Истпарта ЦК, и поэтому бюро Парткома постановило организовать одни кружки, высказавшись о ненужности организации групп содействия. В резолюции, которую надо будет вынести по поводу создания основной базы для Истпарта, надо этот момент отметить. Мы стремимся к экономии и знаем хорошо, что работа Истпарта еще не налажена. Впоследствии же она расширится, пока же мы только ведем организационную работу.

Тов. Значенко (Полтава). Робота Істпарту ЦК безумовно буде залежати від роботи Окрістпартів. Коли доводиться оцінювати її, то ми мусимо сказати, що вона пророблена досить. Деякі т. т. кажуть про те, що окремим не надавали ніякого значіння нашій справі, і тільки тепер в останні часи вони звертають увагу на неї, я-б цього не сказав. Бюро парткому вимагає звіт і за допомогою його ми вийдемо із цього занепаду. Сьогодні ми мусимо сказати, що завідуючи Істпартами в округах повинні бути розвантаженими від иншої роботи. Наприклад: я теж працюю не лише на істпартівській роботі й коли так справи стоятимуть надалі, належної роботи від цього не буде.

Що до підбору робітників, членів партії, я мушу зазначити, що керівниками таких організацій повинні бути робітники з більшим партстажем. Мало відчувати рух революції, але треба його переживати. В відношенні того, що казали т. т. з Кієва та Могилєва, це про утворення підцентрічних організацій, то це зовсім невірний шлях, оскільки ми провели районування округів. Ми мусимо рівнятись по їх, виконувати директиви Істпарту й точно відмежувати свої взаємовідносини з архівними установами. Ми мусимо секретні

матеріали, які є в нас в архивах, розбити по давніх повітах та округах. Безумовно, виникає питання про те, щоб дати матеріали для роботи новим Окрістпартам, а для того необхідно розгрузити архіви давнішніх губерній. Коли ми станемо на такий шлях, який зазначив Київ, ми загальмуємо ініціативу Істпартів.

Тепер в відношенні того, як ми будемо розвивати свою працю на місцях. Я гадаю, нам необхідно утворити групи й колективи. Таким чином, через цю колективну працю ми безумовно краще прийдемо до виконання нашої роботи. Взаємовідношення Істпарту з комсомолом я не знаю. Ми не маємо необхідних вказівок в цій справі, я гадаю, що колеґії Істпарту повинні бути поширші із 4 або 5 товаришів з відповідальним стажем.

Тов. Котляров (Сумми) — Я хочу остановиться на некоторых моментах доклада тов. Иванова. Особенно интересен вопрос о 1905 годе. Тов. Иванов сам указывает на то, что задания по 1905 году все-таки полностью не выполнены. Какая причина? Только благодаря тому, что тов. Иванов во-время не учел при районировании то обстоятельство, что ЦК не поместит в свою смету расхода по Истпарту, у нас получился такой разброд. Истпарты на месте оказались совсем без средств, а раз так — они меньше всего могли проводить работу. В дальнейшем совещании надо принять во внимание это обстоятельство, дабы избежать такой же картины в кампании по собиранию материалов по 1917 год. Если центральный Истпарт первый себя не проявит, то меньше всего на нас будут обращать внимание окружные партийные комитеты. Если тов. Иванов в ЦК не нажмет насчет средств, то работа пойдет в таком же порядке, в каком она шла по 1905 год.

Товарищи выдвигают вопрос об изменении структуры Истпарта. Мне знакомо положение, которое было тогда, когда истпарработой округов Харьковщины руководил Харьковский Губистпарт. Я боюсь, что получится такое же положение и тогда, если мы вместо Истпартотделов остановимся на уполномоченных. Это мертвое времяпровождение.

В дальнейшем необходимо, чтобы Истпарт ЦК постарался шире инструктировать места, шире давать указания, вплоть до технических мелочей. Это кроме пользы ничего не даст.

Тов. Май (Житомир). Мне трудно говорить о работе Истпарта вообще, потому что я только 2-ой месяц состою на этой работе, в частности о руководстве и взаимоотношениях Истпарта ЦК с местными Истпартами. Судя по тем материалам, которые имеются на месте, нужно сказать, что указания были, но не было все же полного твердого руководства. Я думаю, что в будущем надо взять курс на более твердое руководство местными отделами Истпарта.

Дальше другой вопрос — издательская работа. Я не ознакомился со всеми изданиями Истпарта ЦК, но, просматривая хронику 1905 г. на Украине, являющуюся весьма ценным историческим материалом, заметил большие неточности.

Я считаю, что в дальнейшем, если мы будем собирать воспоминания, необходимо тщательно их проверить, чтобы не было сомнений. Дальше, меня удивляет указание т. Иванова на то, что в центральном Истпарте неблагополучно в отношении штатов. У нас имеется 3 штатных работника, и мы считаемся не обще-

ственной организацией, а отделом Округа. Правда, нас оплачивает не Округом, а Исполком, но этих работников нам мало.

С моментом, который выдвигал т. Манилов о переустройстве структуры Истпартов, я тоже согласен. Нужно провести полную реорганизацию или подвести базу под наши отделы Истпарта. Я считаю, что центр работы Истпартов должен быть в быв. губ. центрах, потому что там имеется архив жандармского управления и архив последнего времени. Я знаю, что в Шепетовском. Коростенском округах нет никаких архивов и не представляю, как они могут проводить работу. Все материалы находятся в Житомире. Поэтому я считаю, что работа с 1917 по 1921 год должна проводиться в контакте и вместе с округами бывших губцентров.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ШРЕЙБЕР

Сначала я отвечаю на принципиальные вопросы, затронутые некоторыми товарищами. Тут тов. Штейман похвалила журнал, но я не знаю, можно ли радоваться этому, потому что она сказала, что наш журнал только недавно стал партийным журналом, до того был чем угодно, только не журналом Истпарта. Она нас упрекала в недостаточном освещении истории большевистской организации. Это произошло оттого, что журнал до сих пор освещал те периоды, когда большевизм на Украине был очень слабо развит или совсем его не было. Возьмем революцию 1905 года: на Украине большевистские организации были слабы, а в целом ряде районов большевики были группой, которая руководящей роли не играла. Преувеличивать роль большевистской организации и создавать ее там, где ее не было, мы не считали возможным. Тогда оставалось одно из двух: или совсем не освещать тот или иной период, потому, что тогда большевики были слабы, или освещать массовое революционное движение, работу организации, какой она была, а, ведь, часто организации были болотные, не имели определенной физиономии. Приходилось говорить и о меньшевиках. Теперь об авторах: нам приходилось помещать либо статьи коммунистов нынешних, которые были ранее в других партиях, но которые уже изжили старую идеологию, или людей ныне беспартийных, без политической физиономии, но бывших когда-то революционерами-большевиками. То же делала и «Пролетарская Революция» (прим.—восп. Мартынова). Теперь мы изживаем эти недостатки: 1) потому, что у нас есть некоторая отдушина для воспоминаний беспартийных деятелей революции и членов других партий—это журнал общества бывш. политаторжан, в котором помещаются их воспоминания и статьи; 2) потому что мы направили свое внимание на гражданскую войну, эту эпоху, когда большевики организационно, совершенно обособились и пошли своим путем, а меньшевики оказались по другую сторону баррикады. Но теперь остроту приобретает другой вопрос, как и кому освещать историю национального движения на Украине?

Другой вопрос, какие материалы в основном надо помещать в журнале «Лет. Рев.». Тов. Манилов заявил, что журнал не должен помещать сырых материалов и воспоминаний, а должен ориентироваться на обработанные научные статьи. Конечно, тут двух мнений быть не может. Если бы была возможность

помещать научно-исследовательские статьи, мы бы от этого не отказались. Но такой возможности у нас не имеется. Ведь для того, чтобы написать обобщающую статью, например, о Киевщине, необходимо иметь предварительно соответствующие сырые материалы. Если бы Киевский Истпарт издал в 1925 г. сборник сырых материалов, то на основании этого сборника мы могли бы составить обобщающую статью, но когда сборник сырых материалов выходит 1926 году, то как прикажете писать обобщающие статьи в 1925 г.? Поэту приходится давать воспоминания и сырые материалы. Конечно, «сырые» относительно, журнал обрабатывает по мере возможности, но не всегда имеется возможность коллективной проверки. Приходится порою печатать в надежде на то, что современники прочтут, дополнят и исправят. Если местные Истпарта печатают сборники, то эти сборники расходятся лишь в пределах данной губернии или округа и таким образом участники, находящиеся за пределами этого округа, не имеют возможности прочитать и проверить материалы и дать свои указания. «Лет. Рев.» расходуется не только по всей Украине, но даже за пределами Украины. Поэтому те материалы, которые помещаются в «Лет. Рев.», имеют больше шансов быть прочитанными участниками и, значит, получить соответствующие исправления.

Товарищи указывали, что те материалы, которые нам высылают с мест, мы не используем. Но это происходит не по злой вине. Например, из Волыни нам было прислано огромное количество разных документов и мелких воспоминаний. У нас имеется специальная папка волынских материалов. Но что мы могли сделать с ними? Один вспоминает, как он участвовал в забастовке, другой вспоминает, как его арестовали. Каждое воспоминание занимает две страницы. Как их объединить, как их проверить? Это невозможное дело и кому бы мы не предлагали из наших сотрудников проделать эту работу — все отказываются, и мы до сих пор держим материалы в нашем архиве. Если же какая-либо возможность обработать, обобщить материал и дать определенную картину имеется, мы это делаем: например, мы получили статьи из Кременчуга в виде довольно сырого материала, он был проверен и давал много фактов — мы его использовали. Мы получили из Екатеринослава воспоминания стенографической записи по истории Горловского восстания. Нам пришлось переделывать каждое слово, тем не менее мы работу использовали. Здесь шла речь о Брянском заводе, что мы не напечатали материалов. Но нужно сказать, что мы получили этот материал в конце года, а мы хотим придерживаться в отношении нашего журнала известной плановости и не считаем себя обязанными немедленно сдавать в печать то, что получено в редакции.

Товарищи ставили вопрос о расширении нашего журнала. Я лично считаю, что это является своевременным. Если мы хотим в течение 2 ближайших лет осветить историю революции, гражданской войны на Украине хотя бы в общих чертах, то, конечно, необходимо будет его расширить. Мы не имеем возможности далее при сравнительно слабом поступлении материалов использовать все то ценное, что имеется в редакционном портфеле. Но я должна поставить в известность, что нам предстоит не расширение журнала, а сокращение его. В виду

общего финансового и бумажного кризиса ГИУ настаивает на этом. Я думаю, что тут на совещании необходимо вынести предложение о расширении журнала или хотя бы категорическое указание, что сокращение журнала совершенно недопустимо.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ТОВ. ИВАНОВА

Товарищи, из всех замечаний, которые были здесь высказаны по моему докладу, я остановлюсь только на некоторых. Замечания, которые высказали многие товарищи, заключаются в том, что Истпарт ЦК слабо руководил работой на местах, что не было достаточно твердого руководства, в особенности по издательской части. Тов. Штейман сказала, что часть нашей работы взял на себя Истпарт ЦК ВКП, которым была просмотрена одесская книжка. Попутно т. Штейман высказала неверную мысль, что вообще проверять материалы в центре лучше, чем можно это сделать на местах. Думаю, что это не совсем верно, может быть, в отношении некоторых материалов это так, но в общем, как правило, выдвигать такое положение нельзя. Если данные материалы нуждаются в проверке по документам, то их можно проверить там, где имеется соответствующий архив. Если материалы нуждаются в проверке участников, то эти материалы можно проверить там, где имеется больше участников. Но нельзя сказать, что в центре всегда можно проверить лучше, чем на местах.

О слабости руководства я говорил в своем докладе, где сообщал причины этого, мы не рассчитывали на такой рост Истпартов и думали, что самое большее придется иметь дело с 15 Истпартотделами, но их выросло гораздо больше и естественно, поэтому мы не могли в достаточной мере уделить нужного внимания постановке работы на местах. В речах отдельных товарищей, особенно Манилова, проскальзывала мысль, что необходимо сеть Истпартотделов видоизменить. Конечно, бывш. губернии имеют много преимуществ перед другими округами, об этом говорить не приходится, но это положение отнюдь не безусловное, потому что со времени Октябрьской революции на Украине дело с архивами обстоит не особенно хорошо, и в губернских центрах по ряду периодов тоже часть материалов совершенно отсутствует, так что в этом отношении положение на местах почти одинаково повсюду. Если бы изменять сеть Истпарта исходя из этого принципа (наличия архивной базы), мы могли бы прийти к очень безотрадным выводам. Сейчас поднимать вопрос о сокращении сети Истпартов совершенно нецелесообразно. Т. Котляр и др. говорили о преимуществах губернской системы в смысле лучшего руководства, особенно на это упирал т. Манилов. Думаю, что тут есть преувеличенный и к тому неверный взгляд. Положение истпартработы в уездах бывш. Киевской губернии было в период существования губистпартов не лучше, чем сейчас, и нет основания говорить, что уполномоченные имеют преимущества перед постоянно действующими отделами, ибо и эти уполномоченные выбирались не из состава людей совершенно свободных. Нельзя сказать, чтоб губернская система оправдала себя, а поэтому и нет оснований возвращаться к ней. Мы подходим к разработке теперь наиболее сложного и трудного периода, который потребует максимальной напряженности наших сил

и наиболее широкого участия в этой работе всей нашей партийной организации. Если мы сумеем добиться того, что в течение этого года у нас будут существовать, быть может, не совсем сильные Истпартотделы, но во всех округах, то этим достигнем гораздо больших результатов, чем если бы мы стали на другой путь. Соображения о пересмотре системы строения Истпартотделов являются и неправильными и несвоевременными.

Еще делался ряд замечаний относительно того, что на местах Истпартотделы находятся в довольно плохом положении не только с материальной стороны, но и с моральной, что некоторые парткомы рассматривают наши организации, как добровольные общества в роде «культемычки». Такое положение ненормально. Необходимо добиться того, чтобы Истпартотделы (по этому поводу существует постановление IX съезда КП(б)У и ряд пост. ЦК) были поставлены в более приличные условия работы. Результаты нашего совещания будут стоять в ЦК и мы доложим, что здесь было выдвинуто.

Второе положение, которое выдвигалось, также очень существенно, и его надо зафиксировать в резолюции о том, чтобы работники, назначаемые в Истпарт по совместительству, не столь загружались другой работой.

Вот основные моменты, которые я считал необходимым отметить.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ДОКЛАД ТОВ. РУБАЧА О РАБОТЕ ЦЕНТРОАРХИВА

СТРУКТУРА ЦЕНТРАЛЬНОГО АРХИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Сначала я кратко остановлюсь на структуре самого Архивного Управления, потому что, очевидно, многие товарищи не знакомы с этим.

Центральное Архивное Управление имеет штатных работников 18 человек, из них ответственных 8. В ведении Архивного Управления имеется 4 Центральные архива, из коих один Историко-революционный, а остальные три Исторические (один в Харькове и два в Киеве). В округах имеются окружные архивные Управления, которые делятся на три группы: I группа имеет штат 8 (быв. губ. города), II группа — 4 и III группа — 2. По госбюджету мы имеем штат 166 человек, но фактически у нас на 10 — 15 человек меньше. На весь аппарат Центральное Архивное Управление получает в порядке бюджета около 100.000 руб. в год. Наше материальное положение по сравнению с РСФСР значительно слабее. Там Центроархив получает свыше 800.000 руб. Если же сравнить Украину с РСФСР, то мы должны были бы получать около 200.000 (в два раза больше). Это явление объясняется в значительной степени организационной слабостью Центроархива. Бюджет этого года был составлен недостаточно точно и не было проявлено нажима при его защите. Если же принять во внимание, что на Украине архивы находятся в большем беспорядке, чем в РСФСР, благодаря гражданской войне и что тут приходится проводить большую работу по их упорядочению, то, несомненно, сумма, ассигнованная по госбюджету, явно недостаточная и в новом бюджетном году нужно резко поставить вопрос о том, чтобы приравнять Украину к РСФСР.

СХЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Вас интересуют в первую очередь историко - революционные материалы, но я кратко остановлюсь на схеме распределения архивных материалов в целом. Вся сумма архивных материалов, имеющих на Украине, разделяется на три группы: 1 группа — до конца XVIII века, когда Левобережье Украины представляло собой гетманство, а Правобережье находилось под властью Польши (архивы Правобережья, находившиеся под властью Польского центра, объединены в Киевском архиве), 2 остальные группы — XIX век и первое десятилетие XX века до революции, когда были введены губернские учреждения по всей Украине. Последний архив находится в неопределенном положении. В наших тезисах мы предлагаем губернские материалы концентрировать в краевых исторических архивах.

Забрать губернские архивы быв. губ. учреждений в центр — невозможно, потому что здесь нет помещений для этого. Кроме того, мы считаем, что интересы научно - исследовательской работы требуют, чтобы архивные материалы оставались на местах в тех случаях, когда там имеются ВУЗ'ы и научные силы. Поэтому невозможно концентрировать все быв. губернские архивы в Харькове. Но не каждый округ может взять на себя задачу по упорядочению быв. губ. архивов, потому что это выходит за пределы возможности, тут требуются значительные средства и т. д. Поэтому мы организуем с 1 -го октября в крупнейших губ. городах, как - то: в Киеве, Екатеринославе, Полтаве краевые архивы. Общая схема архивохранилищ может быть изображена так: Центр - архив концентрирует архивы центрального значения: краевые архивы концентрируют архивы ликвидированных губ. учреждений и окружные архивы концентрируют материалы округов. Спор, который здесь происходит, не затрагивает в корне всей этой схемы, он затрагивает только вопрос о концентрации архивов быв. уездных учреждений. Мне кажется, что вопрос нужно решить с точки зрения сохранности этих архивов. Мы считаем необходимым концентрировать материалы в краевых архивах, где будут определенные штаты квалифицированных работников, которые будут проводить работу по определенной системе. Тогда будет известная гарантия, подчеркиваю известная, но не полная, что эти архивы сохранятся и будут упорядочены. Я возражаю против того оптимизма, который выражают товарищи насчет положения архивов в округах, что мол, мы их тоже сохраним. Мы неоднократно ставили вопрос перед Исполкомами, по 2 раза за подписью Буценко и Петровского отправляли на места бумажки о том, чтобы были предоставлены архиво - хранилища, чтобы были предоставлены помещения, согласно директивы Совнаркома. Представьте себе, деньги на штаты отпущены, но ни копейки не отпущено на инструктирование, по 4 рубля отпущено на хозяйственно - операционные расходы (48 рублей в год). С такими средствами, с такими ассигнованиями, с такими помещениями, когда приходится на морозе работать, когда архиво - хранилища представляют собой подвал или несчастную комнатку, говорить об упорядочении архивных материалов не приходится. Но это не такое дело, которое можно отложить, если мы не проведем летом этого года этой работы, то значительная часть указанных архивов погибнет. Вопрос где хранить эти архивы — является очень и очень серьезным.

О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ АРХИВНЫХ УПРАВЛЕНИЙ С МЕСТНЫМИ ИСПАРТАМИ

Перейду к вопросу о взаимоотношениях архивных управлений и Истпартов на местах. Истпарт является отделом по изучению историн, а не по собиранию, хранению и упорядочению материалов. Тут разделение труда должно быть четко и резко определено. Нельзя противопоставлять архивные учреждения Истпартам. Архивное учреждение обслуживает Истпарт, как научное учреждение, но хранить материалы должны исключительно архивные учреждения. То положение, когда в Одессе, Виннице и в целом ряде мест архивы жандармских отделений хранятся в Истпарте, является ненормальным и ведет к частичной, а иногда и полной гибели этих материалов, потому что в Истпартах люди часто меняются, а если нет постоянного кадра, имеющего известные материальные средства для упорядочения этих архивов, то архивным материалам не сдобровать. У нас отношение к архивным материалам утилизационное. Примерно, к юбилею какому нибудь надо использовать материалы. Ну, хорошо, материал использован, а дальше что? На этом вопросе нужно заострить внимание.

Тут некоторые, товарищи говорили, что на местах дело обстоит плохо с помещениями, а я спрашиваю: сколько раз Истпарт ставил этот вопрос в Окрисполкоме и в какой степени он нажимал? Фактов, которые бы показали, что местные Истпарты достаточно принимали меры по линии материального обеспечения и заполнения комсоставом архивных органов, слишком мало. В большинстве мест мы имеем отношение Истпартов «прохладное», а в некоторых даже враждебное. Нет заинтересованности в быстром упорядочении материалов и в том, чтобы поставить во главе архива партийцев. Это дело Истпарта, как можно быстрее подобрать соответствующих работников.

Надо обратить внимание на командирование коммунистов в архивные органы и на их материальное обеспечение. Мы принимаем соответствующие меры. Вопрос стоит в ВУЦИК'е и Совнаркоме о даче указаний по ОИК'ам, чтобы все учреждения приняли во внимание нужды архивов, находящихся в их учреждениях, а также архивов, находящихся в подчинении архиво-хранилищ. С нового года материальное положение их будет лучше.

ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННЫХ МАТЕРИАЛОВ

Перехожу к вопросу о выявлении историко-рев. материалов в этом году. Надо резко подчеркнуть, что этим летом необходимо сконцентрировать и выявить все материалы, какие существуют фактически на Украине, потому что дальнейшее оставление их в неопределенном положении грозит гибелью архивам. Этот вопрос уже поставлен в ВУЦИК'е и Совнаркоме, отпущено 13 тысяч рублей. Особенно на Правобережье необходимо выявление историко-рев. материала периода петлюровщины в Каменец-Подольске, Шепетовке и др. районах. Там правительство УНР держалось дольше, чем в других районах и там можно проследить действительную политику этого правительства по документам.

Основная задача работы этим летом должна заключаться в выявлении историко-рев. материалов гражданской войны. Иной материал может подождать. Такая директива на места дана, и мы будем ее проводить. Нужна полная

помощь мест и нажим на Исполкомы. Волостные архивы за 18—19 г. г. имеют не меньшее значение, чем архивы какого-нибудь уездного учреждения, ибо если Центроархив не располагает полными материалами, то материалы мест отражают постановления центральных учреждений.

Важным вопросом в отношении ист.-рев. материалов является вопрос об их концентрации. Мы считаем, что архивы центр. учреждений Украины, возникших с 17 года, должны, безусловно, концентрироваться в Центр. Арх. Революции.

Возражениям со стороны округов, где они находятся, надо дать отпор, потому что эта задача огромной важности имеет и политическое значение. Мне приходилось сталкиваться с архивами контр-революционных правительств и надо констатировать, что нами, в огромной степени неиспользован тот дискредитирующий материал, который содержится в этих архивах. Политическое значение этих архивов громадное и их нужно выявлять быстрее и образнее. Срочно должна быть проделана хотя бы первоначальная работа по их упорядочению.

Материалы, которые находятся вне пределов Украины, нужно также сконцентрировать. Этих материалов насчитывается свыше четырех тысяч томов. В архивах РСФСР выделяются материалы, которые были отсюда эвакуированы, они этим летом будут нам возвращены.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ВОПРОС

Еще вопрос, товарищи, организационный, который я хочу затронуть в виде информации, это вопрос об объединении архивного дела в общесоюзном масштабе. По этому поводу не достигнуто соглашение и происходит дискуссия. Мы считаем, что центроархива во всеобщем масштабе создавать не нужно, что в каждой союзной республике должен быть отдельный центроархив. Известная неувязка получится для архивов центральных, общесоюзных Наркоматов, центр которых находится в Москве, а отделения на Украине. Мы считаем, что выход из этого положения может быть найден в том, чтобы два-три раза в год собирать совещания центроархивов союзных республик. Существует и иная точка зрения. Тов. Покровский, руководитель архивами СССР, считает, что все архивы, более или менее важные, должны быть сконцентрированы в Москве. Исходным пунктом он выставляет следующее положение: так как Октябрьская революция была не национальной, а общепролетарской, и так как это процесс общий для всего союза, то архивы гетманщины, петлюровщины и т. д. должны концентрироваться в Москве. Мы против этого категорически возражаем. Мы не возражаем против того, что пролетарская революция была общей, но мы считаем, что она происходила в своеобразных формах на Украине, что эти материалы должны быть здесь и, что их изучение на местах представляет большой интерес. По этому вопросу совещание должно высказать свое мнение, потому что Центроархив СССР по линии ЦК и по другим линиям в этом отношении нажимает в целях создания архива революции в общесоюзном масштабе.

По докладу т. Рубача прения не открывались после ответа т. Рубача на некоторые вопросы доклад его был принят к сведению, как информационный.

